
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 14

Д. И. Антонин

ШРИ АУРОБИНДО

ЖИЗНЬ БОЖЕСТВЕННАЯ

I

АДИТИ

Санкт-Петербург
2005

Sri Aurobindo. The Collected Works. V. 14.
THE LIFE DIVINE — I

Перевод с английского: А. Климов

ISBN 5-7938-0036-0

Издательство «Адити» осуществляет перевод на русский язык и публикацию трудов Шри Ауробиндо и Матери. Специальным меморандумом Ашрама Шри Ауробиндо от 10 июля 1995 года «Адити» предоставлено исключительное право публикации на русском языке всех книг, когда-либо издававшихся или издающихся в Ашраме.

© Издательство «**АДИТИ**», 2005

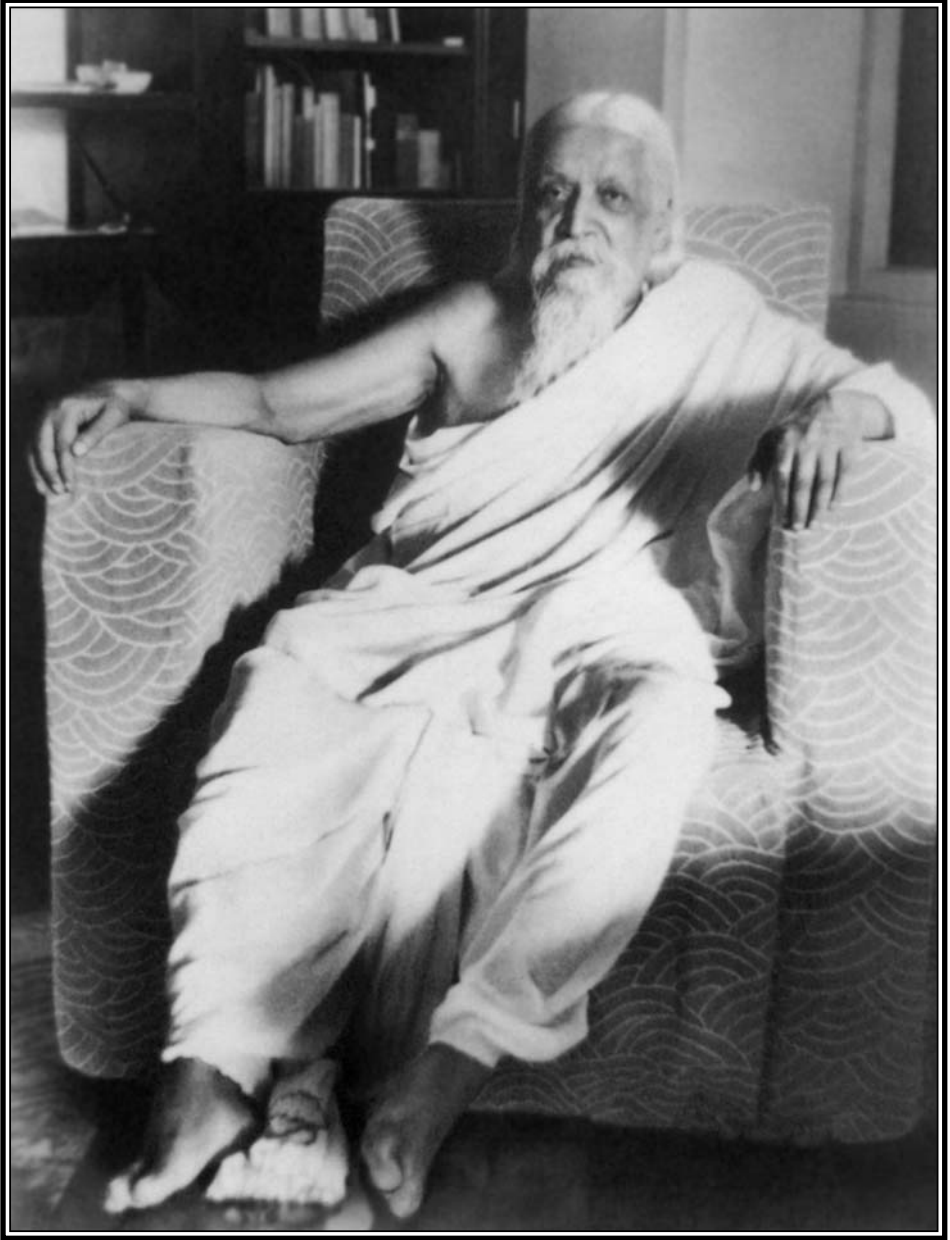
Вскоре после того, как в 1940 году было опубликовано в окончательном виде выдающееся произведение Шри Ауробиндо «Жизнь Божественная», автор, по свидетельству современников, сделал устное разъяснение: «В этой книге я попытался дать метафизическое обоснование Йоги и нового способа жизни на Земле».

Духовный опыт и знание фундаментальных истин бытия, позволившие осуществить эту попытку, были обретены Шри Ауробиндо в результате его собственных исследований высших сфер духовного сознания еще до того, как он приступил к написанию своих главных произведений. Оставалось дать лишь «полное интеллектуальное описание» его духовного опыта и, когда к 1914 году эта работа была завершена, она получила свое наилучшее выражение — с метафизической точки зрения — в «Жизни Божественной».

Основная философская идея этого труда была сформулирована самим автором: «Мы показали, что разум, жизнь и материя являются производными Абсолютного Духа, образованными посредством духовного разума, или Супраментала, — реальной основы космического существования, и что, развивая свой разум до уровня Супраментала, человек способен постичь истину проявления духа во вселенной, а также подлинную истину и высший закон жизни. Абсолютный Дух есть Сатчитананда [Высшая Реальность], и не существует непреодолимого противоречия между Ним и миром — просто мы смотрим на мир глазами Неведения, а должны научиться видеть глазами Знания. Само наше Неведение представляет собой развивающееся знание, которое выявляется из состояния погруженности в кажущуюся неосознанность Материи и возвращается к обретению собственной осознанной целостности. Полностью осуществить это возвращение и воплотить жизнь духа в своем бытии — такая возможность представляется человеку благодаря последовательности перерождений. Мы признаем идею эволюции, но не столько в том сугубо физическом смысле, который вкладывается в нее на Западе, — как процесс развития материальных форм, а, скорее, в ее метафизической сути — как изначальное присутствие жизни, разума и духа в скрытом виде в самой материи и их последовательное проявление в материальном мире. Вершиной этой эволюции является духовная жизнь — жизнь божественная».

Этот грандиозный труд (оригинал насчитывает более тысячи страниц, и предлагаемая книга содержит перевод лишь первой части произведения) представляет собой подробный и убедительный анализ того, каким образом эта жизнь может быть утверждена на Земле, благодаря процессу трансформации человеческой и земной природы.

Д-р филос. наук Ананда Редди

Шри Ауробиндо, Пондичери, 1950 г.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

ШРИ АУРОБИНДО — выдающийся мыслитель, общественный и политический деятель, поэт-провидец, йогин — родился в Калькутте 15 августа 1872 г. в семье доктора Гхоша, происходившего из знатного рода воинов-кшатриев. С семилетнего возраста обучался в Англии — сначала в школе Св. Павла в Лондоне, а затем в Королевском колледже в Кембридже, специализируясь в изучении классической и современной западной литературы. С ранних лет он проявил выдающиеся способности в латыни и греческом, а также в стихосложении.

В 1893 г. в возрасте 21 года Шри Ауробиндо возвращается в Индию. В течение последующих 13 лет он занимает различные посты в администрации города Бароды, преподает английскую и французскую литературу в местном университете, а в 1906 г. переезжает в Калькутту, где становится ректором Национального колледжа. Кроме того, в эти годы он включается в активную политическую борьбу за независимость Индии. Издававшийся им журнал «Банде Матарам» стал могучим голосом освободительного движения, впервые выдвинув идеал полной независимости страны, а также сформулировав конкретные методы его достижения. Одновременно он продолжает свое поэтическое творчество, а также погружается в изучение культурного и духовного наследия Индии, овладевает санскритом и другими ее языками и начинает постигать ее древние священные писания. Осознав подлинное могущество и ценность духовных открытий, давших жизнь всей ее богатейшей многовековой культуре, он в 1904 г. решает ступить на путь йоги, стремясь использовать духовную силу для освобождения своей родины.

В 1908 г. Шри Ауробиндо был арестован по подозрению в организации покушения на одного из чиновников британского колониального правительства и оказался в тюрьме по обвинению, грозившему ему смертной казнью, однако по окончании следствия, длившегося целый год, был полностью оправдан и освобожден.

Этот год стал для него «университетом йоги»: он достиг фундаментальных духовных реализаций и осознал, что его цель не ограничивается освобождением Индии от иноземного господства, но состоит в революционном преобразовании всей природы мироздания, в победе над неведением, ложью, страданием и смертью.

В 1910 г., повинаясь внутреннему голосу, он оставляет «внешнюю» революционную работу и удаляется в Пондичери, французскую

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

колонию на юге Индии, чтобы продолжить интенсивные занятия йогой. На собственном опыте реализовав высшие духовные достижения прошлого, Шри Ауробиндо смог превзойти их и осознал, что окончательной и закономерной целью духовных поисков является полная трансформация человека, вплоть до физического уровня, и воплощение на земле «жизни божественной». Достижению этой цели он и посвятил себя, разработав для этого свою Интегральную Йогу.

С 1914 по 1921 г. он издает ежемесячное философское обозрение «Арья», где публикует свои главные труды, в которых подробно рассматривает основные сферы человеческого бытия в свете высшего Знания, обретенного в результате практики йоги, раскрывает истинный смысл древних писаний — Вед, Упанишад, Бхагавадгиты, значение и роль индийской культуры, исследует проблемы развития общества, эволюцию поэзии и поэтического творчества.

Шри Ауробиндо оставил физическое тело 5 декабря 1950 г. Его литературное наследие насчитывает 35 томов, среди которых мировоззренческие труды, обширная переписка с учениками, множество стихов, пьес и грандиозная эпическая поэма «Савитри», которую он создавал в течение последних тридцати пяти лет жизни и которая явилась действенным воплощением его многогранного духовного опыта.

В центре уникального мировоззрения Шри Ауробиндо — утверждение о том, что мировая эволюция есть постепенное самопроявление, самообнаружение Божества, скрыто пребывающего в Природе в результате предшествующей инволюции. Поэтапно восходя от камня к растению, от растения к животному и от животного к человеку, эволюция не останавливается на человеке, но, реализуя свою внутреннюю истину, тайную Божественность, устремляется дальше, к созданию более совершенного, «божественного» вида, который будет превосходить человека в гораздо большей мере, чем тот превосходит животное. Человек — лишь переходное ментальное существо, чье призвание — достичь более высокого, «супраментального», уровня сознания, Сознания-Истины, и низвести его в мир, преобразив все свое существо и всю жизнь в непосредственное выражение Истины.

Всю свою жизнь Шри Ауробиндо посвятил утверждению в нашем мире этого супраментального сознания, реализация которого должна привести к созданию на земле мира истины, гармонии и справедливости, предвещенного пророками всех времен и народов.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

ВЕЗДЕСУЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ВСЕЛЕННАЯ

ГЛАВА I. Устремление человечества	3
ГЛАВА II. Два отрицания: отрицание материалиста	8
ГЛАВА III. Два отрицания: отрицание аскета	21
ГЛАВА IV. Вездесущая реальность	31
ГЛАВА V. Предназначение человека	41
ГЛАВА VI. Человек во вселенной	51
ГЛАВА VII. Эго и двойственность	61
ГЛАВА VIII. Методы ведантистского знания	72
ГЛАВА IX. Существование в чистом бытии	84
ГЛАВА X. Сознательная Сила	94
ГЛАВА XI. Проблема блаженства бытия	106
ГЛАВА XII. Блаженство бытия: решение проблемы	117
ГЛАВА XIII. Божественная Майя	131
ГЛАВА XIV. Супраментал как Творец	142
ГЛАВА XV. Высшее Сознание-Истина	153
ГЛАВА XVI. Тройственная природа Супраментала	164
ГЛАВА XVII. Божественная душа	173
ГЛАВА XVIII. Разум и Супраментал	182
ГЛАВА XIX. Жизнь	198
ГЛАВА XX. Смерть, желание и неспособность	213
ГЛАВА XXI. Восхождение Жизни	223
ГЛАВА XXII. Проблема жизни	233
ГЛАВА XXIII. Двойственная природа души	245
ГЛАВА XXIV. Материя	258
ГЛАВА XXV. Гордиев узел материи	267
ГЛАВА XXVI. Система восходящих уровней субстанции	279
ГЛАВА XXVII. Семеричная гамма бытия	291
ГЛАВА XXVIII. Супраментал, Разум и Майя Верховного Разума	302

КНИГА ПЕРВАЯ

**ВЕЗДЕСУЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
И ВСЕЛЕННАЯ**

ГЛАВА I

Устремление человечества

Она с теми, что идут к цели, лежащей в запредельности; она — первая в бесконечной череде светлых грядущих зорь, Уша — заря восходящая, подающая жизнь живому и мертвых пробуждающая... На что способна будет сила ее, когда умножит она славу озарений рассветов прошедшего и завтрашнего дня? Тень предрассветных сумерек вчерашних она рассеет и превратит в ослепительное сияние, простирая свои лучи навстречу рассветам будущего.

Кутса Ангираса — Ригведа¹

Тройственна природа высших рождений божественной силы в этом мире; они истинны, они желанны. Могущественна сила та, что, в Бесконечном пребывая, облачена в чистоту блистательного сияния... Все, что в смертных есть бессмертного и рождено от истины, есть Бог, сокровенно пребывающий в нас, как энергия наших богорожденных сил... Вознесись же превыше всего, о Сила, Богом данная! Препоны все пронзая, дай откровение всему Божественному в нас.

Вамадева — Ригведа²

САМОЕ раннее и древнее устремление пробужденной человеческой мысли, неизбежное и настойчивое, претерпевшее бесчисленные гонения и прошедшее через целые эпохи скептицизма, является высшим достижением человеческого разума и находит свое выражение в интуитивном предчувствии Божественного, в стремлении к совершенству, в поисках абсолютной Истины и чистого Блаженства, в смутных догадках о возможности бессмертия. Древние зори человеческого знания донесли до нас свет этого извечно устремления человечества. Сегодня мы видим, как люди, насытившись, но не найдя удовлетворения в громких победах науки на поприще исследования внешних проявлений Природы, снова начинают

¹ I.113.8, 10. ² IV.1.7; IV.2.1; IV.4.5.

прислушиваться к голосу изначальных устремлений человеческой души. Новейшая формула Мудрости будет совпадать с самой ранней и древней — Бог, Свет, Свобода, Бессмертие.

Эти вечные идеалы человечества противоречат его обыденному опыту и одновременно свидетельствуют о недоступных обычным людям глубоких и возвышенных переживаниях, которые достигаются в своем целостном единстве лишь упорной работой и личными усилиями выдающегося одиночки или же в результате общего эволюционного процесса человечества. Познать, овладеть и жить жизнью божественного существа в животном эгоцентрическом сознании, обратить полумрак физического разума в ослепительное сияние супраментала, заменить омраченные болью и страданием преходящие радости непреходящим блаженством и покоем, достичь бесконечной свободы в мире, который представляется царством механической необходимости, открыть секрет бессмертия в бренном теле и претворить его в жизнь — вот цель Природы в ее земной эволюции, достижением которой осуществляется проявление Бога в Материи. Обычный материально-ориентированный человеческий разум, считающий свою настоящую организацию сознания пределом возможного, принимает в качестве решающего и окончательного аргумента против неосуществленных духовных идеалов их прямое противоречие реальным фактам материальной жизни. Хотя при более внимательном рассмотрении мировых процессов становится очевидным, что это противоречие представляет собой один из основополагающих методов работы Природы и безусловно принимается ею.

Все проблемы бытия в основе своей суть проблемы гармонии. Они возникают из ощущения неразрешенного противоречия и конфликта, но, вместе с тем, и из предчувствия возможного согласия и единства. И если наиболее прагматическая, животная часть человеческого существа вполне способна мириться с неразрешенным конфликтом и противоречием, то для полностью пробужденного разума такое примирение совершенно невозможно. Но обычно материалистическому сознанию удастся преодолеть этот внутренний конфликт, либо закрыв глаза на существующую проблему, либо согласившись на примитивный, темный, утилитарный компромисс. Ибо всей Природе свойственно стремление к гармонии; к ней по-своему стремится как жизнь и материя в своей сфере, так и разум в своих построениях и умозаключениях. И чем острее преодолеваемое противоречие, чем непримиримее кон-

фликт противоборствующих сил, тем настойчивее и сильнее устремленность к достижению более тонкой и совершенной гармонии, которая не потребовала бы такого напряжения и затраты сил, не будь противоречия столь явно выражены. Одно из таких противоречий, которое предстоит разрешить Природе, заключается в несоответствии между активной жизнью и ее проявлениями в материальной форме, ибо последняя сводит жизненную активность к инерции. И чем глубже это противоречие, тем с большим совершенством решает его Природа, добиваясь бессмертия материальной формы разумно организованного животного тела. Еще одно противоречие, преодолевая которое Природа добилась удивительных результатов — и стремится при этом к еще большему совершенству, — состоит в том, что сознательная воля и разум человека не соответствуют его материальной форме и жизни, которые сами по себе не обладают самосознанием в полной мере и способны лишь, в лучшем случае, к проявлению механической и подсознательной воли. Здесь Природе предстоит явить чудо — созиданием животного сознания, не только стремящегося, но владеющего и Истиной, и Светом, и практическим всемогуществом, как результат прежде достигнутого непосредственного и совершенного знания. В таком случае высшие устремления человека, имеющие своей целью примирение противоположностей на более высоких уровнях сознания, не только рациональны сами по себе, но являются единственным логическим следствием принципов, которыми руководствуется Природа, и завершением ее усилий, лежащих в основе главного метода ее работы и исчерпывающих смысл ее вселенских устремлений.

Мы говорим об эволюции Жизни в Материи, об эволюции Разума в Материи; но слово «эволюция» лишь обозначает определенное явление, не объясняя его. И действительно, нет очевидных причин, по которым Жизнь должна развиваться из материальных элементов или Разум — из живых форм, если только не принять указанного Ведантой решения проблемы, согласно которому Жизнь уже изначально присуща Материи, а Разум — Жизни, так как по существу Материя есть форма, скрывающая в себе Жизнь, а Жизнь, в свою очередь, есть форма скрытого Сознания. Тогда логично будет сделать следующий шаг и предположить, что ментальное сознание представляет собой лишь завуалированную форму бытия более высоких уровней сознания, лежащих за пределами Разума. В таком случае неистребимое стремление человека к Богу, Свету, Блаженству, Свободе и Бессмертию занимает подобающее ему

место среди целенаправленных усилий Природы, с помощью которых она пытается шагнуть за пределы Разума, усилий, столь же естественных, оправданных и закономерных, как воля к Жизни, заложенная Природой в определенных формах Материи, или стремление к Разуму, присущее некоторым формам Жизни. Этот импульс Природы, пребывающая в скрытом состоянии, но набирая силу самоутверждения и постепенно развиваясь в различных формах, создает необходимые для своего проявления новые качества и средства самовыражения. Подобно тому как стремление к Разуму охватывает широкий, иерархически сложившийся спектр наиболее чувствительных элементов Жизни в разнообразных материальных формах — от металлов и растений до кульминации своего проявления в человеке, так и в самом человеке существует подобный же восходящий ряд уровней сознания, позволяющий освоить их, что, по меньшей мере, является подготовкой к высшей божественной жизни. Организм животного был лабораторией, в которой Природа создавала человека. Вполне возможно, что человек, в свою очередь, станет живой мыслящей лабораторией, в которой при сознательном участии самого человека Природа хочет создать сверхчеловека, Бога. Или, лучше сказать, Природа пытается раскрыть Бога в человеке. И если согласиться с тем, что эволюция заключается во все более полном проявлении Природой заложенных и дремлющих в ней возможностей, то она, эволюция, также подразумевает полную реализацию того, что представляет собой Природа в своей скрытой сущности. Отсюда следует, что мы не можем остановить эволюцию Природы, когда нам этого захочется, равно как и не имеем права называть — как это делают моралисты от религии и рационалисты — уродливыми отклонениями или болезненными фантастическими капризами любые ее попытки или намерения выйти за пределы того, что кажется нам возможным. И если допустить, что Дух уже скрыто присутствует в Материи и видимая Природа есть не что иное, как завуалированная форма проявления Бога, то в таком случае высшая и законная цель, достижимая для человека на земле, заключается в раскрытии его собственной божественной сущности и в реализации Бога как внутри себя, так и в окружающей его природе.

Итак, вечный парадокс и вечная истина божественной жизни в животном теле, нетленная устремленность души, обитающей в брэнной оболочке, единое и универсальное сознание, отраженное в ограниченных умах и разобщенных эгоизмом душах людей, трансцендентное неизреченное Существо вне времени и пространства, по чьей воле суще-

ствуется и пространство, и время, и космос, и вся высшая истина, осознаваемая на низших уровнях бытия, — все это находит свое оправдание для ищущей мысли и изначального инстинкта, ведущих человечество к Свету. Время от времени предпринимаются попытки покончить с вопросами, которые слишком часто объявляются неразрешимыми с точки зрения логического мышления, и убедить человечество направить свою умственную энергию на решение насущных, практических проблем материального бытия во вселенной; все эти попытки, правда, не приносят долго сохраняющихся плодов. Человечество снова и снова с еще большей страстью обращает свою мысль на поиски разрешения извечных проблем бытия, и в результате — периоды сомнения чередуются с всплесками мистицизма, новые религии приходят на смену старым, теряющим свое влияние и значимость под натиском скептицизма, который сам по себе не может удовлетворить духовной жажды и не хочет задаваться глубокими вопросами, хотя в основе его и лежит пытливая мысль. Попытки отрицания или искоренения истины по той лишь причине, что она не обрела еще совершенных форм проявления и слишком часто скрывается за темным обликом предрассудков и примитивных верований, сами по себе являются признаком обскурантизма. Желание отклониться от пути космической необходимости, сопряженного с трудностями и не влекущего за собой быстрых ощутимых результатов, является, в конечном счете, не просто неприятием истины Природы, но бунтом против скрытой могучей воли великой Матери Природы. Было бы гораздо лучше и разумнее принять то, что она все равно не позволит человечеству отбросить в сторону, подняв отвоеванные у Неведения сферы до уровня просветленного разума и самоуправляемой сознательной воли и освободив их от власти слепых инстинктов, смутных предчувствий и случайных устремлений. И не надо бояться того, что высокие идеалы и устремления кажутся недостижимыми, даже если самораскрытие истины и высший свет интуитивных озарений в человеке подвергаются вытеснению, подавлению или проявляются как случайные проблески света, пробивающегося сквозь плотную завесу, подобно вспышкам полярного сияния в небесах нашего материального мира, поскольку вполне очевидно, что мы стоим на пороге перехода к следующему, более высокому уровню сознания, по отношению к которому Разум является лишь формой, искажающей недоступные ему истины; и свет этих высших истин может повести человечество к восхождению на предназначенные ему высоты.

Два отрицания: отрицание материалиста

Он пробудил в себе сознание-силу через аскезу мысли и понял, что Материя есть Брахман. Ибо все сущее рождено от Материи, в Материи живет и в Материю уходит. Тогда он обратился к своему отцу, Варуне, и сказал: «Господин, поведай, что есть Брахман». И ответил ему Варуна: «Пробуди в себе снова сознание-энергию, и ты узнаешь, что есть Брахман; ибо Энергия и есть Брахман».

Тайттирия Упанишада¹

ВОПЛОЩЕНИЕ божественной жизни на земле и утверждение бессмертного духа в бренном теле не могут иметь под собой никакой реальной основы, если мы не признаем, что не только вечный Дух обитает в смертном теле, служащем ему лишь временным одеянием и прибежищем, но и сама Материя, предназначенная для создания нашего тела, представляет собой достойный, благородный материал, из которого сам Дух, подобно неутомимому ткачу, постоянно творит для себя все новые одеяния и непрерывно выстраивает все новые жилища для Своего обитания.

Но даже этих аргументов может оказаться недостаточно, чтобы проникнуться уважением к своему физическому телу, если только не повторить вслед за Упанишадами: «Материя тоже есть Брахман», если не попытаться увидеть за внешними проявлениями тождество двух полюсов бытия, Материи и Брахмана, и не оценить по достоинству яркий образ древнего изречения, представляющий материальную вселенную как внешнюю оболочку, вместилище Божественного Существа. Для рационального мышления Дух и Материя являются совершенно несовместимыми противоположностями, если только не ввести между ними целый ряд ступеней, связывающих обе противоположности по восходящей (Жизнь, Разум, Супраментал и промежуточные уровни сознания между Разумом и Супраменталом). В противном случае Дух и Материя останутся противостоящими полюсами, понятия-

¹ III.1, 2.

ми, которые можно лишь на бумаге объединить в одно неразрывное целое. Определить Материю через Дух или Дух через Материю можно либо искусственным схоластическим путем в противовес логике фактов, либо используя иррациональный, чисто мистический подход.

Если мы признаем существование чистого Духа, Бога или Мировой Души на одном полюсе бытия и лишенной разума субстанции, энергии или Природы — на другом, то мы неизбежно должны прийти либо к отрицанию Бога, либо к утверждению несостоятельности Природы. И Разум, и Жизнь стоят перед необходимостью выбора. Разум склонен отвергать первое как плод воображения или второе — как самообман органов чувств; Жизнь делает акцент на нематериальном и склонна к самозабвенному экстатическому состоянию или к неприятию самой себя как чего-то несовершенного, к отрицанию собственной возможности бессмертия и к утверждению своего животного начала в противовес Божественному. Согласно Санкхье, Пуруша и Пракрити, пассивная исполненная света Душа и механическая активная Энергия, не имеют между собой ничего общего даже в том, что касается их форм проявления в инертном состоянии; их противоречия могут быть разрешены лишь путем затухания инертной Активности до состояния неизменного Покоя, поглощающего бесплотную череду образов, порожденных Действием. У Шанкары безмолвный и пассивный Дух и многоликая Майя в равной степени несопоставимы и непримиримы; их острый антагонизм может разрешиться только посредством растворения иллюзии бесконечной множественности в единой Истине вечного Безмолвия.

Для материалиста все обстоит значительно проще. Отрицая Дух, он может легко прийти к заключению, которое по своей простоте может казаться очень убедительным, являясь выражением настоящего монизма; это будет монистический принцип Материи или Силы. Но ограниченность его позиции не позволит материалисту до конца придерживаться однажды избранной им точки зрения. В конечном счете ему придется постулировать существование непознаваемого с теми же атрибутами, какими в философии Санкхьи наделен пассивный Пуруша или безмолвный Атман; непознаваемое материалиста есть нечто инертное, чуждое познаваемой вселенной. И все это — лишь для того, чтобы заглушить в себе неумолимые требования Разума с помощью сомнительной уступки или чтобы занять позицию, оправдывающую отказ от расширения границ своего поиска и опыта.

Человеческий разум не может найти удовлетворения в этих бесплодных противоречиях. Он всегда и во всем ищет окончательное, всеохватывающее решение, которое можно найти лишь примирением двух противоречий с позиции просветленного сознания. Чтобы достичь такого примирения, человеческая мысль должна преодолеть границы своего внутреннего сознания, путем ли объективного анализа Жизни и Разума наравне с Материей, или путем субъективного синтеза и озарения, и прийти к окончательному единству противостоящих сторон, исключаящему отрицание множественности форм их самовыражения. Только при таком полном и всеобъемлющем подходе можно найти гармонию разнообразных, по видимости противоречивых форм бытия и сложных по своему происхождению противоборствующих сил, которые управляют нашим разумом и жизнью, и прийти к единой Истине, которую они здесь собой символизируют и различным образом представляют. Только тогда наш Разум, получив подлинную, надежную основу и прекратив бесполезные блуждания, начнет действовать подобно Брахману в Упанишадах и обретет целенаправленность и устойчивость во всех сферах своего проявления в жизни, а наша жизнь, осознав стоящую перед ней цель, будет стремиться к ее достижению с ясной и непреходящей радостью, светом и мудро направленной энергией.

Но поскольку это гармоничное состояние когда-то было нарушено, человек должен вновь и вновь проходить через опыт и обращаться к рассмотрению двух полюсов бытия в их крайних проявлениях. Таким естественным для себя способом человеческий разум пытается вернуть утраченную основу совершенного мировосприятия. В своих попытках он может временно остановиться и задержаться на промежуточных этапах поисков, сводя все явления в мире к проявлению Жизненной Энергии, или к чувственным восприятиям, или к Идеям; но все подобные однобокие решения проблемы всегда несут на себе отпечаток не-реальности. Они лишь временно могут удовлетворить логическое мышление, которое имеет дело с чистыми идеями, но никогда — чувства реальности, присущего разуму, поскольку разум знает, что за ним стоит нечто большее, чем Идея; с другой стороны, он также знает, что в нем самом скрыто то, что превосходит Дыхание жизни. Разум может на время удовлетворить свое чувство реальности, обращаясь к Духу или Материи в качестве объекта конечной реальности, чего нельзя сказать ни об одном из принципов, относящихся к промежуточным по

отношению к этим двум полюсам планам. Поэтому разум должен испытать все крайние проявления Духа и Материи, прежде чем вернуться к плодотворному синтезу двух крайностей в единое целое. Причина этого в том, что человеческий интеллект, по своей природе наделенный способностью отчетливого восприятия только отдельных фрагментов бытия и способностью самовыражения в форме речи, которая достигает наибольшей точности и ясности лишь за счет выделения и разграничения отдельных языковых средств и образов, вынужден добиваться единства, выбирая для себя что-то одно как главное и безжалостно отбрасывая все остальное. Практически это сводится к тому, что в угоду утверждения какой-либо одной идеи или подхода отвергаются и отбрасываются все остальные возможные принципы и взгляды. Чтобы увидеть истинный источник единства, избежав при этом исключения всего многообразия в пользу одного избранного принципа, интеллект должен либо выйти за пределы своей собственной природы, либо проделать весь долгий путь анализа и опыта, чтобы понять, что все многообразие бытия сводится к Единому, который хотя и не поддается никакому определению или описанию, все же абсолютно реален и достижим. Каким бы путем мы ни шли, он всегда неминуемо приведет нас к Единому, лишь бы мы сумели дойти до конца избранного пути.

Поэтому для нас служит хорошим предзнаменованием то, что сегодня, имея столь большой объем накопленного опыта, в определенной мере нашедшего и свое вербальное выражение, мы вновь стоим перед двумя крайностями, двумя полярными принципами, на практике выдержавшими самые суровые испытания, в результате которых универсальный инстинкт человечества, незримый судья и страж Духа Истины, отказывается принять что-то одно, Дух или Материю, и удовлетвориться этим как единственно возможной истиной. В Европе и Индии, соответственно, материалистическое отрицание Духа и аскетическое отрицание Материи пытались утвердить себя в качестве единственно возможной истины и правды Жизни. В Индии, несмотря на накопление огромных духовных богатств, это привело к полному банкротству в сфере Жизни. В Европе погоня за материальными богатствами и победоносное покорение сил природы закончились равным по глубине банкротством в области Духа. Человеческий интеллект, который искал решения всех проблем исключительно в сфере Материи, не нашел удовлетворения в полученных им ответах.

Теперь пришло время — и человечество пытается выработать новый всеобъемлющий подход к жизни как на интеллектуальном плане сознания, так и в плане внутреннего и внешнего опыта и в свете этого интегрального подхода заложить новый глубокий фундамент самореализации человеческого бытия и на индивидуальном, и на общественном уровне.

Из разницы в отношении Духа и Материи к Непознаваемому, которому оба причастны, возникает различие в характере материалистического и аскетического отрицания. Отрицание материалиста, хотя и кажется большинству людей более осязаемым и наглядным, со скорейшим успехом склоняя их на свою сторону, отличается относительно непродолжительным влиянием на людские умы и, в конечном счете, не имеет того эффекта, который оказывает более глубокое и опасное отрицание аскета. Отрицание материалиста несет в себе исцеляющее от него самого средство. Самая сильная сторона материалистической позиции — это агностицизм; но, утверждая исходную непознаваемость объективного мира, он безосновательно раздвигает границы непознаваемого, относя к этой сфере все, что пока еще не познано. Материализм исходит из того, что физические органы чувств являются нашим основным орудием познания, и разум поэтому, как бы высоко ни устремлял полет своей мысли, не может выйти за пределы, положенные ему органами чувств; разум всегда должен оперировать лишь фактами, доступными чувственному восприятию; и даже те выводы, которые мы делаем на основе чувственных восприятий объективного мира, не должны выходить за рамки границ, доступных чувственному восприятию. Иначе говоря, мы не можем использовать полученный опыт, чтобы соприкоснуться с его помощью с другой сферой, где действуют другие законы, предполагающие меньше ограничений и больше возможностей, где инструменты познания отличаются от тех, что нам хорошо известны.

Этот основополагающий принцип материализма несет в себе приговор своей собственной несостоятельности. Его можно принять, лишь закрыв глаза на весь тот опыт и аргументы, которые ему противоречат, отрицая или умаляя достойные и полезные свойства человеческого существа, применяемые более или менее осознанно или же, в худшем случае, скрыто присутствующие в человеке, и отказываясь исследовать явления сверхфизического порядка, помимо тех, которые по видимости относятся к сфере материи и воспринимаются как

производная активность материальных сил. Как только мы приступим непосредственно к исследованию деятельности разума и супраментала без всякой предвзятости, которая с самого начала усматривает в них лишь производные от Материи формы, мы столкнемся с множеством явлений, не подпадающих под узкие, ограниченные определения материалистических догм. И материалистические положения агностицизма исчезнут в тот самый момент, как только на основе накопленного опыта мы признаем, что во вселенной есть познаваемые реалии, выходящие за границы чувственного восприятия, а в человеке есть силы и способности, определяющие и влияющие на сферу чувственного восприятия независимо от органов чувств, которые являются своего рода буфером между этими способностями и чувственным миром и представляют лишь внешнюю оболочку нашего истинного и совершенного бытия. Это и есть отправная точка для более углубленного и всеобъемлющего решения извечной проблемы.

Но сначала нужно воздать должное той великой и полезной миссии, которую выполнил рационалистический материализм за короткий период времени, когда увлек за собой умы человечества, поскольку мы можем без опасения ступить на широкий путь опыта и познания, вновь открывающийся перед нами, только тогда, когда человеческий интеллект прошел суровую школу строгого аскетизма. Ибо подобного рода опыт может привести недостаточно подготовленный рассудок к опасным искажениям истины и обманчивым фантазиям. Именно поэтому в прошлом часто бывали случаи, когда найденная истина обрастала таким комом извращающих ее предрассудков и абсурдных догм, что дальнейшее продвижение по пути истинного знания становилось невозможным. Тогда возникала необходимость отступить на время как от истины, так и от скрывающих ее нагромождений, чтобы расчистить путь, а затем вернуться к ней, увидеть ее по-новому и продолжить уверенное движение вперед. Материализм с его рационалистическими методами познания сослужил человечеству добрую службу.

Дело в том, что сверхчувственные способности, проявляясь в материальной сфере, воплощаясь в физическом теле, идут в одной упряжке с человеческими эмоциями, желаниями и побуждениями и, в силу подобного смешения, они могут, скорее, ввести в заблуждение, чем доставить свет истины. Такой опасности впасть в заблуждение особенно подвергаются те, кто, используя сверхчувственные

способности, не обладает строгостью и чистотой чувств и ума и пытается подняться в высшие сферы духовного опыта. В какие только чадные, призрачные миры, миры туманного полусвета, а то и мрака, мерцающего порой вспышками, способными скорее ослепить, чем озарить и просветить, не бросает таких путешественников поспешность и преждевременность предпринимаемых ими действий! Подобного рода путешествия — потребность Природы: таков избранный ею путь поступательного развития, она любит развлекаться и во время работы, но именно для Разума они могут оказаться поспешными и преждевременными.

Отсюда следует, что истинное Познание всегда должно основываться на чистом, ясном и приученном к дисциплине интеллекте. Знанию в процессе его развития также необходимо исправлять допущенные ошибки, возвращаясь время от времени на почву ограниченной чувственной реальности, к конкретным фактам физического мира. Прикосновение к Земле всегда служит источником силы и вдохновения для ее сыновей, даже если они стремятся к сверхчувственному Знанию. Можно даже сказать, что сверхчувственными способностями можно действительно владеть во всей полноте только в том случае, если ваши ноги прочно стоят на земле. «Земля — Его основа»¹, — сказано в Упанишадах о Духе, проявленном во вселенной. И абсолютно верно то, что, чем больше мы расширяем круг наших знаний о физическом мире, чем точнее и надежнее эти знания, тем более широкую и прочную основу мы закладываем для достижения высшего знания и его наивысшей ступени — Брахмавидьи, знания Брахмана.

Поэтому, покидая эпоху материализма как пройденный этап на пути человеческого познания, мы должны быть очень осторожны, чтобы в спешке огульно не осудить и не отбросить как ненужную даже малую крупицу полезного опыта и знания, накопленных в этот период, перед тем как приобретем новые силы и способности, которые будут в состоянии надежно и уверенно заменить собой прежние. Мы, скорее, должны относиться с уважением и восхищением к заслугам атеизма перед Божественным и с удивлением к тому, как агностицизм подготовил почву для безграничного расширения знания. В нашем мире ошибка всегда указывает путь Истине, так как ошибка — это по сути своей

¹ «*Padbhyām pṛthivī*» — Мундака Упанишада, II.1.4; «*Pṛthivī pājasyam*» — Брихадараньяка Упанишада, I.1.1.

не что иное, как полуправда, приобретающая отрицательную окраску из-за своих ограничений. Нередко под личиной ошибки скрывается сама Истина, чтобы незамеченной ближе подойти к своей цели. И как хорошо, если бы ошибка, как это было в великую эпоху материализма, всегда была верной, строгой и сознательной — в своих пределах служанкой Истины и несла бы в себе по-своему прекрасную и чистую полуправду, а не безоглядное и самоуверенное безумие.

Всякому истинному знанию присуща определенная степень агностицизма, так как в конце любого избранного нами пути вселенная является нам как символ или образ непознаваемой Реальности, которая представлена здесь, на земле, в зашифрованном виде в различных системах ценностей, будь то физические, витальные и чувственные, интеллектуальные или духовные ценности. Чем реальнее становится для нас Божественное, тем больше мы осознаем, что Оно всегда остается за пределами мысли и словесных формулировок. «Ни мысль, ни слово не достигают Его»¹. Но как сторонники идеи иллюзорности проявленного мира преувеличивают нереальность всего существующего, так же возможно и преувеличение непознаваемости Непознаваемого. Когда мы говорим о Нем как о непознаваемом, мы на самом деле имеем в виду, что Его нельзя постичь мыслью и словом, инструментами интеллекта, которые всегда исходят из выявления различий и оперируют определениями, как средством выражения некоего содержания. Но недостижимое для мысли, Оно доступно для постижения высшим усилием сознания. Существует даже такой вид Знания, с помощью которого Оно познается; это Знание через отождествление. Конечно, такое Знание непередаваемо ни мыслью, ни словом, но в результате овладения этим Знанием нам открывается новое видение Божественного в символах нашего космического сознания, и не в одном отдельном символе, но во всех возможных; обретение подобного Знания влечет за собой радикальное преобразование нашего внутреннего, а вслед за ним и внешнего существа, всей нашей жизни в целом. Более того, существует область Знания, через которое Божественное раскрывает себя в тех именах и формах феноменального мира, что пока недоступны обычному человеческому мышлению. Именно этого высокого, но еще не высшего Знания можно достичь, преодолев границы материализма и подвергнув тщательному исследованию Жизнь, Разум и Супраментал

¹ Кена Упанишада, I.3.

в их собственных характерных проявлениях, а не только в тех производных формах, которые связывают их с Материей.

Неизвестное не есть Непознаваемое¹; оно может остаться непознаваемым только в том случае, если мы сами предпочтем пребывать в неведении или будем упорствовать в своем изначальном ограниченном подходе к жизни. Так, всему непознанному, но познаваемому, всем вещам во вселенной соответствуют определенные вселенские познавательные способности; такие способности всегда существуют и в человеке, в микрокосме, и на определенном этапе они поддаются развитию. Мы, конечно, можем эти способности не развивать, и даже там, где они частично присутствуют, мы можем, никак не содействуя их росту, доводить их до своего рода атрофии. Но по существу все, что принципиально познаваемо, доступно постижению человека. И поскольку Природа вложила в человека неугасимое стремление к самовыражению и полной самореализации, любая насильственная попытка интеллекта искусственно ограничить деятельность наших способностей пределами некой заданной области обречены, в конечном счете, на неудачу. Теперь, когда мы научились исследовать Материю и пришли к пониманию ее скрытых возможностей, само полученное нами знание, которое даже в рамках временных ограничений оказывается столь значительным и полезным, должно взывать к нам, подобно ведическим стражам: «Ступайте вперед, исследуйте иные сферы»².

Если бы современный материализм представлял собой просто невежественную поглощенность сугубо материальной стороной жизни, то вряд ли можно было бы прогнозировать заметное поступательное движение человечества вперед. Но поскольку самая сущность материализма — это стремление к Знанию, человечество не сможет остановиться на достигнутом; по мере приближения к барьеру чувственного познания и соответствующего ему уровня сознания человечество, влекомое неудержимой устремленностью к знанию, шагнет далеко за пределы материалистического мировосприятия. И можно надеяться, что та стремительность и уверенность, с которой люди овладели знанием о видимой части вселенной, является залогом успеха в преодолении человечеством нового барьера и в завоевании областей, лежащих за

¹ Оно отличено от Известного; оно также выше Неизвестного. — Кена Упанишада, I.3.

² Ригведа, I.4.5.

границами материального. Сегодня мы наблюдаем еще неосознанное начало этого победоносного движения вперед.

Характерным свойством всякого знания, каким бы путем оно ни достигалось, является тяготение к единству, и не только в какой-либо окончательной концепции, но и в магистральных направлениях, формируемых получаемыми с помощью этого знания основных общих результатах. В этом отношении достойно удивления, что современная наука с такой точностью, даже в том, что касается формулировок, подтверждает этот принцип в сфере исследования Материи, открыв его заново и другим методом, отличным от метода Веданты (имеется в виду первоначальная Веданта Упанишад, а не более поздняя, получившая отражение в метафизических философских системах). С другой стороны, понятия и представления Веданты зачастую раскрывают перед нами свой полный смысл и значение, все богатство своего содержания, только когда мы рассматриваем их в свете открытий современной науки. В качестве примера можно привести ведантистское изречение, описывающее все сущее в Космосе как единое зерно, которое благодаря воздействию универсальной Энергии принимает разнообразные формы проявления¹. Особенно характерны в развитии современных научных взглядов тенденции, ведущие к монизму, совместимому с множественностью, что обнаруживает их связь с ведантистской идеей о единой сущности, имеющей множество форм становления. И даже если придерживаться дуалистического разделения Материи и Силы, это не будет, по сути, противоречить монистическому принципу, так как очевидно, что Материя как некая сущностная вещественность для органов чувств не существует и представляет собой лишь умозрительную формулу субстанции, как Прадхана в Санкхье. Фактически наука уже близка к тому, чтобы признать, что различие реальности в форме вещества от реальности в форме энергии — это не более чем произвольная умственная операция.

В конечном счете Материя выражает себя как форма проявления некоторой неизвестной Силы. Так же и Жизнь, эта неизведанная тайна, начинает раскрывать себя как омраченная энергия чувственного восприятия, заключенная в узы материальной формы. И когда мы избавимся от своего неведения, которое понуждает нас столь резко разграничивать Жизнь и Материю, то нетрудно предположить, что тогда

¹ Шветашватара Упанишада, VI.12.

Разум, Жизнь и Материя предстанут перед нами как три вида единой Энергии, что будет соответствовать тройственному миру ведийских провидцев. И тогда рухнут наши представления о том, что Разум есть производное от грубой материальной Силы. Энергия, создающая мир, не может быть ничем иным, как Волей, а Воля, в свою очередь, — сознанием, полагающим себя в действии и его результате.

Но что есть это действие и результат, если не самоинволюция Сознания в форму, а затем его самоэволюция из формы с целью реализации высших возможностей во вселенной, которая была создана этим Сознанием? И к чему сводится воля Сознания в человеке, как не к стремлению к бесконечной Жизни, к беспредельному Знанию, к неограниченной Силе? Сама Наука сегодня мечтает о победе над физической смертью и, выказывая неутолимую жажду знаний, пытается привести человечество к своего рода земному всемогуществу. В этой работе до бесконечно малых величин сжимается пространство и время; Наука стремится всеми возможными способами сделать человека независимым от обстоятельств и облегчить для него таким образом бремя причинно-следственных связей. Все идеи об ограниченных возможностях и всевозможных преградах начинают отходить на второй план, и их сменяет представление о том, что настойчивая человеческая воля и в самом деле способна передвигать горы, так как Сознание на уровне нации или народа в конечном счете найдет выход из любого положения. Это всемогущество Сознания получает свое выражение не на уровне отдельной личности, но на уровне коллективной воли человечества, которая использует отдельную личность как средство для достижения своих целей. Но если мы подойдем к делу глубже, то увидим, что не коллективная сознательная Воля, а сверхсознательная Сила использует индивида как средство и средоточие, а человечество — как условие и поле своей деятельности. Тогда что же это, как не Бог, проявляющийся в человеке, бесконечное тождественное в Себе Существо, многоликое Единство, Всеведущий и Всемогущий, сотворивший человека по Своему образу и подобию, вложивший в него эго, как побудительный мотив к действию, создавший человечество, коллективного Нараяну¹, вишваманаву², как среду формирования и обитания лично-

¹ Имя Вишну, который, представляя Бога в человеке, постоянно пребывает в дуалистическом единстве с Нарой, человеческим существом.

² Универсальный человек.

сти, и стремящийся воплотить в них некий образ единства, безграничного Знания и всемогущества, что и составляет содержание Божественного самосознания? «То, что бессмертно в смертных, есть Бог, пребывающий внутри как энергия наших богорожденных сил»¹. Именно этому широкому и мощному движению, объемлющему весь космос, подчиняется современный мир, почти не догадываясь о стоящей перед ним цели, но подсознательно стремясь к ее осуществлению.

Но существуют пределы и препятствия — ограничения материальной сферы в области Знания, барьеры материальных механизмов в сфере проявления Силы. Необычайно важны для будущего обозначившиеся в последнее время тенденции, поскольку они говорят о возможности более высокой степени свободы в этом отношении. По мере приближения передовых достижений научного Знания к границе, отделяющей материальное от нематериального, высшими практически достижениями науки считаются те, что стремятся к упрощению и даже устранению материальных механизмов, что дает наибольший эффект. Беспроволочный телеграф — это примечательная веха и указание Природы на то, в каком направлении нам следует двигаться. Материальные механизмы, участвующие в промежуточной передаче физических сил, сигнала, устранены; они остались только на двух концах — приема и передачи сигнала. В конечном счете и здесь они должны исчезнуть: когда изучение законов и сил сверхчувственного мира будет производиться с самого начала на правильной основе, Разум сам найдет средства, которые будут наилучшим образом решать задачу передачи физической энергии на расстоянии, он достигнет способности непосредственно управлять этой энергией и посылать ее в нужную цель. Как только мы это осознаем, перед нами откроются широкие перспективы будущего.

Тем не менее, даже если бы мы и обладали полным знанием о мирах, лежащих сразу же над материальным уровнем, и могли управлять ими, нам и в этом случае пришлось бы столкнуться с определенными ограничениями, так как оставались бы непознанными миры, расположенные еще выше. Последнее препятствие на пути к нашей свободе скрыто там, где внешнее сливается с внутренним в единое целое, где наше эго уменьшается и исчезает вовсе, а законом, определяющим наши действия, становится, наконец, единство, охватывающее все

¹ Ригведа. IV. 2. I.

многообразие форм бытия, в отличие от того, что происходит в настоящее время, когда мы пытаемся свести все многообразие к некоему подобию единства. Есть центральный престол космического Знания, возвышающийся над всеми обширными его владениями; у этого престола внутренний мир человека сливается с миром его внешней жизни¹, а тот и другой — в его полной власти, там человеческая жизнь² соединяется с вечным совершенным Существом, и в нашем человеческом бытии мы достигаем реализации Его божественной природы³.

¹ Свараджья и самраджья, двойная цель позитивной йоги древних.

² Салокья-мукти, освобождение через сознательное существование в одном мире с Божественным.

³ Садхармья-мукти, освобождение через восприятие Божественной Природы.

ГЛАВА III

Два отрицания: отрицание аскета

Все это есть Брахман; этот Дух есть Брахман, и Дух имеет четырехсложную природу.

В нем — не связанном отношениями, не обладающем свойствами, недоступном для мысли — все пребывает в покое.

*Мандукья Упанишада*¹

И все же есть еще неизведанные запредельные сферы.

По ту сторону космического сознания есть более удаленная, но все же доступная для нас сфера сознания, еще более трансцендентная не только по отношению к нашему эго, но и к самому Космосу; с этого уровня сознания вселенная выглядит как маленькая картинка на необъятном фоне. Это Сознание поддерживает всю деятельность вселенной или, иначе говоря, терпеливо мирится с ней. Оно охватывает всю Жизнь во всей ее безмерности, если не сказать больше: отвергает ее с высоты Своей бесконечности.

Если, с точки зрения материалиста, оправданна его позиция, настаивающая на том, что Материя реальна, на том, что мир относительного — это единственное, в чем мы можем быть в какой-то степени уверены, а Запредельное есть нечто совершенно непостижимое или же порождение впавшего в мечтательность или сон ума, чисто абстрактная мысленная конструкция, полностью оторванная от реальности, то для саньясина, влюбленного в Запредельное, точно так же оправданна, с его точки зрения, его собственная позиция, настаивающая на том, что единственная реальность есть чистый Дух, неподвластный переменам, рождению и смерти, а наш мир относительности есть порождение ума и чувств, тоже своего рода сновидение, абстракция, но теперь уже в обратном смысле — абстракция-произведение нашего мышления, отвратившегося от чистого и вечного Знания.

Какое доказательство — теоретического ли, опытного ли характера — можно выдвинуть в защиту одной из позиций, чтобы ему невозможно было противопоставить равносильное — как в отношении

¹ Стихи 2, 7.

логики, так и опыта — в защиту противоположной? Реальность материального мира подтверждается его доступностью чувственному восприятию; но наши органы чувств неспособны к восприятию нематериального мира и всего, что по своей организации отличается от грубой Материи, поэтому все сверхчувственное всегда будет для них нереально. Эта грубая, примитивная ошибка наших физических органов чувств несколько не оправдывается тем, что перемещается в область философских суждений. Совершенно очевидно, что подобные притязания безосновательны. Даже в материальном мире есть вещи, недоступные чувственному восприятию. Тем не менее отрицание сверхчувственного как неперменной иллюзии или галлюцинации основано на неизменном отождествлении чувственно воспринимаемого и реального, что само по себе является чистой галлюцинацией. Это самый настоящий пример порочного круга в аргументации, когда просто упрямо утверждают то, что пытаются доказать — метод, не имеющий никакого значения для непредвзятого подхода и беспристрастного рассмотрения.

Бывают не только физические реалии, недоступные чувственному восприятию, — у человека существуют также и органы сверхчувственного восприятия¹ (если можно принимать в качестве доказательства этого утверждения чей-либо опыт или живое свидетельство), способные без помощи телесных органов чувств воспринимать не только объекты материального мира, но и сверхчувственные реалии других миров, иными словами, речь идет об огромной области сознательно воспринимаемого опыта в мирах, устроенных на принципах, отличных от тех, что управляют миром грубой Материи, которая, как может представляться, служит основой существования всей нашей солнечной системы.

Теперь, когда в науке перестали заниматься изучением тайн исключительно материального мира, эта истина, постоянно подкрепляемая опытом и верой уже со времен самого возникновения человеческого мышления, начинает получать подтверждение и в новейших научных исследованиях. Все возрастающее число таких очевидных и убедительных доказательств, как, например, явление, известное под названием телепатия, могут игнорировать разве что люди, живущие в расцвечен-

¹ *Sūkṣma indriya*, тонкие органы, существующие в тонком теле (*sūkṣma deha*), органы тонкого видения и восприятия (*sūkṣma dṛṣṭi*).

ной скорлупе прошлого, ограниченные, хотя и пытливые, умы, не способные переступить пределы своего собственного опыта, и те, кто путает просвещение и разум с правоверным повторением давно известных формул, с ревностной преданностью безжизненным или отмирающим интеллектуальным догмам и убеждениям.

Правда, картина сверхчувственных реалий, которую представляет наука в результатах своих исследований, еще очень несовершенна и далека от истины, поскольку научные методы исследований слишком примитивны и неполноценны. Но, по крайней мере, установлено, что вновь открытым тонким органам сверхчувственного восприятия действительно доступны те явления физического мира, которые ускользают от телесных органов чувств. Поэтому нет оснований считать ложными и ощущения тонких органов чувств, полученные ими от сверхчувственных реалий, недостижимых для материальной организации сознания. Подобно тому, как это должно делаться для любого рода данных, как это делается в отношении данных физического восприятия, любые показания и свидетельства тонких органов чувств должны подвергаться анализу, систематизации и контролю со стороны мыслящего интеллекта, получать правильное истолкование и классифицироваться, должны быть строго и тщательно определены область действия тонкого восприятия, законы его функционирования и характерные для него процессы. Но, как бы то ни было, в конечном счете истина высокого плана, постигаемая в опыте восприятия тонких реалий, доступных более тонким органам чувств, не менее важна и значительна, чем истина материальной вселенной. Потусторонние миры существуют, они подчинены своему единому ритму, своим особым законам бытия и развития и располагают присущими им мощными энергиями и просветленными, то есть точными, средствами познания. Потусторонние миры оказывают свое влияние как на бытие нашего физического мира, так и на наше физическое тело; это влияние и воздействие осуществляется ими с использованием их собственных средств, здесь есть их посланцы, здесь есть те, кто может свидетельствовать о них.

Но все сущие миры являются лишь полем нашей деятельности и основой для получения опыта, а органы чувств — лишь вспомогательными инструментами, способствующими приобретению этого опыта и облегчающими наше существование. Сознание — вот что представляет собой единую всеобъемлющую основу, вселенского свидетеля, наблюдающего за развитием мироздания; а органы чувств

являются инструментами сознания. Реальность миров со всем, что в них существует, исчерпывается и подтверждается этим сознанием-свидетелем, и нет кроме этого другого подтверждения реальности их бытия, будь то одного или многих миров, физических или сверхчувственных. Согласно одной из существующих точек зрения, такое взаимоотношение сознания и бытия свойственно самой природе всего сущего и не является характерной особенностью человеческого восприятия объективного мира; при этом все проявленное бытие сводится к сознанию, занимающему позицию наблюдателя, и активно развивающемуся объективному миру, причем Действие не может быть совершено без наличия Свидетеля, поскольку вселенная существует лишь в сознании и для сознания и никаким самостоятельным бытием не обладает. Согласно противоположной точке зрения, материальная вселенная вечна и существует сама по себе. Вселенная уже была до того, как возникли жизнь и разум, и ей суждено пережить их; они исчезнут и не будут больше тревожить вечную размеренную и бессознательную жизнь небесных светил своими скоропреходящими стремлениями и мелкой игрой мысли. Различие этих двух позиций, на первый взгляд чисто метафизического характера, имеет огромное практическое значение, так как определяет общий подход человека к жизни, цели, которые он перед собой ставит, и сферу приложения его сил. По существу, это вопрос о реальности космического бытия и, что еще важнее, вопрос о ценности человеческой жизни.

Если мы будем придерживаться логики материализма последовательно и до конца, то неизбежно придем к выводу о незначительности и нереальности жизни как отдельного человека, так и целого народа, что оставляет нам только один выбор: либо отчаянно стремиться взять от жизни все, что можно, так как жизнь дается только один раз, либо бесстрастно и бесцельно служить своему народу, сознавая при этом, что отдельный человек — это нечто вроде краткоживущей фантазии возбужденного мышления, а народ — чуть более долговечная коллективная форма все той же разновидности судорожного, время от времени повторяющегося возбуждения Материи. В труде и радости мы подчинены воздействию импульсов материальной энергии, что заставляет нас считать жизнь преходящей иллюзией или верить в существование абсолютных моральных целей и в постигаемость умом истины, что также является лишь заблуждением, хотя и более благородного характера. Материализм, подобно спиритуалистическому монизму, прихо-

дит к утверждению о наличии Майи, которая одновременно существует и не существует; существует — потому что мы ощущаем ее и зависимы от нее, и не существует — потому что проявления ее носят чувственный и преходящий характер. С другой стороны, если мы делаем слишком сильный акцент на нереальности объективного мира, то приходим другим путем, но к аналогичным результатам и к не менее категоричным выводам, а именно — к нереальности индивидуального эго, к нереальности и бессмысленности человеческого существования и к необходимости возвращения к Небытию или к совершенно обособленному от мира Абсолюту, как к единственно разумному выходу из бессмысленных хитросплетений чувственной жизни.

И тем не менее этот вопрос не имеет логического разрешения, основанного на нашем обыденном опыте физического бытия, так как этому опыту всегда недостает того, что могло бы придать состоятельность и приводимым аргументам. У нас, как правило, нет ни полного опыта космического или супраментального сознания, не связанного с жизнью человеческого тела, ни, с другой стороны, уверенных, основанных на опыте свидетельств, доказывающих, что наше субъективное «я» действительно зависит от своей физической формы и не способно ни продлить свое бытие после разложения этой формы, ни хотя бы расширить это бытие за пределы физического тела. Извечный спор может быть разрешен либо расширением нашего сознания, либо в результате совершенствования доступных нам инструментов познания, на что, правда, вряд ли приходится надеяться.

Расширение нашего сознания непременно предполагает внутреннее перерастание индивидуального бытия в бытие космическое. Поскольку, если Свидетель, о котором шла речь выше, и существует, то он представляет собой не индивидуальное сознание, воплощенное в проявленном мире, а Сознание космическое, охватывающее всю вселенную и во всем многообразии своих действий предстающее в виде имманентного Разума, Сознание, для которого мир или существует реально и вечно как выражение динамического аспекта Его собственного бытия, или создается и поглощается Им в акте присущего Ему знания или сознательного усилия. Свидетель бытия скрывается не в отдельном разуме во вселенной; Космический Свидетель бытия, Владыка вселенной, есть вечный и невозмутимый разум, тот, что одинаково присутствует в живом организме земли и живом теле человека и для которого все наши чувства и рассудок — лишь временный подсобный инструмент.

Современная психология постепенно начинает признавать возможность воплощения в человеческом существе космического сознания, равно как и других более гибких и совершенных средств познания, хотя их и продолжают считать галлюцинацией даже в тех случаях, когда допускают, что они обладают ценностью и эффективностью. Психология Востока всегда признавала космическое сознание реальностью и целью нашего индивидуального развития. Достижение космического сознания сводится по сути к преодолению внутренних барьеров, связанных с природой нашего эго, и по меньшей мере к приобщению, а в лучшем случае — к самоотожествлению со скрытым духом-знанием, который незримо пребывает во всех формах жизни и во всем, что кажется нам неодушевленным.

Достигнув космического сознания, мы можем по Его подобию жить универсальной, вселенской жизнью. И тогда, вследствие того, что все наше сознание и чувственное восприятие меняются, мы начинаем ощущать Материю как единое бытие, а отдельные физические тела — как формы проявления этой Материи, в которых единое материальное бытие самоотчуждается в отдельном физическом теле от всех других форм, а затем с помощью физических средств устанавливает связи между бесконечным множеством форм своего бытия. И Разум и Жизнь мы будем воспринимать также как единое бытие, распадающееся на множество отдельных форм и видов и вновь стремящееся к единству, используя для каждой сферы свои соответствующие средства. Можно пойти еще дальше и, преодолев многие промежуточные ступени, достичь супраментального сознания, вселенская деятельность которого определяет все процессы более мелкого масштаба. Приобщаясь к космическому сознанию, мы не просто осознаем наличие или присутствие этого плана бытия, мы начинаем усваивать его сознание, поскольку это бытие становится доступным нашему чувственному опыту и познанию. Как раньше мы жили на уровне сознания нашего эго, так теперь — на уровне космического сознания, все активнее вступая в контакт и даже достигая единства с другими ментальными, витальными и физическими существами, что оказывает влияние как на наше собственное моральное и ментальное существо, так и на других людей, а также на весь физический мир в целом и на те события, что в нем происходят; причем наши средства влияния и воздействия на окружающее нас бытие приближаются к божественным и отличаются от тех, что доступны сознанию нашего эго.

Для тех, кто соприкоснулся с космическим сознанием или живет будучи постоянно погруженным в него, оно обладает большей реальностью, чем мир физический; оно реально само по себе, реальна его деятельность, реальны плоды этой деятельности. И как космическое сознание реально по отношению к нашему миру, который является его воплощением и выражением, так же и наш мир реален по отношению к космическому сознанию, не являясь, правда, независимым от него бытием. Обладая этим высоким и менее ограниченным опытом, мы воспринимаем сознание и бытие не как нечто противоположное и отличное друг от друга, но, напротив, в этом состоянии для нас все бытие и есть высшее сознание, а сознание, в свою очередь, есть вечное, самосущее, реальное в своих действиях бытие, оно — не мнимость и не процесс становления. Этот мир реален как раз потому, что существует только в пределах сознания, ибо именно Сознательная Энергия порождает Сознательное Бытие, составляя с последним неразрывное единство. Самостоятельное бытие отдельной материальной формы, независимое от принимающей эту форму самопросветленной энергии, противоречило бы истинному положению вещей и представляло бы собой фантазмагорию, кошмарный сон и немислимую ложь.

Сознательное Бытие, представляющее собой истину бесконечного супраментального сознания, превосходит вселенную и живет независимо в Своей собственной невыразимой бесконечности и космической гармонии. Мир живет Им, но Оно не живет миром. И, подобно тому как мы можем достичь космического сознания и слиться с космическим бытием, точно так же мы можем достичь сознания, трансцендентного по отношению к космическому бытию, и превзойти уровень космического сознания. Теперь мы возвращаемся к вопросу, который уже был поставлен ранее: не означает ли этот выход в Трансцендентное еще одно отрицание — отрицание теперь уже космического бытия? В каком отношении находится наша вселенная к Запредельному?

Ибо у порога Трансцендентного обретается простой в себе, совершенный Дух, о котором говорится в Упанишадах, исполненный света, чистый, поддерживающий мироздание, но непосредственно в жизни мира не участвующий, чуждый всякой двойственности и раздробленности, единый, ничем не связанный, лишенный множественности — чистый Дух последователей Адвайты¹, пассивный Брахман,

¹ Ведантистский монизм.

трансцендентное Безмолвие. Человеческий разум, если он внезапно, резким скачком — вместо постепенного перехода с одной промежуточной ступени на другую — возносится к этому пределу и пересекает этот порог, с очевидной ясностью ощущает нереальность всего проявленного физического мира и воспринимает Безмолвие как единственную существующую реальность; это одно из самых ярких и значительных по силе воздействия и убедительности переживаний, доступных человеческому рассудку. Здесь, в этом восприятии чистого Духа или стоящего за ним Небытия, кроется причина второго отрицания, противоположного отрицанию материалиста, но более полного, категоричного и опасного своими последствиями как для человека, так и для общества — когда они склоняют свой слух к его полному притягательной силы зову к бегству в пустыню, к уединению и отшельничеству, — отрицания аскета.

Именно этот бунт Духа против Материи вот уже два тысячелетия, с того момента, как буддизм нарушил равновесие старого арийского мира, с возрастающей силой властвует над умами индийцев. Но это не означает, что идея космической иллюзии исчерпывает всю индийскую ищущую мысль; есть в Индии и другие философские учения и религиозные устремления. Самими философскими школами, порой придерживающимися даже противоположных взглядов, предпринимались попытки примирить Дух и Материю. Но на всех на них все-таки лежит тень великого Отрицания и конечная цель жизни неизменно связывалась с одеяньем аскета. Преобладавшая концепция бытия основывалась на буддийской теории Кармы с вытекавшим из нее противоречием между свободой и зависимостью; рождение в мире связывает человека узами зависимости, свободу от которых можно обрести, выйдя из круговорота рождений. Поэтому мнения всех философских и религиозных направлений сходились в одном: в этом мире, где царствует борьба противоположностей, нет места царству Божию. Его следует искать в запредельных сферах: либо в вечной радости Вриндавана¹, либо в блаженстве Брахмалоки², в неизреченной Нирване³ за границами всего проявленного, или там, где отдельная жизнь исчезает в бескачественном единстве не поддающегося никаким определениям Бытия.

¹ *Goloka*, рай в мифологии вишнуизма, мир вечной красоты и блаженства.

² Высшее состояние чистого бытия, сознания и блаженства, доступное для человеческой души без полного ее растворения в Неизреченном.

³ Уничтожение, растворение, не обязательно всего сущего в целом; уничтожение эго, желаний, эгоистических действий и ментального существа.

На протяжении веков многочисленные свидетельства святых, пророков и учителей, владевших умами Индии и священных для индийского народа, постоянно говорили об одних и тех же высоких и далеких истинах: единственный путь к знанию лежит через самоотречение, физическая жизнь — оплот неведения, цель жизни — выход из круговорота рождений по зову Духа и отвержение Материи.

Спустя целую эпоху после того, как в Индии сам дух аскезы утратил свою былую притягательность и общее сочувствие — и времена отшельничества уже прошли или, во всяком случае, проходят также во всем мире, — можно с легкостью объяснять былое широкое распространение аскетического движения упадком жизненной энергии древнего сообщества, утомленного давлением принятого им бремени, широким участием в общечеловеческом прогрессе, истощившего свои силы, чтобы помочь человечеству осуществить свои устремления в самых разнообразных областях деятельности, много давшего человечеству в сфере познания. Но мы уже убедились в том, что за аскетизмом стоит определенная истина бытия, высший уровень сознательной реализации наших возможностей. На практике дух аскезы является непременной составляющей человеческого совершенства, и, несмотря на его определенную узость, без него нельзя обойтись до тех пор, пока человек не освободит свой разум и витальную природу от власти животного начала, которое столь настойчиво дает себя знать в этих частях человеческого существа.

Мы же, безусловно, пытаемся найти более широкую и полную основу для синтеза Духа и Материи. Мы считаем, что идеал индийского аскета, выраженный в великой ведантистской формуле «Единый и другого нет», должен быть дополнен другой равновеликой формулой: «Все это есть Брахман». Страстная человеческая устремленность ввысь, к Божественному до сих пор не обрела должной связи и согласованности с нисхождением Божественного, извечно обращенного к Своему творению. Значение Его действия в Материи не постигнуто в той же мере, как Его истина в Духе. Реальность, которая составляет предмет поисков саньясина, исследована по всей «вертикали», но по «горизонтали» — не в той степени и полноте, как это было у древних последователей Веданты. Как бы то ни было, в нашем стремлении к всеобъемлющему синтезу Духа и Материи мы не должны умалять и преуменьшать значение и роль чисто духовного импульса. Если материализм, как мы видели, внес свой вклад в осуществление целей

Божественного, то аскетизм сослужил еще большую службу Жизни. В своем окончательном устроении всеобщей гармонии мы сохраним истины, открытые материалистической наукой, и ее практические достижения, даже если отчасти или полностью исчезнут ныне существующие формы научных исследований, представления результатов и их приложений. Но с еще большей бережностью должны мы обращаться с наследием древней арийской расы (как бы ни приуменьшалось и ни умалялось его значение), чтобы должным образом сохранить все его богатство.

Вездесущая реальность

Поистине не-сущим становится тот, кто знает Брахмана как не-сущего. Того, кто знает: «Брахман есть», — знают как сущего.

*Тайттирия Упанишада*¹

ИТАК, если мы готовы в равной степени признать притязания как чистого Духа — на то, чтобы явить в нас свою абсолютную свободу, так и универсальной Материи — на то, чтобы служить основой и необходимым условием нашего земного воплощения, то нам необходимо найти такую истину, которая позволила бы полностью примирить двух давних противников, противостоящие полюса — Материю и Дух и определить для каждого из них соответствующее место в Жизни, объяснив их назначение с точки зрения Разума, не ущемляя и не умаляя их прав и суверенных истин, что придают силу даже ошибочным своим толкованиям, склонным преувеличивать исключительность их роли и места во всеобщем бытии. Как только мы сталкиваемся со столь притягательными для человеческого интеллекта проявлениями крайностей, можно быть уверенными, что мы имеем дело не просто с заблуждением, предрассудком или галлюцинацией, а с определенной скрытой реалией или фактом бытия, и если мы отрицаем его или не считаемся с ним, он заставит нас поплатиться за это. Здесь и заключается вся трудность, связанная с поиском удовлетворительного решения во взаимоотношениях Духа и Материи; здесь же кроется причина всех неудач на пути поиска компромиссов между двумя противостоящими полюсами. Но компромисс не есть истинное примирение — он представляет собой подобие сделки, временного перемирия между двумя противоборствующими сторонами. Истинное примирение всегда является результатом взаимопонимания, ведущего к внутреннему единству. Отсюда следует, что только путем максимально возможного объединения Духа и Материи мы сможем достичь их истинного примирения, а значит — получить прочную основу для установления согласия между внутренней и внешней жизнью человека.

¹ II.6.

Мы уже нашли в космическом сознании точку соприкосновения Духа и Материи, где Материя приобретает реальность для Духа, а Дух становится реальным для Материи. В космическом сознании Разум и Жизнь выступают лишь промежуточными ступенями и не противостоят друг другу, не являются — как это кажется обычному эгоистическому сознанию — обособленными друг от друга началами, участниками кажущегося конфликта между положительным и отрицательным принципами одной и той же непознаваемой Реальности. Достигая космического сознания, Разум, озаренный знанием, способным к восприятию одновременно как истины Единства, так и истины Множественности в их взаимодействии, сразу же избавляется от своих противоречий, которые находят свое разрешение и примирение в божественной Гармонии. Удовлетворенный этим обстоятельством, Разум способен стать посредником и содействовать высшему соединению Бога и Жизни, к чему мы и стремимся. Тогда Материя предстает перед озаренным интеллектом и просветленными тонкими чувствами одной из форм проявления Духа, его самовоссоздающейся ипостасью. Преображенному Разуму Дух раскрывает себя как душу, истину и как сущность Материи. И Дух и Материя признают и исповедуют друг друга как единую по своей сути божественную реальность. В свете этой реализации Разум и Жизнь одновременно выступают образами и орудиями высшего Сознательного Существа, посредством которых оно создает материальные формы, проявляя и раскрывая себя в них перед своими многочисленными центрами сознания. Разум достигает своей самореализации, обращаясь в зеркальное отражение Истины Сознательного Существа, которая выражает и проявляет себя во вселенских символах. Самореализация Жизни заключается в сознательном участии ее энергий в процессе совершенного божественного самовоплощения во все новых и новых формах и видах деятельности вселенского бытия.

Таким образом, можно утверждать: для человека в этом мире божественная жизнь возможна и это одновременно послужит оправданием деятельности и выводов Науки — так как раскроется живой смысл и разумная цель космической и земной эволюции — и позволит реализовать высший идеал и мечту всех основных мировых религий путем преобразования души человеческой в божественную.

Но где же тогда место Духа, безмолвного, чистого, инертного, самосущего и самодостаточного в своем блаженстве, который является

оправданием жизненной позиции аскета? Здесь мы также должны попытаться найти гармонию исполненной света истины без каких бы то ни было антагонистических противопоставлений. Безмолвный Брахман и динамический Брахман не есть совершенно различные, полностью противоположные непримиримые крайности, одна из которых отрицает, а другая оправдывает космическую иллюзию. Они суть единый Брахман в двух ипостасях — позитивной и негативной, обе составляют друг для друга своего рода необходимость. Ибо Слово, создающее бесчисленные миры, извечно рождается именно из Безмолвия; и Слово раскрывает и несет в себе то, что скрыто в Безмолвии. Совершенная свобода и всемогущество извечного божественного действия в бесчисленных космических мирах становятся возможными благодаря извечному бездействию. Проявление Божественной активности черпает свою энергию, безграничное разнообразие и гармонию в бесстрастном безмолвии Сознательного Существа, санкционирующего бесконечную плодоносность его собственной динамической Природы.

Так же и человек лишь тогда достигает совершенства, когда обретает внутри себя абсолютный покой и бездействие Брахмана, служащие источником свободной и неисчерпаемой энергии его действий, в которых он участвует с той же терпимостью и блаженством, что присущи и самому Божественному. Кто достиг в себе Покоя, тот чувствует этот бьющий из его безмолвия неиссякаемый родник энергий, осуществляющих работу во вселенной. Поэтому мы погрешили бы против правды, если бы сказали, что Безмолвие по природе своей является отрицанием космической активности. Кажущаяся несовместимость активного и пассивного аспектов Брахмана есть следствие заблуждения ограниченного Разума, обычно подверженного противопоставлению отрицаний и утверждений, резким переходам от одной крайности к другой и не способного проникнуть во всеобъемлющее сознание, благодаря своей глубине и силе одновременно охватывающее и вмещающее в себя полярные категории. Безмолвие не отрицает мира, но поддерживает его. Или, точнее говоря, с одинаковой беспристрастностью Безмолвие санкционирует как активность действия, так и полное бездействие, равно как и примирение активного и пассивного аспектов, что дает возможность воплощенной душе оставаться свободной и находиться в состоянии покоя, пребывая при этом в постоянной и разнообразной активности.

Но все же есть еще и абсолютный покой и бездействие, или Небытие. Из Небытия — говорится в древнем Писании — было явлено Бытие¹. Но тогда, по логике, Бытие должно снова погрузиться в Небытие. Если бесконечное единое Бытие допускает проявление сложного многообразия и самовыражения отдельных форм, то не является ли Небытие — по крайней мере, как изначальное состояние и единственная неизменная реальность — отрицанием всякой возможности существования реальной вселенной? В этом случае конечной истиной аскетизма было бы абсолютное Ничто, к которому стремятся некоторые буддийские школы, а Дух — высшее «Я» — наравне с эго оставался бы лишь мысленной формацией, порождением сознания, проникнутого иллюзиями и поглощенного только внешней стороной мира феноменов.

Но здесь мы снова оказываемся в плену слов и поддаемся на обман со стороны вечных противопоставлений, воздвигаемых нашим ограниченным разумом с его неистребимой верой во всеисилие всевозможных классификаций и чисто вербальных разграничений, будто, используя подобные методы, можно выразить высшие истины и передать наш супраментальный опыт в рамках категорий непримиримых противоположностей. Небытие — не более чем слово. При ближайшем рассмотрении понятия, обозначаемого этим словом, мы убеждаемся в том, что небытие, абсолютное небытие, можно не в меньшей мере полагать неким отвлеченным образом, созданным нашим разумом, чем бесконечный Дух, то есть высшее «Я». В действительности под этим Ничто мы подразумеваем то, что невозможно выразить даже в тех словах, к которым мы обычно прибегаем для передачи самых рафинированных понятий и совершенно абстрактных или тонких переживаний фактического бытия, известного нам по этой жизни во вселенной. Это Ничто просто находится за пределами позитивных представлений нашего разума. И мы создаем фикцию — «Ничто» для передачи методом абсолютного исключения того, что превосходит наше понимание и не укладывается в наше сознание. В результате внимательного изучения трактовки понятия «Ничто» другими философскими системами становится очевидным, что или в это понятие вкладывается смысл абсолютного нуля, который включает в себя Все, или же этому понятию придается значение не поддающейся определению Бесконечности,

¹ Не-сущим поистине было это в начале. Из него поистине возникло сущее. — Тайттирия Упанишада, II.7.

представляющейся человеческому разуму пустотой — поскольку он способен воспринимать лишь конечное, — на деле же являющейся единственным истинным Бытием¹.

Когда мы говорим о появлении Бытия из Небытия, мы пытаемся в рамках временных категорий определить то, что лежит за пределами времени. Можно ли указать ту великую дату в истории вечного Ничто, когда из него появилось Бытие, или другую не менее важную дату, когда все нереальное растворится в вечной пустоте? Если мы утверждаем данность в равной степени как Сат, так и Асат, то должны мыслить их сопричастными одновременно. Как Бытие, так и Небытие, не сливаясь в единое целое, допускают наличие своей противоположности. И то, и другое — коль скоро мы принуждены рассматривать их в понятиях Времени — вечно. Но, в таком случае, какое же доказательство его собственной нереальности можно представить вечному Бытию, утверждая, что есть лишь вечное Небытие? При подобном отрицании всякого опыта как можно объяснить весь опыт вообще?

Утверждая Себя как чистое Бытие, Непознаваемое тем самым полагает Себя как свободную основу всего сущего в космосе. Небытием мы называем самоутверждение противоположного свойства — Его свободу от всякого космического бытия, другими словами, свободу от всякого положительного определения актуализированного бытия, пусть даже от определения самого абстрактного и трансцендентного, которое только может представить себе сознание во вселенной. Непознаваемое не отрицает Бытия как Своего реального самовыражения, но Оно отрицает Свое ограничение посредством всех и всяких выражений и проявлений. Небытие допускает Бытие так же, как Безмолвие допускает Активность. Благодаря такому одновременному отрицанию-утверждению, полюсы которого не уничтожают, но, как и в случае любой другой пары противоположностей, дополняют друг друга, пробужденная человеческая душа получает возможность в одно и то же время воспринимать и сознательное Самосущее бытие, и запредельное ему

¹ В одной из Упанишад отвергается возможность появления бытия из Небытия. Сущее, — говорится там, — порождается только Сущим. И такая возможность не будет казаться нереальной, если под Небытием понимать не абсолютное несуществующее Ничто, а некий «Х», выходящий за пределы нашего опыта бытия, трактуемый в смысле Абсолютного Брахмана Адвайты, или Пустоты, или Нуля буддизма, который может служить источником бытия или через свою Майю, способную к восприимчивости и формообразованию, или проецируя творение из самого Себя.

Непознаваемое как единую Реальность. Именно это обстоятельство позволило Будде достичь состояния Нирваны, оставаясь активным участником жизни в этом мире; сохраняя полную беспристрастность внутреннего сознания, в своей деятельности он был самой выдающейся и сильной личностью из известных нам живших на земле, оставившей неизгладимый след в земной истории.

Размышляя над подобными вещами, мы начинаем понимать, насколько используемые нами слова и речевые обороты являются слабым и неадекватным средством выражения рассматриваемого нами содержания вследствие насильственности наших утверждений и обманчивости определений. Мы также начинаем чувствовать, что ограничения, приписываемые нами Брахману, являются результатом узости человеческого разума, способного концентрироваться только на одном отдельном аспекте Непознаваемого, недооценивая или отрицая при этом все остальные. Мы всегда пытаемся жестко привязать и истолковать все наше знание и опыт переживания Абсолюта, используя явления, объекты и образы конкретной относительной действительности этого мира. Свои положительные суждения о том, что Едино и Цельно, мы строим на страстном эгоистическом самоутверждении собственного мнения и ограниченного опыта, настаивая на их преимуществе перед любым другим мнением и опытом, также, впрочем, ограниченными. Нам следует научиться ждать, открывать для себя новое, расширять свое сознание и — поскольку в целях самосовершенствования нам необходимо все же говорить о том, что человеческая речь не способна выразить полностью и до конца — стремиться к поиску наиболее общего, гибкого универсального описания, чтобы, основываясь на нем, достичь глубокой и всеобъемлющей гармонии.

Мы допускаем далее, что индивидуальное человеческое сознание может испытать такое состояние, в котором все относительное бытие как будто исчезает и по отношению к которому даже само понятие Духа, высшего «Я», становится неадекватным. Можно достичь состояния Безмолвия, запредельного какому бы то ни было Безмолвию. Но это состояние не есть еще предел возможного, этот опыт не может претендовать на исчерпывающую истину, единственную и окончательную, упраздняя иные практики за их ущербностью, а потому и ненадобностью: дело в том, что состояние Нирваны, этой своеобразной саманнигиляции, дающее абсолютный покой и свободу нашему внутреннему существу, в то же время вполне совместимо с деятельностью во

внешней жизни, деятельностью беспристрастной и в то же время плодотворной. Доказать возможность такой совместимости — с одной стороны, полной и непоколебимой внутренней имперсональности, пустоты внутреннего Покоя, а с другой — внешней активности, основанной на вечных истинах, исполненной Любви, Правды и Праведности, — это, как представляется, и составляло подлинную сущность учения Будды, предполагающего преодоление собственного эго, погруженности в рутину личных дел, самоотжествления с изменчивыми идеями и формами; сущность учения вовсе не сводилась к достаточно посредственному идеалу бегства от несчастий и страданий, связанных с физическим рождением и жизнью. Как совершенный человек сочетает в себе внутренний покой и внешнюю активность, так и душа, достигшая полного сознания, приобретает к абсолютной свободе Небытия, не утрачивая при этом прочной опоры во вселенском Бытии. Таким образом, душа, достигшая высот сознания, постоянно воссоздает внутри себя извечное чудо божественного Бытия, вселенского и запредельного, причем запредельного даже по отношению к самой себе. Опыт противоположного характера мог бы заключаться лишь в концентрации индивидуального ментального сознания на Небытии, что повлекло бы за собой полное отчуждение человека от никогда не прекращающейся в сознании Вечного Бытия космической деятельности и ее забвение.

Итак, достигнув в космическом сознании примирения Духа и Материи, мы приходим к тому, что и на уровне трансцендентного сознания возможно воспринимать одновременное утверждение и отрицание всего сущего уже не как непримиримое противоречие. Мы обнаруживаем, что всякое положительное утверждение есть признание определенного статического состояния или деятельности Непознаваемого; а всякое соответствующее отрицание есть признание Его свободы: как в пределах статического состояния или деятельности, так и абсолютной свободы от них. Непознаваемое есть Нечто высшее по отношению к человеку; чудесное и невыразимое словами, оно постоянно стремится выразить Себя в доступных для нашего сознания формах и с тем же постоянством ускользает от предлагаемых Им же определений Самого Себя, не даваясь вполне нашему постижению. Но Оно — отнюдь не злой дух и не своевольный маг, увлекающий нас от одного обмана к другому, еще большему, так чтобы в конце концов мы перестали бы верить чему бы то ни было и пришли к полному отрицанию всего и вся; напротив, это Мудрец, мудрость которого выше всякой нашей

премудрости и который ведет нас от одной реальности к другой, более глубокой и обширной, так чтобы мы смогли постичь самую глубокую и обширную, какую только позволяют познать наши способности. Брахман есть вездесущая реальность, а вовсе не вездесущий источник бесконечных иллюзий.

Если мы, таким образом, примем позитивную основу гармонии — правда, у гармонии и не может быть никакой другой основы, кроме позитивной, — то различные концептуальные определения Непознаваемого, каждое из которых отражает определенную истину, не охватываемую, тем не менее, никаким умпостроением, должны пониматься, насколько это возможно, в их связи друг с другом и со всей нашей жизнью — как фактор, влияющий на нее; не следует рассматривать отдельно взятое определение изолированно, абсолютизируя, противопоставляя и преувеличивая исключительность его значения по отношению к прочим. Подлинный монизм, истинная Адвайта признают все сущее как единого Брахмана, не разделяя его бытие на два взаимоисключающих аспекта, вечную Истину и вечную Ложь, Брахмана и не-Брахмана, на «Я» и не-«Я», на реальный Дух и нереальную и все же извечную Майю. Если верно, что существует одно лишь высшее «Я», то точно так же верно должно быть и то, что все есть высшее «Я». И если это высшее «Я», Бог или Брахман, не есть нечто беспомощное, обделенное властью, подобное ограниченному индивиду, а представляет собой Всеобщее, обладающее самосознанием, то должен быть некий внутренний положительный мотив, побуждающий Его стремиться к самовыражению и самопроявлению; чтобы понять этот мотив, мы должны допустить, что все в проявленном бытии обладает определенной силой, мудростью и истиной. Мы должны признать неизбежность вражды противоположностей и очевидного зла в отведенных им пределах, но не следует рассматривать их как всевластно управляющую нами силу. Человечество всегда инстинктивно и совершенно справедливо стремится к мудрости как к последней и единственной истине во вселенной, как к торжеству добра и окончательной победе над ложью и злом, и тот же глубокий и верный инстинкт подсказывает, что содержание этой истины не может представлять собой какую-то вековечную насмешку и иллюзию, вездесущее и непобедимое зло или отказ отчаявшейся души от предназначенного ей великого пути.

Мы не можем предположить, что единая и единственная Сущность подвергается какому-то отличному от Нее самой стороннему

влиянию, так как это абсолютно нереально. Нельзя также допустить, что эта Сущность против своей воли подчиняется отвергаемому Ею и в то же время превосходящему Ее силы враждебному воздействию, которое вызывалось бы одной из Ее частей и было бы направлено против всего Существа в целом, ибо в таком случае мы вновь возвращаемся к одному и тому же противоречию, но просто в иной формулировке: с одной стороны есть То, что, по определению, содержит в себе Все, а с другой — еще нечто иное, от Него отличное. Даже если мы скажем, что вселенная существует лишь потому, что Дух в своей абсолютной беспристрастности одинаково терпимо относится ко всему существу, с безразличием взирая на все реальное, возможное и вероятное, тем не менее, есть еще и нечто, стремящееся к проявлению и воплощению и поддерживающее все проявленное; и это нечто не может быть ничем иным, как Целым, Единым, Всем. Брахман — един и неделим во всем и вся, любое воление в этом мире есть, в конечном итоге, воление Брахмана. И только наше ограниченное человеческое сознание, потрясенное и испуганное проявлениями зла, невежества, боли и страдания в космосе, стремится снять с Брахмана ответственность за самого Себя и свое творение, выдумывая какую-то противостоящую Ему силу или принцип, Майю или Мару, наделенного сознанием Дьявола, воплощающего самосущий принцип зла. Есть только один Господь и Дух, а все многообразие — лишь Его проявление и выражение.

И если наш мир — это сон, иллюзия или ошибка, то сон этот Он сам возжелал иметь во всей своей тотальности, этот сон — Его порождение, постоянно лелеемое и заботливо оберегаемое. Более того, этот сон существует в Реальности, и все, из чего он состоит и что в нем происходит, принадлежит той же Реальности, поскольку основа этого мира и материал, из которого он создан, есть Брахман. Ибо как можно предположить, что золотой сосуд есть плод воображения, если золото, из которого он сделан, настоящее? Мы видим, что слова «сон» и «иллюзия» не более чем привычные для нашего ограниченного сознания выражения, одновременно и отражающие определенную истину — пусть даже великую, и искажающие ее. Подобно тому как Небытие не есть просто ничто, так же и космический Сон оказывается вовсе не призраком и не является плодом фантазии рассудка. Явление как такое не может быть призраком; явление есть субстанциональная форма, в которой выступает Истина.

Таким образом, мы исходим из понятия вездесущей Реальности, в которой Небытие, с одной стороны, и проявленная вселенная — с другой, не являются отрицающими друг друга противоположностями. Они скорее представляют собой различные состояния одной Реальности, две стороны одной медали. Высший опыт восприятия этой Реальности во вселенной свидетельствует о том, что она представляет собой не только сознательное Бытие, но и высший Разум и Силу, и самосущее Блаженство; за пределами же вселенной эта Реальность предстает в ином виде непознаваемого бытия, другого абсолютного неизреченного Блаженства. Таким образом, у нас есть все основания полагать, что само существование противоположностей в этом мире находит свое подтверждение благодаря этой высшей истине, если, конечно, при их рассмотрении мы опираемся не на наши ограниченные представления, источником которых служит обычное чувственное восприятие и опыт, но интерпретируем их с помощью освобожденного и просветленного разума и опыта. Пока мы еще находимся во власти одного лишь дуалистического мировосприятия, рассмотренное восприятие Реальности должно поддерживаться в нас верой, которую высшие достижения человеческого Разума, самая глубокая и пытливая мысль не только не отрицают, но именно утверждают. Эта вера поистине дана человечеству как поддержка и опора на его трудном пути, пока оно не достигнет такого уровня развития, когда вера обратится в знание и совершенный опыт и когда обретут явное подтверждение труды и деяния Мудрости.

Предназначение человека

Неведение ведет их за пределы Смерти, Знание приобщает к Бессмертию... Не рождаясь, они оказываются за пределами Смерти, Рождение приносит им Бессмертие.

Иша Упанишада¹

ВЕЗДЕСУЩАЯ Реальность есть истина всей жизни и всего бытия, абсолютного и относительного, телесного и бестелесного, одушевленного и неодушевленного, разумного и неразумного. И во всех бесконечно разнообразных, а часто и полярных формах самовыражения, начиная с противоречий нашей повседневной жизни и кончая антиномиями на далеких рубежах Неизреченного, Реальность едина и целостна, она не есть нечто составное. Все многообразие изменчивых объектов и событий берет свое начало в этой Реальности, к ней все сводится, ею исчерпывается и в нее возвращается. И любые утверждения относительно этой Реальности недостаточны и будут всегда отвергаемы, но лишь для того, чтобы привести к более полному утверждению все той же Реальности. Антиномии всякого рода сталкиваются, так что становится очевидным присутствие одной и той же Истины в противоположных началах и сам их конфликт обнаруживает их общее Единство. Брахман — это Альфа и Омега. Есть один только Брахман и ничего кроме Брахмана.

Но это единство нельзя выразить словами. Когда мы пытаемся охватить его разумом, нам приходится пускаться в бесконечные отвлеченные рассуждения, чтобы в конце концов, пройдя через многочисленные опыты, признать, что Реальность выше любых слов, концепций и определений, на которые способен наш интеллект. Мы всего лишь приходим к старой формуле индийских мудрецов *neti neti*, «не то и не это». Реальность не исчерпывается никаким опытом, не укладывается ни в одну концепцию.

Все, что Разум в конечном итоге может сказать о воспринимаемом нашим мышлением и чувствами бытии, частью которого мы сами являемся, так это то, что оно есть Непознаваемое, предстающее перед

¹ Стихи 11, 14.

нами в разных состояниях и свойствах сущего, являющее себя во множестве сознательных форм, проявлений сил и энергий. Именно через эти формы, эти проявления сил и энергий, состояния бытия мы должны обрести возможность приблизиться к Нему и постичь Его. Но если наш разум в своей настойчивости и поспешности постижения Единства отождествит Реальность с любым поддающимся определению состоянием бытия, сколь угодно чистым и вечным, с конкретным признаком бытия, пусть даже самым общим, всеобъемлющим, с любой даже самой широкой формулировкой интеллекта, с самой безграничной энергией или не знающим предела действием и при этом исключит все остальное, то наша мысль погрешит против непознаваемости Реальности и придет не к подлинному единству, а к разделению Неделимого.

В древние времена эта истина была настолько очевидна, что ведантистские провидцы даже после переживания опыта Сатчитананды, как высшего для нашего сознания позитивного выражения Реальности, выдвинули принцип запредельного Небытия, Асат; его нельзя путать с тем наивысшим из возможных для нашего опытного постижения состоянием бытия и бесконечного блаженства, отражением которого — хотя и искаженным — и является весь наш опыт. Если это Запредельное есть все-таки некое бытие, сознание, блаженство, то оно превосходит все самые высокие и чистые позитивные формы вещей, известных нам под этим названием и доступных нашему восприятию и осмыслению в этом мире. Буддизм, объявленный с легкой руки теологов антиведийской доктриной на том основании, что он отрицал авторитет священных Писаний, на самом деле берет свое начало в этой истинно ведантистской концепции. И только позитивное синтетическое учение Упанишад утверждало Сат и Асат не как взаимоисключающие противоположности, но как последнюю антиномию в нашем воззрении на Непознаваемое. В категориях нашего позитивного сознания даже Единство тесно связано с Множественностью, поскольку Множество есть тоже Брахман. Именно путем Знания Единства, Видьи, мы познаем Бога; без него ограниченное и раздробленное сознание, Авидья, было бы лишь мраком и хаосом Неведения. Однако если исключить сферу Незнания, если каким-то образом избавиться от Авидьи, как если бы это было нечто нереальное и несуществующее, то само Знание станет тогда в некотором роде мраком и источником несовершенства. Слепленный светом человек уже не будет видеть того, что этот свет освещает.

Таково мудрое, ясное и преисполненное покоя учение наших самых древних провидцев. У них хватило терпения и сил на поиски и обретение знаний; у них также было достаточно ясности ума и смирения, чтобы признать ограниченность нашего знания. Им были ведомы те границы, за которыми знание терялось в запредельности. Нетерпение ума и сердца, которое обнаружилось в более поздние эпохи, стремление к извечному блаженству, совершенству чистого опыта и обладанию высоким безошибочным мышлением подвигли людей, отвергая Множественность, искать лишь Единого; ощутив дыхание горного, они презрели или отвернулись от тайн, сокрытых в дольнем. Но пронизательному оку древнего мудреца было очевидно, что для истинного познания Бога необходимо было узнавать Его везде и во всем, без каких бы то ни было ограничений, различая и понимая всевозможные противоположности этого мира, в которых Он являет сияние своего великолепия, но в то же время оставаться независимым от них.

Мы должны отвергнуть категоричные суждения ограниченной — двузначной — человеческой логики, утверждающей, что реальность Единого означает иллюзорность Множества, а существование Абсолютного единого бытия, Сат, означает нереальность мира относительного, Асат. Если во Множестве мы настойчиво ищем Единого, то Он раскрывает и проявляет себя как благословение и откровение Единственного в бесконечном многообразии мира.

Нам также следует остерегаться переоценки значения отдельных положений, к которым приходит разум в кульминационные моменты развития определенных воззрений. Восприятие одухотворенным разумом вселенной, в соответствии с которым она — только сон, совершенная мнимость, имеет для нас несколько не больше ценности, чем ощущение материалистического сознания, согласно которому Бог и Запредельность являются иллюзией. В одном случае — разум, привыкший доверять лишь чувственному восприятию и связывать понятие реальности только с фактами материальной действительности, еще не приспособился к иным средствам получения знания либо не в состоянии расширить свое понятие реальности до сверхчувственного опыта. В другом — тот же разум, попадая в сферу опыта переживания сверхчувственной реальности, переносит свою неспособность к расширению сознания в область чувственного опыта, объявляя ее, в свою очередь, сном или галлюцинацией. Но мы не должны терять из виду

истину, ускользающую от обоих вышеупомянутых подходов. Правда, в этом мире форм, где нам предстоит достичь самореализации, ничто не воспринимается как реальность, пока не получит отражения на уровне нашего физического сознания и не проявится на низших уровнях бытия, оставаясь в то же время в гармонии со своими высшими формами проявления. Верно также и то, что форма и материя, утверждающиеся в качестве самосущей реальности, являются иллюзией, порожденной Неведением. Форма и материя есть лишь средства выражения и проявления бестелесного и нематериального. По своей природе форма и материя представляют собой результат проявления божественного сознания, а их цель и предназначение — выражение определенного состояния Духа.

Другими словами, если Брахман воплотился в форме и проявил свое бытие в материи, то сделал Он это только для того, чтобы получить удовольствие от самореализации в формациях сознания, принадлежащего сфере феноменов и относительности. Брахман выражает Себя в этом мире на уровне ценностей Жизни. Жизнь существует в Брахмане, чтобы в самой себе открыть Брахмана. Поэтому предназначение человека в этом мире заключается в том, чтобы достичь такого уровня сознания, при котором его собственное преобразование будет возможно через совершенное самораскрытие его божественной сущности. Задача человека — реализовать Бога в жизни. Человек начинает с животного существования, но целью его является достижение божественного бытия.

Истинное правило самореализации как в сфере Жизни, так и в сфере Разума заключается в постепенном овладении знанием. Брахман выражает Себя последовательно в многообразных видах сознания, связанных преемственно-последовательным отношением, при этом сосуществующих в пределах одной формы во Времени или, возможно, относящихся к различным формам; так же и Жизнь в своем самораскрытии должна осваивать все новые сферы своего бытия. Но если мы, переходя от одного уровня сознания к другому, по своему нетерпению отвергаем или пренебрегаем старым ради нового, как, например, по достижении ментальной сферы мы отрицаем или умаляем значение физической жизни как основы нашего бытия или по достижении духовного плана сознания перестаем уделять должное внимание ментальной и физической жизни, то мы не достигнем интегральной реализации Бога и не выполним условий Его самовыражения

и самопроявления. Мы не становимся совершеннее, мы только переносим свое несовершенство в другую сферу или, в лучшем случае, достигаем некой высоты, однако при этом сохраняются известные ограничения в нашем саморазвитии. Как бы высоко мы ни поднимались, пусть даже к пределам самого Небытия, наше восхождение не будет совершенным, если останется в забвении физическая основа нашего существа. Истинное преображение природы в божественную заключается не в том, чтобы оставить низшие планы бытия на произвол судьбы, а в том, чтобы преобразовать их в свете достигнутых нами высших истин. Брахман всеобъемлющ и объединяет одновременно множество состояний сознания, и мы, воплощая природу Брахмана, должны стремиться к тому же.

Помимо отказа от материального мира аскетический подход к жизни приводит еще к одной крайности, которой можно избежать, если ставить целью всеобъемлющее воплощение божественного сознания. Вся сложность и запутанность Жизни обусловлена отношениями между тремя основными формами сознания: индивидуальным, универсальным и трансцендентным, или супракосмическим. На обычном уровне жизненной активности человек рассматривает себя как обособленное существо во вселенной, полагая, что и он сам, и вселенная находятся в зависимости от некоторой силы, трансцендентной по отношению и к человеку, и к вселенной. Эту трансцендентную силу мы обычно называем Богом, и она в нашем понятии становится не столько супракосмической, сколько экстракосмической силой. Естественным следствием такого представления становится преуменьшение значения как человека, так и вселенной: согласно логике этого отношения, по достижении Трансцендентного отпадает всякая необходимость и в человеке, и во вселенной.

Интегральный подход к единству Брахмана позволяет нам избежать таких умозаключений и выводов. Как можно совместить жизнь в физическом теле с достижением ментальных и духовных сфер бытия, так можно найти и подход, при котором деятельность человека в физическом мире будет естественным образом совмещаться с нашим постижением космического, трансцендентного и супракосмического сознания. Подобно тому как трансцендентная по отношению к Миру сила охватывает всю вселенную, являясь с ней одно целое и не исключая ее, так и вселенная, в свою очередь, охватывает человека, представляя с ним одно целое и не исключая его. Человек является центром всего

вселенского сознания; вселенная есть форма выражения всей полноты Неизреченного и Непроявленного в его имманентном аспекте.

Таково истинное положение вещей, скрытое от нас нашим невежеством или искаженным восприятием. Когда мы достигаем знания или правильного состояния сознания, то в извечном положении и соотношении вещей ничего не меняется, лишь индивидуальное сознание человека и его внутреннее и внешнее восприятие претерпевают глубокое изменение, что неизбежно трансформирует всю его деятельность и вытекающие из нее результаты. Человек необходим для вселенской активности Трансцендентного, которая отнюдь не прекращается и в нем самом, когда он достигает озаренного состояния сознания. Напротив, поскольку сознательное проявление Трансцендентного в отдельной личности есть средство, с помощью которого коллективное и всеобщее осознает самого себя, то участие озаренной и просветленной личности в миропроявлении является необходимым условием продолжения и развития мировой игры. И если бы достижение отдельной личностью состояния просветления неизбежно было бы связано с необходимостью ухода из этого мира, то последний был бы обречен на вечное пребывание во власти мрака, смерти и страдания. Такое мироустройство напоминало бы скорее непрерывную безжалостную пытку или механически повторяющуюся галлюцинацию.

Философия аскетизма ведет к мировосприятию подобного рода. Но личное спасение не может иметь никакого смысла, если само космическое бытие есть иллюзия. Согласно представлениям монизма, индивидуальная душа едина с Всевышним; ощущение обособленности от Всевышнего есть невежество; избавление от этого чувства обособленности и отождествление себя с Всевышним есть спасение. Но кто остается в выигрыше от такого спасения? Во всяком случае, не высший Дух — высшее Я, ибо он всегда свободен, исполнен покоя, безмолвен и чист. Наш проявленный мир тоже ничего не выигрывает, поскольку он так и остается в оковах и узах — неизменно, навсегда, и освобождение отдельной души от вселенской Иллюзии не приносит ему свободы. Получается, что лишь для единичной человеческой души доступно высшее благо, когда она бежит из мира, где царствуют страдания и боль, разъединенность, обособленность и одиночество, в мир вечного покоя и блаженства. Можно, казалось бы, прийти к выводу о том, что отдельная душа, как нечто отличное и от Всевышнего, и от мира, обладает некой самостоятельной реальностью уже в самый момент

своего освобождения и просветления. Но для приверженца теории иллюзорности мира человеческая душа нереальна и призрачна и существует разве что в необъяснимо таинственной Майе. Итак, мы с неизбежностью приходим к выводу: иллюзорная, нереальная душа избавляется от призрачных, несуществующих оков иллюзорного мира, что есть высшее благо, к которому стремится эта самая иллюзорная, несуществующая душа! Ибо окончательная формула подобного Знания гласит: «Нет ни узника, ни свободного, ни ищущего освобождения». Видья оказывается столь же тесно связанной с миром феноменов, как и Авидья; даже достигнув освобождения, мы вновь встречаемся с Майей, которая смеется над нашей безупречной логикой, разрешившей, как нам казалось, с успехом ее тайну.

Утверждают, что все это не поддается объяснению; это — изначально неразгаданное чудо, для нас же — факты практической жизни, которые мы должны просто принять. Иначе говоря, приходится из одной путаницы выбираться с помощью другой. Человеческая душа может разрубить гордые узел своего эго лишь актом наивысшего эгоизма, придав своему личному спасению статус исключительной важности, что равнозначно признанию абсолютной обособленности своего существования в Майе. Тогда мы вынуждены будем относиться к другим душам всего лишь как созданиям нашего воображения, не придавая никакого значения возможности их освобождения; в то же время наша собственная душа будет для нас единственным средоточием абсолютной реальности, а ее спасение — единственным имеющим смысл делом. Или, другими словами, я буду считать реальным и возможным свое личное спасение, в то время как другие души, которые в равной степени являются частью меня самого, останутся в рабской зависимости от мира!

Все встанет на свои места и перестанет казаться парадоксом, как только мы отбросим все непримиримые противоречия между Духом и проявленным миром. Мы должны принять многообразие проявленного мира, даже если утверждаем единство Проявления. Подтверждение истинности такого мировоззрения можно видеть где угодно, если только намеренно не закрывать глаза. И не кроется ли совершенная естественность и простота чуда Сознательного Бытия в том, что Оно не связано и не ограничено ни своим единством, ни своим многообразием? Оно «абсолютно» в том смысле, что обладает полной свободой выбора средств своего самовыражения и их сочетаний. Нет смысла

говорить здесь о связанности, свободе, о поисках освобождения, ибо Оно есть всегда совершенная свобода. Оно настолько свободно, что не связано даже своей свободой. Оно может играть в зависимость, не попадая на самом деле ни в какую реальную зависимость. Его узы — это им самим установленные правила игры, а ограничения человеческого эго — временное средство, необходимое для воспроизведения своей трансцендентности и универсальности на уровне индивидуального Брахмана, человеческой личности.

Трансцендентное, Супракосмическое по своей сути абсолютно и свободно, пребывая за пределами Пространства и Времени, а также концептуальных противоположностей конечного и бесконечного. Но в космосе Оно использует свою свободу самовоплощения в форме, свою Майю для того, чтобы явить Свой образ посредством дополняющих друг друга начал — единства и многообразия, причем это единство многообразия устанавливается Им на трех уровнях: подсознательном, сознательном и сверхсознательном. И действительно, мы видим, что в нашей материальной вселенной в основе Множества и форм его проявления заложено подсознательное единство, которое получает достаточно явное выражение в жизнедеятельности и субстанции космоса, не воспринимаемое этими формами на поверхностном уровне. На сознательном плане человеческое эго становится тем внешним рубежом, на котором может возникнуть восприятие единства; но такое восприятие единства распространяется лишь на внешние формы и поверхностные действия и не охватывает того, что скрывается за их обличьем, а также не осознает своего собственного единства со всем окружающим миром. Это ограничение универсального «Я» в обособленности эго составляет нашу несовершенную личность. Но когда эго выходит за пределы ограниченного личного сознания, оно начинает вбирать в себя то, что по отношению к нему является суперсознательным, и растворяться в нем; оно начинает осознавать космическое единство и соединяться с Трансцендентным Духом, который выражен в космосе через единство многообразия.

Освобождение индивидуальной души поэтому является средоточием целенаправленного божественного действия; это первостепенная божественная необходимость, которой подчинено все остальное. Именно освобождение человека есть тот самый отмеченный Светом поворотный момент, с которого начинает проявляться целостное воплощение Трансцендентного Духа во вселенском многообразии.

Но освобожденная душа раздвигает границы своего восприятия единства как вширь, так и ввысь. Единство души с Трансцендентным будет неполноценным при отсутствии единства с Множеством космических форм. И это единство «по горизонтали» выражается в передаче освобожденной душой своего состояния свободы другим космическим формам проявленного Множества. Душа, достигшая свободы и единения с Божественным, воспроизводит себя в освобожденных человеческих душах так же, как животное воспроизводит себя в материальной животной плоти. Поэтому, когда хотя бы одна душа достигает освобождения, появляется тенденция к распространению и проникновению свободного божественного самосознания в другие человеческие души; такое распространение божественного сознания носит иногда массовый лавинообразный характер на земле и — кто знает? — может быть, и за пределами земного сознания. Как определить границы этого проникновения божественного сознания? Существует легенда, которая гласит, что, когда Будда находился на пороге Нирваны, Небытия, его душа решила дать обет не погружаться безвозвратно в Нирвану, пока на земле будет оставаться хотя бы одно живое существо, не освобожденное от оков эго и страданий мира. Эта легенда очень похожа на истину.

Обретение высшего сознания — не помеха для распространения достигнутого нами уровня сознания в космосе. Брахман всегда сохраняет две степени свободы: свободу внутреннюю и внешнюю свободу созидания форм, свободу самовыражения и свободу от любого выражения вообще. Мы тоже, будучи причастны Единому, можем прийти к обладанию теми же божественными свойствами. Гармоничное сочетание этих двух степеней свободы является необходимым условием жизни, действительно стремящейся к божественной реализации на земле. Свобода, достигаемая отказом от низших планов бытия ради обретения высших, равнозначна отречению от того, что санкционировано Богом. С другой стороны, деятельность, осуществляемая при полной самопоглощенности действиями, направленными на отдельные узкие цели, ведет к утверждению ценностей низшего порядка и к отрицанию Всевышнего. Но почему человек должен разлучать то, что сочетал Бог? Уподобиться Ему в совершенстве — вот условие всеобъемлющей божественной реализации.

Путь к преодолению нашего эгоистического самовыражения, связанного со смертью и страданием, пролегает через Авидью, проявленную Множественность. Примирив Видью и Авидью в совершенном

восприятию единства, лежащего в основе всего многообразия, мы в полной мере приобщаемся к бессмертию и блаженству. Достигнув запредельного Нерожденного, источника всего проявленного, мы освобождаемся от рождения и смерти в невежестве. Подобно Божественному, добровольно приняв путь Становления и воплощения в мире, мы обретаем блаженство бессмертия и, преодолев смерть, становимся сияющим средоточием Его сознательного самовыражения в человечестве.

Человек во вселенной

Словно путник, блуждает Душа человека среди других существ и жизней в бескрайних вселенских мирах Брахмана — не видя своей связи с Тем, кто ведет ее по пути. Когда же Он принимает ее у Себя, достигает она цели своих странствий — Бессмертия.

Шветашватара Упанишада¹

СМЫСЛОМ бытия вселенной — а в ее бытии есть и смысл, и цель, ибо она не есть ни пустая иллюзия, ни случайно возникшее и обреченное на гибель создание, — является последовательное откровение великой, трансцендентной, исполненной света Реальности, использующей бесчисленное множество относительных свойств и качеств видимых и невидимых для нас миров как средств и материалов, условий и сфер своего проявления. Тот же ход рассуждений, который приводит нас к заключению о том, что проявленный мир не есть плод воображения Разума, убеждает нас и оправдывает нашу уверенность также и в том, что он не есть слепое и беспомощное бытие множества отдельных преходящих элементов, то входящих в объединение, то вступающих в противоборство друг с другом в течение своей жизнедеятельности; проявленный мир не является также продуктом грандиозного самовоспроизводства и самодвижения темной Силы, внутренне лишенной Разума, обладающего знанием об условиях и целях ее деятельности и способного направлять ее и управлять всеми ее процессами. Бытие, в котором самосознание достигает всей полноты и которое, вследствие этого, в полной же мере владеет своими возможностями и способностями, содержит в своем обладании и весь мир феноменов, инволюционно присутствуя в нем и проявляя себя в многообразии вселенских форм, открывает себя в человеческом существе.

Как символу этого светоносного Самооткровения предки ариев поклонялись восходу Солнца, т. е. утренней заре. Полная завершенность всего движения ассоциировалась у них с самым высоким шагом

¹ I.6.

вездесущего Вишну, который связывался в их восприятии с образом всевидящего ока, наблюдавшего за мирозданием с чистейших небес Разума. Это око — уже присутствующая в мире, все-освещающая, все-направляющая Истина сущего, весь мир обнимающая своим взором и с непреодолимой силой влекущая человека к его божественному восхождению, которое осуществляется им поначалу бессознательно, под влиянием общего импульса Природы, но в конце концов и вполне осознанно — в итоге постепенного процесса внутреннего пробуждения и саморазвития. Восхождение человека к божественной Жизни есть его основное предназначение на земле, его главная Работа и желанная Жертва. Только выполнением этой задачи оправдывается человеческое существование на земле, в противном случае человек был бы не более чем насекомым, ползающим среди таких же букашек-однодневок по комку грязи и воды, чудом образовавшемуся среди бескрайних просторов физического мира.

Эта Истина сущего, неизбежно и в постоянно возрастающей степени проступающая из массы противоречий мира феноменов, как было возведено, объявляется бесконечным Блаженством и самосознающим Бытием, одинаковой везде и во всем, во все времена и даже за пределами Времени, осознающей себя за многообразными формами проявленного мира, которые никогда не могут выразить ее до конца ни качественно, ни количественно или каким-то образом ограничить, ибо она всегда остается самосушей и не зависит от форм собственного проявления. Чувственный мир проявляет Бытие, но не исчерпывает его, указывает на него, но не раскрывает его полностью. Бытие раскрывается только перед самим собой в пределах проявленного мира. Инволюционно представленное в проявленных формах сознательное Бытие, эволюционируя, осознает себя через обращенные на самого себя интуицию, видение и опыт. В этом мире оно становится самим собой через самопознание; а самопознание происходит путем самостановления. Таким образом, познав себя внутренне, оно сообщает заключающим его формам сознательное блаженство Сатчитананды. Это становление бесконечного Бытия-Сознания-Блаженства в сфере разума, жизни и физического тела человека (ибо независимо от них оно существует вечно) представляет собой ту самую трансформацию, которая является смыслом и целью человеческой жизни. Божественная триада проявляется через человека в его отношениях с окружающим миром, хотя сама в себе она едина, цельна и безотносительна к чему бы то ни было.

Высшее открытие Веданты — это Непознаваемое, познающее себя как Сатчитананду; эта истина содержит в себе все остальные истины, или, другими словами, все прочие истины являются производными от этой главной истины. Она говорит о том единственном опыте-восприятии, который остается, когда на вопрос о сущности мира феноменов найден ответ — либо негативным способом, то есть удалением всех видимых обличей и покровов, либо положительным, то есть сведением всех имен и форм¹ к той неизменной истине, что они несут в себе. Хотим ли мы как можно полнее реализовать себя в этой жизни или вовсе уйти от нее в трансцендентность, ищем ли чистоты, покоя и свободы в духе или силы, радости и совершенства, Сатчитананда есть то неведомое, вездесущее и неизбежное, к чему человеческое сознание извечно стремится в знании и действии, в чувствах и переживаниях.

Вселенная и человек — это две основные ступени нисхождения Непознаваемого, через которые к Нему можно приблизиться, прикоснуться; все остальные промежуточные звенья в цепи «вселенная — человек» являются лишь производными от взаимодействия этих двух основополагающих. Природа нисхождения высшей Реальности в проявленный мир носит скрытый характер и осуществляется ступенчатым образом, и на каждой ступени Реальность скрывается за особым покровом. Отсюда очевидно, что с неизбежностью откровение Реальности происходит по восходящей, и также очевидно, что восхождение к высшей истине с той же неизбежностью будет осуществляться последовательным образом. Дело в том, что каждый очередной уровень в нисхождении Божественного для человека является определенным этапом восхождения; и каждое новое обличье, скрывающее непознанного Бога, становится для любящего и ищущего Его человека тем средством, с помощью которого он раскрывает и реализует Божественное. От глухого оцепенения материальной Природы, в котором она не в состоянии осознать ни Дух, ни его Промысел, которыми поддерживается упорядоченная деятельность ее энергий, простирающаяся вплоть до уровня глубокого транса безжизненной материи, мир стремится к более ускоренному, но и неупорядоченному ритму Жизни, протекающей на грани самосознания. От Жизни мир устремляется вверх, к Разуму, где отдельная сущность начинает осознавать себя и свое окружение; и этим осознанием вселенной обретается необходимый

¹ Нама-рупа — имя и форма, категории индийской философии (*прим. пер.*).

для осуществления высшей предначертанной ей цели рычаг — индивидуальность, обладающая самосознанием. Но Разум представляет собой лишь промежуточный уровень, он годен для продолжения движения к этой цели, но не для его завершения. Разум — инструмент высокой точности, но ограниченного назначения, который, в соответствии со своими возможностями, обрабатывает, изменяет, улучшает и сортирует полученный от Жизни грубый материал и передает его дальше, в руки высшего Творца божественного человечества. Этот Творец пребывает в мире Супраментального сознания, ибо Супраментал есть Сверхчеловек. Поэтому нашему миру предстоит подняться за пределы Разума к более высокому уровню бытия и силы, на котором как вселенная, так и отдельная личность осознает себя и овладевает тем, чем она на самом деле является, обретая гармонию единства и понимание сущности и предназначения друг друга.

Противоречия и несовершенства жизни и разума снимаются при постижении тайны более высокого порядка, чем секреты физического мира. Материя ниже уровня жизни и разума бессознательно и безотчетно несет в себе уравновешенное сочетание совершенного покоя и неисчерпаемой энергии действия. Покой материи скрывается за неприглядным обликом темной инертности, бессознательного оцепенения или спящего и закрепощенного сознания. Управляемая силой, составляющей ее подлинную сущность, состояния которой она не способна воспринять и разделить, материя не может пробудиться к блаженству своей собственной внутренней гармонии энергий и сил.

На уровне жизни и разума ощущение этой неполноценности начинает пробуждаться в устремлениях неведения и в беспокойных обманчивых желаниях, которые являются первым шагом к самопознанию и самореализации. Но где же те сферы, где такая самореализация возможна? Они достигаются выходом за пределы собственной природы и ее ограничений. Поднявшись выше разума и жизни, мы сознательно обретаем в божественной истине то, что в материальной Природе в огрубленном виде представлено описанным выше равновесным состоянием, но теперь уже это не инертное бессознательное оцепенение, а сосредоточенный покой абсолютной силы, совершенное самосознание и безграничная энергия действия, которое в каждом своем проявлении выражает неизреченное блаженство, ибо его источник — не какая-то необходимость, нужда или усилие неведения, но абсолютный покой и мир, полная власть над своим существом. Это достижение

привносит в наше неведение свет, искаженным отражением которого оно было до того; наши желания при этом сходят на нет, поскольку мы приходим к определенной полноте и завершенности бытия — цель, какую они в действительности и преследовали даже в самых грубых своих формах, будучи скрытым и омраченным выражением устремленности к этому состоянию.

В своем восхождении и вселенная, и личность нуждаются друг в друге, взаимодополняя и существуя друг для друга. Вселенная есть центробежное распыление божественной Всеобщности в бесконечном Пространстве и Времени; личность — центростремительное сосредоточение этой Всеобщности в пределах Пространства и Времени. Вселенная пытается в бесконечном расширении реализовать ощущаемое ею божественное единство, но полностью сделать этого не может, ибо, расширяясь, бытие приходит к множественному самовоспроизведению, то есть к некоему постоянно растущему образованию, которое нельзя принять ни за начальное данное, ни за конечный предел, так как оно всегда остается периодической, то есть бесконечной дробью. Поэтому вселенная создает в себе самосознательную концентрацию Всеобщности, с помощью которой она может выражать свою внутреннюю устремленность. В сознательной личности Пракрити стремится найти Пурушу, а Мир пытается обрести свое высшее «Я»; Природа старается постепенно проявить Бога, поскольку Бог полностью воплотился в Природе.

С другой стороны, вселенная оказывает воздействие на индивида и вызывает у него стремление к самореализации. Для личности вселенная является не только основой, средством, содержанием и ареной ее божественной Работы; но также — поскольку то концентрированное выражение Жизни универсума, которое представляет собой человеческое существо, имеет свои пределы и не свободно, в отличие от Брахмана с его единством, цельностью и всемогуществом, от ограничений и условностей — тем поприщем, где сознательная человеческая личность с необходимостью должна уничтожить свое эго и добиться выхода на единый универсальный уровень, чтобы проявить свою скрытую реальность, божественную Всеобщность. И в то же время, как бы далеко ни продвинулся человек в достижении универсальности сознания, он должен сохранить в себе то таинственное трансцендентное нечто, о котором обычный человек имеет темное, все еще проникнутое эгоизмом представление, сообщаемое ему его чувством индивидуальности.

В противном случае можно считать цель человека не достигнутой, его главную проблему — неразрешенной, а божественную миссию, ради которой он родился, — невыполненной.

Вселенная предстает перед человеком как Жизнь, как некий динамический процесс, все тайны которого он должен раскрыть; в нагромождении противоборствующих явлений и событий, в водовороте энергий и сил ему предстоит отыскать и установить некий высший порядок, выявить нереализованную гармонию. В этом и заключается истинный смысл человеческого прогресса, который не сводится лишь к повторению с незначительными изменениями того, что уже достигнуто Природой в физическом мире; идеалом человеческой жизни не может быть также и животное существование, воспроизведенное на более высоком разумном уровне. В этом случае любая система или любая форма организации нашей жизни, способная обеспечить человеку сносное благополучие, удовлетворяя при этом хотя бы скромные интеллектуальные запросы, положила бы конец нашему движению вперед. Животное довольствуется минимумом, необходимым для выживания; богам довлеет их величие и слава. Человеку же нет и не может быть покоя, пока не обретет он высшего блага. Поэтому человек есть величайшее из созданных живых существ, ибо всегда ему чего-то недостает и он, как никто другой, ощущает гнет всевозможных ограничений. Он единственный способен заболеть божественным безумием в поисках достижения далекого идеала.

Человек, Пуруша, является той личностью, в которой сосредоточены непроявленные возможности Духа Жизни. Именно Сын Человеческий способен в совершенстве воплотить в себе Бога. Человек — это Ману, мыслитель, Маномайя Пуруша, мыслящая личность или душа разума, как называли его древние мудрецы. Он не просто высшее млекопитающее, но способная к постижению душа, обитающая в животном материальном теле. Человек есть сознательная высшая сущность, принявшая и использующая свою материальную форму как средство, с помощью которого Субъект может воздействовать на субстанцию. Животная жизнь, возникшая из Материи, — это лишь низший уровень человеческого бытия. Жизнь мысли, чувства, воли, сознательного устремления, все то, что мы в совокупности называем Разумом, который пытается подчинить себе Материю и ее витальные энергии и заставить их следовать закону его собственного развития и преобразования, есть промежуточный уровень проявления человеческого существа,

плодотворно используемый им на своем пути. Но есть еще и высший план бытия Разума, который ему предстоит открыть и утвердить в своей умственной и физической жизни. Достижение на практике этого уровня, который радикальным образом превосходит все те, что явным образом представлены в человеческой личности в ее нынешнем состоянии, есть основа божественной жизни для человеческого существа.

Ступив на путь самопознания более глубокого, чем его ментальные представления о самом себе, Человек начинает улавливать некоторую суть и ощущать некую форму того, что ему предстоит познать и воплотить в жизнь. Но это нечто видится ему словно бы между двумя противоположными полюсами самоотрицания. В самом деле, если человеку удастся подняться выше уровня развития, характерного для его нынешнего состояния, и соприкоснуться с силой, светом, блаженством самосознательного бесконечного бытия и если, далее, он пытается выразить свои ощущения или пережитый опыт на языке понятий, соответствующих его мышлению, таких как Бесконечность, Всеведение, Всемогущество, Бессмертие, Свобода, Любовь, Блаженство, Бог, то свет его внутреннего прозрения видится окаймленным двумя безднами Ночи — мрак простирается ниже и еще более плотный мрак уходит в бесконечность выше. Ибо когда он пытается получить исчерпывающее знание об этом нечто, то оно словно переходит в другое нечто, сущности которого никакие определения и понятия ни в отдельности, ни взятые вместе передать не могут. Наконец, человеческий разум приходит к отрицанию Бога и признанию некоего Потустороннего или, по крайней мере, к тому, что Бог трансцендентен самому Себе и выступает отрицанием любого представления о Нем. Но и здесь, в земном мире, человек снова как во всем его окружающем, так и в самом себе постоянно сталкивается с фактами, противоречащими, как ему представляется, его положительным определениям Бога. Смерть неотступно преследует человека; ограниченность — непреходящий спутник его существования и приобретаемого опыта, заблуждение, несознательность, слабость, косность, горе, страдание и зло тяжелыми препятствиями неизменно стоят на его пути. И в этом случае человек приходит к отрицанию Бога или, по крайней мере, к убеждению в том, что Божественное скрывается под видом образов или обстоятельств, чуждых его истинной и извечной сущности.

В этом последнем отрицании Бога нет той недосыгаемости, тайны, непостижимости для человеческого рассудка, что свойственны первому:

жизненные явления и события, на которые оно опирается, кажутся доступными для объяснения, понятными, известными и определенными, но — только кажутся, ибо все же остаются загадкой. В самом деле, человек не знает, что они собой представляют в действительности, почему существуют, как возникли. Для него очевидна лишь внешняя их сторона, их влияние на него, но он не в состоянии оценить истинную их глубину.

Но возможно, что глубина эта и вовсе неизмерима, что они непознаваемы в самой своей сущности. Или же вообще лишены всякой реальности — просто иллюзия, Асат, небытие. Высшее Отрицание выливается для нас в некое Ничто, в Небытие; но возможно, что и отрицание Бога, так сказать, в низшей сфере, по сути, также приводит нас к Ничто, к не-сущему. Но поскольку мы уже приняли решение не уходить от трудностей при разрешении проблем с Небытием «высшего порядка», то будем последовательно придерживаться этого принципа и в отношении Асат, относящегося к «низшему плану». Полное отрицание реальности как в первом, так и во втором случае или бегство от того, что мы посчитали чистой иллюзией, означало бы для нас отказ от задуманной работы и нежелание заниматься решением стоящей перед нами проблемы. Для Жизни все то, что как бы отрицает Бога и противостоит Сатчитананде, — даже если речь идет о преходящем — обладает реальностью. Жизнь использует в качестве конкретного материала для своего проявления и то, что отрицает Бога, и то, что противостоит этому отрицанию: добро, знание, радость, наслаждение, жизнь, способность к выживанию, силу и энергию.

Вполне вероятно, что все факты и заключения, ведущие, казалось бы, к отрицанию Божественного, являются результатом или, точнее, неотъемлемой частью не иллюзии, а неправильного отношения человека как к самому себе, так и к окружающему миру, неправильного потому, что это отношение имеет ложные в своей основе взгляды на то, что представляет собой человек во вселенной, а это в свою очередь порождает неверные суждения и о Боге, и о Природе. Причина кроется в том, что человек в его теперешнем состоянии не способен жить в гармонии с окружающим миром как средой своего обитания и не соответствует ни своему предназначению, ни тому, чем он должен быть на самом деле. Именно поэтому человек находится во власти противоречий, неизбежно возникающих благодаря скрытой Истине вещей. В таком случае все эти противоречия и диссонансы не есть результат

грехопадения и наказания за него, а лишь залог прогресса, исходное условие предстоящей нам работы, цена за венец победителя, узкий и тернистый путь Природы из царства Материи в высшие сферы сознания, выкуп, который берет Природа, и одновременно источник ее рабочих средств.

Именно исходя из этих ложных отношений, используя их как подспорье, человек должен обрести истину. Через создания Неведения мы придем к победе над смертью. Веды в иносказательной форме говорят об энергиях, сравнивая их с женщинами, питающими злые намерения, отступающими от праведного пути и причиняющими неприятности своему Господину; но в конечном счете эти энергии способствуют утверждению «этой всеобъемлющей Истины», Истины-Блаженства, несмотря на то, что сами они могут нести в себе ложь и несчастье. Нет, решение не в том, чтобы моральным оскотлением изгнать из себя присутствующее в Природе зло или с негодованием и отвращением удалиться от жизни; только когда человек победит Смерть торжеством жизни, возвысит мелочное человеческое бытие до безграничности божественной жизни, превратит страдание в наслаждение, зло обратит к добру и отыщет скрытую истину в безднах лжи и обмана, его жертва будет исполнена до конца, долгое странствие завершено, а Небо и Земля, наконец примирившись и став наравне друг с другом, сольются в блаженстве Всевышнего.

Как же именно можно достичь примирения всех этих вековечных противоречий и противоположных начал? Какой алхимией превратить свинец смерти в золото божественного Бытия? А что если противоположности — вовсе и не противоположности? Что если они — проявления единой Реальности и по самой сути своей тождественны друг другу? Если так, то становится понятной возможность и неизбежность божественной трансформации.

Выше мы убедились, что запредельное Небытие есть, возможно, лишь неведомая нам форма бытия и, более того, — невыразимое Блаженство. По крайней мере, буддийское состояние Нирваны — предмет и цель одного из самых светлых устремлений человека к тому, чтобы достичь этого высшего Небытия и навеки пребыть в нем, — психологически является выражением неизъяснимого покоя, мира и радости для тех, кто уже в земной жизни обрел освобождение. С практической точки зрения это состояние означает прекращение всякого страдания, к чему приходят уничтожением в себе всех эгоистических помыслов,

побуждений и чувств; для нас же ближайший по важности вывод относительно Нирваны — в том, что мы можем в положительном смысле именовать это состояние как невыразимое Блаженство (если вообще допустимо дать какое-то название тому внутреннему пустоте-покою, что лишен какого бы то ни было содержимого), к которому неприменимо и теряет право на существование даже само понятие бытия. Это своего рода Сатчитананда, но мы не можем говорить о ней, используя даже сами эти высшие понятия — Сат, Чит и Ананда, поскольку Небытие устраняет любые термины и понятия, равно как и превосходит всякий опыт познания.

С другой стороны, мы взяли на себя смелость предположить, что поскольку ничто не выходит за пределы единой Реальности, в том числе и рассмотренное выше отрицание низшего плана, то тогда следует заключить, что и последнее противоречие — небытие Сатчитананды есть не что иное, как Сатчитананда. Это состояние «небытия» доступно нашему разуму, нашему внутреннему видению и даже осязаемо на уровне наших органов чувств с такой же ясностью и очевидностью, как все то, по отношению к чему оно, как может показаться, выступает отрицанием. Подобное восприятие сохранялось бы в нашем внутреннем опыте всегда, если бы мы не были введены в грандиозное заблуждение и не стали жертвой всеобъемлющего Неведения, Майи или Авидьи. Принимая во внимание эти факты, можно попытаться найти решение интересующей нас проблемы в целом; и хотя оно, скорее всего, не будет решением метафизического свойства, удовлетворяющим потребности логически мыслящего рассудка, поскольку мы находимся на грани непознаваемого и непередаваемого, пытаясь проникнуть взглядом в запредельность, оно, тем не менее, должно дать нам прочную основу для опыта воплощения божественной жизни.

Для того чтобы осуществить все это, мы должны выйти за пределы поверхностного восприятия, которым обычно ограничивается разум, попытаться исследовать непознанные и неизведанные области, проникнуть в бездонные глубины сознания и отождествить себя с неведомыми нам состояниями бытия. Человеческий язык — неважный помощник в таком деле, но мы, по крайней мере, постараемся отыскать в нем те доступные символы и образы, которые помогут обрести более света нашей душе, а разуму — воспринять отблески того, что невозможно передать словами.

Эго и двойственность

Душа, обитающая на древе Природы, погруженная в неведение и опечаленная тем, что она и Господь — не одно, возрадуется, когда увидит свое иное «Я», его величие и единство с Господом.

Шветашватара Упанишада¹

ЕСЛИ на самом деле все есть Сатчитананда, то смерть, страдание, зло и всевозможные ограничения, налагаемые на человека в проявленном мире, могут быть лишь порождением (положительным по своему практическому влиянию на нашу жизнь и отрицательным — по существу) искаженного и извращенного сознания, отошедшего и обособившегося от всеобщего и объединяющего знания своей собственной природы и ввергнутого в заблуждение раздробленности и неполноценного опыта. Этот процесс обособления сознания в иносказательной поэтической форме отражен в библейской Книге Бытия как грехопадение человека, представляющее собой его уклонение от полного и чистого принятия Бога и самого себя или, скорее, Бога в себе, и переход на уровень раздробленного, разделяющего сознания, что для него оборачивается дуализмом мировосприятия и влечет за собой целую цепь полярно-парных противоположностей, таких как жизнь и смерть, добро и зло, боль и радость, совершенство и недостаточность — таковы последствия расколотости, двойственности человеческого существа. Это и есть тот запретный плод, что вкусила соблазненная Природой душа, Адам и Ева, Пуруша и Пракрити. Искупление грехопадения достигается обретением утраченного универсального сознания и восстановлением духовной основы на уровне физического бытия. Только тогда человеческой душе будет позволено вкусить плод с древа жизни и уподобиться Божественному и жить в Природе вечно. Ибо только в этом случае достигается цель, ради которой душа нисходит в материальный мир — когда человек приобретает знание добра и зла, страдания и радости, жизни и смерти приобщением своей души к высшему знанию, примиряющему

¹ IV. 7.

и определяющему место этих противоположностей во вселенной и преобразующему разделению крайностей в Единство божественного прообраза.

Для Сатчитананды, как присутствия во всем сущем беспристрастной универсальности и общности, смерть, страдание, зло и ограничения материального мира могут быть лишь обратной стороной медали, теневыми формами своих светоносных противоположностей. В том виде, как мы воспринимаем эти двойственные явления, они служат лишь почвой для разъединения и разногласий и создают разделение там, где должно быть единство, непонимание — где должно быть согласие, стремление к независимой обособленности — вместо попытки создания гармонического единства. Всеединство даже только на уровне вселенских вибраций одного типа, например, если взять одну лишь сферу физического сознания, исключив все, что выходит за ее пределы, должно в любом случае предполагать стремление к гармонии и к примирению конфликтующих противоположностей. С другой стороны, для Сатчитананды, что выступает как трансцендентное по отношению к проявленным вселенским формам, в строгом смысле никак не могут быть применимы дуальные категории в любом понимании и толковании, даже если достигнуто их «примирение». Трансцендентность может только преобразовывать; оно не примиряет, а скорее трансформирует противоположности и превращает их в нечто, превосходящее их и снимающее их противостояние.

Тем не менее, сначала нам надо попытаться соотнести человеческую личность с гармонией всеединства. Здесь нам необходимо осознать (иначе проблема не имеет решения), что способ нашего восприятия вселенских реалий и ценностей хотя и оправдан с точки зрения практических задач человеческого развития и опыта, в то же время не является единственно возможным, наиболее полным, совершенным и правильным. Подобно тому, как возможно существование других органов чувств или способностей чувственного восприятия, которые по сравнению с обычными человеческими возможностями видят и ощущают физический мир по-иному, более полным и совершенным образом, точно так же возможно и другое ментальное и супраментальное видение вселенной, отличное от нашего сегодняшнего видения и превосходящее его. Существуют состояния сознания, в которых Смерть есть лишь изменение в ходе бессмертной Жизни, боль — сильный спад волны вселенского блаженства, который мы не в состоянии

выдержать, конечное — обращение Бесконечного на самого себя, а зло — не что иное, как стремление добра отыскать наиболее совершенные формы своего проявления; и все это подтверждается не на уровне отвлеченных, абстрактных концепций, но в реальном видении и посредством постоянного конкретного опыта. Достижение этих состояний сознания является, возможно, для человека одним из самых важных и необходимых этапов на его пути к самосовершенствованию.

Конечно, практическая ценность и значимость того видения и мировосприятия, которое дают нам органы чувств и дуалистически организованный чувственный разум, сохраняется в своей собственной сфере и принимается как норма обычной человеческой жизни до тех пор, пока человек не будет готов к более глубокой гармонии, где чувственные способности подвергнутся трансформации и переосмыслению, заняв подобающее им скромное место и не утрачивая при этом связи с соответствующими им реалиями. Расширение границ восприятия без соответствующего знания, способного по-новому интерпретировать прежнюю картину чувственно воспринимаемого мира, может привести к серьезным расстройствам психики, нарушив ориентацию человека в повседневной жизни и его способность правильного использования своего мыслительного аппарата. Точно так же расширение нашего ментального сознания, сопровождающееся переходом от опыта эгоистических противоречий к хаотическому единству с определенной формой всеобщего сознания, легко может привести к нарушению уклада активной человеческой жизни в условиях мира относительности и двойственности. Этот факт, без сомнения, лежит в основе предписанного Гитой правила, согласно которому обладающий знанием не должен открывать этого знания и смущать им людей невежественных; ибо, подражая примеру мудреца, но не понимая при этом принципов, которыми руководствуется в своем поведении знающий и мудрый, люди невежественные потеряют всякую ориентацию в жизни, утратят свои собственные критерии и жизненные ценности, не приобретая и не усвоив взамен никаких высших начал и ценностей духовных.

Такое нарушение жизненного равновесия и ориентации допустимо для отдельных личностей, великих душ, добровольно и осознанно принимающих это состояние дисбаланса как временную меру и как переходный этап, неизбежный при восхождении ко всякой более высокой ступени бытия. Но истинной целью человеческого прогресса всегда

должно служить действенное и синтезирующее обоснование и усвоение законов этой более высокой сферы бытия в свете истин новых высших уровней сознания, что дает возможность перейти к более совершенному и точному функционированию чувственного восприятия в нашем взаимодействии с жизненной субстанцией вселенной. В восприятии наших органов чувств солнце вращается вокруг земли; с точки зрения чувственного восприятия земля является центром мироздания, и все концепции и представления, отсюда вытекающие, основываются, таким образом, на изначальном заблуждении. Истина же заключена совсем в другом, но ее открытие имело бы для нас мало пользы, не будь в нашем распоряжении такой научной дисциплины, которая смогла бы сделать новое видение и представление основой упорядоченной и аргументированной системы знаний, правильно истолковывающей наши чувственные восприятия. Точно так же и для нашего ментального сознания Бог «вращается» вокруг человеческого эго, и все Его дела и свершения попадают на суд эгоистического восприятия человека, наших эмоций и представлений, получая при этом соответствующую оценку и толкование, что, несмотря на все искажения истинного положения вещей, имеет определенную пользу и способствует в практическом отношении развитию и прогрессу человеческой жизни. Эта грубая, но работающая на практике, упорядочивающая интерпретация нашего опыта вполне правомерна в пределах определенного круга идей и действий. Но такой подход не отражает и не соответствует высшим проявлениям человеческой жизни и знания. «Не ложь, но Истина — вот путь, уготованный человеку». И истина заключается не в том, что Бог «вращается» вокруг человеческого эго и о Нем можно судить с позиций нашего эго и свойственного ему дуалистического мировосприятия, а в том, что единственным центром является Божественное, и опыт отдельной личности обретает свою подлинную основу и значение лишь при его осознании в категориях универсального и трансцендентного бытия. Тем не менее, замена обыденных человеческих взглядов на новое и чуждое мироощущение, хотя и основанное на истинном знании, без соответствующего интеллектуального и духовного развития может привести к резкому и полному нарушению сложившегося равновесия жизненных ценностей и устоев. Такой дисбаланс обычно сопровождается зарождением новых философских школ и религиозных учений и приводит к революционным движениям в обществе. Но нашей истинной цели мы достигнем только в том случае,

если сможем на основе верной концепции построить обоснованную и эффективную систему знаний, руководствуясь которой эгоистическая жизнь отдельного человека сможет обрести новые жизненные ценности в преображенном и трансформированном виде. Тогда мы обречем новое истинное мироощущение, которое позволит нам превратить нашу сегодняшнюю жизнь в жизнь божественную и с большим совершенством и чистотой использовать во вселенской жизни данные нам возможности и способности.

Эта новая жизнь и сила целостного человеческого существа должна непременно иметь своим основанием реализации великих истин, с помощью которых суть божественного бытия получает свое отражение в нашем образе восприятия мира. Божественная жизнь человека начинается с отречения от своего эго и его ложной позиции и убеждений, с установления правильных и гармоничных отношений с универсальным бытием, частью которого мы являемся, и с трансцендентной реальностью, источником нашего бытия; начало божественной жизни на земле наступает с совершенным самораскрытием человеческой жизни перед высшей истиной и законом, превосходящими все устои и принципы нашей земной жизни, — истиной и законом, которые несут исполнение надежд и чаяний и избавление от страданий. Цель божественной жизни заключается в устранении всех ценностей и принципов, порожденных эгоистической позицией, и в преодолении ограничений, наложенных на наше бытие неведением, смертью, страданием и злом.

Осуществление человеком этой цели на земле не представляется возможным до тех пор, пока наша жизнь ограничена пределами эгоистических ценностей. Если жизнь человека есть явление индивидуальное, а не отражение универсального бытия, несущего с собой могучее дыхание Духа-Жизни, если дуализм восприятия — единственная реакция человека на окружающее и исчерпывает суть и условие всякого существования, если всевозможные ограничения материальной жизни неотъемлемо присущи нашему разуму и жизни, а разложение и смерть является первым и последним условием, началом и концом всякого бытия, если боль и удовольствие неразрывно связаны с любым чувственным восприятием, а радость и печаль — как свет и тень — со всяким эмоциональным переживанием, если истина и заблуждение — два полюса, между которыми извечно обретается любое знание, то вход в трансцендентное возможен лишь ценой отказа от человеческой

жизни и самозабвением в Нирване, за пределами всякого бытия вообще или же в другом, потустороннем мире, на небесах, устроенных совершенно иначе, чем наша материальная вселенная.

Обычному человеческому разуму, привязанному к своим настоящим и прошлым впечатлениям и ассоциациям, не просто представить себе, каким образом наша жизнь может радикально измениться при условии, что внешняя среда, в которой она протекает, останется без изменения. По отношению к нашему следующему эволюционному этапу мы находимся в положении обезьяны, от которой, по теории Дарвина, произошел человек. Та обезьяна, жившая в первобытном лесу на деревьях, никак не смогла бы представить себе, что когда-нибудь на земле появится животное, использующее свой интеллект как новое средство воздействия на окружающую природу, на внутреннюю и внешнюю жизнь и подчиняющее с его помощью инстинкты и привычки, а также изменяющее условия материальной жизни, сооружающее себе жилища из камня, управляющее силами Природы, плавающее по морям и летающее по воздуху, устанавливающее правила поведения для подобных себе особей и разрабатывающее методы своего интеллектуального и духовного развития. И даже если бы разум обезьяны мог вообразить себе такое, ему было бы трудно предположить, что это необыкновенное животное будет прямым ее потомком — потомком дикой обезьяны из первобытного леса и что это осуществится каким-то природным процессом развития и целенаправленного усилия Воли. Человек же, обладающий развитым интеллектом и кроме того владеющий силой воображения и интуиции, в состоянии представить себе уровень сознательного бытия, превосходящий его собственный, и предвидеть свою эволюцию, выходящую за пределы достигнутого им в настоящий момент уровня. Человеческая идея высшего бытия является абсолютным выражением доступных разуму человека положительных концепций и представлений и удовлетворяет в то же время его инстинктивные чаяния и устремления, такие как обладание Знанием, лишенным заблуждения, Блаженством без отрицающего его страдания, совершенной Силой, не знающей немощи, чистотой и полнотой бытия, не ведающими ощущения умеренности и ограничения. Именно этими идеальными качествами и свойствами человек наделяет своих богов; именно по образу и подобию своих устремлений он представляет себе жизнь на небесах. Но этот идеал, взлелеянный человеческой мыслью, не распространяется ею на нашу земную жизнь и на жизнь

всего человечества. Мечты человека о Боге и Небесах есть на самом деле мечты о своем собственном совершенстве. Но нам так же трудно допустить возможность практической реализации своей извечной мечты на земле, как и той первобытной обезьяне увидеть в себе образ будущего Человека. Наше воображение, наши религиозные идеалы и представления говорят нам о том, что эта мечта осуществима; но вмешивается рассудок, отвергает созданные воображением образы и интуитивные предчувствия и наши идеалы оказываются не более чем красивой фантазией, не способной противостоять фактам материальной жизни. Мечта человека остается лишь надеждой на невозможное. Реально существует только ограниченное знание, несовершенное счастье и сомнительное добро и сила.

Тем не менее человеческий интеллект, по существу, заключает в самом себе возможность выхода за пределы присущих ему ограничений в Трансцендентное, поскольку его единственная цель состоит в поиске Знания, другими словами, в поиске Истины путем устранения и преодоления ошибок и заблуждений. Утверждается метод поиска, представляющий собой не движение от большего заблуждения к меньшему, а постепенное овладение позитивной извечно существующей Истиной с помощью противопоставления противоположностей, выдвигаемых правильным и ложным знанием. И если наш интеллект не обладает такой же инстинктивной способностью к постижению и различению правильных и ложных устремлений человечества в других сферах, не имеющих прямого отношения к области мысли, то это лишь потому, что за пределами его собственной сферы деятельности он лишен способности озаренного восприятия и различения истинного и ложного. Мы можем представить себе положительное или абсолютное воплощение счастья в силу того, что сердце, обладающее инстинктивным ощущением счастья, способно верить и имеет свой собственный критерий оценки и различения счастья и несчастья, а также потому, что наша мысль может легко вообразить и допустить устранение неудовлетворенного желания или потребности, которые являются видимой причиной страдания. Но как представить себе снятие ощущения боли для нервных окончаний или устранение смерти из жизни физического тела? Хотя необходимо признать, что отказ от восприятия болезненных ощущений есть свойство, инстинктивно присущее нашим органам чувств, а неприятие смерти есть основная характерная черта нашей жизни. Но наш интеллект рассматривает и то, и другое только как

инстинктивное стремление человеческого существа, а не как достижимую и осуществимую возможность.

Вместе с тем, один и тот же закон должен действовать одинаково во всех случаях. Ограниченность человеческого рассудка заключается в том, что он находится в большой зависимости от непосредственно воспринимаемых фактов окружающего мира, которые безоговорочно, безусловно воспринимаются им как реальные; при этом у него не хватает желаний и смелости довести до своего логического завершения и воплощения более глубокий фактический материал — основополагающие нереализованные возможности бытия. Все существующее в мире представляет собой реализацию возможностей, возникших на прошлых этапах эволюции; сегодняшние потенциальные возможности есть ключ к реализации будущего. И возможность устранения смерти и страданий действительно существует. Ибо возможность контроля и управления каким-либо явлением зависит от знания причин, его вызывающих, и процесса его развития; и если мы будем знать причины человеческих заблуждений, страданий, боли и смерти, то мы можем надеяться на то, что когда-нибудь преодолеем и устраним их из своей жизни, поскольку знание есть сила.

По существу, мы по мере сил и возможностей стремимся к достижению идеала, к устранению из нашей жизни этих отрицательных и враждебных явлений. Мы постоянно пытаемся свести к минимуму причины наших ошибок и заблуждений, боли и страдания. Наука по мере накопления и расширения знаний мечтает постичь тайны процесса рождения, овладеть секретом продления жизни и в конце концов научиться преодолевать смерть. Но поскольку мы ставим перед собой лишь внешние или вторичные цели, то тем самым отодвигаем и отдаляем решение извечных проблем, что, в свою очередь, не способствует устранению истинных причин наших несчастий. В этом заключается человеческая ограниченность, ибо мы стремимся получить сразу результат, не обладая для этого необходимым изначальным знанием; пытаемся постичь внешнюю сторону вещей, а не их суть. Таким образом, мы получаем возможность управлять отдельными явлениями и обстоятельствами, но самое главное нам неподвластно. Если знать основную природу и причину своих ошибок, заблуждений, страдания и смерти, то можно надеяться, что будет установлен полный контроль над ними. Можно было бы рассчитывать даже на то, чтобы и вовсе устранить их из жизни и подтвердить оправданность доминирующего

инстинктивного стремления нашей природы победой абсолютного добра, блаженства, знания и бессмертия, которые мы интуитивно ощущаем как истинное и окончательное состояние человеческого существа.

Древняя Веданта предлагает нам решение этой проблемы в виде своей концепции Брахмана и через опыт его переживания как единого универсального и основополагающего факта, а также в восприятии природы Брахмана как Сатчитананды.

При таком подходе вся жизнь по существу заключается в движении вселенского бессмертного бытия, а суть всего чувственного восприятия и эмоций сводится к игре вселенского самосущего блаженства бытия; сущность мысли и интеллектуального восприятия представляет собой излучение вселенской все проникающей истины, а вся деятельность — возрастающее саморазвертывание вселенского добра.

Эта игра, это движение выражают себя в многообразии форм, богатстве проявлений и взаимодействии энергий. Многообразие допускает вмешательство определенным образом отражающего и временно искажающего эти энергии фактора, человеческого эго. Природа нашего эго заключается в самоограничении сознания путем намеренного поддержания состояния неведения относительно всей остальной части универсальной игры и исключительного сосредоточения на одной определенной форме, одном сочетании тенденций и свойств, одном направлении движения энергий. Человеческое эго является фактором, предопределяющим существование заблуждения, печали, страдания, зла и смерти как своеобразной реакции нашего существа на воздействие универсальных энергий, ибо именно в эти искаженные формы облакаются определенные побуждения и внутренние движения, которым надлежит занять правильную позицию, отражающую единое Бытие, Блаженство, Истину и Добро. Восстановив правильные отношения с универсальными реалиями, можно устранить искажение реакций, вносимое нашим эго, и вернуть им их настоящее предназначение. Такое исправление искаженных реакций эго достигается путем приобщения человеческой личности к всеобщему единому сознанию, а также к сознанию трансцендентного, представленному здесь в виде этого всеобщего сознания.

В позднюю Веданту попала утвердившаяся впоследствии идея, что ограниченное человеческое эго является не только источником двойственности восприятия, но также и основным условием существования

вселенной. Избавившись от неведения, присущего эго, и от связанных с ним ограничений, мы действительно освобождаемся от двойственности восприятия, но одновременно с этим мы прекращаем и свое существование в космическом движении. Таким образом, мы опять приходим к выводу о том, что человеческое существование есть по сути своей зло и иллюзия, и о бессмысленности всех попыток, направленных на совершенствование нашей жизни и окружающего мира. И все, на что мы можем рассчитывать здесь, — это добро относительное, всегда сопряженное со своей противоположностью. Но если в основу своего подхода мы положим более глубокую, значительно большего охвата идею, согласно которой наше эго является лишь представителем и выразителем некоего запредельного ему бытия, то нам удастся избежать пессимистических выводов и применить принципы Веданты не только ради бегства от жизни, но и в целях реализации ее полноты. Основная причина и условие вселенского существования есть Господь, Ишвара или Пуруша, проявляющий себя и обитающий в отдельных индивидуальных и универсальных формах. Ограниченное человеческое эго — всего лишь промежуточное звено сознания, необходимое на определенном направлении и этапе эволюционного развития. Следуя этим эволюционным путем далее, человек может прийти к тому, что для него является запредельным и выражающим его собственную суть в этом мире; он может продолжать оставаться выражением этого запредельного, но уже не в облике темного и ограниченного эго, а как средоточие и центр Божественного бытия и универсального сознания, охватывающего всю сферу индивидуальных ограничений, трансформирующего ее и приводящего в гармонию с Божественным.

В этом случае манифестация божественного Сознательного Бытия, выраженная во всем многообразии физической Природы, является основой человеческого существования в материальной вселенной. Раскрытие этого Сознательного Бытия, инволюционно присутствующего в Жизни, Разуме и Супраментале и вызывающего их эволюцию, является условием нашей деятельности, поскольку именно эта эволюция, это раскрытие способствовали появлению человека в мире Материи, а в дальнейшем она позволит достичь полного обожествления человеческого тела, осуществив универсальную Инкарнацию. Эгоистическое формообразование в человеке есть тот промежуточный и решающий фактор, который позволяет Единому проявляться в виде сознательного Множества, возникающего из темной и бесформенной неопреде-

ленной всеобщности, называемой подсознанием, *hṛdya samudra*, или «бескрайним сердцем всех вещей», согласно Ригведе. Двойственный мир жизни и смерти, радости и печали, удовольствия и страдания, истины и заблуждения, добра и зла есть ближайшее порождение эгоистического сознания, естественный и неизбежный результат его стремления достичь единства в некотором искусственно созданном им самим и для себя измерении, слишком узком, чтобы в полной мере вместить всеобщую истину, благо, жизнь и наслаждение бытия во вселенной. Это эго-образование устраняется в результате восприятия человеком универсального и Божественного сознания, выступающего как средство его высшей самореализации, по сравнению с которым эгоистическая жизнь есть лишь начальный и несовершенный этап развития, подобно тому как животная жизнь есть лишь прелюдия к жизни человеческой. Цель нашей жизни заключается в реализации Всеобщего на индивидуальном уровне путем трансформации и преобразования ограниченного эго в сознательное средоточие божественного единства и свободы. А божественная задача эволюционного цикла человека состоит в проявлении и раскрытии бесконечного и абсолютного Существования, Истины, Добра и Блаженства бытия в Многообразии мира. Это высшая реализация, к которой стремится и которую предстоит осуществить матери Природе.

Методы ведантистского знания

Этот скрытый во всех существах Дух не виден глазу, но доступен для тех, кто достиг высшего разума и обладает тонким видением.

*Катха Упанишада*¹

ВЧЕМ же заключается деятельность Сатчитананды в проявленном мире и в результате каких изменений первоначально образовались, а затем сложились в их настоящем виде отношения Сатчитананды с человеческим эго? От этих отношений и от того, как они развиваются, зависит вся философия и практика божественной жизни человека.

Мы приходим к концепции и к познанию божественного существования путем преодоления границ чувственного восприятия, обусловленного физическим разумом. До тех пор, пока мы целиком и полностью пребываем во власти чувственного восприятия и физического сознания, мы ничего не можем по-настоящему понять и почувствовать, кроме явлений материального мира. Используя присущие человеку способности, наш разум с помощью логического анализа или воображения формирует на основе фактов материального мира ментальные концепции, которые вместе с тем не подтверждаются непосредственно физическими данными или физическим опытом. Первая из этих способностей человека — видение чистого разума.

Деятельность человеческого разума носит двойственный характер: с одной стороны — смешанный и зависимый, с другой — чистый и абсолютно самостоятельный. Ограничивая себя чувственным опытом, принимая его за окончательную истину и занимаясь изучением лишь поверхностных явлений в их взаимодействии, развитии и формах проявления, разум демонстрирует первое свойство. Рациональный подход исключает постижение того, что есть на самом деле; такой метод познания раскрывает только видимую, внешнюю, проявленную сторону объектов исследования и лишен возможности проникновения в глубины бытия. С другой стороны, разум способен выступать как орудие

¹ I.3.12.

чистого видения и, опираясь на опыт чувственного восприятия, но не ограничиваясь им, идти дальше, строя выводы и заключения, действуя согласно своей высшей природе и стремясь к созданию всеобщих и безошибочных концепций, основанных не на поверхностных явлениях, но на глубинной сущности исследуемого предмета. Разум в качестве средства достижения стоящей перед ним цели может использовать непосредственное суждение, основанное на связи между внешним обликом того или иного явления и тем, что незримо за ним скрывается; в этом случае сформированная ментальная концепция как бы зависит и вытекает из чувственного опыта, хотя на самом деле она есть результат работы и восприятия разума в сфере его собственного уровня сознания. Чистый разум в своей деятельности может также, исходя из чувственных восприятий, использовать их лишь как повод, как отправную точку, при этом данные чувственного опыта часто остаются где-то далеко позади еще до того, как достигнута цель, настолько далеко, что полученные результаты выглядят прямым противоречием тому, о чем столь убедительно говорит нам наше чувственное восприятие. Такое положение вещей является вполне оправданным и неизбежно необходимым, поскольку наш обычный опыт охватывает лишь малую часть универсального бытия, и, кроме того, даже в пределах доступной ему сферы мы используем несовершенный инструментарий, искажающий действительную картину мира. Чтобы составить более адекватное представление об истинной природе вещей, нам необходимо выйти за пределы обыденного опыта, занять критическую по отношению к нему позицию и, возможно, отказаться от его навязчивых выводов. Способность разумно корректировать ошибки чувственного восприятия является одним из наиболее ценных качеств и свойств человека, обеспечивающих его превосходство над всеми остальными земными существами.

Использование в полной мере возможностей чистого разума приводит нас в конечном счете от физического знания к метафизическому. Но и метафизическое знание, в свою очередь, не может полностью ответить на все вопросы сложного человеческого существа. Метафизические концепции могут принести удовлетворение лишь самому чистому разуму, поскольку они есть сама стихия его. В то же время человеческой природе присущ двойственный подход к окружающему миру, в котором любой объект рассматривается одновременно и как факт, и как идея, поэтому каждое умозрительное понятие является для нас неполным и недостаточным, а определенная часть нашего существа

вообще склонна расценивать ментальный опыт как нечто нереальное, пока он не получит подтверждения на чувственном уровне. Но истины, о которых мы говорим, не подлежат подтверждению в сфере обыденного опыта, ибо по своей природе они находятся «за пределами чувственного восприятия и доступны чистому разуму». Отсюда следует, что нам необходимы какие-то иные пути получения опыта, способного удовлетворить запросы нашей природы; поскольку речь идет об обретении сверхфизического знания, это может быть достигнуто только расширением нашего психологического опыта.

В определенном смысле весь наш опыт можно считать психологическим, ибо даже то, что доступно чувственному восприятию, для нас не имеет само по себе ни значения, ни ценности, пока не получит соответствующего отображения на уровне чувственного разума, или, по терминологии индийской философии, Манаса, который, по мнению индийских философов, является шестым органом чувств. Мы даже беремся утверждать, что Манас и есть единственный орган чувственного восприятия, а все остальные органы чувств — зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса — суть лишь производные чувственного разума, который, хотя обычно и использует их в качестве основы для получения опыта, все же превосходит их по своим возможностям и способен к восприятию непосредственного опыта, соответствующего его собственному уровню. Отсюда следует, что психологический опыт, подобно познавательной деятельности разума, имеет двойственный характер: с одной стороны — смешанный и зависимый, с другой — чистый и самостоятельный. Смешанный — в том случае, когда чувственный разум стремится к познанию объекта — внешнего мира; чистый — если психологический опыт обращен на познание чувственным разумом самого себя как субъекта. В первом случае опыт зависит от деятельности органов чувств и чувственный разум формирует наше восприятие в соответствии с их данными; во втором — деятельность чувственного разума не выходит за его собственные пределы и познание приобретает с помощью самоотождествления с познаваемым. Именно так мы осознаем свои собственные эмоциональные переживания; как верно сказано, мы познаем, что такое гнев, когда мы сами и есть гнев. Именно так мы осознаем и собственное бытие; в этом случае природа познания через самоотождествление становится очевидной. На самом деле всякий опыт по существу представляет собой познание через обретение тождества с познаваемым объектом. Но эта скрытая

суть любого опыта остается для нас недоступной, поскольку мы обособились от окружающего нас мира, утвердившись в резком разграничении между своей собственной персоной — как субъектом и всем остальным — как объектом; в результате мы вынуждены развивать в себе особые способности, органы и методы восприятия, которые позволят нам снова войти в сообщение с тем, от чего мы себя изолировали. Пока же вместо непосредственного познания с помощью сознательного самоотождествления мы должны с неизбежностью прибегать к познанию опосредованному, приобретаемому в результате физического контакта и нашей ментальной расположенности к познаваемому предмету. Это ограничение познавательной способности человека является прямым следствием и образчиком деятельности нашего эго, изначально основанной на лжи, искажающей и извращающей настоящую истину и выдающей этот продукт за практическую и реальную истину, которой мы руководствуемся в наших отношениях с окружающим миром.

Настоящая природа и организация ментального и чувственного познания человека говорят о том, что наши ограничения в этой области не носят неизбежного характера, но скорее являются результатом эволюции, в ходе которой мышление привыкло находиться в зависимости от определенных физиологических функций тела и использовать их в качестве необходимых средств контакта с материальной вселенной. И хотя познание окружающего мира, как правило, осуществляется опосредованно с помощью органов чувств восприятия, а наше знание в результате такого процесса познания ограничивается лишь долей истины, которую способна донести до нас деятельность этих органов, такое положение вещей можно считать лишь укоренившейся привычкой. Разуму доступно прямое восприятие объективного мира без посредства органов чувств; такое восприятие было бы совершенно естественным для разума, если бы он пожелал освободиться от зависимости со стороны материи. Подтверждением тому служат опыты, проводимые с пациентами под гипнозом, а также другие случаи сходных психологических явлений. Поскольку наше бодрствующее сознание определяется и ограничивается состоянием равновесия между разумом и материей, которое достигается на основе эволюционирующей жизни, то обычное сознание человека не способно к непосредственному познанию окружающего мира; оно становится возможным, если сознание из состояния бодрствования переходит в состояние тонкого сна, когда становится возможной активность истинного

или сублиминального разума. Тогда он обретает способность проявлять свою подлинную природу самодостаточного и единственного органа восприятия, которому доступно непосредственное, чистое познание объектов окружающего мира без участия органов чувств. Все, кто сталкивался с неординарными психологическими переживаниями, знают, что чистое и независимое действие разума возможно, хотя трудно достижимо, также и в бодрствующем состоянии сознания.

Самостоятельная, не опосредованная деятельность чувственного разума может быть использована для развития у человека новых видов чувственного восприятия помимо пяти существующих. К примеру, можно развить в себе способность точно определять вес предмета, не используя никаких измерительных приборов; для этого необходимо будет просто взять этот предмет в руку. В данном случае чувство осязания будет служить лишь отправной точкой для Манаса (ту же роль играет чувственное восприятие в деятельности чистого разума), само физическое чувство соприкосновения не может дать точного представления о весе предмета. Познание объекта, его веса, происходит здесь с помощью чистого чувственного разума, а физическое чувство осязания используется только как средство установления контакта с этим объектом. Аналогично чистому разуму Манас может использовать чувственный опыт лишь как первый шаг процесса познания, и знание, которое он получает, может совершенно не соответствовать и даже противоречить физическим ощущениям органов чувств. Эта познавательная способность разума не ограничивается лишь наружной, поверхностной стороной явлений. Вступив в физическое соприкосновение с внешним объектом с помощью любого из органов чувств, Манас может получать знание о внутреннем содержании этого объекта; например, вы можете воспринимать мысли или чувства других людей, даже если их мысли и чувства не получают никакого внешнего проявления и выражения с помощью слов, жестов, действий или мимики лица, а если и получают, то вопреки этим внешним признакам внутреннего состояния, которые зачастую бывают обманчивы. В конечном счете, с помощью внутренних органов чувств, то есть опираясь лишь на деятельность чувственного разума, Манаса, взятого в чистом виде без участия физической составляющей чувственного восприятия, которое является частным проявлением функции Манаса на уровне внешней жизни, мы можем получать чувственно воспринимаемую информацию о внешнем облике и образах объектов, не принадлежащих

к окружающему материальному миру. Мы должны признать возможность расширения наших познавательных способностей, к которой с недоверием относится поверхностный разум человека, как, впрочем, и ко всему, что не укладывается в его обыденном сознании и не поддается простому утилитарному использованию в повседневной жизни, поскольку сверхчувственное восприятие является неизбежным результатом любых усилий и экспериментов — научно обоснованных и систематизированных или случайных и бессистемных, — направленных на расширение границ поверхностного сознания.

Однако новые способности, расширяющие сознание, представляют собой лишь более совершенные средства наблюдения, они позволяют соответственно расширить и область исследования объектов и явлений, но не дают возможности достичь искомой цели: психологического опыта постижения и переживания тех «истин, что лежат за гранью чувств, но разуму доступны», *buddhigrāhyam atīndriyam*¹. Истина остается за пределами чувственного восприятия. И все же, согласно всеобщему правилу универсального бытия, доступная постижению разума истина не может не быть доступной постижению существа, наделенного этим разумом, в виде опыта. Этим средством расширения нашей познавательной ментальной способности является получение знания через самоотождествление, которое дает возможность осознания своего собственного бытия. И действительно, наше внутреннее самопознание основано на более или менее сознательном восприятии и осмыслении своего внутреннего состояния. Или, в более общей формулировке, знание содержимого содержится в знании содержащего. А если вслед за этим мы сможем применить свою способность ментального самоосознания через отождествление для восприятия запредельного Духа, Атмана, или Брахмана Упанишад, то нам станет доступен опыт переживания истин, воплощающих существо содержания Атмана, или Брахмана во вселенной. Именно такого рода познание лежит в основе Веданты: постижение вселенной через познание своего высшего «Я».

Но согласно же Веданте, даже самому высокому ментальному опыту и умозрительному представлению доступно не настоящее самоотождествление высшего порядка, а лишь состояние тождества сознания на уровне ментальной рефлексии. Человек должен выйти за пределы разума и мысли. Мыслительный аппарат обычного бодрствующего

¹ Бхагавадгита, VI.21.

состояния сознания является лишь связующим звеном между Всеобщностью подсознательного, из которой мы вышли в процессе эволюции, и Всеобщностью сверхсознательного, которую нам предстоит достичь в силу непреложности эволюционных законов. Подсознание и сверхсознание суть две формы представления одной и той же Всеобщности. Как Жизнь есть главный признак подсознания, так Свет — это главный признак сверхсознания. Знание, или сознание на уровне подсознания, инволюционно присутствует — «скрыто-свернуто» — в действии, поскольку действие есть сама сущность Жизни. В области сверхсознания действие вновь приобщается к свету и становится составной частью высшего сознания, переставая быть убежищем скрытого знания. Общим для той и другой сферы является интуитивное знание, основу которого составляет сознательное действительное тождество между субъектом и объектом знания. Интуитивное знание представляет собой состояние единого в-себе-бытия, где познающий и познаваемое сливаются в одно целое посредством знания. На уровне подсознания интуиция проявляется в действии и его результате, а знание, или сознательное тождество, присутствует в действии в скрытой форме либо полностью, либо частично. В области сверхсознания, где Свет является главным законом и определяющим принципом, интуиция, напротив, проявляется в своей истинной природе как знание, возникающее вследствие сознательного отождествления, а результат действия есть скорее сопутствующее или необходимое последствие, не скрывающее изначального тождества. Разум и мышление действуют как связующее звено между этими двумя состояниями бытия и позволяют человеку освободить знание от уз действия и вернуть ему его истинное значение доминанты бытия. Когда самосознающий разум обращает свою познавательную способность как вовне, так и на себя и достигает состояния озаренного самоотождествления, наша мысль также приобретает форму светоносного интуитивного¹ знания. Интуиция — это наивысшая доступная нам ступень знания, на которой разум приобщается к супраментальному уровню сознания.

Таковы основные принципы человеческого мышления и восприя-

¹ Я использую слово «интуиция» за неимением ничего лучшего. В действительности это слово не передает точного смысла того, о чем идет речь. То же самое относится и к слову «сознание» и ко многим другим терминам, которые неадекватно отражают значение понятий и которыми мы вынуждены пользоваться по бедности языковых средств.

тия, на которых построены выводы древнейшего учения Веданты. В мою задачу не входит подробное, исчерпывающее рассмотрение результатов, к которым, опираясь на эти принципы, пришли в своих поисках мудрецы далекого прошлого, однако краткий обзор некоторых самых существенных умозаключений древних искателей истины будет необходим, ибо они затрагивают предмет нашего исследования — проблему Божественной Жизни. Кроме того, идеи первоначальной Веданты как нельзя лучше послужат нам основой для наших поисков, и, несмотря на то, что знание прошлых веков, как и всякое знание вообще, нуждается со временем в определенном пересмотре и обновлении форм его выражения и представления в соответствии с уровнем ментального развития данной исторической эпохи — тогда знание древних предстанет перед нами в новом свете современного восприятия, что необходимо для преемственности опыта прошлого и настоящего, подобно тому свет утренней зари каждый день повторяет себя по-новому, — духовные завоевания прошедших веков всегда будут оставаться для нас надежным и крепким фундаментом, на котором мы будем строить свои новые отношения с вечно неизменным и в то же время постоянно меняющимся Бесконечным.

Чистое Бытие, или Сат Брахман, неизреченный, бесконечный и абсолютный, — это окончательная концепция изначальной Реальности, к которой приходит Веданта, основываясь на конкретном духовном опыте, открывающем эту Реальность за всеми внешними формами и проявлениями. Очевидно, что, принимая эту концепцию за основу, мы целиком и полностью выходим за пределы привычных категорий обычного человеческого сознания и опыта. Ни органы чувств, ни чувственный разум никак не знакомы и не соприкасаются со сферой чистого, или абсолютного, бытия. Все, что доступно чувственному восприятию, — это форма и движение. В то же время существование любой формы не относится к области чистого бытия и всегда носит смешанный, комбинированный и относительный характер. Погружаясь в глубины своего собственного сознания, можно избавиться от категории формы, но нельзя преодолеть движения и изменения. Движение Материи в Пространстве и изменение Материи во Времени есть неперемнное условие существования на физическом уровне. Мы, конечно, можем при желании утверждать, что это-то и есть бытие и что сама идея в-себе-бытия никакой реальности не соответствует и открывать, собственно, нечего. В результате процесса самоосознания мы

в лучшем случае можем уловить отдаленные проблески чего-то неподвижного и неизменяемого, что на уровне воображения дает нам возможность смутно догадываться, что мы — по ту сторону жизни и смерти, вне всякой изменчивости, формы, действия. В глубине нашего существа порой на мгновение распахивается дверь, через которую мы видим запредельную истину во всем ее великолепии; и прежде чем эта дверь успевает захлопнуться, нам удается соприкоснуться с сияющим отблеском истины, который, если мы этого пожелаем, будет питать нашу веру и послужит отправной точкой для перехода от чувственного восприятия к новому уровню интуитивного сознания.

Интуиция — это наш первый учитель. К такому выводу мы приходим, присмотревшись внимательно к этому явлению. Интуиция всегда скрыто присутствует за действиями разума. Она приносит человеку яркие озарения — послания от Неизведанного, которыми и начинается наше высшее знание. Человеческий же рассудок уже после того, как великолепные дары получены, пытается извлечь для себя пользу из этого богатства. Интуиция доносит до нас идею чего-то превосходного и запредельного по отношению к тому, что нам известно и что мы сами собой представляем, того, к чему стремится человек вопреки своему примитивному здравому смыслу, что противоречит его обыденному опыту и заставляет облекать свои смутные предчувствия и догадки в образ Бога, понятия Бессмертия, Высших Небес и в другие категории, позволяющие отобразить высшую идею на уровне разума. Интуиция по своей силе подобна самой Природе, чья душа ее питает, и никак не связана ни с противоречиями разума, ни с диссонирующими реалиями чувственного опыта. Знание интуиции не нуждается в косвенных доказательствах и преходящих свидетельствах разума, ибо она происходит от истины и является ее неотъемлемой частью. Интуиция является для нас не столько посланником Бытия, сколько Существа, ибо она рождается в скрытом внутри нас источнике света, с помощью которого открывается путь к истине через самоосознание. Древняя Веданта уловила это провозвестие Интуиции и сформулировала его в трех главных постулатах Упанишад: «Я есть Он», «Ты есть То, о Шветакету», «Все это есть Брахман; мое Я есть Брахман».

Но Интуиция не в состоянии дать нам знание истины в упорядоченном виде, в отчетливо выраженной форме, как того требует наша природа, поскольку Интуиция проявляется в человеке как бы из-за занавеса и, действуя главным образом в самых непросветленных

и неразвитых областях его существа, вынуждена использовать на уровне поверхностного бодрствующего сознания крайне несовершенный инструментарий, неспособный к полному восприятию того, что несет с собой Интуиция. Прежде чем Интуиция сможет дать нам непосредственное знание во всей полноте, ее присутствие и деятельность должны приобрести закономерный характер в большей части нашего поверхностного существа и занять здесь ведущее место, которое в настоящий момент безраздельно принадлежит Разуму, организующему и направляющему все наше восприятие, все мысли и действия. В этом и причина того, что на смену эпохе интуитивного знания, представленной ранневедантистской мыслью времен Упанишад, пришла эпоха рационального знания; вдохновенное Писание уступило место метафизической философии, а та, в свою очередь, — экспериментальной Науке. Чистый разум, представляющий лишь средний уровень потенциальных возможностей человека, вытеснил мысль, рожденную Интуицией, являющейся посланником сверхсознательных сфер и воплощением высших человеческих способностей. В свою очередь, чистый разум был временно замещен не выходящим за пределы чувственного опыта конгломератом из смешанных проявлений обыденного ментального сознания и импульсов низшей природы. И хотя этот процесс последовательного вытеснения высших уровней сознания низшими носит как бы регрессивный характер, на самом деле он представляет собой шаг вперед, поскольку всякий раз, когда нижестоящие уровни сознания принимают на себя высшие по отношению к ним функции, низшие планы бытия ассимилируют свойства высшей природы, пытаясь воспроизвести их своими собственными средствами. Происходит расширение возможностей нижестоящих уровней сознания, которые приобретают большую гибкость и способность адаптации к влиянию высших планов бытия. Без этого последовательного процесса вытеснения и замещения — с соответствующей ассимиляцией — человеческое существо постоянно находилось бы во власти лишь какой-то одной части нашей природы, в то время как все остальные составляющие нашего существа не получали бы нужного развития, оставаясь в изолированном и подавленном состоянии. В результате же последовательного усвоения высших функций низшими планами существа поддерживается необходимый баланс, содействующий продвижению к более полной гармонии всех элементов человеческой природы, наделенных способностью к познанию и аккумулирующих знание.

Этот процесс обнаруживается при сравнении знания Упанишад с последующим развитием философской мысли Индии. Мудрецы и мыслители Веданты целиком и полностью полагались на интуицию и духовный опыт. Ошибаются те ученые, которые говорят о каких-то грандиозных дискуссиях или спорах, получивших свое отражение в Упанишадах. Если нечто подобное и встречается в Упанишадах, то это только кажущиеся противоречия и разногласия, не имеющие ничего общего с дискуссиями, основанными на принципах диалектики или логического мышления; на самом деле эта полемика исходит из сравнения интуитивных восприятий и переживаний, в ходе которых одни истины, меньшей глубины, света, значения, уступают место другим — более широким, существенным и совершенным. Вопросы, которые задает один мудрец другому, сводятся к следующему: «Каким знанием ты обладаешь?» (в отличие от: «Что ты думаешь по этому поводу?» или: «К какому выводу привели тебя твои размышления?»). Нигде в Упанишадах мы не встретим ни малейших следов логического рассуждения для подтверждения, подкрепления ведантистских истин. Интуитивное знание может быть поправлено только другим, более совершенным интуитивным знанием, но никогда логические доводы не были для мудрецов древности высшим судом.

Человеческий интеллект тем не менее выдвигал свои собственные требования к тому, что касалось методов поиска и форм отображения знания. Поэтому в эпоху развития рационалистических методов познания индийские философы, питавшие глубокое уважение к духовному наследию прошлого, занимали двойственную позицию по отношению к искомой Истине. С одной стороны, авторитет древнейших священных Писаний, так называемых Шрути, содержавших в себе интуитивные прозрения и вдохновенные Откровения, всегда признавался высшим по сравнению с любыми аргументами Разума. В то же время поиски строились и на рациональных началах, но правильность выводов постоянно поверялась высшим авторитетом Шрути и отбрасывалось все, что ему противоречило. Таким образом индийским философам удалось в какой-то степени не поддаваться вечному греху метафизики — для победы в сражении как можно скорее забраться в туманные дебри, относясь к словам так, будто они суть обозначения самых бесспорных фактов, вместо того чтобы рассматривать их лишь как символы, требующие осторожного и внимательного обращения, постоянной проверки смысла, который они несут в себе. Философская мысль Индии изначально

старалась не отдаляться от высокого духовного опыта и двигаться вперед при обоюдном согласии двух великих авторитетов — Разума и Интуиции. Но, несмотря ни на что, возобладала естественная тенденция Разума к самоутверждению и господству вопреки тому, что он не относится к высшим уровням сознания. Последствием стало появление разнообразных и противоречащих друг другу философских школ, использовавших Веды как теоретическую основу, их отдельные положения и тексты — как оружие борьбы против своих противников. Высшее интуитивное Знание обладает видением единства всего сущего как целого, а отдельных деталей — как составных частей этого неделимого целого и стремится к непосредственному синтезу знания. Разум же, напротив, действует на основе вычленения и анализа отдельных фактов, которые затем, собрав, пытается объединить в одно целое. Однако такое «объединение» неизбежно содержит противоречия, аномалии, логически несовместимые элементы, из которых Разум, ради создания логически безупречной системы, естественно, стремится удержать и утвердить одни и отбросить другие. Таким образом была нарушена целостность изначального интуитивного знания, а изобретательность логической мысли не замедлила отыскать методы и способы интерпретации священного Писания, которые позволяли объявить неудобные, неудобные по смыслу и содержанию тексты практически недействительными, что давало полный простор метафизическим спекуляциям и измышлениям.

Однако основные концепции первоначальной Веданты были частично усвоены различными философскими системами и также фрагментарно сохранились в них. Время от времени предпринимались попытки воссоздания из этих фрагментов некоего подобия первоначального единства подлинной интуитивной мысли. Все более поздние философские школы сохранили в различной форме такие основополагающие понятия Упанишад, как Пуруша, Атман, или Сат Брахман, то есть чистое Существо, которые хотя и приобретали нередко рационалистическую форму идеи или психологического состояния, все же несли в себе изначальный смысл неизреченной реальности. Ищущая мысль Индии всегда задавалась умозрительным, но вместе с тем и практическим вопросом: как соотносится движение становления, именуемое проявленным миром, с абсолютным Единством и каким образом человеческое эго, создающее это движение или порожаемое им, может вернуться к истинному Духу, Божественному или Реальности, о которых говорит Веданта.

Существование в чистом бытии

Единый и неделимый, тот, что есть чистое бытие.

Чхандогья Упанишада¹

ЕСЛИ мы отвлечемся от эгоистической озабоченности своими ограниченными и мимолетными интересами и посмотрим на окружающий мир беспристрастным и испытующим взглядом, стремясь увидеть одну лишь Истину, первое, что бросится нам в глаза, — это неисчерпаемая энергия бесконечного бытия, нескончаемое движение и активность, переполняющие собой беспредельное Пространство в вечнотекущем Времени, бытие, неизмеримо превосходящее любое отдельно взятое или коллективное эго, бытие, по сравнению с которым плоды трудов целых эонов — не более чем преходящая пыль и жалкое нагромождение мириад вещей, событий и фактов. В своих действиях, чувствах и мыслях мы инстинктивно ощущаем себя центром, вокруг которого и в интересах которого разворачивается и движется этот огромный мир, помогая или препятствуя нам в осуществлении задуманных планов, как будто его единственной целью и заботой, равно как и нашей собственной, является оправдание наших эгоистических устремлений, эмоций и интеллектуальных представлений. Когда мы начинаем видеть истинное положение вещей, то замечаем, что мир существует сам по себе, а вовсе не ради нашего блага, и имеет свои собственные грандиозные цели, в основе его лежит сложная и не знающая ограничений идея, он стремится к достижению своего необъятного желания или наслаждения, ориентируясь на собственные непостижимые для нас критерии и нормы и словно с иронической и снисходительной улыбкой взирая на ничтожные и мелкие человеческие представления и мерки. И тем не менее не следует бросаться в противоположную крайность и недооценивать собственное значение. Это было бы проявлением неведения и нежеланием видеть великие реалии вселенной.

Безбрежное Движение вселенной не рассматривает человека и не относится к нему как к чему-то незначительному. Современная наука

¹ VI.2.1.

показывает, какую заботу проявляет вселенная о человеке, как искусно она это делает, с каким вниманием относится ко всякому своему созданию, как большому, так и малому. Преисполненная мощи вселенская энергия — это беспристрастная и равно любящая всех мать, *samat brahma*, говоря языком Гиты, и сила ее проявляется одинаково как на уровне формирования и сохранения звездных галактик, так и на уровне организации жизни муравейника. Иллюзия размера и количества заставляет нас воспринимать окружающее в категориях большого и малого, великого и ничтожного. Но если мы остановим внимание не на количестве массы, а на качестве силы, то увидим, что муравей будет превосходить солнечную систему, в которой обитает, а человек — всю неживую Природу вместе взятую. И тогда мы опять попадем во власть иллюзии — но уже иллюзии качества. Отвлекаясь от этих категорий и рассматривая лишь интенсивность движения, аспектами проявления которого являются количество и качество, мы обнаружим, что Брахман в равной степени пребывает во всех формах бытия. Брахман одинаково объемлет все сущее и — хочется сказать — в равной мере наделяет всех энергией. Но это также будет иллюзией количества. Брахман, неделимый, обитает во всем и вся, тем не менее создается впечатление его разделенности и раздробленности. И вновь, если мы сумеем настроить себя на беспристрастное наблюдение и восприятие, свободные от власти отвлеченных интеллектуальных конструкций, и будем полагаться на интуицию и знание, приобретенное через самоотжествление, то для нас станет очевидным, что сознание бесконечной Энергии отличается от нашего ментального сознания тем, что оно неделимо и отдает мирозданию не просто какую-то отдельную свою часть, но всего себя целиком и полностью как солнечной системе, так и муравейнику. Для Брахмана не существует разделения на целое и части, но каждая отдельно взятая вещь, объект заключает в себе все целое и вмещает всю полноту Брахмана. Качество и количество могут варьировать, но дух всегда един и неизменен. Форма, характер и результат действия силы отличаются бесконечным разнообразием проявлений, а вечная, изначальная и бесконечная энергия одинакова во всем и вся. Одна и та же энергия лежит в основе как силы сильного человека, так и слабости человека немощного. Равная сила затрачивается и на центробежные, и на центростремительные процессы, на отрицание и на утверждение, на поддержание тишины и на воспроизведение звука.

Поэтому первое заблуждение, от которого нам следует избавиться, связано с нашей оценкой отношений между нами и этим бесконечным Движением, этой энергией бытия, что поддерживает весь мир, включая и нас. В настоящее время мы неправильно расставляем акценты. Человек представляет собой неизмеримую ценность для Всеобщего, но в то же время игнорирует Всеобщее и придает исключительную важность своей собственной персоне. И это является признаком изначального неведения, источника, порождающего и питающего эго, которое видит себя центром мироздания, а все, что не имеет к нему непосредственного отношения, представляет для него ценность лишь настолько, насколько эго ментально расположено принять то или иное явление или вынуждено это сделать под давлением внешних обстоятельств. Даже когда эго начинает философствовать, оно приходит к заключению, что мир существует лишь в его сознании и с помощью этого сознания. Его собственные ментальные убеждения, или состояния сознания, являются для эго единственным критерием реальности; все, что не попадает в сферу его интересов или видения, объявляется ложным или несуществующим. Такая ментальная самодостаточность человека создает целую систему ложного обоснования бытия, которая мешает нам ощутить жизнь во всей ее полноте и значимости. И хотя претензии человеческого разума и эго имеют под собой определенную долю истины, она становится очевидной только тогда, когда разум осознает свое невежество, а эго усвоит свою подчиненную роль во Всеобщем, отказавшись от своих притязаний на полную автономность бытия. Настоящая жизнь начинается с признания, что сами мы или то, что называем собой, некое образование, сложившееся в результате определенной предыстории, есть не более чем частичное проявление этого бесконечного Движения, которое нам предстоит познать и реализовать с полным сознанием и верой. Человек должен понять, что в своем подлинном «я» он един с общим вселенским движением и не является чем-то незначительным и производным от него; выражение и воплощение этого движения во всем своем существе, в мыслях, эмоциях и действиях есть необходимое условие для достижения истинной, или божественной, жизни.

Для того чтобы окончательно прояснить ситуацию, нам нужно знать, что же такое это Все, эта бесконечная и всемогущая энергия. И здесь мы сталкиваемся с новой трудностью, поскольку и логика чистого разума, и Веданта утверждают, что, так же как человек представ-

ляет собой производное от этого Движения, так и само оно, в свою очередь, есть производное некоего великого неизменяемого и неисчерпаемого Состояния Стабильности, *sthānu*, запредельного времени и пространству; этому Состоянию чужда всякая деятельность, хотя Оно и вмещает в себя все действия и представляет собой не энергию, а чистое бытие. Те, кто видит лишь проявленную в мире энергию, могут с полной уверенностью сказать, что никакого Состояния Стабильности не существует, так как наша идея о вечной стабильности, о неизменяемом чистом бытии есть вымысел человеческого интеллекта, в основе которого лежит ложное представление о существовании такого состояния, как стабильность, ведь нет в мире ничего стабильного, все пребывает в движении, а наше понятие стабильности и постоянства есть лишь абстракция разума, с помощью которой мы практически рассматриваем всякое движение. Это утверждение легко доказать, рассматривая любое движение как таковое. В движении нет ничего стабильного. Все, что кажется неподвижным, есть только обманчивая видимость, возникающая в результате воздействия на наше сознание определенного проявления энергии. Так, нам кажется, что земля неподвижна, поезд, в котором мы едем, как будто стоит на месте, а за окном мелькают различные картины ландшафта. Но действительно ли за движением не скрывается ничего неподвижного и неизменного? Можно ли сказать, что все сущее состоит из одной лишь деятельности энергии? Или же энергия есть порождение Бытия?

Очевидно, что если такое Бытие и существует, то оно, подобно Энергии, должно быть бесконечным. Ни разум, ни опыт, ни интуиция, ни воображение не в состоянии предоставить нам свидетельств о возможности существования какого-либо конечного предела. Всякий конец и начало предполагают наличие чего-то запредельного этому началу и концу. Абсолютное начало или абсолютный конец — это не только противоречивые понятия с терминологической точки зрения — они противоречат самой сути вещей, это чистая фикция. Бесконечное неизбежно проглядывает в конечном, поскольку оно — свойство самосущего бытия.

Но в данном случае это будет лишь бесконечность в отношении Пространства и Времени: безграничная протяженность и вечная длительность. Чистый же Разум идет дальше этого и своим бесстрастным и неподвизтым взглядом воспринимает Время и Пространство как две категории нашего сознания, условности, помогающие нам упорядочить

восприятие мира феноменов. Если взглянуть на бытие как таковое, Пространство и Время исчезают. Тогда всякая протяженность будет носить не пространственный, а психологический характер; равно как и любая длительность превращается из временного явления в психологическое. В результате нетрудно заметить, что протяженность и длительность есть лишь символы, обозначающие для нашего разума то, что невозможно передать на языке интеллекта, — вечность, которая представляется нам как миг, тот же и всегда новый и все в себе содержащий, бесконечность — как исчезающе-малая точка, и все в себе содержащая, и не имеющая пределов, оставаясь одной и той же в обоих случаях. Тем не менее, эти взаимоисключающие терминологические противоречия безошибочно свидетельствуют о нашем восприятии чего-то запредельного и своим существованием доказывают, что человеческий разум и языковые средства превзошли свои естественные пределы, пытаясь выразить ту Реальность, на уровне которой присущие им противоречия и условности сливаются в невыразимом единстве.

Но так ли это на самом деле? Не потому ли исчезают Пространство и Время, что рассматриваемое бытие есть лишь интеллектуальная фикция, речевой образ, символизирующий фантастическое Ничто, которому мы пытаемся придать статус концептуальной реальности? «Нет», — ответим мы, вновь возвращаясь к рассмотрению самосущего Бытия. За пределами феноменального мира есть нечто не только бесконечное, но и невыразимое. Ни о каком явлении или совокупности явлений мы не можем сказать, что оно обладает абсолютным существованием. Даже если мы сведем весь феноменальный мир к одному единственному, фундаментальному и универсальному движению или энергии, то получим в результате лишь некое явление, невыразимое и непередаваемое словами. Само понятие движения предполагает покой в качестве потенциальной возможности, что позволяет раскрыть себя как деятельность, обусловленную неким бытием. Представление об энергии в действии заключает в себе идею об энергии, не совершающей действия, а абсолютная энергия в состоянии бездействия и есть чистое абсолютное бытие. Отсюда только две возможности выбора: или невыразимое словами чистое бытие, или не поддающаяся определению энергия в действии. И если признать исключительную истинность энергии, лишенную стабильной основы или причины, то она неизбежно должна быть производным явлением, вытекающим из дейст-

вия, движения, которое одно только и существует. Тогда мы приходим к отсутствию Бытия, что соответствует понятию «Ничто» в буддизме, где всякое существование представляется лишь как атрибут вечного явления, Действия, Кармы, Движения. Но это, согласно позиции чистого разума, не соответствует его опыту мировосприятия и потому не может быть реальным, ибо тогда лестница восхождения внезапно обрывается на одной из ступеней и, лишённая опоры, повисает в Пустоте.

Если же — другая сторона альтернативы — существует неизъяснимое, бесконечное, вневременное и внепространственное Бытие, то оно с неизбежностью есть чистый абсолю́т. Его невозможно оценить или охарактеризовать ни качественно, ни количественно. Оно не является результатом соединения разнообразных форм или их основой. Это Бытие останется, даже если исчезнут все формы во всем своем количестве и качестве. Бытие, не связанное с количеством, качеством и формой, можно не только себе представить, оно есть то единственное, что доступно нашему восприятию за пределами проявленного мира. При этом, когда мы говорим, что Бытие существует без всех возможных феноменальных атрибутов, мы имеем в виду, что оно превосходит все формы своего проявления и в нем растворяется и находит свой конец все, что мы называем формой, качеством и количеством; в движении из него возникают все возможные формы в своем качестве и количестве. В то же время не верно утверждать, что разнообразие феноменального мира сливается, растворяясь, в одной форме, одном качественном и количественном измерении, служащем основой для проявленного многообразия, — ибо такой единой формы и однородности не существует — все сущее переходит в такое нечто, которое невозможно передать ни одним из терминов: форма, количество, качество. Таким образом, все условия и видимые носители движения исчезают в Том, из чего они возникли, и там в той мере, в какой они еще обладают бытием, становятся тем, что не поддается описанию с помощью выражений, применимых к процессу движения. Поэтому мы говорим, что чистое бытие есть Абсолю́т, сам по себе непознаваемый для человеческой мысли, хотя с помощью высшего самоотождествления, за предельного знания, мы можем соединиться с ним. Движение, напротив, есть сфера проявления всего относительного, и тем не менее все относительное, по определению, в процессе движения является Абсолю́том, пребывает в нем и несет его в себе. Отношение явлений Природы к изначальному эфиру — который в них заключен, составляет их

сущность и несет их в себе, но в то же время настолько отличается от них, что все феноменальные явления, попадая в него, перестают быть тем, что они есть в своем настоящем состоянии, — представляет собой иллюстрацию, с помощью которой Веданта наиболее ясно демонстрирует, что такое одновременное тождество и различие между Абсолютом и миром относительного.

Когда мы говорим, что все сущее переходит в то, из чего оно вышло, мы неизбежно используем понятия, которыми оперирует наше внешнее, преходящее сознание, и поэтому должны остерегаться возникновения иллюзорного образа, искажающего реальное положение вещей. Возникновение движения из недр Неизменного есть феномен, относящийся к вечности, и лишь потому, что мы не способны воспринимать его в том безначальном и бесконечном, вечно новом мгновении, которое есть вневременная вечность, мы помещаем движение, следуя нашим теперешним представлениям и восприятию, в вечность временную, где различима последовательность длительностей, вечность, к которой приложимы определения постоянно повторяющихся начала, середины, конца.

Все это справедливо только в том случае, если мы берем за основу построения чистого разума. Но концепции чистого разума отнюдь не имеют обязательной силы. В своем суждении о бытии мы должны исходить не из восприятия разума, а из того, что видим вокруг себя. А самый чистый, непредвзятый и свободный взгляд на бытие открывает нам одно лишь движение и ничего более. Существуют только две вещи: движение в Пространстве и движение во Времени; первое объективно, второе — субъективно. Протяженность реальна, длительность реальна, Пространство и Время — реальны. Даже если бы мы вышли за пределы протяженности в Пространстве и восприняли пространственную протяженность как психологическое явление, как попытку постижения бытия разумом путем размещения неделимого целого в концептуальном Пространстве, то не смогли бы проделать ту же операцию, «подняться» над движением в его последовательности и изменением во Времени, поскольку здесь мы имеем дело с тем, что входит в самую ткань нашего сознания. И сами мы, и окружающий нас мир есть постоянно развивающееся и расширяющееся движение, которое на уровне настоящего включает в себя всю последовательность событий и явлений прошлого, а само настоящее представляется нам как начало последовательного развертывания будущего. Это настоя-

щее, из которого рождается будущее, всегда ускользает от нас, ибо его не существует вовсе, оно исчезает, не успев появиться на свет. Все, что есть, — это вечная, неделимая последовательность Времени, несущего в своем потоке постепенно развивающееся и неделимое¹ сознание. Тогда длительность, извечно поступательное движение и изменение во Времени, есть единственное, что абсолютно. А становление есть единственное бытие.

На самом деле это противоречие между фактически зримым бытием, но воспринимаемым с помощью глубокого интуитивного проникновения, и концептуальными представлениями чистого Разума является ложным. Если бы действительно интуиция в этом отношении противостояла интеллекту, мы бы не могли с уверенностью делать просто логические выводы; они потеряли бы свою значимость, если бы имели оппонентом глубокое интуитивное понимание и осознание бытия. Но одного интуитивного опыта недостаточно. Он хорош только до тех пор, пока не подменяет собой интегрального, всеобъемлющего опыта. Применительно к сфере нашего становления интуиция позволяет нам видеть самих себя как непрерывно развивающееся движение и изменение сознания в извечном течении Времени. Мы есть река и пламя, используя язык буддийской символики. Но есть еще и высший опыт, высшая интуиция, позволяющая нам выйти за пределы своего поверхностного существа и осознать, что настоящее становление, изменение и последовательность событий во времени есть лишь образ и способ нашего бытия, в то время как мы несем в себе нечто, вовсе не связанное с процессом становления. И мы не только можем прикоснуться к нему; не только в интуиции, не только в отдельных опытах, выходящих за пределы бесконечно изменчивого становления, мы можем получить представление об этом заключенном в нас нечто, вечном и неизменном, но мы можем, более того, полностью погрузиться в это нечто и жить в нем, совершенно изменив тем самым свою внешнюю

¹ Неделимое в совокупности всеобщего движения. Каждый момент Времени или Сознания может рассматриваться как отдельный, не связанный с предшествующими или последующими моментами, каждое последующее действие Энергии — как новый квант, или новое творение; но это не противоречит и не устраняет непрерывности, без которой не было бы длительности во Времени или преемственности сознания. Когда человек идет, бежит или прыгает, им последовательно совершаются шаги или прыжки, но он есть то, что осуществляет слитное движение и обеспечивает его длительность.

жизнь, свою внутреннюю позицию и действия по отношению к окружающему миру. Такая стабильная основа нашей жизни есть именно то, к чему мы уже пришли в результате поисков и исследований чистого Разума, хотя к ней можно прийти вовсе без всяких логических рассуждений и умозаключений, без всякого предварительного знания о том, что это такое — чистое бытие, извечное, бесконечное, неизреченное, неподвластное течению Времени, не знающее пространственной протяженности, не связанное с формой, количеством и качеством, единый и абсолютный Дух.

Существование в пределах чистого бытия становится фактом, причем теперь это уже фундаментальная реальность, а не просто отвлеченное представление. Но здесь следует сразу же добавить, что движение, энергия и становление также являются реальными фактами. Высшая интуиция и соответствующий интуитивный опыт могут корректировать и вносить поправки в наше видение становления и движения, могут вовсе выйти за пределы движения и приостановить, но не упразднить его для нашего восприятия. Поэтому на уровне чистого бытия и проявленного мира есть два основополагающих факта: Бытие и Становление. Можно с легкостью отрицать либо одно, либо другое; признавать оба эти факта сознания, видеть их отношения и связи есть истинная и практическая мудрость.

Следует помнить, что статичность и движение — это лишь наши психологические представления об Абсолюте, так же как единство и многообразие. Абсолют находится за пределами статичности и движения, единства и многообразия, но в то же время извечно пребывает на одном из полюсов — единства и стабильности, вращаясь вокруг самого себя в непостижимом и бесконечном движении и многообразии. Бытие проявленного мира есть экстатический танец Шивы, во время которого тело Бога преображается на глазах, превращаясь в бесчисленное количество форм. Этот танец не затрагивает чистое бытие, оставляя его таким, каким оно было, есть и будет всегда; единственная и абсолютная цель Бога — это радость танца.

И поскольку мы не можем охватить разумом или описать словами, что есть Абсолют как таковой в запредельности движения и стабильности, единства и многообразия — что, впрочем, вовсе и не относится к числу наших задач, — то должны принять двойственный факт существования Шивы и Кали и стремиться к познанию превосходящего всякую меру Движения во Времени и Пространстве в его отношении

к чистому Бытию за пределами Пространства и Времени, единому и неизменному, к которому неприменимы такие понятия, как «мера» или даже «неизмеримость». Рассмотрев позицию чистого Разума и интуитивного опыта по отношению к чистому Бытию, Сат, нам будет интересно узнать, как с той же точки зрения выглядит Сила, Движение, Шакти?

Первый вопрос, который мы зададим себе, будет сводиться к тому, является ли эта Сила просто силой, неразумной энергией движения, или же следует рассматривать сознание, возникающее в среде действия Силы — в нашем материальном мире, не просто как феномен-результат этого действия, но как неотъемлемое свойство ее истинной, скрытой природы? Другими словами, говоря языком Веданты, представляет ли собой Сила только Пракрити, одно лишь движение, то есть действие и процесс, или же Пракрити является на самом деле энергией Чит, в самой своей сущности — силой созидающего самосознания? Все остальное зависит от решения этой основополагающей проблемы.

Сознательная Сила

Они узрели силу самосушую Божественного Существа, что глубоко была сокрыта в его сознательных путях и формах проявления.

Шветашватара Упанишада¹

И это он, кто бодрствует в спящих.

Катха Упанишада²

ВСЕ феноменальное существование сводится к Силе, к движению энергии, принимающей в своем самовыражении более или менее материальные, грубые или тонкие формы. В древние времена человеческая мысль, пытаясь описать эту причину и закон сущего в ясных и близких для себя понятиях, представляла это бесконечное существование Силы в образе моря, изначально пребывающего в состоянии покоя и не имеющего поэтому никаких форм проявления; но первое же возбуждение и волнение его поверхности приводит морскую гладь в движение, что ведет к появлению форм и является источником возникновения вселенной.

Материя есть самовыражение силы в виде, легче всего воспринимаемом нашим мышлением (в его нынешнем устройстве) с помощью контактов (в материальной среде), на которые реагирует наш разум, используя для этого материальный орган — мозг. Согласно представлениям древнеиндийских натурфилософов, материальная Сила на элементарном уровне представляет собой чисто физическое расширение в Пространстве, сопровождающееся вибрацией, выраженной для нас в виде звука. Но такая вибрация эфира недостаточна для создания конкретной формы; для этого требуется, прежде всего, некий барьер на пути энергетического потока Силы, вызывающий необходимое расширение и сжатие, наложение и перехлестывание вибраций, которое создает основу устойчивых отношений и взаимных влияний. Материальная Сила, модифицируя свою первичную эфирную фазу, переходит во вторую — согласно древней терминологии, в воздух, отличительной

¹ I.3. ² II.2.8.

чертой которого является контакт и взаимодействие двух сил, лежащее в основе всех материальных отношений. На этом уровне конкретные формы все еще отсутствуют, но существует изменчивость сил. Для возникновения формы не хватает основополагающего принципа, который появляется в результате самореализующейся третьей модификации изначальной Силы, выраженной для нас в виде света, электричества, огня и тепла. Но даже и на этом уровне нельзя еще говорить об устойчивых материальных формах, но лишь о возникновении разновидностей силы, сохраняющих определенные свойства и особенности проявления. Четвертое, жидкое состояние материальной Силы, среда — образно называемая водой, — для которой характерна диффузия и в которой постоянно присутствуют явления притяжения и отталкивания, и, наконец, пятое, твердое состояние, реализующее явления сцепления и связи и носящее название земля, завершают ряд основных элементов.

Все известные нам формы Материи, все физические предметы и явления, включая самые тонкие из них, состоят из комбинации этих пяти элементов. От них же зависит и весь наш чувственный опыт; ибо в результате восприятия вибрации возникает ощущение звука; от соприкосновения с окружающими вещами в мире вибраций Силы появляется чувство осязания; от светового воздействия, исходящего от объектов, порождаемых, формируемых и поддерживаемых силой того же света, а также огня и тепла, на внешний облик предметов, формируется зрение; четвертый элемент создает чувство вкуса, пятый — чувство обоняния. В сущности, реакция органов чувств есть реакция, возникающая при вибрационном контакте двух сил. Таким образом мыслители древности преодолевали пропасть, разделяющую чистую Силу и ее конечное проявление, и облегчали обычному человеку понимание того факта, что все реально и конкретно ощутимые чувственные реалии на самом деле есть лишь временное, преходящее явление, а чистая энергия, не воспринимаемая органами чувств, есть единственная неизменная космическая реальность.

Однако с помощью этой теории невозможно разрешить проблему сознания, ибо она не объясняет, каким образом контакт вибраций Силы порождает сознательное ощущение. Последователи аналитической школы Санкхьи помимо пяти основных элементов выделяли еще два фактически нематериальных принципа, которые они называли Махат и Аханкара. Первый из них есть не что иное, как космический принцип

Силы, а второй — разделяющий принцип двойственности, лежащий в основе формирования Эго. Но эти два дополнительных принципа наравне с интеллектом активизируются в нашем сознании не посредством собственно Силы, но благодаря пассивной Сознательной Душе, в которой отражается деятельность Силы, приобретающая в результате этого отражения оттенки сознания.

Такое объяснение предлагала философская школа Индии, и оно ближе всего соответствует современным материалистическим представлениям. В то же время эта трактовка содержала в себе в определенной степени — насколько это допускала глубокая рефлексивная мысль Индии — идею механической или бессознательной Силы, действующей в Природе. Несмотря на все недостатки этой теории, ее главная суть настолько очевидна и бесспорна, что она получила всеобщее признание. Однако явление сознания можно объяснить независимо от того, является Природа инертным импульсом или представляет собой сознательный принцип; сознание — это всегда Сила. В основе всех проявленных вещей лежит созидательное движение энергии; все проявленные формы возникают в результате столкновения и взаимной адаптации неоформленных в своем выражении сил; всякое чувственное восприятие и действие есть реакция одной оформленной Силы на контакт с другой. Именно в таком виде мы воспринимаем этот мир, и из этого опыта мы должны прежде всего исходить.

Современная наука в своих исследованиях Материи в целом пришла к таким же выводам, даже если у кого-то еще и остаются на этот счет сомнения. Интуиция и опыт подтверждают это единство взглядов естественных наук и философии. Чистый разум также находит здесь оправдание своих основополагающих концепций. И действительно, даже та точка зрения, что наш мир по существу своему есть продукт деятельности сознания, предполагает совершение некоей деятельности, а это последнее включает в себя движение Силы, игру Энергии. При внимательном анализе своего собственного опыта мы также убеждаемся, что это и в самом деле — фундаментальное свойство проявленного мира. Вся наша жизнедеятельность есть не что иное, как проявление, согласно воззрениям и терминологии древних философских школ, тройственной силы знания, желания и действия; и все три ее составляющие на самом деле представляют собой три аспекта единой изначальной Силы, Адья Шакти. Даже находясь в покое, мы пребываем в состоянии равновесия составляющих ее движений.

При рассмотрении движения Силы, как основы всей природы Космоса, возникает два вопроса. Во-первых, откуда вообще взялось это движение в недрах бытия? Если допустить, что это движение является вечным и заключает в себе суть всего бытия, этот вопрос снимается. Но мы отвергли это допущение, утверждая, что нашему восприятию доступно бытие, не зависимое от движения. Тогда остается вопрос: как в этом вечном покое возникает движение? По какой причине? Какой загадочный импульс вызывает его?

Самый распространенный ответ в древней Индии сводился к следующему: Сила присуща Бытию; Шива и Кали, Брахман и Шакти есть одно неделимое целое. Сила, присущая Бытию, может находиться в состоянии покоя или движения, причем состояние покоя не свидетельствует об отсутствии Силы, не устраняя и не приуменьшая ее. Такое решение вопроса является настолько логичным и убедительным с точки зрения соответствия природе вещей, что не вызывает у нас никакого сомнения. И напротив, исходя из здравого смысла невозможно предположить, что Сила есть нечто чуждое по отношению к единому и бесконечному Бытию, привнесенное извне или возникшее в нем в определенный момент Времени. Даже теория иллюзорности проявленного мира вынуждена признать, что Майя, сила самосущей иллюзии Брахмана, извечно присуща Божественному Существо — оставляя открытым лишь вопрос о манифестации Майи. Санкхья также признает извечное сосуществование Пракрити и Пуруши, Природы и Сознательной Души и перемежающиеся состояния равновесия, покоя и движения или нарушения равновесия Пракрити.

И поскольку Бытию, таким образом, присуща Сила, которая может проявляться как в состоянии покоя, так и в состоянии движения или, другими словами, в состоянии концентрации или диффузии, то вопрос о происхождении движения и об изначальном побуждающем импульсе попросту отпадает. Ибо теперь нам легко себе представить, что извечная самосущая Сила непреходящего Бытия может либо последовательно проявляться во Времени то в состоянии покоя, то в состоянии активности, либо пребывать в состоянии вечной самоконцентрации в недвижности бытия; на поверхностном же уровне она выражает себя разнообразием движений, изменений, разрежений и сгущений, подобно подъему и спаду волны на водной глади океана. И эта поверхностная игра Силы — хотя образ волн, конечно, неадекватно отражает реальность — может быть либо вечной и бесконечной — в случае

самоконцентрации, либо преходящей во Времени и своего рода ритмичной, но и тогда можно говорить о ее вечной природе проявления в смысле извечной периодичности повторения.

Разрешиw проблему природы возникновения движения, мы не снимаем вопроса о том, почему оно возникает. Почему вообще эта игра Силы находит свое выражение? Почему Сила Бытия приходит в движение, почему она не остается в состоянии извечного невозмутимого покоя, сосредоточения в себе, свободного от всех форм проявления? Этот вопрос также не возникал бы перед нами, если бы мы допустили, что Бытие является несознательным, а сознание — лишь проявлением материальной энергии, которую мы ошибочно считаем нематериальной. Ибо тогда мы могли бы сказать, что этот ритм просто присущ природе Силы Бытия, и нет надобности задаваться вопросом «почему?», искать причину, побуждающий импульс или конечное предназначение того, что по своему существу является извечным и самосущим. Мы не можем задавать никаких вопросов вечному самосущему Бытию и спрашивать его, почему или каким образом оно возникло; точно так же мы не можем вопрошать и самосущую Силу о причинах, побуждающих ее к движению, и его характере. Единственное, что может вызвать у нас вопрос, это характер и способ самопроявления Силы, процесс ее эволюции, развития. И поскольку и Бытие, и Сила инертны — как инертное состояние и инертный импульс — и бессознательны, то в их эволюции не может быть никакой конечной цели и смысла, равно как и изначальной побуждающей причины или намерения.

Проблема возникает лишь тогда, когда мы допускаем или обнаруживаем, что Бытие обладает Сознанием. Мы действительно можем предположить, что Бытие сознательно и сознание его находится в зависимости от собственного атрибута — Силы, воздействием которой и определяется, проявится ли во вселенной сознательному Существу или пребыть в непроявленном состоянии. Таким предстает перед нами космический Бог Тантры и Майявады, который находится в подчиненном положении по отношению к Шакти или Майе, Пуруша, присутствующий в Майе или управляемый Шакти. Но совершенно очевидно, что такой Бог не есть то высшее, бесконечное Бытие, что и было нашей отправной точкой, исходным положением. Логично допустить, что он является лишь одним из космических проявлений Брахмана, предшествующего Шакти или Майе и поглощающего их своим трансцендент-

ным существом по окончании их миссии. Мы должны предположить, что сознательное, абсолютное и независимое от своих проявлений и производных форм Бытие обладает свободой манифестации потенциального движения или полного воздержания от совершения какого бы то ни было движения. Брахман, понуждаемый Пракрити, не есть Брахман, но лишь пассивная Бесконечность, «содержащий содержит активное содержимое», по своей мощи большее, чем он сам — хозяина над самим собой, сознательным обладателем Силы. И даже если мы скажем, что Бесконечность сама, как Сила, побуждает себя к действию своей собственной природой, нам все равно не удастся избежать противоречия со своими собственными исходными положениями. Таким образом, мы опять приходим к Бытию, которое есть не что иное, как Сила, Сила в состоянии покоя или в действии, возможно, абсолютная Сила, но не абсолютное Существо.

Тогда необходимо рассмотреть отношения между Силой и сознанием. Но что подразумевается под сознанием? Говоря о сознании, мы обычно имеем в виду ближайшее и самое очевидное — ментальное бодрствующее сознание человека, в котором он пребывает большую часть своей физической жизни, то есть когда не находится в состоянии сна, какого-либо потрясения, шока, иначе говоря, когда он не лишен возможности привычным способом использовать поверхностные средства своего чувственного восприятия. При таком толковании значения слова «сознание» совершенно ясно, что оно является скорее исключением, чем правилом в общем миропорядке материальной вселенной. Ведь, в первую очередь, мы и сами находимся в сознательном состоянии отнюдь не всегда. Такое примитивное и упрощенное представление о природе сознания, хотя и отражает общепринятое понимание предмета, должно бесследно исчезнуть из сферы философского мышления, поскольку нам уже известно, что некий элемент сознания присутствует у нас как в состоянии сна, так и в состояниях, которые обычно называются бессознательными, как, например, обморок, наркотический транс. Более того, мы можем быть уверены, что мыслители древности были правы, когда говорили, что и в бодрствующем состоянии человеческое сознание есть лишь проявление малой части нашего истинного сознательного существа, настолько поверхностной, незначительной, что она не отражает даже всех ментальных возможностей и способностей человека. За бодрствующим сознанием скрывается сублиминальный, или подсознательный, разум, составляющий

большую часть человеческого существа и охватывающий неизведанные еще нами высоты и глубины. Такое представление о природе сознания является исходной основой для познания природы Силы и ее проявлений; оно освобождает нас от ограниченности узким, «приземленным» кругом данных и от иллюзии очевидного.

Материализм настаивает на том, что, как бы ни расширилось сознание, оно всегда остается явлением материального плана, неотделимым от физических органов чувств и производным от них. Однако такая ортодоксальная позиция с ее натянутыми и мало убедительными доводами уже не в состоянии противостоять наступающему знанию. Становится очевидным, что возможности сознания не только намного превосходят способности чувственного восприятия, высшей нервной деятельности, но и что органы чувств являются не более чем простым инструментарием даже для обычной мыслительной активности человека. Сознание использует человеческий мозг, который представляет собой продукт и результат развития сознания; мозг же, в свою очередь, никак не использует сознание и не является первопричиной его порождающей. Можно привести также примеры отклонений от нормы, свидетельствующие о том, что наши органы чувств не являются незаменимыми инструментами; биение сердца, дыхание не суть жизненно важные процессы, а работа клеток мозга — отнюдь не обязательное условие мыслительной активности. Ни мысль, ни сознание нельзя объяснить исходя из деятельности физического организма человека, подобно тому, как энергетические свойства пара или электричества невозможно объяснить, основываясь на устройстве того или иного механизма или прибора. Первична сила, а не материальные носители и средства.

Отсюда вытекают важные логические следствия. Во-первых, возникает вопрос: если уже ментальное сознание существует там, где мы видим безжизненность и инертность, то возможно ли присутствие универсального подсознательного разума, пусть даже и неспособного обнаружить себя за неимением необходимых каналов и органов, на уровне окружающих нас материальных объектов? Присутствует ли вообще сознание в материи или материя есть лишь сон сознания — даже если этот сон, с точки зрения эволюции, и является изначальным, а не промежуточным этапом? На собственном примере мы знаем, что наш сон не означает отсутствие сознания, в этом состоянии происходит отвлечение сознания от поверхностного существа и от воздействия

внешних объектов и переход его во внутреннее пространство. Но тогда не находится ли и все сущее бытие в аналогичном состоянии сна, из-за того что у него неразвиты еще средства сообщения с внешним физическим миром? И не присутствует ли в этом сне вечно бодрствующий Пуруша, Сознательная Душа?

В подобных рассуждениях можно пойти еще дальше. Когда мы говорим о подсознательном разуме, то понимаем под этим нечто подобное внешней ментальной активности, но скрытое от поверхностного, бодрствующего сознания человека и действующее совершенно идентичным образом, отличаясь лишь большей глубиной и объемом. На самом же деле феномен сублиминального существа — нашего внутреннего «я» — значительно превосходит рамки такого определения, оно несет в себе способность деятельности, не только намного более высокой, чем все то, что мы связываем с нашим бодрствующим разумом, но и совершенно отличной от него по своим качествам и свойствам. Поэтому мы имеем все основания предположить, что в человеке наряду с подсознанием существует также и сверхсознание, определенный диапазон возможностей сознания, а значит, и особая организация, структура сознания, возвышающаяся над тем психологическим образованием, которое мы именуем человеческим разумом. А поскольку наше внутреннее «я», сублиминальное существо, простирается в область сверхсознания, можно предположить, что оно захватывает и подсознательную сферу, лежащую ниже уровня бодрствующего разума. Ведь разве мы не обнаруживаем в человеке и окружающем мире субментальных видов сознания, которые можно назвать, например, витальным и физическим сознанием? Если так, то и в растении, и в металле следует предположить присутствие силы, которую также можно назвать сознанием, хотя это сознание и несравнимо с разумом человека или животного, в отношении которых этот термин главным образом и употребляется.

И все это — вовсе не из области лишь вероятного, но реально существующего, стоит лишь посмотреть на вещи беспристрастным взглядом. В человеке присутствует витальное сознание, действующее на клеточном уровне и обеспечивающее автоматическое выполнение витальных функций организма; в результате мы выполняем определенные движения, ощущаем в себе влечение к одним вещам и объектам и отвращение к другим, и все это без какого-либо участия со стороны разума. У животных это витальное сознание играет даже еще более

важную роль. В растительном царстве его присутствие очевидно ощущается интуитивно. Устремленность растений к солнцу, раскрытие и закрытие цветов в разное время суток, выражение ими удовлетворения и боли, состояния, аналогичные сну и бодрствованию и другие проявления причудливой жизни растительного мира, выявленные одним из индийских ученых строго научными методами, — все это относится к различным движениям и проявлениям сознания, но, насколько можно судить, не разума. Таким образом, можно говорить о существовании витального сознания, находящегося уровнем ниже сознания ментального и характеризующегося такими же изначальными реакциями при том лишь различии, что витальное сознание обладает своими средствами самовыражения. Точно так же самовыражение сверхсознания отлично от самовыражения сознания ментального.

Простирается ли граница того, что мы называем сознанием, лишь до уровня растительного мира, который по развитию мы ставим ступенью ниже мира животного? Если так, то мы должны предположить существование жизненной силы и сознания, изначалью чуждых Материи и тем не менее попавших каким-то образом — возможно, из других миров — на уровень материального мира и завоевавших его¹. Если же наше предположение неверно, то как вообще сознание могло здесь появиться? Мыслители древности верили в существование других миров, поддерживающих и даже вызывающих своим непосредственным воздействием возникновение жизни и сознания на земле, но не способных создать заново одним своим проникновением в земной мир ни жизнь, ни сознание. Ничто не может возникнуть из Материи, если только не присутствует в ней изначалью.

Нет никаких оснований считать, что весь диапазон жизни и сознания не распространяется на ту сферу, которую мы считаем чисто материальной. Недавние научные исследования указывают на то, что жизнь и, возможно, своего рода инертное сознание присущи и земле, и металлу, и другим «неодушевленным» формам жизни, или же, по крайней мере, наводят на мысль, что эти формы содержат первичную субстанцию того, что в нас стало сознанием. Однако, если в расте-

¹ Сейчас распространено любопытное мнение, согласно которому Жизнь была занесена на землю не из мира иного, но с иной планеты во вселенной. Для философа и мыслителя такая постановка вопроса совершенно ничего не меняет. Первостепенный вопрос заключается в том, как Жизнь вообще попадает на уровень Материи, а не как Жизнь возникает в материальном мире определенной планеты.

нии мы еще можем смутно угадать то, что называется витальным сознанием, то на уровне Материи, инертной формы нам трудно понять или вообразить присутствие какого бы то ни было сознания; а то, что неподвластно нашему пониманию и недоступно воображению, мы считаем вправе отрицать. Тем не менее, более глубокое исследование сознания показывает, насколько маловероятно предположение о том, что непрерывность сознания нарушается в области материальной и Природа вообще допускает такой разрыв. Мысль имеет право предположить, что единство, присущее совокупности классов явлений, не может не распространяться и на отдельно взятый класс, хотя, возможно, и присутствует в нем в скрытом виде. Допуская непрерывность этого единства, мы приходим к существованию сознания во всех формах проявленной в мироздании Силы. И если исключить присутствие во всех формах сознательного или сверхсознательного Пуруши, в них все равно останется сознательная сила бытия, охватывающая в явном или скрытом виде все, включая даже поверхностные составляющие.

С этой точки зрения слово «сознание» неизбежно меняет свое значение. Оно больше не является синонимом ментальной активности человека, но передает и выражает самосознательную силу бытия; ментальное же — это только некоторый средний диапазон деятельности этой Силы. За порогом разума, за нижней его границей сознание предстает в витальных и материальных проявлениях природы, которые остаются для нас бессознательными. Выше границы разума сознание простирается в супраментальную, то есть сверхсознательную для нас, сферу бытия. Везде и всюду сознание — это единое целое, по-разному проявляющее себя. К этому сводится индийская концепция Чит, которая в виде энергии созидает миры. По существу, мы приходим к тому же единству, которое обнаруживает — правда, отправляясь от противоположной мировоззренческой позиции — и материалистическая наука, утверждающая, что Разум не может относиться к иной силе, нежели Материя, он есть просто стадия определенного развития материальной энергии. Согласно индийской мысли, Разум и Материя есть лишь различные состояния одной энергии, разные проявления единой сознательной Силы Бытия.

Но имеем ли мы право принимать сознание за выражение Силы? Ведь сознание предполагает, пусть даже и не в привычных нам ментальных формах, определенный интеллект, целеустремленность, самопознание. Но даже и с такой точки зрения идея универсальной

сознательной Силы во всем находит скорее подтверждение, чем опровержение. Так, на примере поведения животных мы видим проявление непогрешимой целеустремленности и совершенного знания, по своей точности не уступающего научному, превосходящего умственные способности животного и доступного человеку — да и то далеко не в совершенном виде — лишь в результате длительной подготовки, воспитания и обучения. Мы вправе считать это общим доказательством деятельности сознательной Силы и в животном, и в насекомом, деятельности, обнаруживающей несравненно больше целеустремленности, осознания своих намерений, целей и средств их достижения, чем самая высокоразвитая ментальность, имевшая воплощение на земле. И во всех процессах неживой Природы мы обнаруживаем признаки всепроникающего присутствия все той же высшей разумности, «скрытой в делах своего Дела».

Единственным аргументом против существования сознательного движущего начала всей этой целенаправленной работы, разумной работы, осуществляющей поиск, отбор, адаптацию, является наличие того, что мы называем «издержками». Но совершенно очевидно, что в основе подобного возражения лежит ограниченность человеческого интеллекта, пытающегося с помощью своей частной логики, вполне годной для достижения узких, чисто человеческих целей, оценивать широкие общие процессы космической Силы. Мы в состоянии видеть и понимать лишь часть общего замысла Природы, и все, что, по нашему мнению, не соответствует ему, мы называем «издержками». Наша собственная деятельность также изобилует очевидными для нас издержками, но можно не сомневаться, что и она будет способствовать осуществлению всеобщего космического промысла. С видимой для нас частью своей работы Природа справляется прекрасным образом, несмотря на свои очевидные издержки, а может быть, именно благодаря им. Поэтому можно уверенно полагать, что и со всем остальным, для нас непонятным, она справится не хуже.

Ибо во всем этом «остальном» не можем же мы не замечать то стремление к определенной цели, ту направленность в любой лишь по видимости слепой тенденции, тот успех в достижении — рано или поздно — искомого, которые характерны для деятельности космической Силы, где бы она ни осуществлялась: и в животном и в растительном царствах, и в мире вещей неодушевленных. Пока Материя была альфой и омегой для научной мысли, нежелание признать, что только

разумное может породить разумное, было естественным выражением честного сомнения ученых. Сегодня же признание происхождения человеческого сознания и разума из лишенной всякого признака интеллекта слепой, бессознательной Материи звучит как устаревший парадокс. Сознание человека не может быть ничем иным, как одной из форм сознания Природы. Сознание уже присутствует во всех формах, стоящих ниже Разума, затем проявляется на уровне Разума и впоследствии восходит к формам, превосходящим Разум. Ибо Сила, созидаящая миры, — это сознательная сила, Бытие, являющее себя в этих мирах, есть сознательное Бытие, и совершенное воплощение возможностей этой Силы в определенных формах представляет собой единственную, какую только можно представить себе, цель манифестации Силы в этом мире форм.

Проблема блаженства бытия

Блаженство бытия — как тот эфир, в котором обретается всяк сущий: кто б смог дышать иль жить, не будь его? Все эти существа приходят из Блаженства, в Блаженстве существуют и растут, в Блаженство все потом уходят.

Тайттирия Упанишада¹

НО даже если мы примем чистое Бытие, Брахмана, Сат за абсолютное начало, конец и содержание всего сущего, если будем считать, что самосознание Брахмана неотделимо от его бытия, созидającego силой движения своего сознания всевозможные проявленные формы и миры, то мы все же не сможем ответить на вопрос, почему совершенный, абсолютный, бесконечный, ни в чем не нуждающийся и ничего не желающий Брахман созидает в себе силой своего сознания все эти миры и бесконечные формы? Ибо выше мы отвергли решение вопроса, согласно которому природа собственной Силы побуждает Брахмана, используя его скрытую способность к движению и созиданию, принимать разнообразные формы. Брахман действительно обладает такой способностью, но он не связан и не ограничен ею, он — свободен. Тогда единственной причиной, по которой Брахман использует свою силу движения и созидания, сохраняя свободу выбора в альтернативе «покой-движение», является наслаждение.

Это изначальное, единственное и вечное Бытие, по мнению последователей Веданты, не есть просто существование или сознательное бытие, на уровне которого сознание сводится к примитивной силе; оно представляет собой такое сознательное бытие, в котором — как в плане сознания, так и в плане бытия — неотъемлемо и равноправно присутствует третье начало — блаженство. Как в абсолютном бытии нет и не может быть ничего не сущего, мрака бессознательности и недостатка Силы — иначе оно не было бы абсолютным, — так не бывает в нем и страдания, и отрицания блаженства. Абсолютное сознательно-го бытия — это безграничное блаженство сознательного бытия; здесь

¹ II.7; III.6.

определяемое и определение суть синонимы, обозначающие одно и то же. Вся беспредельность, вся бесконечность, все абсолютное бытия есть чистое блаженство. Даже относительному человеческому опыту доступно понимание того, что всякое чувство неудовлетворенности свидетельствует о наличии ограничения и препятствия, а удовлетворенность рождается в результате осуществления и достижения определенной цели, преодоления препятствия или выхода за рамки ограничений. Это объясняется тем, что наше истинное существо по своей природе абсолютно и обладает во всей полноте бесконечностью и беспредельностью самосознания и самосушей силы; или, другими словами, оно в абсолютной степени наделено самосушим блаженством. И в той мере, в какой относительное соприкасается с абсолютным самосознанием, оно приближается к самоудовлетворению, приобщаясь к блаженству.

В то же время самосушее блаженство Брахмана не ограничено инертным и неподвижным абсолютным бытием. Как сила сознания Брахмана способна проявляться в бесконечно разнообразных формах, так же и самосушее блаженство Брахмана может выражаться в нескончаемом движении и многообразии, создавая никогда не иссякающий поток проявленных вселенных. Вызвать к жизни эту лавину многопланового самовыражения и самосушего блаженства — и есть цель и задача созидательной игры Силы.

Другими словами, то, что проявляет себя в различных формах, есть триединое Бытие-Сознание-Блаженство, Сатчитананда, чье сознание по своей природе представляет собой самопроизвольно проявляющуюся Силу, способную к неисчерпаемому выражению на уровне явлений и форм и к безграничному наслаждению этим многообразием. Отсюда следует, что все сущее остается таким, как оно есть, именно потому, что является условием и формой этого бытия, воплощением сознательной силы и блаженства бытия. Подобно тому как все существующее представляет собой разнообразные преходящие формы единого непреходящего бытия, конечные образы бесконечной силы, точно так же можно сказать, что все сущее есть изменяемые проявления единого неизменяемого и всеобъемлющего блаженства самосушего бытия. Во всем проявленном присутствует сознательная сила, и оно остается таким, как мы его видим, благодаря этой сознательной силе; вместе с тем, все проявленное пронизано блаженством бытия и существует лишь благодаря этому блаженству.

Эта древняя ведантистская теория происхождения космоса сразу же сталкивается с двумя весомыми, с точки зрения человеческого разума, противоречиями: эмоциональное и чувственное восприятие боли и этическая проблема зла. Ибо, если проявленный мир есть выражение Сатчитананды и представляет собой не только бытие, тождественное сознанию-силе — что можно допустить без особых возражений, — но и бесконечное самосушее блаженство, то как тогда объяснить существование страдания, боли и зла? Ведь этот мир предстает перед нами скорее как юдоль страданий и печали, а не обитель блаженства. Вне всякого сомнения, такое отношение к мирозданию — это преувеличение, ошибка нашего восприятия. Если посмотреть на этот мир беспристрастным взглядом, к которому не примешиваются эмоции, то мы заметим, что совокупность получаемых нами в жизни удовольствий значительно превосходит боль и страдание — несмотря на отдельные случаи, свидетельствующие о противоположном положении вещей, — и что явное или скрытое, поверхностное или внутреннее удовлетворение от существования является обычным состоянием природы, а боль и страдание, напротив, — состоянием, лишь временно прерывающим обычное естественное состояние. И именно по этой причине даже малая толика боли и страданий так поражает нас и производит эффект значительно более сильный по сравнению с получаемой в жизни суммой удовольствий. Как раз в силу того, что удовольствие есть норма нашего бытия, мы не ценим этого состояния и даже не замечаем его, если только оно не приобретает острой формы, превращаясь во всепоглощающую волну счастья, радости или экстаза. Блаженством мы называем обостренные формы проявления удовольствия, а нормальное состояние удовлетворенности своим существованием, которое присутствует всегда и везде независимо ни от чего, мы расцениваем как нейтральное, не относящееся ни к удовольствию, ни к боли. Это нейтральное состояние удовлетворенности есть не что иное, как великий практический факт нашей жизни, без которого был бы немислим всеобщий инстинкт самосохранения; но мы не стремимся к этому состоянию и не ищем его, а потому и сбрасываем его со счетов своих эмоциональных и чувственных приобретений и утрат, обращая внимание лишь на положительные удовольствия, с одной стороны, и на неудобства и боль — с другой. Боль воздействует на нас сильнее, чем удовольствие, поскольку она противоестественна для нашего существа, для характера всей человеческой природы

и воспринимается нами как насилие и посягательство на нашу жизнь и устремления.

Но, с философской точки зрения, дело не в самой противоестественности боли или страдания и даже не в их масштабах, дело в том, что они присутствуют в мире. Ведь если все сущее есть Сатчитананда, то как вообще могут существовать боль и страдание? Эта реальная проблема часто еще более осложняется ложной постановкой вопроса, основанной на идее личного сверхкосмического Бога, и возражениями более узкого, а именно этического, свойства.

Предположим, Сатчитананда и есть Бог, сознательное Существо, первопричина бытия. Тогда как может Бог, сотворивший этот мир, подвергать страданию свои собственные творения и допускать боль и зло? Как может Бог, будучи Всеблагим, сотворить боль и зло? Если допустить, что боль есть ниспосланное нам свыше испытание, это не будет разрешением моральной стороны проблемы; мы придем лишь к идее об аморальном Боге или о Боге вне морали вообще, представляющем таким инженером космоса, великолепно знающим свое дело, ловким, искушенным психологом, Богом Силы, законам которого мы вынуждены подчиняться и чье расположение можно так или иначе завоевать, но не к идее о Боге Добра и Любви, которому можно поклоняться с ответной любовью и благоговением. Ибо тот, кто изобрел пытку как средство испытания духа, будет повинен в преднамеренной жестокости или в отсутствии моральной отзывчивости, и если его и можно назвать существом нравственным, то он в любом случае будет стоять ниже уровня высших моральных устоев и инстинктов своих собственных созданий. И если, чтобы уклониться от настоящего решения этой моральной проблемы, мы признаем боль и страдание как неотвратимый результат и естественное наказание за содеянное зло — хотя такое объяснение не согласуется даже с самым непосредственным жизненным опытом, если только не принять теорию Кармы и перерождения, согласно которой душа страдает за совершенные в прошлых жизнях грехи, — то нам все же не удастся уйти от решения вопроса, составляющего самую сущность этической проблемы: кто, почему и когда создал зло, влекущее за собой наказание болью и страданием? А поскольку в действительности зло в нравственном отношении есть форма умственного расстройств или неведения, то что или кто ответствен за существование этого закона или неизбежной зависимости, карающей расстройство человеческой психики или поступок, совершенный по

незнанию, страшными ответными ударами, расплатой и наказанием, порой такими невыносимыми, такими чудовищными? Непреклонный закон Кармы несовместим с высшей Божественной моралью и нравственностью персонифицированного Бога, поэтому Будда отрицал всякое существование свободного и всемогущего личного Бога и утверждал, что личность есть преходящий продукт неведения, подвластный закону Кармы.

На самом деле все эти острые противоречия возникают только в том случае, когда мы признаем существование сверхкосмического личного Бога; не Всемогущего, Всеблагого и Вселюбящего Всевышнего, создавшего для сотворенных Им существ добро и зло, страдание и боль во вселенной, которая есть Он сам, но Бога, возвышающегося над мирозданием, управляющего им и творящего в нем Свою волю с помощью непреложного и независимого от Него самого закона. Никакой теорией сверхкосмического, высшей и совершенной нравственности Бога невозможно объяснить сотворение и существование зла и страдания, а если и возможно, то разве что прибегнув к сомнительной уловке, отвергающей, но не решающей стоящую перед нами проблему, или же используя — открыто или неявно — аргументацию манихейства, которая практически приходит к отрицанию Божества, стремясь обосновать и оправдать Его пути и деяния. Но такой Бог не имеет ничего общего с Сатчитанандой Веданты, это единое бытие, исключаящее всякую двойственность; все сущее есть Он и только Он. Тогда если зло и страдание существуют, то не кто иной, как Он сам, претерпевает зло и страдание в твари, в которой Он сам и воплотился. При таком подходе проблема приобретает совсем иной характер. Вопрос теперь заключается не в том, как Бог создал для своего творения страдание и зло, к которым Он сам не восприимчив, но каким образом Бытие-Сознание-Блаженство допустило в себе существование того, что не является блаженством и представляет собой его явное отрицание.

Наше рассмотрение упраздняет половину поставленной моральной проблемы, то есть той ее части, которая формулируется в виде, не позволяющем найти приемлемого ответа. Одно дело — моя жестокость по отношению к другим, когда я к боли совершенно нечувствителен или, возможно, в некотором роде даже разделяю страдания других тем, например, что впоследствии раскаиваюсь в своей жестокости, испытывая сочувствие к своей жертве; и совсем другое — когда я, как

единственное и единое существо-бытие во вселенной, по своей воле подвергаю себя страданию. Таким образом, возможна и другая формулировка нравственной проблемы: каким образом Сатчитананда, или Всеблагий и Вселюбящий, будучи не механическим инструментом, но свободным и сознательным существом, способным отвергнуть страдание и зло, может, несмотря ни на что, допускать в себе и зло, и страдание? Здесь следует признать, что и такая постановка вопроса является ложной, так как понятия, образующие суждения о частном, неправомерно употребляются по отношению ко Всеобщему. В самом деле, подобного рода идеи добра и любви, которые мы привносим в наше понимание Всеблаженного, возникают в том случае, когда их источником служит дуалистический, расчленяющий взгляд на природу вещей. Такое представление о добре и зле в основе своей есть отражение отношений между двумя существами, а мы упрямо пытаемся оперировать ими исходя из постулата о Едином, который Один является всем сущим. Сначала мы должны понять, как изначально выглядит проблема добра и зла и как можно ее решить в чистом виде исходя из единства, проявленного в многообразии. Только тогда мы сможем на правильной основе решать отдельные составляющие этой проблемы, такие как отношения между отдельными существами в свете дуалистического, двойственного подхода.

Следует признать также, что если рассматривать стоящую перед нами проблему именно с такой точки зрения, не ограничиваясь чисто человеческой позицией, то окажется, что мы живем в мире, в котором отсутствует всякая нравственность. А все попытки человеческой мысли привнести в деятельность Природы какой-то нравственный смысл есть не что иное, как намеренный и явный самообман человека, стремящегося в своей гордыне видеть во всем и вся свое собственное отражение, ограниченное и мелочное человеческое «я» и судить обо всем на свете исходя из сугубо личных позиций, которые как раз полностью препятствуют обретению истинного знания и видения. В материальной Природе отсутствует этическое начало; закон, которому она подчиняется, есть просто координация устоявшихся процессов, можно сказать, привычек, и здесь не место понятиям добра и зла. В Природе существует один закон, закон силы — созидающей, сохраняющей и разрушающей, чуждой всякой морали, действующей бесстрастно и безучастно, движимой скрыто присутствующей в ней Волей и ее стремлением к ее удовлетворению как в созидании форм, так и в их

разрушении. Животная, или витальная, Природа также лишена какой бы то ни было нравственной основы, хотя по мере своего развития она и создает определенную примитивную базу, исходя из которой формируется морально-этический импульс высшего животного. Нам не приходит в голову винить тигра в том, что он убивает и пожирает свою жертву, точно так же как мы не предъявляем нравственных претензий к урагану и огню, несущим разрушение и смерть. Да и сознательная сила, заключенная в урагане, огне или тигре, далека от того, чтобы осудить саму себя. А этика начинается как раз с осуждения и порицания или, точнее, самообвинения и самоосуждения. Когда же мы обвиняем других на основании законов и правил, которые не пытаемся отнести к самим себе, наши суждения не являются подлинно этичными, мы лишь пользуемся выработанным этикой языком для выражения эмоциональной реакции отвращения или неприязни к тому, что нас отталкивает или причиняет нам вред.

Это чувство отвращения или неприятия есть первооснова этики, но еще не сама нравственность как таковая. Страх, который испытывает олень по отношению к тигру, гнев сильного существа по отношению к напавшему на него есть витальная реакция отторжения — ответ блаженства бытия в отдельном существе на то, что ему угрожает. В процессе развития ментального аппарата это чувство превращается в антипатию, осуждение и полное неприятие. Осуждение того, что угрожает нам или наносит вред и ущерб, и одобрение всего, что приносит удовлетворение и так или иначе льстит нам, складывается, в конце концов, в представление о добре и зле как для отдельной личности и сообщества, к которому она принадлежит, так и для других людей и сообществ. В результате же формируется положительное отношение к добру вообще и отрицательное отношение к злу вообще. Однако при этом в самой своей сущности изначальное положение вещей остается без изменения. Человек жаждет самовыражения и саморазвития, иначе говоря, он вольно или невольно стремится к тому, чтобы в нем постоянно росли богатство и мощь игры сознательной силы бытия; это и есть для него главный источник блаженства. Все, что препятствует самовыражению и саморазвитию в человеке его «я», есть для него зло; все, что способствует возвышению, утверждению и облагораживанию, — есть добро. Важно учитывать при этом, что в ходе собственного развития человек меняет свое понятие о нем: оно углубляется и расширяется, выходя за пределы его ограниченной личности, все в большей

степени охватывая окружающее и другие существа и обретая в конце концов всеобъемлющий характер.

Другими словами, эпоха этики — это один из эволюционных этапов. На всех этапах эволюции наблюдается стремление Сатчитананды к самовыражению. Поначалу это стремление лишено какого бы то ни было этического элемента, затем на животном уровне оно вплотную приближается к этическому началу, а когда дело доходит до человека — животного, наделенного разумом, то можно говорить о безнравственной, аморальной тенденции в стремлении Сатчитананды к самовыражению, поскольку человек считает для себя позволительным причинять ущерб другим, осуждая при этом любые негативные проявления по отношению к самому себе. В этом смысле человека в его теперешнем состоянии можно считать лишь наполовину нравственным существом. И подобно тому, как в животном мире отсутствует надобность в этике, так как он занимает ступень развития ниже этического порога, не будет в ней нужды и на тех уровнях сознания, к которым человечество в конце концов придет. Морально-этический импульс и нравственный подход, столь важный для человека, есть не что иное, как средство восхождения от примитивной гармонии и универсальности бессознательной сферы и индивидуальных противоречий Жизни к высшей гармонии и универсальности, в основе которых лежит сознательное единство со всем бытием. По достижении этой цели отпадет необходимость в морально-этическом импульсе, поскольку качества, составляющие его существо, и противоречия, источником которых он служит, естественным образом растворятся в венчающем все развитие высшем мире и согласии.

Тогда, если этический принцип уместен лишь на определенном переходном этапе, пусть даже и очень важном, мы не можем руководствоваться им при общем решении проблемы вселенского бытия и вправе использовать его только как один из элементов этого решения. В противном случае мы рискуем допустить фальсификацию как всех вселенских реалий, так и всего процесса предшествующей и последующей эволюции, чтобы дать и тому, и другому место всего лишь во временном наброске картины мира и удовлетворить незрелые представления об их подлинной роли и важности в целом. В этическом отношении можно говорить о существовании в мире трех сфер, трех уровней, из которых первый — тот, что находится ниже морально-этического принципа, второй уровень — нравственно-этический и третий —

сверхэтический. При этом необходимо определить общую основу для всех трех уровней, ибо только так можно разрешить стоящую перед нами проблему.

Как мы уже отмечали, общим для всех трех уровней является стремление сознательной силы бытия к самоудовлетворению, достигаемому самовыражением в различных формах, и к обретению блаженства в этом проявленном многообразии. Это удовлетворение, то есть блаженство самосущего бытия, есть то, что вызывает эту силу к жизни, ее начало; это то, что естественно для нее, то, чего она ищет, на чем она держится. Но ей нужны новые формы самовыражения, и именно при переходе к более высокоразвитым формам возникают такие явления, как боль и страдание, что, казалось бы, противоречит самой природе ее бытия. В этом и только в этом состоит ключевая неразрешенность вопроса.

Как разрешить его? Следует ли признать, что не Сатчитананда является началом и концом всего и вся, а некое Ничто, бескачественная пустота, при этом несущая в себе все возможности бытия и небытия, сознания или несознания, блаженства или муки? При желании можно удовлетвориться и таким ответом, который, впрочем, ничего не объясняет, вбирая в себя любые возможные решения. Ничто, включающее в себя абсолютно все возможности, есть наиболее полное выражение всех противоречий и является не объяснением, но заменой частного противоречия — общим, поскольку в нем противоречивость рассмотренного выше положения вещей доведена до крайности. В самом деле, Ничто есть пустота, которая не может обладать никакими возможностями; суммарно нейтральным индетерминантом, содержащим в себе все потенциальные возможности является Хаос, и, помещая Хаос в Пустоту, мы не в состоянии далее что-либо объяснить, не указав, как он туда попал. Вернемся поэтому к первоначальной концепции Сатчитананды и посмотрим, можно ли на этой основе достичь более полного решения проблемы.

Прежде всего необходимо ясно понимать, что, подобно тому, как под вселенским сознанием мы подразумеваем сознание более глубокое и обширное, отличное от человеческого ментального бодрствующего сознания, точно так же под вселенским блаженством бытия мы подразумеваем более глубокое и полное блаженство, чем то, которое в состоянии испытать отдельное человеческое существо на уровне эмоционально-чувственных удовольствий. Удовольствие, радость и наслажде-

ние в том смысле, который обычно вкладывают в эти слова люди, представляют собой ограниченные и непостоянные движения человеческой психики, являясь результатом стечения некоторых привычных обстоятельств, и, подобно своим противоположностям, боли и страданию, которые в равной мере ограничены и вызываются время от времени происходящими событиями, возникают на почве, сущность которой отличается их собственной. Блаженство бытия универсально, безгранично и ни от чего не зависит, ни от каких конкретных причин; оно есть основа основ, подлинный источник удовольствия, боли и других, более нейтральных переживаний. Когда блаженство бытия стремится выразить себя в виде блаженства становления, оно принимает различные формы движения силы; при этом радость и боль есть лишь положительная и отрицательная формы проявления силы. Блаженство бытия, пребывая на подсознательном уровне в Материи и на сверхсознательном уровне — за пределами Разума, в сфере Жизни и Разума стремится реализовать себя в процессе становления, осознания своего собственного движения. Сначала это происходит в двойственных и несовершенных формах, между полюсами удовольствия и боли, но с тенденцией, в конечном счете преобладающей, на самораскрытие во всей чистоте высшего блаженства самосущего и абсолютно независимого бытия. Сатчитананда стремится не только к реализации универсального бытия в отношении отдельной личности и к безграничному сознанию в телесной и разумной форме, но также и к выражению универсального, самосущего и ничем не обусловленного блаженства на уровне опыта переживания отдельно взятого индивида. Когда мы достигнем состояния сознания, в котором обретем полную свободу духа, то все предметы, являющиеся теперь для нас объектами преходящего удовольствия, превратятся из причины, порождающей удовольствие, в объекты, служащие не более чем отражением вечно существующего блаженства.

В эгоистическом существе человека, в его ментальной личности, возникшей из смутных пределов материи, блаженство бытия остается в тени подсознания, в полулатентном состоянии, представляя собой плодородную почву изобилия, скрытую под наслоениями желаний и порослью роскошных, но ядовитых сорняков с пышными не менее ядовитыми цветами — болью и страданием нашего эгоцентрического существования. Когда скрытая в нас сознательная сила уничтожит эту поросль желаний или, говоря языком Ригvedы, Божественный огонь

сожжет земные побеги и корни, питающие удовольствие и страдание, порождающие их причины и их скрытое существо, присутствующее в них блаженство раскроется и явит себя в новых формах, связанных не с желанием, но с независимой ни от чего самосушей удовлетворенностью, заменив преходящее удовольствие экстазом Бессмертия. Такая трансформация вполне реальна, поскольку во всех человеческих чувствах и эмоциях — и в боли не меньше, чем в радости — скрыто присутствует, составляя самую их сущность, то самое блаженство бытия, которое они выразить не способны, причина же тому — неведение, обособленность, эгоизм.

Блаженство бытия: решение проблемы

Имя Его есть Блаженство; поклоняться Ему и стремиться к Нему мы должны как к Блаженству.

*Кена Упанишада*¹

ЭТА концепция неотъемлемого, изначального блаженства бытия, отраженного в наших поверхностных ощущениях и воспринимаемого как положительные, отрицательные или нейтральные проявления, эти волны, порождаемые его беспредельными глубинами, приводит нас к решению рассматриваемой проблемы. «Я» всего сущего — в бесконечном и неделимом бытии; существо природы, или энергетическое свойство этого бытия, есть бесконечная непреходящая сила самоосознающей реальности; а существо природы этого самоосознания, или самопознания, в свою очередь, есть бесконечное неотъемлемое блаженство бытия. Как во всех бесчисленных формах, так и за пределами форм, как в извечном осознании бесконечного и неделимого бытия, так и в многообразии конечного и раздробленного проявления самосущее бытие неизменно сохраняет свое состояние непреходящего блаженства. Подобно тому, как на уровне бессознательной Материи наша душа освобождается от уз привычного поверхностного восприятия и открывает для себя бесконечную, неизменяемую, неподвижную и все проникающую Сознание-Силу, так же и в кажущейся бесчувственной Материи душа открывает и проникается бесконечным сознанием неколебимого и всеобъемлющего экстатического Блаженства. При этом она обнаруживает, что изначальное и непреходящее блаженство есть блаженство ее собственного бытия, а «я» всего сущего — это ее собственное «я», присутствующее во всем и вся. Но для нашего поверхностного восприятия всеобъемлющее блаженство продолжает оставаться скрытым на подсознательном уровне. Точно так же, как блаженство заключено во всех проявленных формах, оно присуще и любому опыту восприятия и переживания: приятному, болезненному или нейтральному. Глубоко скрытое на

¹ IV. 6.

подсознательном уровне блаженство есть основа всего сущего, поддерживающая проявленный мир. Именно блаженство бытия есть главная причина того, что все живое упрямо цепляется за существование; на витальном уровне эта всепоглощающая воля к жизни проявляется как инстинкт самосохранения; на физическом плане бытия — как неуничтожимость материальной субстанции; на ментальном — как ощущение и предчувствие индивидом собственного бессмертия, присущее ему на всех этапах его развития и жизненного цикла, а периодически возникающий у него импульс к саморазрушению представляет собой лишь обратную сторону воли к жизни, это тяга к другому состоянию бытия вследствие отвращения к состоянию настоящему. Блаженство есть бытие, Блаженство есть тайна творения, Блаженство лежит в основе рождения, Блаженство — это источник, поддерживающий существование и жизнь, Блаженство есть конец рождения и то, в чем растворяется творение, прекращая свое существование. Как сказано в Упанишадах: «Все сущее рождается из Ананды, в Ананде все пребывает и множится, в Ананду все уходит».

Рассматривая эти три аспекта изначального Бытия, представляющие собой в действительности одно целое и выступающие для нашего ментального восприятия как триединый принцип, троичная расчлененность которого есть лишь видимость, возникающая в сфере феноменального мира и нецельного, раздробленного сознания, мы можем надлежащим образом определить значение и место важных исходных положений философских систем древности, различающихся между собой, и привести их к единству, преодолев их столь давнее противостояние. Ибо если соотнести чувственно воспринимаемое бытие с чистым, бесконечным, единым и неизменяемым Бытием, то нам придется квалифицировать проявленный мир как Майю. Майя в первоначальном смысле слова означает «сознание, способное обладать содержимым и пополнять это содержимое в любых объемах и качествах, способное устанавливать меру и предел, то есть способное к формообразованию», она — то, что намечает и создает форму в бесформенном, давая ей психологическую основу и приближая для нее Непознаваемое к познаваемому, безграничное — к измеряемому. Позже это слово приобрело другой, сниженный смысл и стало означать не знание и способность к пониманию, а иллюзию или хитроумную подделку, и именно в этом значении слово «Майя» обычно употребляется в различных философских системах.

Мир есть Майя. Мир — это не иллюзия в том смысле, что он не существует реально. Даже если бы наш мир был лишь сном Духа, то он все же существовал бы в Нем как сон и был бы для Него реальностью, пока длится, хотя, в конечном счете, прекратил бы быть таковым. Точно так же мы не можем утверждать, что проявленный мир нереален в том смысле, что он не существует вечно; ибо даже если отдельные миры и конкретные формы были бы преходящи или подвержены физическому разрушению и на ментальном уровне возвращались бы от сознания проявленного к сознанию непроявленного, то Форма и весь наш Мир сами по себе все равно были бы вечными, неизбежно возвращаясь из непроявленного состояния в проявленное; они обладают вечностью — не в смысле непрерывности существования, а в смысле повторяемости возникновения и благодаря этому — устойчивостью в целом, но вместе с тем и вечной изменчивостью в отношении их феноменального обличья. К тому же у нас нет никакой уверенности в том, что во Времени уже случался или когда-нибудь случится такой момент, когда в вечном Сознании-Бытии не будет представлена ни одна из вселенских форм и ни одно из проявлений бытия; мы можем говорить лишь о своем интуитивном ощущении, что наш мир в его настоящем виде постоянно из Него рождается и в Него возвращается.

И все же мир — это Майя, поскольку он не является изначальной истиной бесконечного существования, а представляет собой лишь творение самосознательного бытия, возникающее не в пустоте, не в ничто и не из ничто, но из вечной Истины самосущего Духа и в ней самой. Источник и содержание проявленного мира есть реальное Бытие, а формы его представляют собой преходящие образования Духа, порожденные Его созидающей творческой силой и воспринимаемые Его собственным сознанием. Созидаемые Им формы способны проявляться во вселенских физических образах или же вовсе не участвовать в манифестации. Поэтому мы вправе называть эти образы проявленного мира иллюзией бесконечного сознания, невольно проецируя тем самым тень человеческого ментального сознания, подверженного ошибкам и слабостям, на то, что превосходит Разум и неподвластно заблуждению и иллюзии. В то же время, поскольку существо и содержание проявленного Бытия не являются ложью, а все ошибки и деформации нашего двойственного сознания выражают определенную истину единого самосознательного Бытия, то можно лишь сказать, что наш

мир, не являясь изначальной истиной Духа и Его непреходящего единства, представляет собой феноменальную истину безграничного и свободного многообразия и бесконечной изменчивости, Им порождаемых.

С другой стороны, если сопоставить бытие проявленного мира лишь с сознанием и с силой сознания, то можно рассматривать и воспринимать наш мир как движение Силы, подчиняющейся определенной скрытой воле или необходимости, обусловленной самим существованием созидающего и воспринимающего Сознания. Тогда проявленный мир будет игрой Пракрити, или Силы реализации, действующей ради удовлетворения Пуруши, Сознательного Существа и наслаждающегося свидетеля; или же — результатом игры Пуруши, отраженной в движениях Силы, с которыми самоотождествляется Пуруша. В этом случае мироздание есть игра вселенской Матери, извечно стремящейся воплотить Себя в бесконечных проявленных формах и в неиссякающем многообразии опыта.

Взглянув на Вселенское Существование в его отношении к самосущему блаженству извечного бытия, мы можем рассматривать его как Лилу, игру. Душа всего сущего, вечно юный, неисчерпаемый и неутомимый в своем никогда не прекращающемся творчестве, Он вновь и вновь созидает Себя в Себе ради одного — наслаждения и блаженства этим своим самосозиданием и самовыражением, и Его Лила — игра и радость, радость ребенка, поэта, актера, изобретателя и инженера, а Он Сам — и игра, и игрок, и поприще для игры. Эти три обобщенных компонента игры бытия, определяющиеся его отношением к Сатчитананде — Вечному, Неколебимому, Неизменному — и соответствующие концепциям Майи, Пракрити и Лилы наших философских систем, где они представлены как противоречащие друг другу, в действительности вполне совместимы, взаимно дополняют друг друга и в совокупности должны с необходимостью учитываться в формировании целостного, всестороннего взгляда на мироздание. Тот мир, частью которого мы являемся, даже при поверхностном подходе воспринимается как движение Силы. Но эта Сила — если уйти от внешней, наружной стороны ее деятельности — представляет собой в одно и то же время устойчивый и постоянно изменяемый ритм вибраций творческого сознания, проецирующего в самого себя истины феноменов своего собственного бесконечного и вечного бытия. Эти ритмические вибрации сознания являются по своей сущности, причине и цели игрой

бесконечного блаженства бытия, извечно поглощенного своими бесчисленными формами самовыражения. Такой тройственный или, точнее, триединый подход лежит в основе нашего понимания вселенной.

Поскольку вечное и неизменяемое блаженство бытия, выражающее себя в бесконечном и разнообразном блаженстве становления, составляет основу проблемы, то с неизбежностью приходится допустить, что за всяким нашим личным опытом-переживанием присутствует единое неделимо-целостное Бытие-Существо, поддерживающее этот опыт своим неизменным блаженством и придающее его проявлениям видимость чувственных состояний удовольствия, боли и безразличия. Это неделимое Бытие и есть наше реальное «я». Ментальное существо, подверженное воздействию триады вибраций — радости, боли и безразличия, может лишь в определенной мере и на поверхностном уровне выражать наше истинное «я» в целях приобретения человеком чувственного опыта, возникающего в результате контакта с окружающим миром, что является первым, начальным уровнем ритмических вибраций нашего раздробленного сознания, реагирующего на соприкосновение с космическим бытием. Эта реакция несовершенна, со сбивчивым, нестройным, путаным ритмом, она — лишь подготовка, прелюдия к всеобъемлющей и всеобъединяющей полифонии сознательного Бытия в человеке. Этому незрелому, неровному ритмическому рисунку далеко до того, чтобы быть истинной и совершенной симфонией, в которую он может превратиться только в том случае, если мы соединимся с Единым во всей многовариантности его мелодических голосов и линий и заставим звучать свое существо в унисон с абсолютным и универсальным вселенским гимном.

Если все это верно, то мы неизбежно приходим к некоторым важным выводам. Прежде всего, если мы в глубине своего существа являемся тем самым Единым и представляем собой по сути неделимое всеобщее Сознание, а стало быть, и непреложное всеобъемлющее Блаженство, то распределение нашего чувственного опыта по трем вибрациям — боли, радости и безразличия — может быть лишь неким поверхностным образованием, созданным самым поверхностным пластом нашего внешнего бодрствующего сознания. За этой внешней маской в человеке должно скрываться нечто более глубокое и истинное, способное получать наслаждение от любого жизненного опыта. Именно это непреходящее блаженство незримо поддерживает поверхностное ментальное существо, придавая ему стойкость и жизнеспособность

во всех перипетиях сложного процесса Становления. То, что мы называем своим существом, есть лишь блики, трепещущие на поверхности; нашему внутреннему взору остается недоступна бескрайняя область подсознательного и безбрежная сфера сверхсознательного, которые используют в своих нуждах и целях разнообразный поверхностный опыт, воздействующий на наше внешнее «я», служащее для них своего рода чувствительной оболочкой-посредником, реагирующей на соприкосновения с внешним миром. Подлинное и незримое человеческое «я» воспринимает и ассимилирует внешний опыт, извлекая из него все по-настоящему глубокое и истинное и превращая его в творческий материал для своего развития и роста. После этого внешний опыт, обогащенный внутренним синтезирующим процессом ассимиляции, возвращается из глубин нашего существа на поверхностный уровень в виде силы и стойкости характера, знания и жизненного импульса, источник которых остается для нас таинственно скрытым, ибо наш разум, не приученный к концентрации и жизни во внутренних глубинах, всегда лишь скользит по поверхности.

В нашей обычной жизни эта истина нам недоступна и лишь иногда смутно воспринимается и ощущается как нечто неопределенное и неясное. Но научившись жить в своем внутреннем существе, мы неизбежно пробуждаемся к осознанию этой истины и к ее восприятию в самих себе как своего подлинного «я», присутствие которого придает нам ощущение покоя, глубины, чистоты и радости, над которыми не властен окружающий нас мир и в которых мы видим если не присутствие самого Господа, то Его свет, озаряющий изнутри все наше существо. Наше внутреннее «я» со снисходительной улыбкой поддерживает «я» внешнее со всеми его радостями и печалью, воспринимая их как детские капризы. И если бы мы могли погрузиться в глубину своего существа и отождествить себя не с внешним опытом, но с внутренним светом Божественного, хотя и приглушенным, то могли бы распространить и перенести это переживание Божественного света на все свои контакты с внешним миром и, отрешившись в своем сознании от удовольствий и страданий физического тела, витального существа и разума, воспринимать их как чисто поверхностные ощущения, не затрагивающие наше истинное существо. Используя емкие и выразительные санскритские термины, можно сказать, что за *tanomaya* скрывается *ānandamaya*, или — Дух Блаженства стоит за ограниченным ментальным «я», которое представляет собой лишь искаженное и блеклое

отражение Духа Блаженства. Истина человеческого существа лежит не на поверхности, а в глубине.

Поверхностные вибрации-ощущения удовольствия, боли и безразличия, являясь промежуточным результатом нашей незавершенной эволюции, не могут рассматриваться как абсолютные и необходимые для человеческой природы. Мы не обязаны постоянно воспроизводить реакцию радости, страдания или безразличия на определенные воздействия окружающей среды и делаем это только по привычке. При конкретных обстоятельствах мы ощущаем удовольствие или боль лишь в силу привычки, выработанной нашей природой, таковы связи, установившиеся между реципиентом и теми или иными устойчивыми внешними раздражителями. Человек способен изменить свои привычные реакции на полностью противоположные и чувствовать удовольствие вместо боли, а боль — вместо удовольствия. Мы также в состоянии приучить наше поверхностное существо вместо механически воспроизводимых реакций удовольствия, страдания и безразличия на все внешние контакты с действительностью отвечать непреходящим ощущением блаженства, которое приобретается в результате опыта соединения с внутренним Духом Блаженства. Это было бы гораздо большим завоеванием в направлении глубокого и совершенного самопознания, чем просто отрешенное восприятие внутренним «я» обычных поверхностных реакций. Ибо такая новая внутренняя реализация опыта блаженства позволила бы нам не просто сбросить с себя зависимость от привычных вибраций-ощущений, оставив, как это часто бывает, наш опыт общения с внешним миром таким, каков он есть в пространстве этих вибраций — несовершенным, но превратить все несовершенное — в совершенство, а все ложное — в истину, заменив ментальные переживания двойственного и противоречивого сознания на неизменное блаженство Духа.

На уровне разума относительность этих привычных реакций радости и боли ощущается довольно легко. Нервная система человека действительно привыкла к определенной устойчивой условности и к ложному впечатлению абсолютного характера окружающих вещей и явлений, воспринимая любую победу, успех, почести и удачу как абсолютно приятные вещи сами по себе, рождающие в человеке радость с той же неизбежностью, как сахар вызывает во рту привкус сладости. А всякое поражение, разочарование, неудача и невезение расцениваются как нечто абсолютно неприятное и вызывающее страдание подобно

тому, как полынь создает вкус горечи. Изменение этих устойчивых реакций нервной системы человека равносильно для нас ненормальному и страшному отклонению от реального факта, поскольку нервная система живет устоявшимися привычками, находясь в полной от них зависимости, и, как таковая, предназначена Природой для того, чтобы обеспечивать постоянство заданных реакций организма на повторяющийся чувственный опыт, создавая тем самым определенную схему отношений человека с окружающим его миром. Ментальное же существо, напротив, обладает значительной свободой, ибо является средством, обеспечивающим гибкость и разнообразие наших реакций на воздействие окружающей среды, и предназначено Природой для реализации изменений и прогресса в нашем развитии. Ментальное существо остается в плену привычных реакций только до тех пор, пока оно предпочитает это делать, или попустительствует господству над собой инструментария нервной системы. По своей природе ментальное существо не склонно предаваться печали и унынию в результате поражения, неудачи или потери; оно способно встречать все эти явления с полным равнодушием и даже радостно приветствовать их. Поэтому, как только мы отказываемся подчиняться диктату нервной системы и физического тела, мы обнаруживаем, что все меньше и меньше живем физической и витальной жизнью, обретая все больше свободы. Из рабов мы превращаемся в подлинных хозяев своей собственной природы, способных контролировать свои реакции на воздействия окружающей среды.

Что касается физического удовольствия и боли, то в этой области сложнее реализовать универсальную истину, поскольку физическая природа, наша нервная система и тело, находится в полной зависимости от воздействий внешнего мира. Но даже и здесь, на физическом уровне, наблюдаются проблески истины. Они ощущаются в том, что в соответствии со сложившейся привычкой одно и то же внешнее физическое воздействие может быть приятным или болезненным, причем не только для разных людей, но и для отдельного индивида, в зависимости от различных психологических состояний, в которых он находится, или от разных уровней его развития. Например, в моменты сильного эмоционального и нервного возбуждения человек может не проявлять физической чувствительности к боли или просто не замечать ее, хотя при обычных обстоятельствах то же самое внешнее воздействие способно вызвать в нем ощущение жестокой боли и страда-

ния. Зачастую чувство боли и страдания появляется лишь тогда, когда нервная система воспроизводит свою привычную реакцию и напоминает ментальному существу о том, что ему надлежит отреагировать на данный внешний раздражитель состоянием страдания. Но эта обычная реакция не является обязательной и поддерживается лишь силой укоренившейся, устойчивой привычки. Под воздействием гипнотического внушения пациенту можно не только запретить ощущать боль от раны или укола, но и изменить его реакцию на болевые воздействия, вызывающие обычно физические страдания, после его возвращения в бодрствующее состояние. Механизм этого явления объясняется достаточно просто: гипнотизер усилием своей воли прерывает функционирование обычного бодрствующего сознания, находящегося в рабской зависимости от привычных реакций нервной системы, и обращается непосредственно к скрытому в глубине тонкому ментальному существу, которое, если пожелает, может взять под свой полный контроль все физические реакции тела. Такой свободы от физической зависимости, которая достигается в результате гипнотического воздействия и чужой воли, не вызывая при этом коренных перемен в сознании пациента, можно добиться самостоятельно с помощью своих собственных волевых усилий и прийти, в конечном счете, к частичной или полной победе ментального существа над устойчивыми привычками нервной системы и тела.

Боль душевная или телесная есть механизм Природы или, лучше сказать, действующей в ней Силы, предназначенный для достижения конкретных целей на переходном этапе эволюции. Отдельный индивид воспринимает окружающий его мир как арену столкновения и взаимодействия самых разнообразных сил. В центре этой сложной игры человек предстает как ограниченное существо, располагающее незначительной силой, подверженной воздействию бесконечных ударов извне, способных ослабить, нанести ущерб или вовсе разрушить то, что он называет самим собой и своей личностью. Боль является защитной реакцией нервной системы и физического тела на вредные или опасные воздействия среды и представляет собой часть того, что в Упанишадах называется *jugupsā*, импульс самозащиты от всего «постороннего», стремление ограниченного существа уйти от чуждых его природе внешних воздействий и влияний. С этой точки зрения боль есть средство, с помощью которого Природа указывает нам на то, чего следует избегать или что нуждается в изменении и исправлении. На чисто

физический уровень бытия боль попадает только вместе с возникновением жизни; до этого Природа обходится механическими способами воздействия. Роль и значение боли становятся ощутимыми по мере того, как сначала жизнь своими несовершенными методами, а затем и Разум пытаются овладеть Материей. Господство боли над разумом продолжается до тех пор, пока Разум остается в зависимости от жизни и тела, которые он использует как свой инструментарий и всецело полагается на него в своих действиях, страдая от его ограничений и эгоистических импульсов, порождающих, в свою очередь, соответствующие ограниченные цели и задачи. Но если человеческий Разум становится способным к тому, чтобы обрести свободу, отбросить эгоистические устремления, обрести гармоническое единство с другими существами и вселенскими силами, то значение боли в жизни человека уменьшается и порождающие ее причины могут, в конечном счете, иссякнуть. Тогда боль останется лишь атавизмом, устаревшей привычкой низшей природы в условиях пока еще несовершенной организации природы высшей. Полное устранение боли — это решающее достижение в неизбежной победе души человеческой над собственной покорностью Материи и эгоистическими ограничениями Разума.

Избавление от боли возможно в силу того, что боль и удовольствие сами по себе являются лишь энергетическими потоками, первый из которых отличается несовершенством, а второй — искажениями; но при этом оба они остаются потоками блаженства бытия. Причина же этого несовершенства и искажений — раздвоенность, раздробленность человеческого самосознания, порождаемая устанавливающей пределы и ограничения Майей, и, как следствие, не универсальное, а эгоистическое отношение к влияниям окружающего мира. Универсальная душа видит во всем скрытую от внешнего глаза квинтэссенцию блаженства, которая наилучшим образом передается санскритским термином *rasa*, что означает одновременно сок, или суть той или иной вещи или явления, и присущий им вкус, или их качество. Поскольку мы не стремимся к постижению сути вещей, с которыми сталкиваемся в жизни, и обращаем внимание лишь на то, каким образом окружающий мир соотносится с нашими желаниями и наклонностями, страхами и опасениями, то Раса для нас принимает форму печали и боли, несовершенной и преходящей радости или безразличия, что свидетельствует о нашей полной неспособности к восприятию скрытой сути вещей и явлений. Если бы мы могли в уме и сердце

сохранять отношение полной непредвзятости к происходящему и были бы при этом в состоянии передать это ощущение внутренней отрешенности своему нервному существу, то сумели бы постепенно избавиться от несовершенных и извращенных форм Расы, что привело бы к способности восприятия разнообразных проявлений неотъемлемого, присущего всему и вся блаженства бытия. В определенном отношении эта способность к ощущению универсального блаженства проявляется в эстетическом мировосприятии человека, получающем свое отражение в искусстве и поэзии, с помощью которых мы можем наслаждаться Расой, или вкусом, присущим всему печальному, ужасному или отталкивающему¹; происходит это по той причине, что, соприкасаясь с поэтическим, художественным произведением искусства, мы можем воспринимать истинную сущность вещей и нас не обременяют эгоцентрические помыслы и чувство самозащиты (*jugupsā*). Но эстетическое мировосприятие, конечно, не дает точного образа или отражения чистого блаженства, которое относится к супраментальной сфере сознания и лежит вне эстетической области восприятия; ибо супраментальное сознание устраняет печаль, страх, отвращение и порождающую их причину, а эстетическое мироощущение признает и мирится с их существованием, хотя и является первым несовершенным шагом в постепенном процессе постижения универсальной Душой блаженства, скрытого во всем сущем. Благодаря эстетическому чувству человеческая природа в какой-то степени обретает способность к отрешению от своего эгоцентризма и приобщается к универсальной внутренней позиции, с помощью которой единая Душа зрит гармонию и красоту там, где человек видит лишь хаос и противоречия. Мы обретаем полное освобождение только тогда, когда оно прочно утверждается во всех составляющих нашей природы и когда мы достигаем универсальности не только в плане эстетического восприятия, но и всеобъемлющего знания и полного внутреннего отрешения от внешнего мира, сохраняя при этом глубокое сочувствие и симпатию ко всему и вся на уровне нервного и эмоционального существа.

Поскольку причина страдания кроется в неспособности нашего сознания должным образом встречать удары окружающего мира, вызывающие в нас апатию и уныние, и в несоответствии нашей внутренней силы внешним влияниям вследствие эгоистической ограниченности

¹ На санскрите соответственно: *karuṇa*, *bhayānaka*, *bibhatsa*.

неведения, скрывающего от нас наше истинное «Я», природу Сатчитананды, поскольку устранение страдания из жизни человека должно происходить сначала путем замены пассивного состояния, *jugupsā*, активным, *tiikṣā*. Уныние и самозащита должны уступить место способности стойко встречать, выдерживать и одолевать враждебные обстоятельства и окружение. Подобная практика позволяет прийти к позиции внутренней уравновешенности, которая может выражаться либо в неизменной невосприимчивости ко всем внешним контактам, либо в неизменной реакции радости на воздействия окружающей среды. Уравновешенность, в свою очередь, должна основываться на замене эгоистического сознания, подверженного радости и боли, сознанием Сатчитананды, или Всеблаженства. Сознание Сатчитананды может быть трансцендентным по отношению к вселенной; соответствующее состояние запредельного Блаженства достигается аскетической практикой бесстрастия к окружающему миру. Или же сознание Сатчитананды в одно и то же время способно быть трансцендентным и универсальным; тогда всеобъемлющее Блаженство обретается путем самоотрешения, отказа от эго и приобщения к универсальному и всепроникающему блаженству бытия. Это путь мудрецов ведийской древности. Но в любом случае, нейтральное отношение к несовершенным вибрациям удовольствия и извращенным вибрациям боли является первым непосредственным и естественным следствием самодисциплины души; ощущение одинакового блаженства во всех воздействиях внешней среды приходит обычно позже. Хотя, в принципе, возможно также и прямое преобразование вибраций боли, удовольствия и безразличия в состояние Ананды, но для человека оно трудно достижимо.

Такой взгляд на вселенную возникает на основе интегрального ведантистского подхода к проблеме. Бесконечное, неделимое и преисполненное блаженства бытие во всей чистоте его самосознания преобразует свою изначальную чистоту в многогранную игру сознательной Силы, в движение Пракрити, которое, в свою очередь, является игрой Майи. Блаженство бытия существует сначала в скрытом виде на подсознательном уровне физической вселенной; затем блаженство проявляется в значительной массе нейтральных движений, которые нельзя еще назвать ощущениями; позже, по мере развития разума и эго, блаженство проявляется как составная часть тройственной вибрации боли, удовольствия и безразличия вследствие ограниченной силы сознания воплощенной формы и в результате внешних воздействий

на человека со стороны универсальной Силы, которые наше существо воспринимает как враждебные и чуждые его природе. И наконец, наступает осознанное проявление Сатчитананды во всей ее полноте в созданных ею формах в результате их универсализации, самопознания и совершенного обладания Природой. Таков путь развития нашего мира.

И если теперь задаться вопросом, почему Единое Бытие обретает блаженство именно таким образом, то ответ сведется к тому, что Его бесконечность содержит в себе все возможности, а блаженство бытия — не в состоянии неизменяемого существования, но в изменчивом процессе становления — заключается как раз в реализации этих бесконечных возможностей. Одна из проявленных возможностей, выраженная в нашей вселенной, частью которой мы и являемся, начинается с того, что Сатчитананда пребывает в скрытом состоянии даже в тех формах, которые, казалось бы, являются ее противоположностью, а затем раскрывает сама себя в противоречащих ее бытию условиях. Бесконечное бытие теряется в обличье небытия и предстает в облике конечной Души. Бесконечное сознание скрывается под видом бескрайней сферы бессознательного и возникает как поверхностное и ограниченное сознание. Бесконечная самосушая Сила, казалось бы, растворившаяся в хаотическом скоплении атомов, проявляется в неустойчивом равновесии проявленного мира. Бесконечное Блаженство, казалось бы, потерявшее себя в бесчувственной Материи, являет себя в диссонирующих ритмах и вибрациях боли, удовольствия и покоя, любви, ненависти и безразличия. Бесконечное единство прячется в беспорядочном многообразии и обнаруживает себя в игре противоречивых сил и существ, стремящихся к восстановлению единства путем взаимного уничтожения, обладания и поглощения себе подобных. В этих условиях должно произойти проявление Сатчитананды в полной истине. Человек должен превратиться в универсальное существо, живущее универсальной жизнью, а его ограниченное ментальное сознание расширится при этом до уровня сверхсознательного единства, охватывающего все сущее. Стесненному человеческому сердцу предстоит научиться заменять свои желания и страсти универсальной любовью, а витальному существу — воспитать в себе спокойную и беспристрастную реакцию на воздействия окружающей среды и быть в состоянии воспринимать универсальное блаженство. Наше физическое существо должно привыкнуть ощущать в себе безраздельный

поток Силы, наполняющий собой все, что нас окружает, и чувствовать себя частью единого целого. Природа человека должна научиться достигать на уровне индивида гармонии и единства Бытия-Сознания-Блаженства.

Во всей этой игре всегда присутствует одна единственная скрытая реальность и блаженство бытия — будь то на уровне подсознательного оцепенения, предшествующего появлению индивидуума, или в процессе борьбы многообразных форм, противостояния и преобразования усилий, направленных на достижение самореализации в запутанных лабиринтах смутных устремлений, средоточием которых является человеческая личность, или в сфере сверхсознательного бытия, которую предстоит освоить человеку, чтобы соединиться с единой Сатчит-анандой. Такова игра Единого, Господа, какой она представляется просветленному знанию, освободившемуся от оков чисто концептуальных представлений о материальной вселенной.

Божественная Майя

Господа Имена, равно как и ее имена, были мерилom и формой для них силы Матери Света; в энергии Силы той, словно в одежды себя облекая, Майи владыки Форму творили в этом своем Бытии.

Властители Майи формой все наделяли с помощью Майи Его; а те Праотцы, что владели божественным зрением, Его, как младенца, кому на свет надлежало явиться, внутрь всех форм помещали.

*Ригведа*¹

СУЩЕСТВОВАНИЕ, действующее и созидующее силой своего сознательного бытия, исходя из присущего последнему чистого блаженства, есть та самая реальность, частью которой мы являемся, дух, присутствующий во всех формах и образах нашего бытия и поведения, причина, объект и конечная цель всей нашей активности, творческой деятельности и процесса становления. Подобно тому, как поэт, художник или музыкант, создавая свои произведения, ничего не совершает, а лишь раскрывает дремлющие в его «я» возможности, придавая им определенную форму на проявленном уровне, или же мыслитель, государственный деятель или инженер превращает в конкретный материальный образ то, что скрыто в нем, что есть он сам и что остается безо всякого изменения даже в процессе воплощения в форму, тот же самый процесс происходит и на уровне мироздания и Вечности. Всякое творение или становление есть не что иное, как самопроявление. Из семени развивается то, что уже заложено в семени, изначально существует в бытии, предопределено его волей к становлению, уготовано блаженством становления. Первозданная плазма несла в себе, в силе своего бытия окончательную форму проявленного организма. Ибо всегда конечная форма есть результат деятельности скрытой, несущей в себе бремя творения самознательной силы, наделенной непреклонным импульсом к самопроявлению и воплощению. Это только человек, создающий свое творение

¹ III.38.7; IX.83.3.

из глубин собственного «я», проводит разграничение между самим собой, действующей в нем силой и материалом, над которым он работает. В действительности человек сам является и силой, и индивидуализированным сознанием, исполняющим замысел, и материалом, над которым он работает, и окончательной формой и результатом работы. Другими словами, единое существование, единая сила, единое блаженство бытия, сосредоточивается в многочисленных точках, в каждой из которых оно говорит: «Это — я», и действует в своих конкретных целях самопроявления с применением в разных случаях различного количества силы.

В результате порождающее порождает само себя и ничего иного; действие единой силы, единого существования и единого блаженства создает лишь определенную игру, ритм, развитие своего собственного существования, силы сознания и блаженства бытия. Поэтому все, что приходит в мир, стремится лишь к тому, чтобы быть, существовать, достигать намеченной формы, обогащать свое бытие в этой форме, развиваться, самопроявляться, бесконечно совершенствовать свое сознание и присущую ему силу, наслаждаться блаженством манифестации, блаженством конкретной формы бытия и сознания, испытывать блаженство от игры многочисленных проявлений силы, углублять и совершенствовать это ощущение блаженства всеми возможными способами, в любом доступном направлении и с помощью любых скрытых в глубине своего существа идей, исходящих от Бытия, Сознания-Силы и Блаженства.

И если можно говорить о какой-то цели, полноте и завершенности, к которым стремится мироздание, то это будет лишь завершенность и полнота — как на уровне отдельного человека, так и на уровне всего целого, частью которого является индивидуум, — ее собственного существования, ее силы, сознания и блаженства бытия. Но такая полнота недостижима для индивидуального сознания, сконцентрированного в пределах отдельной конкретной формы; абсолютная полнота невозможна в границах конечного, ибо она противоречит самому понятию конечного. Поэтому единственно возможная конечная цель сводится к достижению бесконечного сознания на индивидуальном человеческом уровне. Эта цель предполагает открытие истины своего собственного существа путем самопознания и самореализации, постижение истины Бесконечного на уровне бытия, сознания и блаженства и восприятие этой истины как единственной Реальности, как своего

собственного «Я», по отношению к которому конечная форма есть лишь поверхностная маска и средство выражения.

Таким образом, сама природа космической игры, воплощенная Сатчитанандой во всей полноте Его бытия в Пространстве и Времени, с неизбежностью заставляет нас признать определенную последовательность циклов развития. Это, во-первых, инволюция и самопогружение сознательного существа в плотную и до бесконечности многообразно дробимую субстанцию, иначе было бы невозможным разнообразие конечных форм; во-вторых, проявление силы, самопроизвольно заключившей себя в рамки конкретной формы живого, мыслящего существа; и, наконец, — освобождение воплощенного мыслящего существа и его реализация своей сути как Единого и Бесконечного в Его игре мироздания, и, как результат этого освобождения и реализации, — осознание безграничного бытия-сознания-блаженства, частью которого мы являемся реально и неизменно, хотя, в большинстве своем, и неосознанно. Такая трехступенчатая последовательность и есть единственный ключ к решению загадки мироздания.

Становится очевидным, что своим светом древняя, вечная истина Веданты поистине объемлет, объясняет и со всей полнотой раскрывает подлинное значение современных взглядов на ход эволюции вселенной как процесса феноменального мира. Современная нам истина эволюции есть все та же древняя универсальная истина о последовательно раскрывающем себя во Времени Всеобщем, смутно проступающая в результатах изучения явлений, связанных с метаморфозами Энергии и Материи; эта истина эволюции обретает свой полный смысл и оправдание в Свете явленной человеку древней, извечной правды, дошедшей до нас в ведантистских Писаниях. Сегодня мировая мысль человечества уже встала на путь просветленного синтеза древних знаний Востока и современных познаний Запада.

И все же пока мы не можем принять в качестве всеобъемлющего и исчерпывающего объяснения тот факт, что все сущее есть Сатчитананда. Даже познав Реальность вселенной, мы все еще не располагаем знанием о процессе, с помощью которого эта Реальность воплощается в феноменальном мире. И хотя у нас есть уже ключ к разгадке, нам предстоит еще отыскать замок, который надлежит открыть этим ключом. Ибо это Бытие, Сознание-Сила и Блаженство не может действовать непосредственно или же с единовластной безответственностью мага, по своему хотению одним только словом вызывающего к жизни

целые миры и вселенные; в действии Сатчитананды мы улавливаем определенный процесс и Закон.

Анализируя этот Закон действия и проявления Сатчитананды, мы замечаем, что он сводится к созданию состояния равновесия между проявленными силами и к направлению их взаимодействия в нужное русло либо посредством случайно возникающих отклонений, либо с помощью энергетической инерции. Но эта очевидная и второстепенная истина является для нас окончательной лишь постольку, поскольку мы принимаем во внимание одну только Силу. Когда же мы приходим к осознанию того, что Сила есть самовыражение Бытия, мы обнаруживаем, что всякое направление, характер и назначение действия Силы соответствуют некой истине Бытия. А поскольку в основе природы изначального Бытия и его Силы лежит сознание, то эта истина должна быть данностью самосозерцания Сознания-Бытия и определяемый ею образ действия Силы должен порождаться способностью самонаправляемого знания, присущего Сознанию и позволяющего Ему вести эту Силу по путям, соответствующим изначальной данности Его самосозерцания. В таком случае космическая манифестация подчиняется самонаправляемой энергии универсального сознания и зависит от способности самосознающего бесконечного бытия к восприятию в самом себе определенной Истины и к побуждению своей творческой созидательной силы к действию в соответствии с этой Истиной.

Но почему между самим бесконечным Сознанием и результатом его действия мы должны ставить в качестве промежуточного звена какую-то особую силу или способность? Разве не может это самосознание Бесконечного свободно создавать проявленные формы, которые участвуют в космической игре до тех пор, пока не пробьет их час, определенный промыслом свыше, — подобно тому, как это передано в древнем семитском откровении: «Бог повелел: да будет Свет — и Свет воссиял»? Но когда мы говорим: «Бог повелел: да будет Свет», то предполагаем акт определенной силы сознания, отделяющий свет от того, что не есть свет. А когда мы говорим: «и Свет воссиял», то подразумеваем проявление конкретной направляющей энергии, соответствующей изначальной силе, вызывающей к жизни это явление Света, согласно изначальному замыслу, в котором Свет выделялся из бесконечного множества других потенциальных возможностей. Бесконечное сознание в своем бесконечном действии может производить лишь бесконечные результаты. Для того чтобы определить одну конкретную

истину или определенный порядок истин и построить на их основе мироздание, потребуется узко избирательная направленность знания, предназначенного для построения конечного мира на фундаменте бесконечной Реальности.

Промежуточная сила, стоящая между бесконечным Сознанием и результатом его действия, была известна провидцам Вед как Майя. Майя являлась для них силой бесконечного сознания, свойства которой — усвоить, дать меру и установить пределы. Поэтому можно сказать, что это была формообразующая сила в том смысле, что она определяла форму, то есть Имя и Обличье каждому предмету, извлекая их из многообразия безграничной Истины бесконечного бытия. Благодаря Майе статическая истина изначального бытия превращается в упорядоченную истину активного существования, или, если использовать метафизическую терминологию, из высшего бытия, в котором отсутствуют какие-либо разграничения сознания и все представляет собой единое целое, возникает бытие феноменальное, где для каждого феномена действует принцип: все — в одном и одно во всем для того, чтобы продолжалась игра бытия с бытием, силы — с силой, сознания — с сознанием, блаженства — с блаженством. Поначалу эта игра всеобщего в индивидуальном и индивидуального во всеобщем скрыта от нас активными проявлениями разума, или иллюзией Майи, убеждающей человека, что он — во всем, но не обратное; при этом мы ощущаем себя обособленной составляющей общего целого и далеки от того, чтобы почувствовать неотделимость от единого. В дальнейшем мы освобождаемся от этого ошибочного восприятия, приобщаясь к супраментальной истине Майи, согласно которой индивидуальное и всеобщее сосуществуют как единое целое, состоящее из одной истины и символического многообразия. Нам предстоит сначала принять, а затем преодолеть низший, ментальный уровень Майи-иллюзии, на котором мы сегодня находимся, ибо низшее проявление Майи есть игра Бога с раздробленностью, мраком и ограничением, с желанием, борьбой и страданием, в ходе которой Он подчиняет Себя Своей собственной Силе и позволяет ей набросить на Себя тень тьмы. Что касается высшей Майи, скрываемой от нас ментальной, то сначала нужно возвыситься над ней, а затем принять; высшая Майя есть игра Бога с бесконечными реалиями бытия, сокровищами знания, с великолепием усмирённой силы и взлетами безграничной любви, где Он освобождается из тенет Силы, овладевает ею Сам

и достигает в ней всего того, ради чего ей и было дано совершить исхождение из Него.

Различие между низшей и высшей Майей есть то связующее звено на уровне как мысли, так и космического Бытия, которое упускают из виду или попросту игнорируют философские школы, исповедующие концепции иллюзорности мира или придерживающиеся пессимистических взглядов на его развитие. Для них ментальная Майя, или, возможно, какой-нибудь Глобальный Разум, выступает как порождающий универсум принцип; мир, сотворенный ментальной Майей, превращается в необъяснимый парадокс и в устойчивый и в то же время зыбкий кошмар сознательного существования, который нельзя назвать ни иллюзией, ни реальностью. Нужно учитывать, что разум — это лишь промежуточное звено между созидающим и направляющим знанием и душой, пребывающей в окопах своих действий. Сатчитананда, вовлеченный одним из Своих низших проявлений в самозабвенное погружение в лоно Силы, которая, в свою очередь, теряется в многообразии собственной деятельности, вновь возвращается к Себе из этого самозабвения. Разум есть лишь одно из Его орудий в процессе такого нисхождения и восхождения, представляющее собой действенное средство нисходящего творения; Разум отнюдь не является созидательным началом, он только переходная ступень в обратном процессе восхождения, но не изначальный источник и не вершина космического бытия.

Философские школы, признающие Разум единственным творцом миров — или исповедующие существование некоего высшего Первоначала, а Разум, как исключительное связующее звено между этим Первоначалом и проявленными формами бытия вселенной — можно разделить на чисто ноуменальные и идеалистические. Первые считают, что космос есть результат деятельности Разума, Мысли, Идеи и не более того. Но Идея может носить абсолютно произвольный характер и не иметь никакого отношения к реальной Истине бытия; или же такая Истина, если она существует, может рассматриваться как чистый Абсолют, не связанный никакими отношениями и чуждый миру, где таковые имеются. Идеалистическая интерпретация предполагает наличие определенных отношений между воспринимаемым воочию поверхностным явлением и скрыто присутствующей за ним Истиной; причем такие отношения не обязательно должны носить характер антиномии или противопоставления. Мои взгляды заходят еще дальше

по пути идеализма; я считаю, что созидательная идея, которую нельзя рассматривать как продукт Пустоты или механизм, плодящий иллюзии, представляет собой Идею-Реальность, то есть энергию Сознания-Силы, являющуюся выражением и порождением реального бытия и потому причастную его природе. Эта Реальность сознательна и проявляется в изменяемых, преходящих формах, созидаемых из ее непреходящей и неизменяемой субстанции. Поэтому мироздание не есть игра воображения универсального Разума; наш мир представляет собой сознательное творение Реальности, лежащей за пределами Разума, выраженное в ее проявленных формах. Истина сознательного бытия поддерживает эти формы и выражает себя в них, а знание, соответствующее проявленной таким образом истине, занимает главенствующее положение супраментального Сознания-Истины¹, приводящего реальные идеи в состояние совершенной гармонии, прежде чем они попадают на уровни ментального, витального и материального бытия. Разум, Жизнь и физическое Тело есть низшие ступени сознания, лишь частично выражающие истинную Реальность и стремящиеся в различных эволюционных формах приблизиться к проявлению своей высшей сущности, запечатленной на уровне сознания, запредельном Разуму. Это идеал, который наделен импульсом к реализации при заданных в нем самом условиях.

С нашей точки зрения — существ, участвующих в процессе развития-восхождения, можно сказать, что Реальность запредельна всему сущему; она выражает себя на промежуточном этапе в виде Идеала, который представляет собой некую в себе-гармоничную истину Реальности. Этот Идеал проявляется как феноменальная реальность многообразия сознательного бытия, которое неизбежно попадает под притягательное воздействие со стороны изначальной Реальности, пытаясь, в конечном счете, соединиться с ней либо одним энергичным движением, скачком, либо, что случается чаще, путем осознания Идеала, выдвинутого Реальностью. Именно здесь мы находим объяснение несовершенства человеческого существования, если рассматривать его с позиций Разума: с одной стороны имеется инстинктивная устремленность нашего ментального существа к запредельному

¹ Этот термин взят из Ригведы, *ṛta-cit* означает сознание изначальной истины бытия (*satyam*), упорядоченной истины активного бытия (*ṛtam*) и безграничное самоосознание (*brhat*), на уровне которого лишь возможно обладание этим сознанием.

и недоступному совершенству, к скрытой гармонии Идеала, с другой — высшее притяжение духа к трансцендентной идеалу сфере. Само наше сознание, его структура и потребности обуславливают такое трехступенчатое самовыражение Реальности (Реальность — Идеал — феноменальный мир), отрицая двойственную, непримиримую анти-тезу чистого Абсолюта и чистой относительности.

С точки зрения одного только Разума объяснить существование вселенной невозможно. Для решения такой задачи бесконечное Сознание должно прежде превратиться в бесконечную способность Знания или в то, что мы обычно называем всеведением. Разум же не является выражением способности знания или инструментом всеведения; он представляет собой средство, предназначенное для поиска знания, для придания полученному знанию определенных экспрессивных форм в виде относительной мысли и для использования этой мысли с целью совершения конкретного действия. Даже если Разум и находит знание, он не обладает им, а лишь хранит какое-то количество разменных монет Истины — но не саму Истину — в банке Памяти, которыми он пользуется по мере необходимости. Ибо Разум — это то, что не обладает знанием, но лишь стремится к нему и, в лучшем случае, улавливает лишь смутное его отражение. Разум есть сила, истолковывающая истину универсального бытия в конкретных практических целях; он не является силой, познающей и направляющей бытие, и поэтому не может быть силой, создающей или проявляющей его.

Можно ли предположить существование бесконечного Разума, свободного от известных нам ограничений, который, по крайней мере, мог бы быть творцом вселенной? Такой Разум представлял бы собой нечто совсем отличное от того, что мы вкладываем в это понятие, нечто запредельное по отношению к ментальности и в сущности — супраментальную Истину. Бесконечный Разум в виде известных нам ментальных форм проявления мог бы создать лишь бесконечный хаос, сплошное столкновение, противодействие случайных процессов, неожиданно неблагоприятных, неудавшихся изменений, вся масса которых беспорядочно колеблется, не имея цели движения, которую Разум вечно и наугад пытается найти и достичь. Бесконечный, всеведущий и всемогущий Разум был бы уже вовсе не разумом, а супраментальным знанием.

Разум, как мы его знаем, есть лишь зеркало, в котором отражаются внешние по отношению к нему и превосходящие его по своему

масштабу представления или образы вездесущей изначальной Истины или Факта. Во временной цепи отдельных моментов в нем формируются представления о том, что происходило в прошлом и что есть в настоящем. Он также обладает способностью создавать в самом себе возможные образы, отличные от фактически зримых явлений. Другими словами, можно сказать, что Разум рисует для себя картину не только произошедших явлений, но также и тех, которые могли бы иметь место. Следует отметить, что Разум не в состоянии предвидеть явления, которые сбудутся наверное, если только они не относятся к разряду периодически повторяемых событий. И наконец, Разум обладает способностью выдвигать предсказания в виде новых комбинаций обстоятельств и явлений, которые он составляет из усвоенных им и предполагаемых, из возможностей, осуществившихся и нереализованных; иногда некоторые из его построений сбываются с большей или меньшей точностью, иногда же случается то, что и вовсе оказывается вне пределов им предполагаемого, но в целом то, что происходит, — происходит совсем в иных, чем увиденные им, формах и в иных, чем желательные для него или соответствующие его намерениям, целях.

Подобный бесконечный Разум мог бы создать зыбкий и неустойчивый космос, состоящий из одних злополучных случайностей и противоречивых возможностей, пребывающий в состоянии, которое нельзя охарактеризовать как реальное или нереальное, некое образование, у которого нет ни определенного конца, ни конкретной цели развития, а только дурная бесконечность сиюминутных целей — за неимением высшей направляющей силы знания, — ведущих в никуда. Единственным логическим завершением такого чисто ноуменального подхода может быть лишь нигилизм, философские течения, утверждающие иллюзорность мирового бытия и им подобные. Созданный таким образом космос был бы выражением или отражением чего-то чуждого по отношению к самому себе, причем всегда ложным и искаженным отражением. Все космическое бытие представляло бы собой Разум, пребывающий в постоянной и тщетной борьбе за воплощение своих фантазий, лишенных положительной истинной основы. Отягощенный бременем и влекомый вперед инерцией своих прошлых энергий, такой Разум был бы обречен на вечное, хаотичное и безысходное блуждание, которое могло бы прекратиться либо самоуничтожением, либо переходом в состояние вечного покоя. Такова, если добратья

до ее корней, суть нигилизма и теорий иллюзорности мира и такова же единственная мудрость, к которой все и сводится, если предположить, что наивысшей космической силой является наша человеческая ментальность — или что-то подобное ей — с характерной для нее концепцией вселенной, приведенной в действие.

Но стоит нам признать в изначальной энергии знания высшую силу, превосходящую человеческий разум, как построенная подобным образом концепция вселенной становится неполноценной, а следовательно, недействительной в конечном итоге. Эта концепция верна лишь отчасти. Она говорит нам лишь о закономерностях непосредственно воспринимаемого во вселенной, но не о ее изначальной истине и высшей реальности. Ибо за проявлениями Разума, Жизни и физического Тела мы воспринимаем нечто, выходящее за пределы потока Силы и объемлющее собой этот поток. Это нечто [в отличие от Разума — *А.К.*] не рождается в мире, чтобы затем пытаться осознать его, но создает в своем существе весь космос и обладает всеведением в нем; это нечто [в отличие от Разума] лишено постоянного стремления создать из себя новые формы под воздействием неконтролируемых волн своих прошлых энергий, поскольку содержит в своем сознании совершенную Форму самого себя, ту Форму, которую оно постепенно раскрывает в нашем мире. Этот мир есть выражение Истины, уже предвиденной, послушен Воле, уже predeterminedенной, он — воплощение некоего изначального формообразующего самосозерцания и представляет собой развивающийся образ божественного творения.

До тех пор, пока мы живем ментальным восприятием, ориентированным на внешнюю видимость вещей, это запредельное и в то же время имманентное нашему миру нечто может существовать лишь на уровне предположения или смутно ощущаться как присутствие чего-то неопределенного в нашем бытии. Во всем мы ощущаем проявление закона циклического прогресса и предполагаем наличие постоянно возрастающего совершенства чего-то такого, что где-то уже предвосхищено. Ибо повсюду мы сталкиваемся с действием Закона, основа которого есть самосущее бытие, а проникая в суть и смысл этого процесса бытия, начинаем понимать, что Закон есть выражение внутренне скрытого знания, присущего бытию и всякому существованию, проявляющему себя и заключенному в своей видимой внешней силе. А Закон, раскрываемый и развертываемый в мире Знанием и обеспечивающий развитие, несет в себе predeterminedенную божественную

цель, к достижению которой направлено это развитие. Для нас также становится очевидным, что человеческий разум стремится к тому, чтобы освободиться от беспомощного блуждания в собственной сфере и контролировать собственную деятельность. При этом мы начинаем чувствовать, что Разум есть лишь посланник или тень высшего запредельного ему самому сознания, которое не нуждается в мышлении как средстве познания, поскольку является всеобъемлющим и всеведущим. Тогда можно предположить, что этот источник Разума идентичен Знанию, проявленному в Законе вселенной. Знание самостоятельно и независимо определяет свой собственный закон проявления, так как ему известно все, что было, есть и будет, ибо Знание извечно и во всей своей бесконечности познано собою. Бытие, которое в то же время есть сознание, сознание, которое в то же время есть всемогущая сила, когда Им создается мир (то есть самовоплощение в гармонии и в то же время — объект для-себя-познания), — Оно становится доступным как космическое бытие, осознающее свою собственную истину и реализующее в определенных формах свое знание.

Но лишь в том случае, когда мы останавливаем деятельность рассудка и погружаемся в глубины своего существа, где прекращается всякое движение мысли, то, иное, сознание проявляется для нас подлинным, хотя пока еще и несовершенным образом из-за длительной привычки к необходимости ментальной реакции и ограниченности. Только тогда во все возрастающем свете внутреннего озарения мы сможем познать то, что смутно угадывали в бледных кратковременных проблесках Разума. Нам предстоит открыть для себя запредельное человеческому разуму и интеллекту Знание, царящее в исполненной света беспредельности самосущего видения.

Супраментал как Творец

Все сущее есть саморазвертывание Божественного Знания.

*Вишну Пурана*¹

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ принцип активной Воли и Знания, превосходящих Разум и созидających вселенские миры, является в таком случае промежуточной силой и состоянием бытия между самосущим Единым и разнообразием Множества. Нельзя сказать, что этот принцип совершенно чужд нам; он не принадлежит исключительно Существу, полностью чуждому и глухому к нашей жизни, или к состоянию бытия, благодаря которому мы загадочным образом становимся пришельцами в этом мире при рождении, но одновременно и отверженными, поскольку обратный путь нам неведом. И если нам представляется, что его положение — на недоступных нам высотах, то на самом деле эти высоты и в нас самих, в нашем собственном существе, они не являются недоступными. Мы в состоянии не только строить предположения об этой истине и даже отчасти уловить ее, но и достичь ее реализации. Мы можем внезапно, в мгновенном ослепительном озарении, перенестись за пределы своего собственного «я» или подняться на эти вершины постепенно и даже пережить там нескольких часов или дней величайшего сверхчеловеческого опыта. Спустившись обратно на землю, мы получаем возможность впредь снова и снова проходить тем же самым путем, который может оставаться открытым постоянно, а может и закрываться всякий раз после нисхождения. Постоянное пребывание на этих высочайших вершинах тварного и творческого существования является, в конечном счете, высшим идеалом для эволюционирующего человеческого сознания, устремленного не к растворению в ничто, но к самосовершенствованию. Ибо, как мы уже видели, это есть изначальная Идея и окончательная гармония и истина, к которой возвращается и которую должно достичь наше самовыражение в этом мире.

¹ П.12.39.

Однако мы можем сомневаться, возможно ли теперь или вообще когда-нибудь описать это состояние на языке человеческого интеллекта и передать содержание этого опыта желающим использовать его божественные проявления для развития нашего человеческого знания и деятельности. Сомнение возникает не только из-за редкости и вызывающей подозрение достоверности всех тех известных явлений, где человеческое в своем деле пользуется божественными способностями, не только из-за той пропасти, что отделяет такое дело от обычного жизненного опыта человека и вполне проверяемого знания; более всего сомнение вызвано очевидным противоречием между самой сущностью и функционированием человеческого разума и божественного Супраментала.

Конечно же, если это высшее сознание не имело бы вовсе никакого отношения к разуму и не было бы связано с нашим ментальным существом, то это исключало бы всякую возможность отображения этого сознания на человеческом понятийном уровне. Или если бы оно по своей природе представляло собой не динамическую силу знания, а лишь знание-видение, то, вступив в сообщение с ним, мы могли бы только возлагать надежды на достижение блаженного состояния ментального просветления и озаренности, но не высшего света и высшей силы для выполнения практической работы в мире. Но поскольку супраментальное сознание является творцом этого мира, то оно должно быть не только состоянием знания, но также и силой знания, и не одной лишь Волей к свету и видению, но в то же время и Волей к силе и действию. А так как Разум есть творение супраментального сознания, то он должен быть продуктом, возникшим в результате некоего самозамаления, а также процессов отчуждения и обособления в высшем Сознании, посредником Супраментала, способным к возвращению и соединению со своим первоисточником путем постепенного расширения и развития. Ибо Разум по своему существу всегда должен быть идентичен Супраменталу и нести в себе его возможности, несмотря на то, что они зачастую противоречат внешним формам и образу действий Разума. Поэтому, с нашей стороны, не будет бесполезным делом попытаться прийти с помощью сравнений и противопоставлений к определенной идее Супраментала, оставаясь в рамках и на позициях интеллектуального знания. Такая идея и представления могут не соответствовать действительному положению вещей, но все же способны указать нам, в каком направлении следует двигаться и пройти какую-то

часть пути. Более того, Разум способен превзойти самого себя и подняться на высшие уровни сознания или бытия, где в преломленном виде присутствует свет и сила Супраментала, и познать это высшее сознание через озарение, интуицию или непосредственный опыт восприятия; хотя для человека пока еще невозможно жить на этом уровне, утвердить в нем основу своего видения и действий.

Теперь можно ненадолго прерваться, чтобы задаться вопросом о том, нельзя ли отыскать в истории человеческого прошлого тот путеводный свет, который мог бы озарить собой неизведанные для нас области. Нам нужна точность в терминах и понятиях, а также точка отсчета. Ведь мы назвали это высшее состояние сознания Супраменталом; но этот термин допускает двоякое толкование, так как, с одной стороны, он может означать тот же человеческий разум, но достигший всего лишь очень высокой степени развития — превосходящей обычный уровень человеческой ментальности — без каких-либо качественных радикальных изменений. Или же, напротив, этот термин может означать все, что находится за пределами разума, и охватывать слишком большое количество понятий, включая в том числе и само Неизреченное. Поэтому нам необходимо дополнительное определение, ограничивающее значение этого термина.

И здесь нам на помощь приходят иносказательные стихи Веды, ибо в них в зашифрованном виде содержится провозвестие божественного бессмертного Супраментала, доносящее до нас сквозь словесно-эзотерическую завесу свои озаряющие вспышки. В ведических стихах мы улавливаем концепцию Супраментала как некой необъятности, лежащей за пределами нашего обыденного сознания; на этом уровне истина бытия представляет собой исполненное света единство с формами своего проявления, неизбежно и неукоснительно обеспечивая выражение истины в видении, словесном, действенном и любом другом выражении, что ведет к истинности и следованию безупречно верному закону во всех результатах действий и поступков. Веда делает акцент на следующих основополагающих свойствах этого высшего сознания: всеобъемлемость и беспредельность; светоносная истина и гармония бытия, отличная от неопределенности хаоса и мрака растерянности; истина закона, действия и знания, выражающая эту гармоничную истину бытия. Боги, которые по существу есть не что иное, как различные энергии их силы Супраментала, по уровню их знания являются обладателями «сознания-истины», а по уровню действия — «видящи-

ми Всевышнюю волю». Их сознание-сила, обращенная на созидание и творение, направляется совершенным и непосредственным знанием того, что предстоит сделать, его закона и сущности; это знание определяет, в свою очередь, безупречную и не знающую отклонений силу воли, естественно и свободно и в то же время неизбежно воплощающуюся в действии, predetermined видением. На уровне Супраментала Свет и Сила есть одно целое, вибрации знания и волевой импульс — едины, что обеспечивает совершенный результат всякого действия, достигаемый без усилий, задержек, излишних отклонений. Божественная Природа имеет двойную силу: произвольное самовыражение и самоорганизацию, что естественным образом вытекает из сущности каждой проявленной вещи, выражая ее изначальную истину и присущую ей силу света, которая и является источником спонтанно определяющейся самоорганизации.

Есть еще второстепенные, но важные детали. Ведические провидцы говорят о двух изначальных свойствах «познавшей истину» души, к которым относятся способности Зрения и Слуха. С помощью этих свойств души осуществляется проявление скрытого Знания в форме видения истины и слышания истины, что на уровне человеческого ментала выражается в виде откровения и вдохновения. Кроме того, проводится различие в формах проявления Супраментала между знанием-пониманием и всепроникающим сознанием, что очень близко к субъективному знанию, получаемому с помощью отождествления, и к знанию, которое обретается путем проецирования, противопоставления, оценки и анализа, лежащих в основе процесса объективного восприятия и познания. Все это ключи и подсказки, которые мы находим в Ведах. Из этого опыта древних мы можем позаимствовать вспомогательный термин «сознание-истина», чтобы сузить значение более широкого термина Супраментал.

Мы сразу же видим, что уровень сознания с подобными характерными свойствами должен быть промежуточным звеном, связующим как низшие, так и высшие по отношению к нему сферы и понятия. В то же время это сознание, очевидно, является средством, с помощью которого все низшее развивается из высшего, не теряя при этом способности возвращения к своему первоначальному источнику. Выше Супраментала находится единое и неделимое сознание Сатчитананды, не знающее никакой двойственности и деления; ниже — разделяющее и анализирующее сознание Разума, способное познавать лишь

путем выявления и введения различий и в лучшем случае смутно воспринимающее единство и бесконечность, поскольку Разум, хотя и способен к синтезу, не в состоянии достичь подлинного видения единства. Между этими двумя полюсами лежит всеобъемлющее и творческое сознание, которое в силу своей всепроникающей познающей способности представляет собой одно из ответвлений самосознания через отождествление Брахмана, а в силу способности проецирования, противопоставления и анализа — само, в свою очередь, порождает осознающий с помощью разделения Разум.

Выше Супраментала — Единый, вечно незыблемый и неизменяемый; ниже — вечно изменяемый Множественный, всегда ищущий, но никогда не обретающий как нечто постоянное в бесконечном потоке вещей и явлений твердую и устойчивую точку опоры. Между ними — Супраментал, вместилище всякой троичности, всякой биполярности, того, что является Множественностью в Единстве, оставаясь при этом Единым в Многообразии, ибо изначально был Единым и потенциально Множественным. Этот промежуточный уровень сознания является поэтому началом и концом, альфой и омегой всего творения, источником различий, орудием и изначально средством реализации единства и гармонии в мире. Супраментал обладает знанием Единого, но он способен в то же время извлекать сокровенное в Нем многообразии, проявляя Множественное, он не теряет себя в его многоликости пестроте. Не следует ли в связи с этим сказать, что само существование Суперразума указывает на Нечто такое, что превосходит наше высшее восприятие неизреченного Единства, Нечто неизреченное и недоступное нашему рассудку, и не потому даже, что представляет собой неделимое единое целое, а потому, что не поддается вообще никаким умственным определениям и формулировкам, — на Нечто такое, что само по себе выше как множественности, так и единства? Это и будет Абсолютом или чистой Реальностью, оправдывающей для нас как знание Бога, так и знание мира.

Но эти понятия настолько масштабны и всеобъемлющи, что их трудно усвоить и пользоваться ими. Уточним их. Мы говорим о Едином как о Сатчитананде, который, по определению, представляет собой триединый принцип. Мы говорим: «Бытие, Сознание, Блаженство» и затем добавляем, что они едины. Это чисто ментальное восприятие и толкование. Но для единого сознания такой подход недопустим. Бытие есть Сознание, и никаких различий между ними провести

невозможно. То же самое относится к Бытию и Блаженству. А поскольку эти разграничения невозможны, то не может быть и этого мира. Если Сатчитананда — это единственная реальность, то нашего мира нет и он никогда не существовал, и его даже невозможно себе представить, ибо единое и неделимое сознание не способно к проявлению в виде двойственности и разделения. Но тогда мы имеем то, что называется «*reductio ad absurdum*», с чем нельзя согласиться, если не принять за отправную точку абсолютно немыслимый парадокс и непримиримое противоречие.

С другой стороны, для Разума реальностью в природе вещей является как раз раздробленность, разъединенность. Для него естественны понятия синтетического целого и конечного, которое он образует своего рода самопростираемостью за всякую заданную границу. Разум способен оперировать понятием множества конечных элементов и лежащего в его основе подобия, но полное и окончательное единство, равно как и абсолютная бесконечность остаются для разума абстрактными понятиями, их объекты недоступны для его восприятия, далеки от того, чтобы быть реальностью, и еще более далеки от того, чтобы быть единственной реальностью. Разум являет собой полную противоположность унитарному сознанию, и, таким образом, мы имеем следующий конфликт: на одном полюсе — то, что по самой своей сущности является неделимым единством, на другом — то, что по самой своей сущности является множественностью, не способной прийти к единству, не уничтожив саму себя, что, казалось бы, должно служить доказательством, будто бы оно никогда и не существовало. И тем не менее, оно обладало бытием, ибо оно-то и обрело единство, уничтожив себя. И снова у нас — *reductio ad absurdum*, снова — острейший парадокс, словно пытающийся заставить мысль согласиться с собой, ошеломив ее, снова — антитеза, которая как была, так и остается непримиримой.

Трудности, связанные с преодолением противоречий на уровне разума, исчезают, если мы поймем, что он является подготовительной ступенью нашего сознания. Разум есть орудие анализа и синтеза, но он не может быть инструментом изначального знания. Его функция сводится к приблизительному выделению чего бы то ни было из неизвестной Вещи в себе. Это произвольное ограничение получает название «целого», которое подвергается, в свою очередь, анализу и разложению на составные части, рассматриваемые как отдельные объекты. Разум способен к ясному восприятию и познанию собственными средствами

лишь обособленных фрагментов, составляющих частей. Что касается целого, то единственное представление, которое о нем способен получить Разум, сводится к тому, что оно есть совокупность отдельных частей и элементов. Если разум не в состоянии увидеть целое как часть некоего иного образования или же как совокупность частей и свойств, то такое целое воспринимается им как нечто неясное, неопределенное. И только подвергнув рассматриваемый объект анализу и установив его соотношения с более крупным и масштабным целым, Разум может сказать: «Теперь я познал это». В действительности Разум не имеет знания. Он знает лишь свой собственный анализ объекта и свое представление о нем, составленное с помощью синтеза отдельных частей и свойств этого объекта, им отмеченных. Этим исчерпывается главная сила Разума и этим ограничивается его функция. И если бы у нас было знание более значительное, более глубокое, реальное знание — именно знание, а не те, пусть и сильные, но смутные ощущения, которые порой возникают где-то в глубинах нашего Разума, — то последнему пришлось бы уступить место иному сознанию, которое заменит его, превзойдя его, или изменит, придаст чистоту его деятельности, поднявшись в далекую от него запредельность. Вершина ментального знания есть лишь трамплин для прыжка к более высокому уровню сознания. Высшая миссия Разума сводится к тому, чтобы воспитать наше темное сознание, вышедшее из мрачного заточения Материи, привнести свет в сплетение его слепых инстинктов, случайных интуитивных прозрений и невнятных ощущений, чтобы оно озарилось еще более высоким светом в своем восхождении к истине. В этом отношении Разум представляет собой лишь переходный этап, но не кульминацию сознания.

С другой стороны, унитарное сознание или неделимое Единство не может представлять собой нечто немислимое, лишенное всякого содержания и порождающее и поглощающее в то же самое время всевозможные формы. Оно должно являть собой изначальную концентрацию духа, содержащую в себе все сущее, но совсем другим образом, нежели в пространственном и временном измерениях. Это и будет абсолютно неизреченным Существованием, которое невозможно себе представить и которое нигилисты считают отрицательной Пустотой, вместилищем всего, что мы знаем и что мы есть. Трансценденталисты же вполне обоснованно могут рассматривать это Существование как положительную Реальность, заключающую в себе все мироздание.

«В самом начале, — говорит Веданта, — существовало Единое и неделимое бытие, лишённое всякой двойственности». Но до и после этого начала, теперь и до скончания времен существует то, что мы не можем даже назвать Единым, даже когда говорим, что ничего кроме Него не существует. То, что мы, в первую очередь, способны осознать, это Его изначальная самоконцентрация, которую мы пытаемся осмыслить как неделимое Целое. Во-вторых — это дисперсия и видимое расслоение всего, что было сконцентрировано в своем единстве и что представляет собой разумную концепцию вселенной. И, в-третьих, Его устойчивое самопроецирование в Сознании-Истине, поддерживающем и обнимающем это расслоение, но не доводящем его до реального распада, сохраняющем единство в предельно широком и гармоничном многообразии, примиряющем противоборствующие силы вечного космоса, который был бы превращен в хаос, когда бы там царил принцип Разума, стремящегося к постоянному воспроизведению своих собственных форм. Это и есть Супраментал, Сознание-Истина, Идея-Реальность, осознающая себя и все свое творение в становлении.

Супраментал — это всеобъемлющее самопроецирование Брахмана, в котором происходит всякое развитие и развертывание бытия. Посредством Идеи он развертывает триединый принцип бытия, сознания и блаженства из их неделимого единства. Но, различая, он не разделяет их. Он утверждает триединство, Триаду, проявляя тройственное из Единого, в противоположность Разуму, который идет путем механического сложения трех начал в единое целое. Супраментал одновременно проявляет и развивает, сохраняя единство трех начал, ибо он знает и поддерживает. Посредством дифференциации Супраментал способен выдвигать на первый план то или иное начало Триады, как Божество, несущее и заключающее в себе два других. Этот процесс лежит в основе всякой дифференциации и проявляется на любых уровнях, затрагивая все, что охватывает собой всепроникающая Триада, обладающая силой развития, эволюции, раскрытия и развертывания, которая, в свою очередь, несет с собой силу инволюции и свертывания. В определенном смысле можно сказать, что все творение является движением, заключенным между двумя полюсами инволюции: с одной стороны, это всеобъемлющий Дух, который, держа в себе все в свернутом, инволюционном виде, представляет собой источник нисходящей эволюции для всех материальных форм, а с другой — Материя, которая также содержит в себе все в инволюционном состоянии и все

формы проявления которой эволюционируют в восходящем направлении к Духу.

Таким образом, весь процесс дифференциации, осуществляемый Идеей-Реальностью, созидающей вселенную, сводится к выдвиганию на первый план определенных принципов, сил и форм, содержащих в себе для познающего, проникающего за наружную сторону вещей сознания все остальное сущее бытие; для познающего же сознания, обращенного к внешней стороне вещей — скрывающего за собой в себе все остальное сущее бытие. Поэтому все сущее заключено в каждой отдельной, единичной форме, которая в то же время есть неотделимая часть целого. Каждая вещь уже в зародыше несет в себе все бесконечное разнообразие возможностей, но в своем развитии подчиняется одному закону, налагаемому Волей, то есть Знанием-Силой Сознательного Существа, которое проявляет себя и, верное Идее в себе, посредством этой Идеи предопределяет собственные формы и процессы. Зародыш вещи есть Истина ее собственного существования, которую зрит в самом себе Самосущее бытие; результатом этого видения является Истина Самосущего действия, естественный закон развития, неизбежно вытекающий из видения изначальной Истины и согласующийся с ней. Тогда вся Природа есть не что иное, как Знание-Сила Сознательного Существа, стремящегося воплотить в виде формы и силы всю полноту истины Идеи, в которую Оно изначальное вложило саму себя.

Такая концепция Идеи подчеркивает принципиальное противоречие между нашим ментальным сознанием и Сознанием-Истиной. Мы рассматриваем мысль как нечто отдельное от существования, как абстракцию, не связанную с реальностью, как неизвестно что, берущееся ниоткуда и отстраняющееся от объективного мира ради созерцания, осмысления и суждения о нем; именно такой представляется (и так оно и есть) мысль нашему все расчленяющему, все подвергающему анализу рассудку. Первая задача Разума — разделять, а не различать; именно поэтому он создает непреодолимую пропасть между мыслью и реальностью. Но на уровне Супраментала все бытие есть сознание, а все сознание — бытие; а идея, плодоносная вибрация сознания, есть в то же время и вибрация бытия, обладающего бесконечным содержанием; это — исхождение на уровне творческого самосущего знания того, что пребывает в концентрированном виде на уровне самосознания, в котором отсутствует творческий принцип. Исхождение совершается

в виде Идеи, Идея же есть реальность, и именно реальность этой Идеи осуществляет саморазвертывание в эволюционном процессе с помощью знания, всегда используя для этого свою собственную силу и сознание, саморазвивающуюся волю, заключенную в Идее. В этом вся истина творения и эволюции.

Супраментальное бытие, сознание и воля неотделимы друг от друга, в отличие от того, как нам это представляется на уровне нашего разума и его логических построений. Они являют собой триаду, единство проявления с тремя ярко выраженными аспектами, каждый из которых имеет свою сферу действия. Бытие выражено в виде субстанциональной сущности, сознание проявляется как знание, понимание и самонаправляемая формообразующая идея, а воля — как самореализующаяся сила. При этом идея есть свет реальности, озаряющей саму себя; идея не есть мысль и не есть плод воображения, но лишь продуктивное самосознание. Это и есть Идея-Реальность.

На супраментальном уровне знание Идеи не оторвано от воли Идеи, но представляет с ней одно целое подобно тому, как это знание не отличимо от бытия, или субстанциональной сущности, являясь светоносной силой этой сущности. Как энергия горящего света едина с сущностью, субстанцией огня, точно так же энергия Идеи не отличается от сущности Бытия, проявленного в Идее и ее развертывании. На уровне человеческого разума все обстоит иначе. Здесь воля соответствует идее или идея существует в отчужденной форме от волевого импульса; причем мы не отождествляем ни волю с идеей, ни волю и идею со своим собственным существом. «Аз есмь»; идея — это таинственная абстракция, возникающая во мне, воля — это еще одна тайна; эта сила приближается к конкретности, хотя и не достигает ее, оставаясь всегда чем-то отличным от моего «я», тем, чем можно завладеть или что может завладеть мною. Я также отделяю свою волю от средств ее исполнения и последствий ее проявления, ибо я расцениваю их как конкретные внешние по отношению ко мне реалии, как нечто иное, чем я сам. Поэтому ни я сам, ни идея, ни воля во мне не являются самодостаточными для самореализации. Одна идея может смениться на другую, воля может подвести, а выбранные средства ее исполнения — оказаться недостаточными; и сам я в результате могу не достичь своей цели.

На уровне Супраментала не существует такой парализующей разъединенности, потому что там знание, сила и бытие не терпят разъятия,

как в человеческом разуме, они не расколоты внутри себя и не обособлены друг от друга. Супраментал всеобъемлющ; он начинается с единства, а не с разделения, его изначальная функция — объединяющая, дифференциация и различение — вторичны. Поэтому, какой бы ни была истина выраженного бытия, она всегда будет точно соответствовать идее, так же как и воля-сила. Сила есть энергия сознания, а результат действия не расходится с волей. Идея, воля и сила не противоречат другим идеям, силам и волевым импульсам, чего нельзя сказать о человеке и о нашем мире. Супраментал — это единая Воля, единое Сознание, вмещающее в себя и согласующее в себе все идеи, энергии и волевые импульсы как свои собственные. На уровне Супраментала все происходит согласно предопределению Идеи-Воли.

Это является оправданием таких религиозных понятий, как вездесущее, всеведение, и всемогущество Божественного Существа; они вполне обоснованы, не имеют ничего общего с пустой фантазией и никоим образом не противоречат ни философской логике, ни нашему опыту. Ошибкой религиозных учений является утверждение непреодолимого барьера между Богом и человеком, Брахманом и проявленным миром. Она приводит к тому, что существующая в действительности обособленность, фактическая разделенность таких начал, как бытие, сознание и сила, возводится в ранг принципиальной разъединенности. Хотя этой стороны проблемы мы коснемся позже. Пока что мы пришли к утверждению концепции божественного и созидającego Супраментала, в котором все пребывает в единстве бытия, сознания, воли и блаженства, сохраняя при этом бесконечную способность к дифференциации, раскрывающей единство — но не нарушающей его, в котором Истина есть сущностная субстанция, восходящая к Идее и обретающая форму, так что для каждой вещи есть одна истина знания и воли, одна истина самореализации и наслаждения. Ибо всякая самореализация есть удовлетворение бытия, а отсюда — неотъемлемая самосушая гармония, неизбежно присутствующая во всех изменениях, трансформациях, сочетаниях элементов.

Высшее Сознание-Истина

Кто пребывает в Сверхсознания забыты, блаженный
и единый Разум, вкушающий Блаженство...

Он всемогущ, всеведущ, Он — внутренний владыка,
источник сущего всего.

Мандукья Упанишада¹

ТАКИМ образом, нам необходимо принимать в рассмотрение содержащий в себе и порождающий все сущее Супраментал как природу Божественного Существа, но не со стороны абсолютного самосущего бытия этого Существа, а со стороны его деятельности как Господа и Творца миров. В этом заключается истина того, что мы называем Богом. Очевидно, что такое представление о Боге не соответствует обычному и привычному для Запада, то есть с характерной персонификацией и ограниченностью Божества, которое мыслится как некое сверхъестественное человеческое существо — Кумир, наделенный вполне человеческими качествами, но лишь неизмеримо большего масштаба и сотворенный ложными взглядами на отношения между (в наших терминах) созидающим Супраменталом и человеческим эго. Конечно, не следует исключать личного аспекта Божества, ибо безличный аспект — это лишь одна грань бытия. Божественное есть не только все сущее, но и единое Бытие, Сознательное Существо, остающееся Существом. Тем не менее, мы не будем сейчас рассматривать этот аспект Божественного; нас интересует безличная психологическая истина божественного Сознания, концепцию которой мы попытаемся сформулировать с наиболее возможной ясностью и определенностью.

Сознание-Истина присутствует повсюду во вселенной как организующее самосущее знание, с помощью которого Единый проявляет гармонию своего бесконечного потенциального многообразия. Без этого организующего самосущего знания вся вселенная превратилась бы в высшей степени изменчивый хаос, уже одно то, что ряд

¹ Стихи 5, 6.

потенциальных возможностей проявления бесконечен, само по себе могло бы привести лишь к игре бесконтрольного, неуправляемого Случая. И если бы не было бы ничего, кроме бесконечной потенциальности, не ограниченной никаким законом направляющей истины, самосушим видением гармонии и предопределяющей Идеей, скрытой в сердце эволюционирующих вещей, то наш мир превратился бы в одну огромную, аморфную неопределенность. Но созидующее знание — влечение того, что созидаемое или разрушаемое им суть его собственные, а не существующие сами по себе формы и силы, — обладает видением истины и закона, управляющих каждой потенциальной возможностью, и непреходящим осознанием ее отношений с другими возможностями и гармоничными проявлениями. Знание гармонизирует все предопределенные в Идее вселенной возможности, которые должны неизбежно проявиться в результате взаимодействия составляющих сил. Знание есть источник и хранитель Закона во вселенной, поскольку этот закон не является чем-то произвольным, а представляет собой выражение самосущей природы, определяемой императивно-движущей истиной реальной идеи, присущей каждой вещи. Поэтому с самого начала все развитие в каждый свой момент предопределено его самосушим знанием и саморазвертыванием согласно с тем, чем оно должно быть — в соответствии с его изначальной Истиной. Каждая вещь, движимая скрытой в ней Истиной, эволюционирует последовательно от одной ступени развития к другой и в конце концов приходит к тому, что было первоначально заложено в ней как нераскрывшееся семя.

Поступательное развитие мира, которое происходит согласно присущей ему изначальной истине бытия, предполагает наличие хода Времени и пространственных связей и отношений, а также управляемое взаимодействие взаимозависимых объектов в Пространстве, которому ход Времени придает аспект Причинности. Пространство и Время, согласно метафизическому подходу, существуют лишь в концептуальной, а не в реальной плоскости. Но поскольку все сущее, включая Пространство и Время, есть лишь совокупность разнообразных форм, порождаемых Сознательным Существом в его собственном сознании, то вряд ли можно говорить о какой-то разнице между концептуальным и реальным. Пространство и Время есть не что иное, как восприятие Сознательным Существом самого себя, субъективное — во Времени и объективное — в Пространстве. Наше ментальное отношение к этим

двум категориям определяется идеей меры, присущей аналитическому, разделяющему подходу Разума. Время для Разума — это движущаяся протяженность, измеряемая последовательностью прошлого, настоящего и будущего. Разум занимает по отношению к этой протяженности такую позицию — назовем ее точкой отсчета, для которой он может использовать понятия «до» и «после». Пространство есть своего рода стабильная протяженность, где мера может быть введена вследствие делимости субстанции. В этой разделяемой протяженности Разум помещает себя в определенную точку, по отношению к которой рассматривает все расположение окружающей его субстанции.

Фактически Разум измеряет Время событиями, а Пространство — материальной субстанцией. Но на уровне чистой мысли можно достичь снятия понятий «событие» и «материальная субстанция», осознав чистое движение Сознания-Силы, которое и есть Пространство и Время. Тогда и то, и другое окажутся лишь двумя аспектами универсальной силы Сознания, которые в своем взаимодействии представляют собой основу самосущего действия Сознания. Для сознания, находящегося выше уровня Разума, объемлющего и вмещающего одновременно все наше прошлое, настоящее и будущее и не связанного с определенным моментом Времени для отсчета временной протяженности, Время может предстать как вечно длящийся настоящий момент. С точки зрения того же сознания, не связанного с определенной точкой Пространства и охватывающего все его возможные точки в целом, Пространство может также предстать как субъективная и неделимая протяженность, не уступающая по своей субъективности Времени. В определенные моменты мы способны осознать такую единую и неделимую пространственно-временную протяженность, сохраняющую своим единым, неизменяемым самосущим сознанием все многообразие вселенной. Но мы не должны задаваться вопросом, как выглядит содержимое Пространства и Времени на уровне трансцендентной истины, ибо наш разум не в состоянии постичь этого; он скорее готов отказать этому Единству в возможности познания мира любыми другими способами, нежели теми, что известны человеческому разуму и чувствам.

Но все же мы можем осознать и в определенной степени воспринять тот факт, что Супраментальное видение одним взглядом объемлет и объединяет всю временную протяженность и пространственную разделенность. И здесь прежде всего следует отметить, что, если бы в этом

видении отсутствовал фактор временной последовательности, то никакие изменения или развитие были бы невозможны вообще. Совершенная гармония находилась бы в состоянии извечного, постоянного проявления, сочетаясь с любой гармонией другого рода и не соотносясь с ней в своем развитии от прошлого к будущему. На самом же деле происходит постоянное поступательное развитие гармонии, в ходе которого одно естественным образом вытекает из другого. Или же, в случае отсутствия такого фактора, как делимость Пространства, были бы невозможны изменения в отношениях между проявленными формами, равно как и взаимодействия различных сил, что исключило бы возможность развертывания всего сущего; внепространственное чисто субъективное самосущее сознание содержало бы в себе все вещи бесконечным субъективным образом — подобно тому, как это происходило бы в уме поэта или мыслителя космического видения — вместо того, чтобы распространять себя в них в объективной самосущей протяженности. Или же, если бы только одно Время было реально, то временная последовательность являла собой лишь чистое развитие, в ходе которого одно вытекало бы из другого в субъективно произвольном виде, подобно рождающимся звукам музыки или поэтическим образам. Вместо же этого гармония возникает в ходе времени в виде определенных форм и сил, связанных друг с другом во всеобъемлющей пространственной протяженности, что предстает перед нами как картина бытия, развертывающегося в безостановочной процессии сил, форм и событий.

Различные возможности воплощаются, располагаются и соотносятся друг с другом в рамках Пространства и Времени; каждая из них обладает своей силой и способностями, в результате чего временная последовательность воспринимается разумом не как самопроизвольная последовательность вещей и событий, а как развертывание проявленных форм в процессе борьбы и столкновения. В действительности происходит спонтанное раскрытие вещей изнутри, а внешние столкновения и борьба есть лишь поверхностный аспект процесса эволюции. Ибо внутренний, неотъемлемый закон единого и целого, который не может не быть гармоничным, управляет внешними законами составных частей и форм, имеющих видимость противоречивых отношений. Эта глубокая истина гармонии всегда присутствует для супраментального видения. То, что является противоречием для разума, воспринимающего каждую вещь в отдельности, для Супраментала есть

составная часть вездесущей и вечно развивающейся гармонии, поскольку Супраментал видит все сущее как единство, проявленное в многообразии. Кроме того, разум воспринимает лишь конкретное время и пространство, а все вероятные возможности для него имеют более или менее равные шансы на реализацию в рамках данного времени и пространства. Божественный Супраментал охватывает всю временную и пространственную протяженность и в состоянии четко и безошибочно объять все, что возможно и невозможно для разума, поскольку Супраментал видит каждую потенциальную возможность вместе с соответствующей ей силой, обуславливающей ее необходимость, в рамках правильных отношений с другими вещами, а также с пространством, временем и обстоятельствами, сопутствующими ее постепенной и окончательной реализации. Такое видение, отражающее природу трансцендентного Супраментала, совершенно невозможно для разума.

Этот Супраментал в своем сознательном видении не только охватывает свои собственные формы, создаваемые своей сознательной силой, но также пронизывает их своим внутренним Присутствием и Светом. Он скрыто присутствует в каждой вселенской силе и форме, полновластно определяя ее суть, предназначение и проявление. Супраментал вносит ограничения в многообразие, он аккумулирует, распределяет и видоизменяет энергетические ресурсы и делает это в соответствии с изначальными законами¹, устанавливаемыми его о-себе-знанием для всякой формы при ее возникновении и для всякой силы с самого начала его действия. Супраментал пребывает в сердце всего сущего как Господь, приводящий все в движение силой своей Майи². Находясь внутри, Он охватывает все сущее как божественный Зритель, располагающий все и всем управляющий в установленном им порядке, соответствующем истинной сущности каждого объекта³.

Поэтому каждый одушевленный или неодушевленный объект в Природе, обладающий или не обладающий ментальным сознанием, подчиняется в своем бытии и действиях присутствующим внутри него Видению и Силе, которые сосредоточены в области подсознательного

¹ Ведическое выражение. Боги действуют согласно изначальным, высшим законам. Это законы истины, присущие всем вещам.

² Гита, XVIII.61.

³ Иша Упанишада, Стих 8.

и пока недоступны обычному человеческому сознанию. Но сами эти скрытые Сила и Видение обладают глубоким, универсальным самосознанием. Таким образом, каждый объект, даже не наделенный разумом, выполняет определенную разумную функцию, поскольку подсознательно или полусознательно — как в случае животного, растения и человека, соответственно — подчиняется реальной идее скрытого внутри него божественного Супраментала. Но эта направляющая сила не есть сила Разума; это самосознательная Истина бытия, в которой самопознание неотделимо от самосущего бытия. Не в мышлении и не посредством мышления порождаются вещи Сознанием-Истиной, они суть плод созидательной деятельности его Знания, осуществляемой в согласии с его безупречным видением и всепреодоляющей силой единого самореализующегося Бытия. Продукты мышления — мыслеобразы, Разум всего лишь «мыслит» вещь, поскольку он есть не более чем сила отражения сознания, не обладающая истинным знанием, но стремящаяся к нему. Шаг за шагом в потоке Времени разум следует за высшим, извечным и единым знанием, для которого все прошлое, настоящее и будущее является одним целым.

Таков первый функциональный принцип божественного Супраментала, который определяется его всеобъемлющим, всепроникающим, вездесущим космическим видением. Охватывая все сущее в своем бытии и статическом, субъективном, вневременном и внепространственном самосознании, Супраментал заключает все в своем динамическом знании и направляет объективное проявление каждой вещи в Пространстве и Времени.

На уровне супраментального сознания само знание, его объект и субъект не отличаются друг от друга, но представляют собой одно целое. Наш разум проводит разграничения между ними, ибо без этого он не в состоянии функционировать. Утрачивая присущие ему средства самопроявления и нарушая законы своего действия, разум становится неподвижным и бездейственным. Поэтому, воспринимая самого себя разумом как объект, я не могу не делать таких различий и не выявлять в себе субъект познания, объект познания и собственно знание, с помощью которого я соединяю субъект с объектом. При этом совершенно очевиден чисто практический и искусственный характер такого подхода, который не отражает истины, скрытой во всем сущем. На самом деле я, как субъект знания, есть познающее сознание; само знание есть сознание, или я сам, в действии; объект знания — это также я сам,

форма проявления или движение того же самого сознания. Совершенно ясно, что все три составляющие есть одно бытие, одно неделимое движение и проявление, которое имеет видимость тройного разграничения; не будучи в действительности разделенным на отдельные формы, это бытие выглядит как будто раздробленным на отдельные составляющие. Разум способен прийти к такому знанию и почувствовать его, но он не в состоянии сделать его практической основой своей мыслительной активности. Что же касается внешних объектов, то по отношению к той форме сознания, которую я называю «своим я», эта трудность становится практически непреодолимой. Даже чувство и ощущение единства дается разуму с большим трудом, не говоря уже о постоянном пребывании на уровне осознания этого единства, что, в принципе, не входит в сферу компетенции разума. Разум может придерживаться умозрительной идеи единства, как осознанной истины, и сверять с ней свои обычные действия, основанные все же на принципе разделения, подобно тому как, обладая отвлеченным знанием о вращении земли вокруг солнца, мы даем должную скорректированную оценку своим чувственным восприятиям, которые, несмотря ни на что, настойчиво свидетельствуют о том, что солнце вращается вокруг земли, а не наоборот.

Супраментал же всегда исходит в своих действиях из этой истины единства, которая для разума остается лишь на уровне второстепенной и не составляет основы его видения. Супраментал видит вселенную и все существующее в ней, как самого себя, в едином и неделимом акте познания, который есть его жизнь и самосущее бытие. Поэтому супраментальное всеобъемлющее божественное сознание в своем аспекте Воли не столько направляет развитие космической жизни, сколько реализует ее в себе с помощью силы, неотделимой от знания и движения самосущего бытия, составляющих единое целое. Мы уже видели, что универсальная сила и универсальное сознание — едины. Космическая сила есть форма проявления космического сознания. Точно так же едины божественное Знание и божественная Воля; они представляют собой единый фундаментальный акт или движение бытия.

Неделимость всеобъемлющего Супраментала, охватывающего все многообразие множественности, не утрачивая при этом единства, есть истина, из которой мы всегда должны исходить, если хотим понять космос и избавиться от изначального изъяна нашей ментальности — аналитического уклада нашего мышления. Дерево развивается из малого

семени, в котором уже заложены все его окончательные формы, а дерево, в свою очередь, порождает семя. Это заданный закон, неизменный процесс, сохраняющий определенную форму проявления в виде дерева. Разум рассматривает это явление рождения, жизнедеятельности и воспроизведения дерева как вещь в себе и на этой основе изучает и объясняет это явление. Разум объясняет происхождение дерева развитием семени, а происхождение семени — последствием роста дерева; в итоге утверждается, что установлен закон Природы. Но на самом деле таким образом ничего не объясняется; разум проделывает лишь анализ и констатирует существование загадочного процесса. Даже предположив, что разум воспринимает скрытую сознательную силу как душу, реальное существо, вложенное в данную, конкретную форму, а все остальное рассматривает только как определенное проявление этой силы, он все равно будет стремиться рассматривать отдельно внешнюю форму как обособленное бытие со своим собственным законом Природы и процессом развития. И у животного, и у человека с его сознательной, разумной деятельностью склонность Разума прибегать в процессе познания прежде всего к анализу, обособлению, разложению на отдельные элементы, также заставляет его рассматривать и себя самого как отдельное бытие, сознательный субъект, а все остальные, внешние по отношению к нему формы, — как объекты его ментальной деятельности. Этот полезный для обыденной жизни подход, на котором строится вся деятельность разума, воспринимается им самим как данность, из-за чего, собственно, и возникают заблуждения эго.

Супраментал функционирует иначе. Дерево не могло бы быть тем, что оно есть, и вообще не способно было бы существовать, когда бы представляло собой обособленное бытие. Любые формы являются тем, что они есть, благодаря силе космического бытия; они развиваются и эволюционируют в результате того, что имеют определенные отношения с этой силой и ее проявлениями. Отдельный закон, определяющий их природу, знаменует собой лишь практическое применение универсального закона и истины, присущей всей Природе. Конкретное развитие определенных форм зависит от того, какое место они занимают в общем процессе эволюции. Существование дерева не объясняет существования семечка и наоборот. Существование космоса объясняет существование и того, и другого, а Бог объясняет существование космоса. Супраментал, одновременно пребывающий и в семечке, и в дереве, и во всем сущем, наделен жизнью в этом высшем

знании, которое является единым и неделимым, хотя это единство и неделимость и не выражены абсолютным образом. У этого всеобъемлющего знания нет какого-то отдельного самостоятельного центра бытия, подобного нашему человеческому эго. С точки зрения эго самосущего сознания, все проявленное есть некая протяженность, единая как в своей множественности многообразных состояний, так и в единстве, всегда и везде. На этом уровне Все и Единое есть одно бытие. Индивидуальное существо не теряет и не может потерять сознания своей тождественности как со всеми существами, так и с Единым Существом, ибо это тождество присуще супраментальному восприятию и является его неотъемлемой частью.

В своем бескрайнем единстве высшее Существо остается неделимым и лишено какой бы то ни было раздробленности. Оно вездесуще и пребывает одновременно повсюду как единый и неизменный Брахман, наполняющий собой многообразие форм, объемлющий все сущее как Единый. Это вездесущье и протяженность Существа во Времени и Пространстве находится в непосредственной связи с абсолютным Единством, как первоисточником, и с абсолютной Неделимостью, не имеющей ни центра, ни периферии, в ней пребывает лишь вневременный и внепространственный Единый. Эта высокая концентрация единства в «самосвернутом» Брахмане должна неизбежно проявляться в развертывании мироздания благодаря всеохватывающей вездесущности Брахмана, проникновению его единой сущности во все вещи и формы, его универсальному постоянству и единству, которое не меняется и не убывает в любом многообразии проявления. «Брахман пребывает во всем, все пребывает в Брахмане, все есть Брахман» — вот тройственная характеристика всеобъемлющего Супраментала, единой истины самовыражения в трех аспектах, триединство и нераздельность которых в его самовосприятии выступают как изначальное знание, позволяющее ему осуществлять космическую игру.

Но какова тогда природа и происхождение разума и вся организация низшей триады сознания — Разума, Жизни и Материи, — с помощью которого мы воспринимаем вселенную? Поскольку все сущее должно восходить к действию всепроникающего Супраментала в рамках проявления изначальных принципов Бытия, Сознания-Силы и Блаженства, то непременно должна существовать определенная созидательная способность Сознания-Истины, низводящая и трансформирующая принципы Бытия, Сознания, Блаженства до уровня

низшей триады сознания — Разума, Жизни и Материи. Такую трансформирующую способность мы находим во вторичном проявлении силы созидającego знания; это сознание, характерными свойствами которого служат представление, противопоставление и объективация, знание же его сосредотачивается в определенном центре и отчуждается от плодов своей деятельности, чтобы иметь возможность наблюдать за ними. Когда мы говорим о централизации знания, то имеем в виду — в отличие от равномерной концентрации сознания, о которой говорилось выше, — его феноменальное обличье, то есть концентрацию неравновесную, которая порождает раздробленность сознания.

Прежде всего, Субъект знания остается центрированным в знании и рассматривает свою Силу сознания как постоянно проистекающую из него и наполняющую его формы проявления, производя в них определенные изменения, постоянно отчуждающую себя от них и снова отождествляющую себя с ними. Из этого единого акта самоизменения происходят все практические различия, на которых основаны все относительные универсальные проявления. Практические различия возникают между Субъектом, Объектом знания и самим Знанием, между Господом, Его силой и проявлениями этой Силы, между Субъектом, Объектом наслаждения и самим Наслаждением, между «Я», Майей и проявлениями «Я».

Кроме того, эта сознательная Душа, сосредоточенная в знании, этот Пуруша, управляющий своей Силой и наблюдающий за ней, за Шакти, или Пракрити, повторяет себя в каждой своей воплощенной форме. Пуруша как бы сопровождает свою Силу сознания на уровне проявленных форм, воспроизводя во вселенной процесс саморазделения, на основе которого возникает сознание, характерными свойствами которого является способность объективизации. Эта Душа с присущей ей Природой обитает в каждой проявленной форме, наблюдая при этом саму себя в других формах с позиций практического, искусственного центра сознания. Это одна и та же Душа всего сущего, то же самое божественное Существо; многообразие центров сознания есть лишь практический шаг сознания, предпринимаемый им для того, чтобы разыграть видимость различия, противопоставления и борьбы сил, взаимности и двойственности, основанных на изначальном единстве, которое реализуется на практическом фундаменте различия.

Мы можем говорить об этом новом статусе всеобъемлющего Супраментала как о дальнейшем отходе от унитарной истины, скрытой

в природе вещей, от неделимого сознания, составляющего неотъемлемое единство, присущее космическому бытию. Нетрудно заметить, что логическим завершением этого отклонения может стать Авидья, великое Неведение, берущее свое начало в реальности многообразия и возвращающееся к подлинному единству через ложное единство человеческого эго. Можно заметить также, что принятие позиции индивидуального центра сознания непременно ведет к появлению и субъекта знания, и ментального ощущения, и ментального проявления воли и действия со всеми вытекающими из этого последствиями. Но необходимо также иметь в виду, что, пока душа действует на уровне Супраментала, о Неведении не может быть и речи; полем деятельности знания все еще остается Сознание-Истина, а его основой — единство.

Ибо Дух все еще рассматривает себя как единство многообразия, а все сущее — как свое становление и развертывание; Господь познает свою Силу, как самого себя в действии, и каждое существо, как самого себя в отдельной душе и в проявленной форме; это все то же самое его собственное существо, которым наслаждается Субъект наслаждения, даже находясь на уровне множественности проявления. Единственное реальное изменение — это неравномерная концентрация сознания и множественная разделенность силы. Можно говорить о практическом разграничении сознания, но в его видении себя по существу дела оно отсутствует, как нет в нем и никакой расчлененности. Таким образом, Сознание-Истина приходит к стадии подготовки разума, хотя еще и не становится мыслящим разумом. Именно этот момент необходимо изучить, чтобы проследить истоки возникновения Разума, когда он делает скачок из безбрежного океана Сознания-Истины на уровень раздробленности и неведения. К счастью, это всеобъемлющее Сознание-Истина¹ проще и ближе для нашего восприятия, чем та сложная реализация, которую мы попытались описать выше посредством несовершенных языковых средств разума. На самом деле барьер, отделяющий нас от Сознания-Истины, не столь уж высок.

¹ *Prajñāna.*

Тройственная природа Супраментала

Мой дух все сущее питает и составляет бытие его...
Я — дух, что обитает в каждом существе.

*Гита*¹

Сияющих божественных три мира на силах Света держатся, число которых — три.

*Ригведа*²

ПРЕЖДЕ чем мы перейдем к более доступному для нас пониманию мира, в котором живем, с позиции всеобъемлющего объективирующего Сознания-Истины, совпадающей с видением индивидуальной души, освобожденной от ограничений разума и участвующей в действии Божественного Супраментала, нам следует дать краткую оценку того, что мы уже узнали или можем узнать о сознании Господа, Ишвары, созидающего наш мир с помощью Его Майи на основе изначального концентрированного единства Его существа.

Мы начали с утверждения того, что все сущее есть одно Существо, суть природы которого — Сознание. При этом активный аспект сознания проявляется как Сила или Воля. И само Существо, и Сознание, и Сила или Воля есть Блаженство; вечное и неотъемлемое Блаженство Бытия, Блаженство Сознания, Блаженство Силы или Воли, сконцентрированное в самом себе в состоянии покоя или активное, созидающее Блаженство, и есть Бог, составляющий наше собственное существо, нашу суть, относящуюся не к миру феноменов. Сконцентрированный в самом себе, он обладает или скорее является извечным и непреходящим существенным Блаженством. Активный и созидающий, он обладает или скорее становится блаженством игры бытия, игры сознания, силы и воли. Эта игра есть вселенная, а наслаждение — это единственный движущий мотив, причина и конечная цель космического существования. Божественное Сознание извечно и неизменно вмещает в себе эту игру и наслаждение. Наше истинное существо, наше

¹ IX.5; X.20.

² V.29.1.

подлинное «я», скрытое под маской ментального эго, также извечно участвует в этой игре, являясь ее неотъемлемой частью, и получает от нее наслаждение, поскольку представляет собой единое целое с Божественным Сознанием. Поэтому если мы стремимся к божественной жизни, то не можем достичь ее никаким другим образом, кроме одного, а именно — раскрыв наше потаенное истинное «я», для чего необходимо, избавившись от «я» ложного или ментального эго, перейти к более высокому состоянию развития — сознанию Атмана, своего подлинного «я», соединяясь, таким образом, с Божественным Сознанием, которое всегда находит в нас отзвук на сверхсознательном плане бытия — без этого мы просто не смогли бы существовать, — хотя и остается закрытым для ментального восприятия.

Когда, таким образом, мы утверждаем единство Сатчитананды, с одной стороны, и отсутствие цельности у разума — с другой, мы противопоставляем два полярных начала, одно из которых должно быть ложным, а другое — истинным, одно должно быть устранено, а другое — стать предметом наслаждения. Тем не менее, наше существование на земле проходит в пределах разума и обусловленных им формах жизни и физического тела, и если для достижения единого Бытия, Сознания и Блаженства нам следует устранить сознание разума, жизни и тела, то божественная жизнь здесь становится невозможной. Мы должны полностью отказаться от космического бытия как от иллюзии, чтобы обладать наслаждением, целиком погрузившись в Трансцендентное. Из этого тупика нет выхода, если мы не найдем связующее звено между двумя полярными началами, позволяющее понять существование каждого из них с позиции другого и устанавливающее между ними такое отношение, которое даст нам возможность достичь реализации единого Бытия, Сознания и Блаженства на уровне разума, жизни и тела.

Такое связующее звено есть. Мы называем его Супраменталом или Сознанием-Истиной, ибо оно представляет собой уровень сознания, превосходящий разум и действующий в сфере основополагающей истины и единства всего сущего в отличие от разума, не идущего далее лишь внешней, наружной стороны вещей и феноменальной обособленности и раздробленности. Существование Супраментала является логической необходимостью, непосредственно вытекающей из нашей первоначальной посылки. В самом деле, Сатчитананда — это, по определению, вневременное и внепространственное абсолютное состояние

сознательного бытия, которое и есть блаженство. Наш же мир, напротив, является временной и пространственной протяженностью, развертыванием и развитием определенных отношений и возможностей с помощью причинно-следственных связей во Времени и Пространстве, по крайней мере, нам это так представляется. Истинное название этого закона причинно-следственных связей — Божественный Закон. Сущность этого Закона сводится к неизбежному саморазвитию истины, как Идеи, заключенной в каждой проявленной форме. Другими словами, Закон — это изначально установленная предопределенность хода относительных проявлений, реализующихся как актуализация извлечений из поля бесконечных возможностей. То, что способствует развитию всего сущего, должно быть Знанием-Волей, или Сознанием-Силой, поскольку вся проявленная вселенная есть игра Сознания-Силы, представляющей собой суть природы бытия. Но Знание-Воля, движущая все развитие, не может иметь ментального характера, поскольку разум не знает, не обладает и не управляет этим Законом, но, напротив, сам этому закону подчиняется и является производным от его деятельности. Разум действует в области феноменов саморазвития и не способен осознать самую его сущность; он фиксирует промежуточные результаты развития, воспринимая их только лишь как обособленные объекты, и безуспешно пытается установить их подлинное происхождение и определить их действительную реальность. Сознание-Воля, способствующая всеобщему развитию, должна обладать единством всего сущего, на основе которого ею проявляется многообразие этого мира. Разум же не обладает этим единством, ему доступно лишь несовершенное восприятие проявленного многообразия.

Поэтому должен существовать какой-то принцип, превосходящий Разум и восполняющий его недостаточность. Без сомнения, этим принципом является Сатчитананда, но не в покое чистого неизменяемого бесконечного сознания, а в действии, представляющем одну из форм Энергии Сатчитананды, являющемся результатом исхождения из этого изначального состояния или, скорее, основанном на этом состоянии и погруженном в него, и служащем орудием космического созидания. Сознание и Сила — это два изначальных равновеликих и равноценных аспекта чистой энергии бытия. Стало быть, Знание и Воля должны быть формой, которую принимает эта Энергия, созидающая наш мир в рамках Пространства и Времени. Знание и Воля должны быть едины, бесконечны, всеобъемлющи, содержа в себе и проникая

собою все обусловленные ими процессы и формы. Тогда Супраментал есть Существо-Бытие, которое, переходя в состояние полного и определенного о-себе-знания, воспринимает свои собственные истины и стремится к их реализации в пространственно-временном развертывании своего вневременного и внепространственного бытия. Все, что существует в Супраментале, принимает форму, выступая как его самосущее знание, как Сознание-Истина, Идея-Реальность, а это самосущее знание, которое есть в то же время и самосушая сила, с неизбежностью реализует себя в континууме Пространства и Времени.

Такова природа Божественного Сознания, созидającego в себе все сущее движением своей сознательной силы и управляющего развитием всего проявленного с помощью самосушей эволюции, движимой знанием-волей истины бытия, или реальной идеей, формирующей все существующие вещи. Существо, обладающее таким сознанием, есть то, что мы называем Богом, который, очевидно, должен быть вездесущим, всеведущим и всемогущим. Вездесущим — потому что все проявленные формы есть формы Его сознательного бытия, порождаемые силой движения этого бытия в Пространстве и Времени. Всеведущим — ибо все сущее обретается в Его сознательном бытии, формируется им и находится в его полной власти и владении. Всемогущим — поскольку это всем обладающее сознание есть в то же время и всевластная всеобъемлющая Сила и всепросвещающая Воля. И эта Воля и Знание, в отличие от человеческой воли и знания, всегда находятся в гармонии между собой, ибо представляют собой единое движение того же самого Существа. Ни Знание, ни Воля не встречают противоречий со стороны какой-либо иной воли, силы или сознания, ибо нет сознания или силы, которые были бы внешними по отношению к Единому; равно как и все внутренние энергии и формы знания также составляют одно целое с Единым и есть не что иное, как игра одной всеопределяющей Воли и одного всеобщего гармонизирующего Знания. То, что мы воспринимаем как столкновение волевых импульсов и сил, потому что воспринимаем мир как мир обособленности, раздробленности и различий и не обладаем видением единого, Супраментал знает как взаимосвязанные элементы предопределенной гармонии, которая всегда остается для него данностью, поскольку извечное восприятие Супраментала тотально объемлет всю совокупность вещей.

Какое бы равновесное состояние ни доставляло действие Супраментала, какую бы форму ни принимало, оно всегда будет по природе

своей относиться к божественному Сознанию. Но поскольку его бытие само по себе абсолютно, равно как абсолютна и сила этого бытия, он не ограничен каким-то одним определенным состоянием или одной формой. Мы, человеческие существа, в феноменальном плане представляем собой конкретную форму проявления сознания, действующего в рамках Пространства и Времени, и на уровне своего поверхностного сознания, которое только и доступно нашему восприятию, можем одновременно выражать и нести в себе лишь одно состояние, один опыт, одну форму. И эта одна единственная форма и состояние является для нас истиной нашего существа, которую мы признаем. Все остальное воспринимается как ложное или утратившее свою истинность, ибо уже отошло в прошлое или ожидает нас в будущем. Божественное Сознание не имеет таких ограничений и не сковано рамками конкретного момента, оно может одновременно выражать себя в многообразии вещей и состояний. На уровне Супраментала отмечается три основополагающих принципа сознания. Первый из них является фундаментом неотъемлемого единства всего сущего; второй — способствует модификации этого единства таким образом, что становится возможным проявление многообразия в единстве и единства в многообразии; третий принцип поддерживает эволюцию состоящей из множества разнородных частей индивидуальности, которая под воздействием Неведения принимает в нас форму иллюзорного, обособленного эго.

Мы уже рассмотрели природу первого принципа и состояния сознания Супраментала, на котором основано неотъемлемое единство всего сущего. Это состояние сознания не является чисто унитарным, ибо последнее представляет собой вневременную и внепространственную концентрацию Сатчитананды, когда Сознательная Сила не проецируется в какой-либо протяженности; если она и содержит в себе вселенную, то лишь как вечную потенциальную возможность, а не временную реальность. Рассматриваемое же состояние сознания, напротив, будет равномерной, всеобъемлющей саморазвернутостью Сатчитананды. Но на этом уровне нельзя еще говорить об индивидуализации, поскольку здесь отсутствует всякая множественность. Когда это состояние Супраментала отражается в нашем очищенном и успокоенном «я», мы теряем всякое чувство индивидуальности, поскольку отсутствует необходимая концентрация сознания, поддерживающая индивидуальную эволюцию. Все сущее развивается в единстве как

одно целое и заключено в Божественном Сознании в виде разнообразных форм его бытия. Проявленные формы не существуют обособленно. Подобно тому как мысли и образы, возникающие в нашем разуме, не есть нечто отдельное от нас и составляют одно целое с нашим сознанием, точно так же и все формы и имена соотносятся с первичным состоянием Супраментала. На этом уровне процесс образования идей и форм происходит в Бесконечном и отличается от того, что протекает в нашей голове, тем, что представляет собой не отвлеченные умозерцания, но реальную игру сознательного существа. Божественная душа в этом состоянии не делает различия между Душой-Сознанием и Душой-Силой, так как всякая сила есть действие сознания, а не взаимодействие между Материей и Духом, поскольку все проявленные формы есть формы самовыражения Духа.

Природа второго принципа и состояния сознания Супраментала заключается в том, что Божественное Сознание находится в состоянии отрешенности на уровне своей идеи от погруженного в Себя движения, осуществляемого им с помощью всеобъемлющего объективирующего сознания, пребывая во всех процессах этого движения и словно бы «самораспределяя» себя по всем проявленным формам. Божественное Сознание реализует себя как одинаковое во всем устойчивое Сознательное-«Я», присущее каждому имени и каждой форме. Оно также реализует себя в виде концентрированного Сознательного-«Я», поддерживающего индивидуальную игру движения и придающего ей отличительные особенности в зависимости от каждой проявленной души-формы, оставаясь одним и тем же для всякой души-сущности. Эта концентрация, поддерживающая душу-форму, будет индивидуальным Божественным, или Дживатманом, в отличие от универсального Божественного, или единого и всеобъемлющего духа. Различие между индивидуальным и всеобщим имеет лишь практическую, но не существенную разницу, не устраняя собой реальное единство. Универсальное Божественное знает все души-формы как самого себя и, тем не менее, устанавливает определенную систему отношений как с каждой формой в отдельности и собою, так и между существующими формами. Индивидуальное Божественное будет ощущать свое бытие как душу-форму и душу-движение Единого и одновременно поддерживать индивидуальное движение во всех его отношениях свободного отличия как с Единым, так и с другими формами, хотя движение сознания будет позволять ему ощущать свое единство и с Единым, и со всеми

проявленными формами. Если бы наш очищенный и просветленный разум мог воспринять это второе состояние сознания Супраментала, то человеческая душа была бы в состоянии одновременно и поддерживать свое индивидуальное существование, и ощущать себя одним целым с Единым, воплотившимся во множестве и наслаждающимся его многообразием. Ни при каких других обстоятельствах супраментального бытия невозможны были бы какие бы то ни было существенные изменения. Единственное изменение заключалось бы в этой игре Единого, проявившего свою множественность, с многообразием проявленного, остающегося единым, и во всем том, что необходимо для поддержания этой игры.

Третье состояние сознания Супраментала достигается в том случае, если поддерживающая концентрация не только сохраняет свою отстраненность и превосходство по отношению к движению, просто пребывая в нем и получая наслаждение в ходе его изменений, но и проецирует себя в это движение и некоторым образом участвует в нем. На этом уровне весь характер игры меняется, но лишь в той степени, в какой индивидуальное Божественное сможет перевести свои отношения с универсумом и другими формами в сферу своего сознательно-го опыта, так что реализация полного единства с формами станет в некотором смысле фоном, но, с другой стороны, и кульминацией всякого опыта. На высших же уровнях сознания ощущение единства будет носить характер преобладающего, доминирующего опыта, а восприятие многообразия будет ощущаться как игра этого единства. Это третье состояние сознания Супраментала будет поэтому своего рода основой восприятия блаженной двойственности в единстве — не просто чистого единства, по отношению к которому дуализм выступает как нечто вторичное — индивидуального Божественного и его универсального источника со всеми последствиями, вытекающими из проявлений такого рода дуализма.

Можно сказать, что первым последствием будет провал в неведение Авидьи, на уровне которой Множество становится реальным фактом действительности, а Единый воспринимается как космическая сумма Множества. Но этого провала возможно избежать, поскольку индивидуальное Божественное будет осознавать себя как нечто причастное Единому и его силе сознательного самосозидания или, что то же, как результат его многоплановой самоконцентрации, призванной управлять и наслаждаться многообразием своего бытия во Времени

и Пространстве. Эта истинно духовная индивидуальность не будет претендовать на исключительное право обладания независимым, или обособленным, существованием. Она лишь будет утверждать истину дифференцированного движения вместе с истиной устойчивого единства и рассматривать их как два полюса — высший и низший — одной и той же истины, как основание и кульминацию единой божественной игры, настаивая на необходимости различения для ощущения радостной полноты единства.

Все три состояния сознания Супраментала представляют собой три различных подхода к одной Истине. Блаженно воспринимаемая Истина бытия будет одной и той же; способы наслаждения бытием или, вернее, состояния наслаждающейся души будут отличными друг от друга. Блаженство, Ананда, будет меняться, при этом всегда оставаясь в пределах Сознания-Истины, не испытывая никакого отклонения в сторону Лжи и Неведения. Второе и третье состояния сознания Супраментала раскрывают и выражают через божественное многообразие то, что первое из них — через божественное единство. Ни одно из этих состояний сознания мы не можем назвать ложным или иллюзорным. Формулировки Упанишад (которые являются непререкаемым авторитетом древности в том, что касается высшего опыта переживания этих истин), описывающие проявление Божественного бытия, служат подтверждением достоверности этого опыта. Мы можем лишь утверждать приоритет единства перед множественностью, первичность единства не на уровне времени, но на уровне сознания. И ни одно свидетельство высшего духовного опыта, ни одна философская школа Веданты не отрицает этой первичности Единства, извечной зависимости Многообразия от Единого. Реальность Множественности может быть отрицаема, поскольку, как представляется, она во Времени как бы теряет свой вечный характер, возникая из Единого и в него же возвращаясь. Но с таким же основанием можно сказать, что извечная повторяемость манифестации во Времени есть доказательство божественного многообразия как постоянства Всевышнего за пределами Времени, не уступающего по своей реальности божественному единству. В противном случае многообразие не обладало бы характером извечной повторяемости во Времени.

Необходимость появления взаимоисключающих философских школ и направлений мысли возникает только тогда, когда человеческий разум начинает придавать исключительное значение какой-то

одной стороне духовного опыта, воспринимая ее как единственную, вечную истину и подкрепляя это убеждение всерасщепляющей ментальной логикой ограниченного разума. Так, делая исключительный акцент на истине унитарного сознания, мы наблюдаем игру божественного единства, но наблюдаемое искажается нашим ментальным восприятием, вынуждая нас видеть в единстве различия, которые мы принимаем за реальные. Но, не пытаясь исправить эту ошибку ментального восприятия с помощью высшей истины, мы начинаем утверждать, что само проявление многообразия есть иллюзия. Или же, принимая тот приоритет, согласно которому определяющее значение имеет игра Единого в многообразии, мы одновременно постулируем ограниченный характер единства и, рассматривая индивидуальную душу как форму проявления Всевышнего, тем не менее, утверждаем вечный принцип ограниченного бытия, полностью отрицая опыт чистого сознания абсолютного единства. Или опять же, настаивая на абсолютности различий, мы утверждаем извечную разницу между Всевышним и человеческой душой и отрицаем всякую ценность опыта, превосходящего и противоречащего этому различию. Но та позиция, на которой мы сейчас твердо стоим, снимает необходимость отрицаний и ограничений, поскольку мы видим, что за всеми этими утверждениями скрыта истина, но в то же время они страдают преувеличениями, что и приводит к плохо обоснованному отрицанию. Мы утверждаем абсолютный характер Того, что не ограничено нашей идеей единства и множества и, считая единство основой манифестации множества, а множество, в свою очередь, — основой для возвращения к единству и источником наслаждения единством, пронизывающим божественное многообразие, нам нет нужды перегружать наше рассмотрение рассуждениями на темы, подобные разобранным выше, тщетно пытаясь найти ментальные определения и различия, способные вместить в себя абсолютную свободу Божественного Бесконечного.

ГЛАВА XVII

Божественная душа

Тот, кто, обладая знанием, стал всем сущим, не может впасть в заблуждение, не ведает печали, ибо повсюду видит единство.

Иша Упанишада¹

ИСПОЛЬЗУЯ нашу концепцию Супраментала, который в определенном смысле есть противоположность человеческому разуму — основе нашего существования, мы можем не только составить точное представление о божественной жизни (обычно мы понимаем под этим нечто весьма смутное и лишенное ясного смысла), но также снабдить это понятие прочным философским обоснованием, конкретно связывающим его с настоящей человеческой жизнью и оправдывающим наши надежды и чаяния самой природой этого мира, нашим космическим прошлым и неизбежным будущим нашей эволюции. Наш разум начинает постигать Божественное, извечную Реальность и приходит к пониманию того, как возник проявленный мир. Мы также начинаем осознавать всю неизбежность возвращения к Божественному всего того, чему Оно является источником. Теперь мы можем спросить себя, надеясь получить ясный ответ, каким образом нам надлежит измениться и чем нам следует стать, чтобы соединиться с Божественным не только в отрешенной от всего внешнего экстатической реализации в глубинах своего существа, но и в обычной жизни, в отношениях с окружающим миром. Конечно, наши доводы остаются неполными, поскольку до сих пор мы пытались найти определение Божественного в его нисхождении к низшей, ограниченной Природе, в то время как человек, в действительности, есть Божественное на индивидуальном уровне, восходящее с уровня ограниченной Природы обратно к своему божественному первоисточнику. Это различие в направленности движения предполагает различие между жизнью богов, не знавших падения, и жизнью человека, прошедшего через искупление грехопадения, обретшего утраченное божество и сохранившего

¹ Стих 7.

в себе опыт соединения с ним, а возможно, и обогатившего собственную природу даже в результате своего падения. Тем не менее, это различие не в существе дела, оно касается лишь внешней формы и оттенков. На основе уже полученных нами выводов мы можем определить и уяснить для себя природу божественной жизни, к которой мы стремимся.

Для этого требуется дать ответ на определенные вопросы, а именно: каким будет существование божественной души, не знающей неведения из-за падения Духа в Материю и помрачения от соприкосновения с материальной Природой? Каково будет сознание души, живущей в мире бесконечного бытия изначальной Истины и воспринимающей единство всего сущего как само Божественное Бытие и в то же время способной с помощью игры Божественной Майи и всеобъемлющей Сознания-Истины благодаря объективирующей и реализующей тождество функциям к наслаждению равно как единством с Богом, так и отличием от Него, к наслаждению единением с другими душами и отличием от них в бесконечной игре Единого, по своей воле являющего себя в многообразии?

Очевидно, что атрибутом существования такой души будет самопогруженность в сознательную игру Сатчитананды. Отличительной чертой в отношении существования будет бесконечное чистое самосущее бытие. В отношении становления — свободная игра бессмертной жизни, не знающей ни рождения, ни смерти, ни изменений физического тела, ибо душа не будет более пребывать в пеленах неведения, не будет окутана мраком материального бытия. Эта душа, всегда сохраняющая связь с истиной и единством, с естественной гармонией своего божественного бытия и светом, явит собой чистое и беспредельное сознание, погруженное в исполненный вечно света покой и в то же время способное к свободному взаимодействию с другими формами проявления знания и сознательной силы, но вместе с тем лишённое ментальных и волевых ограничений человеческой природы. И, наконец, самовосприятие такой души в аспекте вечности будет тождественно чистому блаженству, а во Времени будет представлять собой свободное, бесконечно-разнообразное наслаждение, которому будет чужда свойственная обычному человеку смена настроений любви и ненависти, недовольства и страданий, ибо душа будет едина в своем бытии, неподвластна темным импульсам желания и ошибкам самоволия.

Сознание души будет полностью открыто бесконечной истине, она не будет связана никакими состояниями или ограничениями в своих отношениях с окружающим миром; ей не будет грозить утрата знания в результате погружения в чисто феноменальную индивидуальность и игру практически-целесообразной множественности различий. В своем опыте самопереживания она извечно будет пребывать в присутствии Абсолюта. Для нас Абсолют есть лишь отвлеченное представление неизяснимого бытия. Разум свидетельствует лишь о том, что существует высший Брахман¹, Непознаваемое, знающее само себя, но это знание совсем иного рода, чем наше. Разум не в состоянии привести нас к единению с Брахманом. Божественная душа, живущая в Истине, напротив, всегда ясно осознает себя как манифестацию Абсолюта, а свое не подверженное никаким колебаниям бытие — как отдельную «я-форму»² Трансцендентного, Сатчитананды. Свою игру сознательного бытия душа воспринимает как манифестацию Того, выраженную в формах Сатчитананды. В аспекте знания в каждом своем состоянии или действии душа ощущает присутствие Непознаваемого, постигающего себя с помощью присущего ему о-себе-знания. В аспекте энергии в каждом проявлении силы или воли душа видит Трансцендентное, выраженное в форме сознательной силы бытия и знания. В отношении Ананды в каждом проявлении блаженства, радости или любви душа зрит Трансцендентное, выраженное в форме сознательно-го самонаслаждения. Присутствие Абсолюта для души не является лишь от случая к случаю повторяющимся опытом или желаемым результатом, приобретением, завоеванным ценой напряженных усилий и дополняющим ее обычное состояние бытия. Постоянное ощущение Абсолюта в процессе познания, воления, любого действия и радости как в единстве, так и в многообразии проявления есть основа бытия души. Душа не будет обделена этим присутствием нигде и никогда, ни во Времени и Пространстве, ни в запредельном к ним. Оно не покидает душу ни в безусловной чистоте, свободной от всех причинно-следственных связей, ни в тесных рамках условий и обстоятельств мира причин и следствий. Это постоянное присутствие Абсолюта есть основа бесконечной свободы и блаженства души, обеспечивающая ей полную безопасность в космической игре и связь с божественным бытием.

¹ *parātpara*.

² *svarūpa*.

Более того, такая божественная душа живет одновременно в двух измерениях вечного бытия Сатчитананды, на двух неразделимых полюсах саморазвертывания Абсолюта, которые мы называем Единством и Множеством. В действительности, любое существо живет именно так, но для нашего расщепленного, раздробленного сознания между двумя полюсами пролегла пропасть, заставляющая нас делать выбор либо в пользу множества, оторванного от непосредственного и полного сознания Единства, либо в пользу неразрывного единства всего сущего, отвергающего Многообразие и Множественность. Но божественная душа никогда не попадает в рабство двойственности. Она будет одновременно осознавать собственную бесконечную самоконцентрацию во Всевышнем вместе с бесконечным самораспространением в мире многоликого разнообразия. Душа будет в одно и то же время воспринимать Единого, удерживающего в своем унитарном сознании бесконечное многообразие как потенциальную не проявленную и потому несуществующую для нашего разума возможность, наравне с другой Его ипостасью — сознанием, поддерживающим проявленную множественность в игре своего собственного бытия, воли и блаженства. Божественная душа в равной мере будет осознавать Множество, извечно стремящееся вызвать нисхождение Единого — своего неиссякаемого источника и подлинной основы своего существования и, влекомое Им, возвыситься до Него — вечно остающегося для него наивысшей вершиной и исполненным блаженства оправданием игры многоликих различий. Такое видение природы вещей есть форма выражения Сознания-Истины — основы великой Истины и Правды, воспетой в гимнах ведийских провидцев. Настоящая Адвайта, высшее всеобъемлющее слово знания о Непознаваемом есть единство всех этих полярно противоположных подходов.

Божественная душа будет осознавать все многообразие бытия, сознания, воли и блаженства как следствие, продолжение и распространение самосущего, концентрированного и раскрывающегося Единства, но не в виде лишнего цельности мозаичного обличья, а в иной, расширенной форме бесконечного единства. Сама она всегда будет оставаться сконцентрированной в единой сути своего бытия, постоянно проявляя себя в многообразии развертывания этого бытия. Все обретающее в ней форму будет манифестацией возможностей Единого, Слова или Имени, рожденного безымянным Безмолвием, Формой, воплотившей в себе бесформенную суть, активной Волей или Силой,

эманлирующей из пребывающей в покое Энергии, лучом самопознания, исходящим от солнца вневременного самосознания, волной становления, поднимающейся из лона извечно самосознательного Существа и обретающей форму сознательного бытия, неиссякаемой радостью и любовью, бьющей из вечного океана неколебимого Блаженства. Это будет Абсолют, представленный в двуединстве своего самораскрытия; а каждый его относительный элемент будет обладать абсолютным характером, осознавая себя проявленным Абсолютом, лишенным при этом неведения, которое исключает другие относительные элементы как несовершенные или чуждые своему собственному бытию.

Божественная душа в проявленном виде будет осознавать три уровня супраментального бытия, но не так, как мы воспринимаем их нашим разумом в качестве трех отдельных уровней, а как триединый факт самопроявления Сатчитананды. Она сможет охватить их как единое целое во всеобъемлющей самореализации, ибо беспредельное всепостижение есть основа сознания-истины Супраментала. Душа будет в состоянии божественным образом ощущать и чувствовать все сущее как Дух, как свое собственное «я» и дух, населяющий все проявленные вещи, как бытие и становление Духа, не разделенного в процессе своего воплощения. Она сможет божественным образом воспринимать и чувствовать все вещи как «души-формы» Единого, происходящие из одного общего источника, имеющие свои собственные отношения со всем многообразием сущностей, населяющих бесконечное единство, но находящихся в зависимости от Единого и являющихся Его сознательной формой в Его собственной бесконечности. Душе будет подвластно божественным образом прозревать в каждой вещи ее самобытную индивидуальность, в своей обособленности являющую собой живое воплощение Божественного в индивидуиде, в каждом из которых обитает Единый, Всевышний, и потому каждый из которых — не просто форма, *ειδωλον*, иллюзорная часть подлинного целого, всплеск на поверхности неподвижного Океана (все это — лишь ментальные образы, очень отдаленно отражающие реальность), но отдельное и законченное целое в другом целом, истина, повторяющая бесконечную Истину, волна, несущая в себе весь океан, относительное, содержащее в себе Абсолют, что становится ясным, если только мы проникнем нашим внутренним взором за пределы формы и увидим относительное во всей его полноте.

Все это аспекты единого Бытия. Первый из них основан на самопознании, которое на уровне человеческой реализации Божественного Упанишады описывают как Дух (или Высшее «Я»), становящийся всем сущим. Второй аспект характеризуется как видение всего сущего в Духе; и третий — как видение Духа во всем сущем. Дух, становящийся всем сущим, есть основа нашего единства с миром. Дух, вбирающий в себя все сущее, это основа нашего единства в многообразии. Дух, населяющий все сущее, является основой нашей индивидуальности во вселенной. И если ограниченность нашего разума, вынуждающая нас концентрироваться исключительно на чем-то одном, заставляет его видеть только один из этих трех аспектов самопознания, если неполная реализация принуждает нас всегда привносить элемент человеческой ошибки, конфликта и отрицания в суть Истины и всеобъемлющего единства, то для божественного супраментального существа, благодаря всепроникающему единению и бесконечности Супраментала, все три аспекта представляются триединым целым.

Даже если предположить, что эта душа центрируется в сознании индивидуального Божественного и поддерживает определенные индивидуально различимые отношения с «другими», основой ее сознания будет оставаться целостное единство, из которого возникает все сущее, а фоном этого сознания будет служить расширенное и модифицированное единство. Душа будет также в состоянии принимать любую из этих двух позиций видения и соответственно рассматривать свою индивидуальность. В Веде все эти состояния сознания приписываются богам. По существу, все боги в целом представляют собой некое единое бытие, называемое разными именами теми, кто обладает знанием. Основой их деятельности неизменно остается великая Истина и Справедливость. Агни или какой-либо другой бог может признаваться богом, вмещающим в себя всех остальных богов; он — Единый, который становится всем сущим, но в то же время все боги сходятся в нем, подобно тому как спицы сходятся к ступице колеса. Но Агни рассматривается и как отдельное божество, помогающее всем остальным и превосходящее их в знании и силе, хотя и занимающее по отношению к ним низшее положение и используемое ими как посланник, священнослужитель и работник; будучи отцом и создателем миров, Агни есть сын, рожденный нашими трудами и внутренней работой, то есть Высшее «Я», изначальный и проявленный Дух или Божественное, Единый, обитающий во всем сущем.

Все отношения божественной души с Богом или высшего Духа с другими «я», воплощенными в других формах, будут определяться этим всеобъемлющим о-себе-знанием. Это будут отношения бытия, сознания и знания, воли и силы, любви и блаженства. Бесконечные в своем потенциальном многообразии, они не исключают возможности общения одной души с другою, которые будут сохранять при этом неотъемлемое чувство единства, несмотря на все феноменальное различие. Таким образом, во всем, что касается отношений удовольствия и радости, божественная душа будет испытывать наслаждение от любого получаемого ею опыта, это будет и наслаждение опытом отношений с другими «я», воплощенными в других формах и созданными ради многообразия игры во вселенной, и наслаждение переживанием других «я» как своего собственного «я». Божественная душа будет обладать всеми этими возможностями, ибо она будет осознавать весь свой опыт, свои отношения с «другими» и опыт этих «других», их отношения со своим «я» — и все это как радость Ананды Единого, всевышнего Духа, своего собственного «я», единого в многообразии проявлений и предстающего в бесконечных формах всеобъемлющего и неделимого существа. Поскольку это переживание единства есть основа любого опыта божественной души, она будет свободна от всех конфликтов нашего раздробленного сознания, раздробленного неведением и эгоизмом, приводящим к разобщенности и обособленному существованию. Все отдельные «я» в своих отношениях станут сознательными участниками общей игры, подобно бесчисленным музыкальным нотам, то расходящимся, то сливающимся друг с другом в единой вечной гармонии.

То же самое правило будет распространяться на отношения бытия, знания, воли отдельного «я» с бытием, знанием и волей других «я», поскольку весь опыт и блаженство божественной души будет являть собой игру сознательной самодовлеюще-блаженной силы бытия, благодаря чему, подчиняясь истине единства, воля не может быть в противоречии со знанием и ни воля, ни знание не могут вступать в противоречие с блаженством. Знание, воля и блаженство одной души не будут противопоставлять себя знанию, воле и блаженству другой, так как будут осознавать свое единство, и на смену всему тому, что у человеческих существ, страдающих отсутствием цельности, было конфликтом, противоборством, разладом, придет игра разнообразно взаимодействующих душ-мелодий, совместно звучащих гармонией бесконечной полифонии.

В своих отношениях со своим высшим «Я», с Богом, божественная душа будет испытывать чувство единства трансцендентного и универсального Божественного с собственным существом. Она будет переживать радость единения с Богом в своей собственной индивидуальности и в других «я» во вселенной. Ее отношения знания будут исчерпываться игрой божественного всеведения, ибо Бог есть Знание, а все, что составляет в нас элемент неведения, есть следствие определенного удержания Знания в покое самосущего сознания с тем, чтобы проявились и подверглись воздействию Света некоторые формы этого самосознания. Отношения воли божественной души будут исчерпываться игрой божественного всемогущества, ибо Бог есть Сила, Воля и Энергия, а все, что составляет в нас элемент слабости, есть сдерживание воли в неподвижной концентрации силы, причем конкретные формы божественной сознания-силы могут обрести свое проявление и выражение как манифестация этой Силы. Отношения любви и блаженства божественной души будут исчерпываться игрой божественного экстаза, ибо Бог есть Любовь и Блаженство, а все, что представляет в нас отрицание любви и блаженства, будет сокрытием радости в тихих водах Блаженства, причем конкретные формы божественного единства и радости могут всплыть на восходящей волне океана Благодати. Поэтому все формы становления божественной души будут формами проявления божественного бытия; и то, что представляется нам как прекращение существования, смерть и уничтожение, будет лишь отдыхом, промежуточным состоянием — воздержанием от радости созидающей Майи в вечном бытии Сатчитананды. В то же время это единство не будет исключать иных отношений божественной души с Богом, с высшим «Я», отношений, источник которых — радость различия, отделяющего себя от единства, чтобы насладиться этим единством в другом виде. Эти отношения не помешают испытывать радость и наслаждение от общения с Богом в любых формах — до самых возвышенных, то есть тех экстатических состояний, которые обретает любящий Бога и возлюбленный Им, оказываясь в божественных объятиях при полном единении с Ним.

Но при каких условиях сможет реализоваться в жизни эта природа божественной души? Всякий опыт каких бы то ни было отношений основан на определенных силах бытия, выражающих себя с помощью определенного инструментария, который мы называем свойствами, качествами, способностями, действиями. Разум, например, принимает

различные формы разумной силы, такие как суждение, наблюдение, память, симпатия. Точно так же Сознание-Истина, или Супраментал, наполняет отношения одной души с другой с помощью свойственных Супраменталу сил и качеств. В противном случае не было бы никакой игры разнообразия и многообразия. Что собой представляют эти супраментальные проявления, мы увидим, когда перейдем к рассмотрению психологии божественной жизни. Теперь же мы заняты разбором только ее метафизической основы, ее природы и принципов. Достаточно пока будет отметить, что отсутствие или устранение эгоизма, как источника обособленности и разобщенности, а также раздробленности сознания есть единственное и главное условие божественной жизни, в то время как их присутствие в нас является причиной смерти и отпадения от Божественного. Это есть наш «первородный грех» или, выражаясь языком философов, отклонение от беспредельной Истины Духа и Его Закона, от его единства, целостности и гармонии, с необходимостью вызвавшее великое падение в бездны Неведения — источника трудных и сложных путей души в этом мире, лона, породившего страдающее и стремящееся к лучшей доле человечество.

ГЛАВА XVIII

Разум и Супраментал

Он понял, что Разум есть Брахман.

*Тайттирия Упанишада*¹

Нераздельный и вечный — среди тварей представляется
Он разделенным.

*Бхагавадгита*²

КОНЦЕПЦИЯ, которую мы пытаемся развить, пока касалась лишь сущности и основ супраментальной жизни, которой наделена божественная душа, целиком и полностью погруженная в бытие Сатчитананды. Но человеческая душа должна воплотить эту концепцию в теле Сатчитананды, созданном в нашем мире из ментального и физического материала. Однако супраментальное бытие в том виде, как мы его до сих пор рассматривали, не имеет, как кажется, никаких точек соприкосновения с нашей теперешней жизнью, обретающейся между двумя полюсами — разумом и материей. Супраментальное существование можно, скорее, вообразить как состояние бытия и сознания, состояние активных взаимодействий и взаимно радостного общения, которое испытывают оставившие плоть души, попав в мир, где отсутствуют физические формы, где все различия — различия душ, но не тел, мир активных и радостных беспредельностей, а не порабощенных формой духов. Поэтому мы вправе с полным основанием усомниться в том, что такая божественная жизнь возможна при тех ограничениях заключенной в форму плоти — тела, при тех ограничениях разума, связанного той же формой, и, наконец, ограничениях силы, также находящейся в тисках формы, которые при-сути существованию, называемому нами жизнью.

Фактически, мы пытаемся прийти к концепции высшего бесконечного бытия, сознания-силы и себе довлеющего блаженства, творением которых и является наш мир, а наш разум — их искаженным отражением. Мы пытаемся представить себе, что такое эта божественная

¹ III.4.

² XIII.17.

Майя, эта Сознание-Истина, эта Идея-Реальность, с помощью которых сознательная сила трансцендентного и универсального Бытия созидает и управляет вселенной, космосом, всем устроением своего проявленного блаженства бытия. Но мы не рассмотрели, каким образом связаны эти великие божественные принципы с тремя составляющими всякого человеческого опыта — разумом, жизнью и телом. Мы не подвергли рассмотрению другую, по видимости, небожественную Майю, которая является причиной всех наших трудностей и страданий в усилиях достичь цели; мы не проследили, каким образом она развивается из божественной реальности или божественной Майи. И пока мы этого не сделаем, пока не восстановим все недостающие звенья цепи, этот мир останется необъяснимым, что будет питать наши сомнения в возможности соединения высших сфер бытия с нашим низшим уровнем сознания. Мы знаем, что наш мир своим происхождением обязан Сатчитананде, а существованием погружен в Его существо. Мы чувствуем, что Он пребывает в мире как Знающий его и им Наслаждающийся, как Господь и высший Дух, видим, что наши чувства, разум, жизненные силы, наше бытие с присущим им дуализмом мировосприятия и самовыражения могут служить лишь некоторым отражением Его наслаждения, Его сознательной силы, Его божественного бытия. И может показаться, будто они до такой степени противоположны Его божественной реальности, что в пределах низшей триады бытия и дуального мира полярных противоположностей мы не в состоянии достичь божественной жизни. Нам следует для этого либо возвысить свою жизнь до высшего состояния, либо пожертвовать физическим телом ради чистого бытия, жизнью — ради сознания-силы, чувствами и разумом — ради блаженства и знания, присущих истине духовной реальности. Но не значит ли это, что нам все же придется оставить наше земное и ограниченное ментальное существование ради того, что является его противоположностью, — чистого состояния Духа или мира Истины, если таковой существует, или ради других миров божественного Блаженства, божественной Энергии, божественного Бытия, если только они есть на самом деле? В таком случае совершенство человечества лежит за пределами самого человека; кульминацией нашей земной эволюции будет та ступень умственного развития, когда разум устраняется в результате резкого скачкообразного перехода в состояние некоего лишнего форм бытия или в миры, вовсе недоступные воплощенному разуму.

Но в действительности все, что мы называем небожественным, может быть только плодом деятельности четырех божественных принципов, деятельности, необходимой для созидания нашей вселенной как вместилища проявленных форм. И эти формы созданы, стало быть, не вне, а в недрах божественного бытия, сознания-силы и блаженства, они возникли не помимо творческой работы Идеи-Реальности, но как ее продукт. Поэтому нет никаких оснований полагать, что не может быть никакой реальной игры высшего божественного сознания в мире проявленных форм или что проявленные формы, поддерживающее их ментальное сознание, энергия витальной силы и наполняющая их субстанция должны непременно искажать и извращать то, что они собой выражают. Возможно и даже вполне вероятно, что разум, жизнь и тело в своем чистом виде окажутся причастными божественной Истине, являясь производными деятельности ее сознания и составляющими инструментария созидающей высшей Силы. Тогда разум, жизнь и тело должны быть способны к божественной жизни; их форма и функционирование в этом относительно кратком периоде времени, являющемся, вероятно, всего лишь одним из циклов земной эволюции, о которой нам известно благодаря также и Науке, отнюдь не обязательно представляют собой полную реализацию всех их потенциальных возможностей. Их деятельность такова, какова она есть, поскольку по определенным причинам они оказались отчужденными в сознании от божественной Истины, которая является их источником. И если это отчуждение будет однажды преодолено Божественным, возрастающим воздействием Его энергий, охватывающим все большие человеческие массы, то их деятельность в ее нынешнем виде может быть с успехом и притом естественным образом — в ходе развития, эволюции высшего порядка — преобразована и приведена к тому чистому состоянию, которое им и присуще, когда они целиком погружены в Сознание-Истину.

В этом случае возможным станет не просто проявление божественного сознания на уровне человеческого разума, жизни и тела: божественное сознание сможет, в конечном счете, перестроить разум, жизнь и тело по совершенному образу своей вечной Истины и утвердить свое царство на земле не только в душе, но и субстанционально. Первая, внутренняя, победа уже одержана на земле — в той или иной мере — если не всеми, то многими. Вторая — трансформация внешнего инструментария — даже если и не была никогда осуществлена в прошлом

и у нас нет урока на будущее, хранимого в подсознательной памяти земной природы, то тогда уготовлена человечеству как победоносное достижение Бога в человеке. Наша земная жизнь вовсе не обречена навсегда оставаться неизменным коловращением полумук и полурадостей, сопровождающих наше существование, полное напряженной борьбы и усилий; ей предстоит изведать свершение божественного промысла и познать славу и радость воплощенного на земле Бога.

Что́ есть Разум, Жизнь и Тело в своих высших первоистоках и чем, следовательно, они должны быть в совершенной полноте божественной манифестации, когда ими движет истина и обособленность и неведение не отделяет их от нее, как это происходит в нашей жизни, — вот та проблема, которую предстоит нам теперь рассмотреть. В этих высших первоистоках они уже обладают тем совершенством, к которому мы стремимся в нашей земной жизни. Стремимся, будучи пока лишь первым, еще очень стесненным, проявлением Разума, эволюционирующего в Материи, будучи связанными условиями и последствиями той инволюции духа в материальные формы, тем нисхождением Света в собственную тень, что дали рождение материальному — и вначале омраченному — сознанию физической Природы. Всякое совершенство, в направлении которого мы развиваемся, конечные цели нашей эволюции уже содержит в себе божественная Идея-Реальность как сознательные и определенные формы. Это предсуществование в божественном знании есть то, что наш человеческий разум именует Идеалом, к которому стремится. Идеал — это вечная Реальность, которую мы еще не реализовали на уровне нашего собственного бытия. Идеал не есть нечто несуществующее для Предвечного, Божественного, несуществующее — поскольку остается для Него пока еще неизвестным, и только нам, существам несовершенным, открывшееся, пусть и в мимолетных видениях, и ставшее для нас целью, достойной воплощения.

Разум поначалу предстает властителем нашего человеческого существования, но властителем в цепях и узах. Разум, по существу, представляет собой сознание, которое измеряет, взвешивает, разграничивает и выделяет отдельные вещи и формы из неделимого целого, рассматривая каждую обособленную таким образом вещь как самостоятельное целое. И даже с тем, что с очевидностью является частью, фрагментом некоего целого, разум, следуя свойственному ему обыкновению, устанавливает такого рода иллюзорные отношения, как если бы он имел дело с неким вполне обособленным, самостоятельным

объектом, а не частью от целого. И даже если разум знает, что конкретная форма не является вещью в себе, он не может не воспринимать ее именно как таковую, в противном случае он не сможет применить по отношению к ней методы своей обычной деятельности. Это основополагающее свойство разума обуславливает его функциональную активность, касается ли это формирования понятий и концепций, чувственного восприятия или же творчества созидающей мысли. Во всей этой деятельности разум исходит из того, что любой рассматриваемый им объект вполне обособлен от всего сущего, от общей массы вещей, являясь некой субстанциональной единицей, которой он в своем роде обладает и которая служит предметом его творческих изысканий. Таким образом, разум всегда имеет дело с многообразием объектов, каждый из которых выступает для него обособленным целым, является составной частью другого целого; эти производные части, в свою очередь, дробятся на еще более мелкие, которые также рассматриваются разумом как отдельные законченные по своей природе вещи, предназначенные для определенных целей. Разум способен лишь делить, умножать, складывать, но за пределы этой арифметики выйти не в состоянии. Если же он стремится преодолеть эти ограничения в попытках восприятия реального целого, то он «теряет себя» в чуждой среде. Он отрывается от своей собственной почвы и тонет в океане непостижимого, в бесконечных безднах, где для него нет ни понимания, ни восприятия, ни ощущения, где он не в состоянии обращаться с объектами как с предметами удовольствия или творчества. Если иногда и представляется, будто бы разум способен использовать свои средства и способности в отношении бесконечности, в результате чего она будто бы становится доступной ему, то это лишь по видимости так и, в действительности, разум формирует не более чем некое представление о бесконечном. Все, чем обладает разум в этом случае, есть лишь некая бесформенная безбрежность, но не реальная внепространственная бесконечность. Как только разум пытается приблизиться к постижению бесконечности и овладеть ею, он сразу же обнаруживает свою неизменную склонность к разграничению всего и вся и начинает оперировать образами, формами и словами. Разум не может владеть бесконечностью, но может переживать ее или отдаваться ей. Единственное, что ему дано, — это ощущать свою блаженную беспомощность, находясь в тени, отбрасываемой Реальностью с недоступных для разума высот сознания. Обладание бесконечностью и познание ее возможно

только достижением супраментальных планов бытия и пассивного подчинения разума вестникам Реальности Сознания-Истины, ниспосылаемых ему.

Это основное свойство разума и сопутствующее ему ограничение составляют его истину, определяя подлинную природу и сферу действия разума, *svabhāva* и *svadharma*. Такова божественная печать, отводящая разуму соответствующее место в ряду инструментальных средств высшей Майи — место, определяемое тем, что он есть по своему происхождению, обусловленному промыслом Самосущего. Согласно отведенной ему роли и месту, дело разума — выражать бесконечное конечными средствами, разделяя, ограничивая, отмеряя. Именно так он и функционирует на уровне нашего сознания, функционирует весьма эффективно, оставаясь, однако, совершенно не чутким к подлинному содержанию бесконечного. Поэтому разум является средоточием великого Неведения, ибо он есть орудие изначального разделения и двойственности; его даже ошибочно принимали за причинную основу вселенной и за божественную Майю. Но божественная Майя объемлет Видью и Авидью, Знание и Неведение. Очевидно, что, поскольку конечное есть лишь некое обличье бесконечности, результат ее действия, поскольку оно существует только благодаря бесконечности, в ней и с ней в качестве своего рода фона, формируется ее субстанцией и деятельностью ее силы, то должно существовать изначальное сознание, вмещающее одновременно и конечное, и бесконечность и охватывающее все отношения одного с другим. В этом сознании отсутствует неведение, ибо бесконечное ведомо ему и конечное для него не отделено от бесконечного как самостоятельная реальность. Однако существует определенный вторичный процесс разграничения — иначе не могло бы быть и речи о существовании мира — процесс, благодаря которому разделяющее и объединяющее сознание разума, дивергирующая и конвергирующая деятельность жизни, бесконечная дробимость и способность к самоагрегации, свойственные материальной субстанции — на основе единого принципа и посредством некоего исходного акта, — становятся данностью феноменального бытия. Этот вторичного порядка процесс, обусловленный извечным Свидетелем и Мыслителем, полностью осознающим и самого Себя, и все сущее, бесконечное в конечном, созидаемо Им самим, можно назвать божественным Разумом. Очевидно, что этот процесс должен занимать подчиненное, а отнюдь не независимое положение в деятельности Идеи-Реальности,

Супраментала и осуществляться посредством того, что мы описали как объективирующий аспект Сознания-Истины.

Это всеобъемлющее объективирующее сознание, Праджнана, как мы уже видели, рассматривает активные и формообразующие проявления неделимого Целого как процесс и объект творческого знания с помощью того же самого сознания Целого, которое выступает в качестве свидетеля и наблюдателя своей собственной деятельности. Это можно сравнить с тем, как поэт созерцает творения своего сознания, как если бы они были чем-то отличным от него самого, когда на самом деле все созданные им образы есть не более чем производные от его существа формы, неотделимые от их создателя. Таким образом, Праджнана вводит основополагающее разделение, образующее парное начало — Пуруша и Пракрити, сознательный дух, созидающий своим видением, и Сила Души, или Природная Душа, выступающая как знание и видение Пуруши, его сознание и энергия. И Пуруша, и Пракрити есть одно Существо, одно бытие, созидающее многообразие форм, воспринимаемых Пурушей как Знание Знающим и как Сила — Творцом. Последнее действие этого всеобъемлющего сознания выражается в том, что Пуруша в сознательном самопростирании своего существа, присутствуя в каждой его точке, равно как и в собственной тотальности, в каждой своей отдельной форме, созерцает целое как нечто отчужденное для каждой избранной точки зрения и управляет отношениями каждой воплощенной души с другими душами с позиции воли и знания, присущих каждой отдельной форме.

Таким образом, дробность и обособленность обретают статус бытия. Во-первых, бесконечность Единого выражает себя в протяженности Времени и Пространства; во-вторых, вездесущность Единого в этой самосознательной протяженности проявляется в многообразии сознательных душ, во множестве Пуруш, если формулировать в терминах учения Санкхьи; в-третьих, множественность воплощенных душ выступает как некое расчленение, распределение протяженного единства. Это распределение становится неизбежным, поскольку множественные Пуруши не создают своих собственных отдельных миров, не располагают своей собственной Пракрити, созидающей отдельные вселенные, но вкушают наслаждение в единой Пракрити, ибо являются лишь воплощенными душами Единого, управляющего бесчисленными созданиями Своей силы. Тем не менее, проявленные души вступают друг с другом в определенные отношения в едином мире,

созданном одной и той же Пракрити. Пуруша в каждой отдельной форме полностью отождествляет себя с ней во всех отношениях. Он ограничивает себя каждой конкретной формой, объективируя в своем сознании другие формы как содержащие его иные «я», тождественные ему по бытию, но отличные по отношениям, по масштабам, по своеобразию деятельности, по восприятию единой субстанции, силы, сознания, блаженства, что и раскрывается каждой проявленной формой в каждый отдельно взятый момент Времени и в каждой точке Пространства. Несмотря на то, что в божественном абсолютно самосознательном Бытии это не создает никаких связывающих ограничений и сковывающих душу привязанностей к внешним формам, подобных привязанности человека к своему телу и ограничениям, вызванным деятельностью его эго, делающим нас рабами конкретных проявлений своего сознания во Времени и Пространстве, все же в отдельные моменты наблюдается свободное самоотождествление божественной души с формой, которое удерживается от жесткой привязанности к обособленности и временной протяженности лишь непреходящим самосознанием души.

Таким образом достигается свойство множественности бытия; устанавливаются отношения между одной формой и другой, одной волей к бытию и другой, одним знанием и другим, как если бы это были отдельные, самостоятельные формы воли, знания. Но все это — именно «как если бы», ибо божественная душа не заблуждается и осознает все явления бытия, неизменно сохраняя в своем существовании утвержденность в реальности и не утрачивая своего единства с ней: она использует разум как деятельность производную от бесконечного знания, ее способность различения и определения вещей подчинена осознанию бесконечности, ее способность устанавливать пределы и границы зависит от осознания изначального единства, которое не является простой суммой множества, как это видится Разуму. Таким образом, реально никаких границ не существует. Душа использует силу различения — свою способность вычленять части из целого — для того, чтобы осуществлялась игра вполне определенных форм и энергий, но сама ни в коей мере не используется этой силой.

Поэтому необходим новый фактор, новое действие сознательной силы, чтобы создать такое состояние разума, когда его функционирование связано ограничениями как неким неотъемлемым свойством, в противоположность разуму, способному принимать ограничения

произвольным образом, — иначе говоря, разума, впавшего в зависимость от собственной деятельности и поэтому заблуждающегося, в противоположность разуму, управляющему своей деятельностью и осознающему ее подлинную сущность, разума-креатуры в противоположность разуму божественному. Этот новый фактор есть Авидья, способность «О-себе-незнания», отделяющая деятельность разума от деятельности Супраментала, который является первоисточником разума и опосредованно управляет его деятельностью. Отделенный таким образом от своей первоосновы, разум способен воспринимать лишь частное, а не универсальное, и оперировать только частностями, будучи не в состоянии охватить одновременно универсальное и частное как явления Бесконечного. Таким образом, ограниченный разум рассматривает каждое явление как вещь в себе, как отдельную часть целого, которое, в свою очередь, есть часть другого целого, наращивая до бесконечности составляющие компоненты и не приближаясь при этом к подлинной бесконечности.

Разум, будучи проявлением Бесконечности, бесконечно занят анализом и синтезом. Он разделяет бытие на отдельные составляющие, каждая из которых принимается им за некое целое и которые дробятся затем на более мелкие компоненты, на атомы, а атомы, в свою очередь, на некие «первичные» элементарные частицы, и кажется, будь это возможным, с помощью подобных операций он и эти последние попытался бы свести к полному «ничто». Но разум не может этого сделать, поскольку за этой операцией деления стоит спасительное супраментальное знание, сознающее каждый объект, каждый атом как концентрацию единых и всеобъемлющих силы, сознания, бытия, таким образом представляющих себя в феноменальных формах. Разложение разумом единого целого на бесконечно малые составляющие, ведущее к бесконечному ничто, является для Супраментала лишь возвращением самососредоточенного сознания-бытия от феноменального уровня существования к бесконечному. Каким бы путем ни следовало сознание Супраментала, путем бесконечного разложения или путем бесконечного расширения, оно приходит лишь к своему собственному бесконечному единству и вечному бытию. Когда действие разума сознательно подчинено знанию Супраментала, то разуму известна подлинная природа процесса, которая больше им не игнорируется. На самом деле нет никакого деления, а есть лишь бесконечная концентрация бытия в многообразных формах и разнообразных схемах отношений,

существующих между этими формами. На этом уровне разделение и обособленность есть только определенное — и притом вторичное — представление всего процесса в целом, необходимое для пространственно-временных взаимодействий. Никакое деление до мельчайшего атома и никакое синтезирование до целых миров и гигантских систем никогда не позволит получить некую вещь в себе. Все сводится только к формам проявления Силы, которая одна обладает реальностью. Все остальное реально только как себя-образы или себя-формы вечной Сознания-Силы.

Каковы же причины возникновения и каково происхождение порождающей ограничения и обособленность Авидьи, отпадения разума от Супраментала и, как следствие, самой идеи о раздробленности и обособленности в бытии как о реальности? Какое искажение супраментала и его функционирования привело к этому? Исходную причину следует искать в позиции индивидуализированной души, рассматривающей и оценивающей все окружающее лишь со своей точки зрения, исключаяющей все прочие. Другими словами, такое положение вещей возникает в результате исключительной концентрации сознания, исключительного самоотождествления души с конкретной пространственно-временной деятельностью, которая является составной частью ее собственной игры бытия. Истоки идеи о самосушей раздробленности следует искать в том, что душа игнорирует факт своего единства со всеми окружающими; отделяет свою деятельность от деятельности других, свое состояние бытия и сознания от состояния бытия и сознания других, утверждая эту обособленность для каждого конкретного действия в данный момент Времени и в конкретной точке Пространства, а также для той конкретной формы, в которую она облекает саму себя. Она целиком сосредоточена лишь на определенном моменте времени, на сопутствующем ему окружении, форме, действии, со всем остальным связь утрачивается и ее приходится восстанавливать, объединяя в последовательность отдельные моменты времени, отдельные точки пространства, отдельные формы и действия в пространстве и времени. Очевидно, что душой утеряна истина, утверждающая неделимость Времени, неделимость Силы и Субстанции. Для души уже более не очевиден тот факт, что разум на всех индивидуальных уровнях — это единый Разум, занимающий различные позиции и точки зрения в зависимости от воплощенной формы; все проявления жизни — это одна Жизнь, развивающаяся во многих направлениях, все

физические формы и тела — это одна субстанция Силы и Сознания, сконцентрированная в различных по внешнему виду стабильных образованиях силы и сознания. На самом же деле эти по видимости стабильные образования порождаются отдельными постоянно поддерживающимися вихреподобными движениями-сгущениями, воспроизводящими форму и способными при этом модифицировать ее. Разум пытается втиснуть все в жестко заданные формы и в рамки неизменяемых внешних факторов. Только когда ему это удастся, он получает — по крайней мере, так ему кажется — то, что ему надо, в противном случае он неспособен к действию. В действительности, все сущее представляет собой постоянно изменяющийся и обновляющийся поток, в котором отсутствуют жесткие формы и неизменяемые внешние факторы. Устойчива одна лишь вечная Идея-Реальность, поддерживающая определенное упорядоченное постоянство образов и отношений в потоке вещей, постоянство, которое безуспешно пытается имитировать Разум, наделяя неизменным характером то, что изменчиво по своей природе. Разуму предстоит заново открыть для себя эти истины; вообще они уже известны ему, но в удаленных глубинах сознания, в скрытом свете его существа. Но этот свет для него оборачивается мраком, ибо порождает неведение; поскольку от ментальности, наделенной способностью к различению и разграничению, он перешел к ментальности раздробленной, оказавшись в зависимом состоянии от собственной деятельности и созданий.

Это неведение еще более усугубляется в человеке его самоотождествлением с телом. Нам кажется, что разум целиком зависит от физического тела, поскольку он поглощен заботами о теле и его функционировании, — то есть все то, что используется им для поверхностно-созидательной деятельности в грубом материальном мире. Постоянно используя функции мозга и нервов, которые разум развил и усовершенствовал в физическом теле, он всегда остается чересчур поглощенным деятельностью этого физического инструмента и данными, им доставляемыми, чтобы обращать внимание на свои собственные, присущие только ему чистые проявления, которые сохраняются для него, главным образом, на подсознательном уровне. В то же время мы можем представить себе разум жизни, или существо жизни, в ходе эволюции преодолевшее необходимую ее стадию полной погруженности в материальное, поглощенности им одним и способное к видению и даже переживанию опыта последовательной миграции из одного

тела в другое, к осознанию того, что его существование не обусловлено одним лишь телом, что оно не рождается с ним и не прекращает своего бытия с его распадом, ибо все это относится не ко всему ментальному существу в целом, а только лишь к «отпечатку» последнего в материи, телесной ментальности. Телесный разум, доступный физическому опыту, есть лишь внешнее, поверхностное проявление ментального существа. За ним, даже в нашем воплощенном физическом существе, скрывается подсознательный или сублиминальный разум, не ограничивающий себя пределами физического тела и в меньшей степени привязанный к материальному действию. Именно ему мы обязаны глубоким и непосредственным динамическим действием поверхностного разума. Внутреннее ментальное существо, когда мы начинаем осознавать его и чувствовать на себе его влияние, дает нам первое представление о душе, или внутреннем существе, Пуруше¹.

Но подобного рода витальная ментальность, хотя и дает нам возможность почувствовать себя свободными от уз тела, не освобождает нас от ограничений разума, поскольку остается в сфере и пределах изначального неведения, которое является призмой для индивидуальной души, преломляющей всю истину окружающих ее вещей в свете ее обособленного временного и пространственного сознания, имеющего в своей основе весь прошлый и настоящий опыт этой души. Душа не осознает присутствия других «я» как собственно своего; она воспринимает их существование только посредством таких внешних проявлений, как мысли, речь, действия и их результаты, или более тонких витальных воздействий и отношений, которые не ощущаются непосредственно физическим существом.

В равной мере душа не осознает и саму себя, поскольку воспринимает и познает себя только в категориях Времени и в последовательной чередой сменяющихся друг друга жизней, в ходе которых она использовала по-разному данные ей — в мире воплощенного — энергии. Подобно тому как нашему физическому разуму присуща иллюзия в отношении тела, точно так же подсознательному разуму присуща иллюзия в отношении жизни, на которой он сосредоточен и поглощен ею, отождествляет себя с ней и ограничен ею. Здесь мы еще не находим точки соприкосновения разума и Супраментала, которая являлась бы одновременно и точкой их разграничения.

¹ Воспринимаемое как витальное существо, *prāṇataya puruṣa*.

Но существует еще одна ментальная сфера за пределами динамического витального разума, способная избежать поглощенности жизнью и рассматривать саму себя как образование, принимающее тело и жизнь с целью внешне, на уровне активных энергетических отношений выразить то, что воспринимается этим типом ментальности на уровне воли и мысли. Она является источником чистого мышления в нас; она познает разум сам по себе, как таковой, и воспринимает окружающий мир не с позиций жизни и тела, но с позиций разума. Эту ментальную сферу¹ мы можем ошибочно принимать за чистый дух, так же как динамический разум принимаем за душу. Этот высший разум способен воспринимать и вступать в отношения с другими душами, как иными проявленными формами своего чистого «я». Он в состоянии чувствовать их исключительно на ментальном уровне, без посредства витальных или физических проявлений; способен усвоить ментальный образ единства, а в своей деятельности и волеизъявлении может непосредственно творить и созидать как на уровне своего собственного бытия и жизни, так и на уровне разумного бытия других форм. Но даже этой чистой ментальной сфере присущи ошибки и ограничения разума в целом, поскольку в качестве судьи и наблюдателя, центра вселенной она рассматривает свое ментальное «я», с помощью которого стремится обрести свою высшую реальность. Все остальные существа и формы расцениваются как «другие» и находятся в подчиненном отношении к собственному «я». Для обретения же свободы приходится оставить и жизнь, и разум, чтобы раствориться в реальном единстве. Все это объясняется тем, что по-прежнему сохраняется завеса, сотканная Авидьей между ментальной и супраментальной деятельностью. Через эту завесу способны проникать лишь образы Истины, но не сама Истина.

Разум сможет добраться до Истины вещей только тогда, когда завеса Авидьи рухнет, а он сам, безмолвный, пассивно-послушный к воздействию супраментального, наполнится его содержанием и превратится в рефлексивно-просветленную ментальность, в совершенное орудие божественной Идеи-Реальности. Только тогда мир будет для нас действительно реален, мы будем в мельчайших подробностях знать самих себя в других людях и знать других, как самих себя, и всё вместе будем воспринимать как универсальное Единство, являющее себя как

¹ Ментальное существо, *manomaya puruṣa*.

множество. Мы перестанем упорствовать в своей приверженности глубоко индивидуалистической обособленности, что является источником ограничений и ошибок. Но в то же время для нас станет очевидным, что все, принимаемое разумом по своему неведению за истину, и в самом деле является истиной, но истиной искаженной и ложно истолкованной. По-прежнему сохраняя способность воспринимать расчлененность и двойственность, индивидуализацию и атомарность в строении мира, мы видим во всем сущем и в себе самих то, чем мы являемся на самом деле. Таким образом мы постигаем, что Разум есть всего лишь нечто производное от деятельности Сознания-Истины, его орудие. Пока Разум не отделяет себя в своем самовосприятии от всеобъемлющего изначального Сознания и не пытается создать для себя свой собственный мир, пока он служит пассивным инструментом этого Сознания и не стремится к удовлетворению своих собственных интересов, он, исполненный света, наилучшим образом справляется со своими функциями, которые сводятся к установлению, определению в Истине и по Истине различных форм в мире феноменов посредством чисто формальной операции — разграничения и различения этих форм по роду их деятельности, при этом постоянно сохраняется связь со скрытой за всем этим сознательной и нерушимой универсальностью бытия. Разум предназначен к восприятию истины вещей и к определению ее для каждого отдельного объекта в соответствии с непогрешимым видением универсального Ока и Воли. Он должен поддерживать индивидуализацию активного сознания, блаженства, силы и субстанции, черпающие свою энергию и радость, связь с реальностью из непреходящей универсальности. Он должен превращать множественность Единого в видимое многообразие, вследствие чего устанавливаются разнообразные отношения между объектами, предполагающие возможность как противостояния, так и объединения. В нем должно обрести свой источник блаженство, вызываемое как обособленностью, так и взаимодействием, имеющими своим вместилищем вечное единство и взаимопроницаемость. Он должен позволить Единому вести себя так, как будто Он есть личность, вступающая в отношения с другими личностями, сохраняя при этом Свое собственное единство, что на самом деле и происходит в мире. Разум есть финальное проявление всеобъемлющего — в его объективирующем аспекте — Сознания-Истины, которое делает все это возможным, а то, что мы называем Неведением, не создает ничего нового и не является абсолютной

ложью, но есть лишь искажение Истины. Неведение есть Разум, отделенный в знании от своего источника знания и придающий жесткую заданность и ложную видимость противоречия и конфликта гармоничной игре высшей Истины в ее универсальном проявлении.

Основополагающая ошибка Разума — это утрата им подлинного самосознания, в результате чего индивидуальная душа ощущает свою индивидуальность как отдельный и обособленный факт, а не как форму проявления Единства, и помещает себя в центр своей собственной вселенной, вместо того чтобы осознавать себя как концентрацию универсального. Всевозможные ограничения и заблуждения разума есть следствие этой изначальной его ошибки. Ибо, воспринимая доступный ему поток вещей, пропуская его через себя и рассматривая его лишь одним способом, разум вводит ограничение бытия, из которого следует ограничение сознания, а отсюда и знания, ограничение сознательной силы и воли, а стало быть, и энергии, ограничение для-себя-радости, а значит, и блаженства. Разум осознает и познает вещи лишь по мере того, как они предстают перед ним и воспринимаются им как индивидуальным образованием; все остальное для разума оказывается как бы несуществующим. Отсюда следует ложное представление даже о том, что он полагает познанным: поскольку все бытие взаимосвязано и взаимозависимо, для правильного познания части необходимо знание целого, всеобщей сущности. Игнорирование этой истины — одно из серьезных заблуждений, свойственных всему человеческому знанию. Точно так же наша воля, не ведающая всеобщей воли, непременно должна страдать заблуждением в своей деятельности и, в большей или меньшей степени, — бессилием и непродуктивностью. Наслаждение, которое душа находит в себе и во внешних объектах, не обрета знания о всеобщем блаженстве и по недостатку воли и знания невластное в собственном мире, не способно пережить блаженство полного обладания всем доступным, а значит омрачается страданием. Поэтому незнание своего подлинного «я» есть корень извращенности нашего существования; эта извращенность, в свою очередь, выражается в самоограничении, или эгоизме — своеобразной форме этого незнания.

В то же время все неведение, вся эта извращенность есть лишь искажение истины и правильного порядка вещей, это не игра абсолютной лжи. Это следствие того, что Разум воспринимает мир вещей как мир, где господствуют разобщенность, раздробленность, обособлен-

ность, *avidyāyām antare*, вместо того чтобы видеть самого себя и такое свое восприятие мира как орудие игры истины Сатчитананды. Если разум вернется к изначальной истине, он вновь обретет статус финального действия Сознания-Истины в его всеобъемлющем объективирующем аспекте, а те отношения, которые он помогает создавать на этом уровне света и силы, будут не извращенными отношениями, но отношениями Истины. Его пути станут прямыми, а не извилистыми, как сказано в писаниях ведических риши. Другими словами, они будут выражением Истин божественного бытия, обладающего само- и всевластным сознанием, волей и блаженством и гармоничным само- и в-себе-движением. Теперь же мы скорее наблюдаем зигзагообразное движение разума и жизни, противоречия, вызываемые борьбой души, утратившей память о своем истинном бытии и стремящейся вернуть его себе, рассеять все заблуждения и обрести истину, которую ограничивают или искажают все наши истины и все наши заблуждения, все наши правды и все наши кривды; обратить неспособность в могущество, за которое мы боремся и нашей силой, и нашей слабостью, страдание — в блаженство, которое судорожно пытается ухватить наша радость и боль, смерть — в бессмертие, которое есть цель всех усилий жизни и смерти, направленных на обладание полнотой бытия.

ГЛАВА XIX

Жизнь

Энергия праны дает жизнь всему живому; ибо прана есть универсальный принцип жизни.

Тайттирия Упанишада¹

ТЕПЕРЬ мы знаем, что представляет собой Разум, наивысший из трех низших принципов, составляющих человеческое существование, в его божественном происхождении и как он связан с Сознанием-Истиной. Разум — это особое действие божественного сознания или, скорее, завершающий этап его творческого процесса. Разум позволяет Пуруше вводить разграничения в отношениях своих различных форм и сил. Он создает феноменальные различия, которые для души, отпавшей от Сознания-Истины, принимают видимость резко отличительных особенностей. Это изначальное искажение делает Разум источником всех последующих извращений, воспринимаемых нами как противоречивые явления, присущие жизни Души на уровне Неведения. Но до тех пор, пока Разум не обособляется от Супраментала, он поддерживает не извращения и ложь, а разнообразные проявления универсальной Истины.

Таким образом, Разум предстает перед нами как созидательная космическая энергия, что противоречит нашему обычному впечатлению от своей ментальной деятельности. Как правило, мы рассматриваем разум в качестве органа восприятия, фиксирующего то, что уже было создано Силой в Материи. Единственная творческая роль, которую мы признаем за разумом, сводится к тому, что он выполняет функцию вторичной перегруппировки уже готовых форм, созданных Силой на уровне Материи. Но знание, к которому мы теперь пришли и которое подтверждается последними научными открытиями, свидетельствует о том, что на уровне этой Силы и Материи действует подсознательный разум. Его действие проявляется сначала в формах жизни, а затем в формах самого разума в первую очередь на стадии сознания растительной и элементарной животной жизни, а затем на стадии сознания

¹ П.3.

уже все более совершенного животного и человека. И, как мы уже видели, Материя есть лишь субстанциональная форма Силы; точно так же мы приходим к тому, что материальная Сила есть лишь энергетическая форма Разума. Фактически материальная Сила есть подсознательное проявление Воли, которая действует в нас в том, что представляется нам светом, хотя в действительности это не более чем полусвет; Воля и та же материальная Сила, проявляющаяся в том, что мы считаем мраком неведения, обе они по существу есть одно и то же, что всегда инстинктивно предчувствовала материалистическая мысль и что давно уже открыло для себя духовное знание. Поэтому можно сказать, что материальный мир создан подсознательным Разумом, или Интеллектом, и его движущей силой — Природой, или Праkritи.

Но поскольку Разум, как мы уже выяснили, не является независимой и самостоятельной сущностью, а представляет собой лишь окончательное проявление Сознания-Истины или Супраментала, то там, где есть Разум, должен быть и Супраментал, который и есть реальная творческая сила универсального Существования. В проявлениях Разума всегда прослеживаются отголоски его первоисточка, даже если он от него и оторван в своем собственном омраченном сознании. Этот чистый первоисток заставляет все функции Разума поддерживать правильные отношения, выявляя неизбежные и скрытые в них следствия, доводя до правильного завершения правильно начатое дело; он обращает даже самые мрачные и инертные проявления Разума, такие как материальная Сила, в мир Закона, порядка и правильных отношений, препятствуя возникновению хаоса и воцарению власти случая. Конечно, этот порядок и правильные отношения могут носить лишь относительный характер, а не высший и абсолютный, который мог бы восторжествовать, если бы Разум не был отделен в своем сознании от Супраментала. Относительный порядок соответствует действию разделяющего Разума и порождаемого им мира противоположностей и противостоящих полюсов одной Истины. Божественное Сознание, породив из себя Идею своего двойственного обличья, выводит отсюда в идее-реальности и в субстанции жизни свою собственную низшую истину или неизбежный результат многообразия отношений. Ибо, с точки зрения божественного Знания, такова природа Закона или Истины в мире, который является выражением того, что содержится в существе, заключено в основе природы самой вещи, скрыто в ее самосущем бытии и самосущем законе, *svabhava* и *svadharmā*.

Говоря прекрасным языком Упанишад¹, раскрывающих в немногих словах глубокое знание, Самосуший, как мыслитель и провидец, ставшая всем сущим, расположил в Себе испокон веков все вещи в правильном порядке, в соответствии с тем, что они собой представляют по истине.

Как следствие, тройственный мир Разума-Жизни-Тела, в котором мы живем, является тройственным лишь на нынешнем этапе эволюции. Заключенная в Материи Жизнь возникла в форме мыслящей, сознательной жизни. Но Супраментал, который является источником и направляющей силой всех трех принципов и, в свою очередь, скрыт в них, также должен проявить себя. Мы пытаемся отыскать разум, заложенный в основе мироздания, поскольку разум в нашем представлении есть высший принцип, управляющий и объясняющий все творение и наши действия в этом мире. Поэтому, если и можно вообще говорить о наличии Сознания во вселенной, для нас это Сознание представляется в виде Разума, как Сознание ментального свойства. Но Разум лишь воспринимает, отражает и использует по мере своих способностей превосходящую его Истину бытия. Сила, стоящая за проявлениями Истины, должна представлять собой высшую форму Сознания, соответствующую этой Истине. Поэтому нам следует внести поправку в свои представления и считать, что этот материальный мир создан не Разумом, а Супраменталом, использующим Разум в качестве специального непосредственного орудия своего знания-воли, скрытого в подсознании на уровне силы и применяющего материальную Силу или Волю как реализующую и исполнительную энергию Природы, или Пракрити.

Но мы видим, что Разум здесь проявляется в виде Силы, которую мы называем Жизнью. Что же такое Жизнь? Как она относится к Супраменталу, к высшему триединому принципу Сатчитананды, действующему с помощью Идеи-Реальности, или Сознания-Силы? Какой из принципов Триады порождает Жизнь? Какая движущая сила божественного или небожественного свойства, связанная с Истиной или заблуждением, способствует возникновению Жизни? Жизнь есть зло, заблуждение, наказание, от которого следует спасаться бегством и искать убежища под покровом бесстрастного и вечного бытия. Из глу-

¹ *Kavir manisi paribhuh svayambhur yathatathyato r'than vyadadhat sasavatibhyah samabhyah.* — Иша Упанишада, стих 8.

бины веков доносятся и по сей день слышен отчаянный крик человечества. Но так ли это на самом деле? Было ли навязано это извечное зло самим Творцом или оно было вызвано к жизни Его ужасной Майей? И не является ли Жизнь определенным божественным принципом, силой Блаженства вечного бытия, вынужденной самовыражаться именно таким образом в рамках Пространства и Времени, в виде постоянно сменяющегося многообразия бесконечных форм проявления жизни, населяющих бесчисленные миры вселенной?

Изучая Жизнь в ее проявлениях на земле, где ее основой является Материя, мы видим, что она представляет собой одну из форм единой космической Энергии, динамическое движение, или поток, состоящий из положительных и отрицательных элементов, постоянную игру Силы, созидающей разнообразные формы и наделяющей их энергетическими импульсами, которые поддерживают в этих формах непрерывный процесс распада и обновления их субстанции. Эта картина должна убедить нас в том, что кажущаяся нам естественной противоположность жизни и смерти есть на самом деле заблуждение нашего разума, одно из ложных противопоставлений — ложных с точки зрения внутренней истины, но истинных с точки зрения поверхностного практического опыта, — которое по ошибке вносится разумом во вселенское единство. Помимо того, что смерть является жизненным процессом, она лишена какой-либо другой реальности. Разложение и обновление субстанции, поддержание и изменение формы — все это постоянные жизненные процессы. Смерть есть лишь быстрый распад, обусловленный необходимой потребностью жизни в изменении и в разнообразии ее внешнего опыта. Даже в смерти физического тела нет прекращения Жизни, а есть лишь прерывание одной из форм жизни, дающей материал для других жизненных форм. Точно так же мы можем быть уверены, что по единому закону Природы присутствующая в теле ментальная или психическая энергия не исчезает и не разрушается, а переходит в результате процесса метемпсихоза из одной формы в другую. Все обновляется и ничто не погибает.

В результате можно утверждать, что существует единая всепроникающая Жизнь или динамическая энергия, создающая многочисленные формы физической вселенной, причем материальное обличье есть лишь внешнее проявление Жизни, неистребимой и вечной; и даже если бы погибла вся вселенная, Жизнь все равно продолжала бы существовать и сохранила бы при этом способность к созданию новой

вселенной, что продолжалось бы до бесконечности, если бы только эта динамическая энергия не была остановлена какой-то высшей Силой. В таком случае Жизнь есть не что иное, как Сила, созидающая, поддерживающая и разрушающая проявленные формы в мире. Именно Жизнь воплощается в земных формах, таких, как растения, от земли получающие питание для своего развития, и животные, пожирающие и поглощающие жизненную силу растений или других животных, чтобы поддержать тем самым свое существование. Всякое существование здесь — это универсальная Жизнь, заключенная в материальную форму. Она может скрывать жизненные процессы за процессами физическими, прежде чем обнаружит себя на уровне субментальной чувствительности и ментализированной витальности, но при этом будет сохранен все тот же созидательный принцип Жизни.

Однако нужно сказать, что под «жизнью» мы подразумеваем нечто иное. Мы имеем в виду конкретный результат, произведенный универсальной силой, проявляющей себя только в животном и растении, а не в металле, камне или газообразном веществе и действующей на уровне животной клетки, а не на уровне физического атома. Поэтому, чтобы быть уверенными в правильности своих исходных аргументов, мы должны исследовать, в чем же конкретно заключается этот определенный результат игры Силы, который мы именуем жизнью, и чем он отличается от результата игры Силы в неодушевленных вещах, лишенных жизни. Нетрудно заметить, что здесь, на земле, существуют три сферы, в которых проявляется игра Силы: животное царство, к которому мы сами и принадлежим, растительное и, наконец, материальное, лишенное, по нашему убеждению, жизни. Чем отличается жизнь человека от жизни растения, а жизнь растения — от жизни неодушевленной материи, металла или минерала, или какого-нибудь химического соединения, открытого наукой?

Обычно, когда мы говорим о жизни, то имеем в виду животную жизнь, существо, живущее такой жизнью, движется, дышит, питается, чувствует, испытывает желания. В случае с растениями слово «жизнь» приобретает скорее метафорическую окраску, ибо растительная жизнь всегда рассматривалась как чисто материальный процесс, а не как биологическое явление. В наибольшей степени жизнь ассоциируется у нас с процессом дыхания: дыхание есть жизнь. Эта формула, выражающая одно и то же на всех языках, остается истинной, даже если мы изменим свое представление о том, что называем «дыханием жизни».

Но совершенно очевидно, что самопередвижение, процесс дыхания и потребления пищи — это только жизненные процессы, а не сама жизнь. Эти процессы являются средствами высвобождения витальной энергии, необходимой для распада и обновления, обеспечивающими наше субстанциональное существование. Впрочем, эти витальные процессы могут обеспечиваться и другими средствами, помимо дыхания и прочих физиологических отправления. Доказанным фактом является то, что тело способно сохранять жизнь во всей полноте сознания, даже когда дыхание, биение сердца и другие функции организма, считавшиеся ранее необходимыми для обеспечения его жизнедеятельности, временно приостанавливаются. Существуют также доказательства того, что растение, которое, как мы считаем, не может сознательно реагировать на внешние раздражители, разделяет с нами наш собственный уровень физической жизни, хотя и имеет отличную от нашей внешнюю организацию. Если это так, то мы должны отказаться от своих старых предвзятых и ложных взглядов и, отбросив поверхностные признаки и различия, взглянуть на самую суть проблемы.

В своих недавних научных открытиях¹, результаты которых — если признать их истинными — проливают свет на проблему Жизни в Материи, один из крупнейших индийских ученых пришел к выводу, что безошибочным признаком существования жизни является ответная реакция на внешний раздражитель. В особенности это относится к растительной жизни и является иллюстрацией невидимых для глаза функциональных процессов в растениях. Но нам не следует забывать, что, по существу, то же самое относится и к проявлениям витальности (реагирующей на импульсы окружающей среды), наблюдаемым тем же самым исследователем, который зафиксировал положительное состояние

¹ Эти примеры, взятые из научно-исследовательской практики, приводятся здесь лишь как иллюстрация, не являющаяся доказательством нашей концепции характера и природы Жизни в Материи. Наука и метафизика (основанные на чисто интеллектуальных спекуляциях или же, как в Индии, на духовном видении и духовном опыте) имеют свои собственные методы и области исследования. Наука не может диктовать свои выводы метафизике, а метафизика не может навязывать свои заключения науке. Однако если допустить, что Бытие и Природа во всех своих состояниях разделяют общую систему соответствий, выражающую одну общую стоящую за ними Истину, то можно предположить, что реалии физической вселенной способны пролить некоторый свет на природу и на процессы Силы, действующей во вселенной. Но этот свет будет неполным, ибо наука неизбежно страдает определенной ущербностью и не обладает ключом к оккультным движениям Силы.

жизни и отрицательное состояние, которое мы называем смертью, на уровне металлов и растений. Хотя сейчас и нельзя провести однозначных параллелей между организацией жизни на уровне металла и на уровне растительного мира, но, возможно, со временем, по мере развития более точных и тонких средств и методов исследования, будет открыто больше общего между металлами и растениями. Но даже если подобное и не произойдет, это может означать, что при отсутствии аналогичной или вообще всякой жизненной организации и в указанном случае все же существуют какие-то зачатки витальности. А если жизнь присуща металлам, пусть даже на рудиментарном уровне, то следует признать, что она существует на примитивном уровне и в земле, и в других веществах и соединениях, родственных металлам. Если продолжить наши исследования, не останавливаясь на достигнутых результатах, то можно быть уверенным, основываясь на своем безошибочном опыте общения с Природой, что в конце концов мы получим доказательства в пользу того, что нет отчетливо выраженной разграничительной линии между землей и находящимися в ней металлами, равно как и между металлами и растениями. Продолжая логическую цепь, мы придем к выводу, что нет четкой границы, отделяющей элементы и атомы, входящие в состав металлов и земли. Каждая из ступеней этого многопланового существования предвещает следующую за ней ступень более высокого уровня и содержит в себе то, что проявляется затем на последующем уровне. Жизнь есть везде, будь то в скрытой или проявленной форме, организованная или примитивная, но универсальная, всепроникающая, вечная. Различаются между собой только ее формы и виды организации.

Мы должны помнить, что физическая реакция на внешние раздражители есть лишь внешний признак жизни, сравнимый с процессами дыхания и самопередвижения в пространстве. Бурную реакцию подопытного объекта, вызываемую сильным раздражителем, можно принять за показательный признак витальности этого объекта. Но на протяжении всего своего существования растение постоянно реагирует на непрекращающийся поток внешних импульсов; значит, в растении скрыта постоянно поддерживаемая сила, способная реагировать на внешние раздражители. Считается, что подобные эксперименты наносят сокрушительный удар по самой идее присутствия витальной силы в растениях или других живых организмах. Но когда мы говорим, что внешний раздражитель применяется по отношению к растению,

то имеем в виду, что на объект исследования направляется энергетическая сила динамического движения; а когда говорим, что наблюдается реакция на внешний раздражитель, то имеем в виду, что энергетическая сила, способная на динамическое движение и чувственную вибрацию, отвечает на этот внешний раздражитель. Таким образом, присутствует фиксация раздражителя и ответная реакция на него на уровне вибраций в растении, равно как и воля к росту и существованию, указывающая на наличие субментальной витально-физической организации сознания-силы, скрытой в определенной материальной форме. Отсюда следует, что, подобно постоянному потоку динамической энергии во вселенной, принимающей многообразные материальные формы, различающиеся по степени плотности, в каждом физическом объекте, растении, животном или металле накапливается и действует та же самая постоянная динамическая сила. Определенный обмен этих двух энергетических потоков выливается в явление, которое ассоциируется для нас с идеей жизни. Именно это действие мы признаем как действие жизненной энергии, а движущую силу этой энергии называем жизненной Силой. Энергия Разума, Жизни и Материи есть различные динамические проявления Силы Мира.

Даже если какая-то физическая форма кажется нам мертвой, жизненная сила, тем не менее, потенциально в ней присутствует, хотя обычные проявления витальности временно прекращаются и находятся на грани полного прекращения. В определенных временных пределах умерший объект может быть вновь возвращен к жизни с последующим восстановлением обычных реакций и циркуляцией активной энергии. Это служит доказательством того, что то, что мы называем жизнью, все еще оставалось в теле в скрытом состоянии, не проявляясь обычным образом в виде физических функций, нервных и ментальных реакций. Трудно предположить существование отдельной, обособленной субстанции под названием «жизнь», которая полностью покидает физическое тело, а затем вновь возвращается в него, как только почувствует (но как она может почувствовать, если ее уже ничто не связывает с телом), что кто-то производит определенное воздействие на тело. В некоторых случаях, например при каталептическом состоянии, мы видим, что внешние физические признаки жизни временно перестают себя обнаруживать. При этом разум продолжает сохранять сознание, хотя уже не может инициировать обычные физические реакции тела. Конечно, нельзя гарантировать, что в физически

мертвом человеке продолжается разумная активность, то есть что с уходом жизни из тела ментальная активность не прерывается. Однако можно с уверенностью сказать, что временное прекращение обычных физических функций не влечет за собой немедленной остановки ментальной деятельности.

Точно так же в определенных формах транса не наблюдается ни физических, ни внешних ментальных функций, которые восстанавливаются, как только человек возвращается в нормальное бодрствующее состояние, что обычно происходит либо произвольно, либо под влиянием постороннего воздействия. В таких случаях поверхностная ментальная сила отступает на уровень подсознания, а поверхностная жизненная сила переходит в пассивное, бездейственное состояние; при этом человек оказывается целиком на подсознательном уровне существования, то есть его внешняя жизнь сохраняется лишь на подсознательном плане бытия, в то время как его внутреннее существо возносится на уровень сверхсознания. Но главное, что нас сейчас интересует, это то, что Сила, поддерживающая динамическую энергию жизни в теле, временно прекращает действовать на поверхностном уровне, продолжая при этом питать организованную субстанцию. Однако есть определенный предел времени, после которого восстановление внешних функций организма становится невозможным. Этот предел наступает тогда, когда временное прекращение функций достигается в результате постороннего, принудительного для тела вмешательства или же когда начинается процесс разложения физического тела, когда Сила, которая должна возобновлять действие жизни, становится совершенно инертной по отношению к внешним воздействиям и не в состоянии больше поддерживать процесс обмена. Но даже и тогда в теле еще сохраняется Жизнь, но Жизнь, занятая только разложением и распадом физической формы, чтобы из отдельных ее элементов могли сложиться новые формы. Воля универсальной силы, сохранявшая физическую форму, теперь начинает поддерживать процесс распада и рассеивания. Реальная смерть тела наступает не ранее этого момента.

Итак, Жизнь есть динамическая игра универсальной Силы, в которой всегда присутствуют в той или иной форме ментальное сознание и витальность, благодаря этому имеющие в нашем мире материальное обличье. Жизненная игра этой Силы проявляется в виде обмена энергией, посылаемой внешними раздражителями, и ответных

реакций на них, происходящих между различными проявленными формами, в которых эта Сила сохраняет свою постоянную динамическую пульсацию. Каждая проявленная форма непрерывно поглощает и извергает из себя энергию этой общей для всех Силы; каждая физическая форма так или иначе питается этой энергией, делая это либо путем непосредственного поглощения других форм, накопивших энергию, либо путем усвоения извне излучений этой энергии. Все это есть игра Жизни, заметная для нашего глаза только тогда, когда ее организация достигает достаточно высокого уровня для нашего внешнего восприятия, способного фиксировать ее сложные проявления, такие как нервные импульсы витальной энергии, присущие нашей собственной организации. Именно по этой причине мы готовы признать наличие жизни в растении, ибо в нем имеются ее явные признаки — тем более что растение демонстрирует элементы нервной деятельности витальной системы, не сильно отличающиеся от человеческих, — но не согласны видеть проявления жизни в металлах, в земле и в атомах химических веществ, где феноменальные признаки жизни, недоступные нашему глазу, можно уловить лишь с большим трудом.

Есть ли какое-либо оправдание для возведения этого различия на принципиальный уровень? Какая, к примеру, разница между жизнью человека и жизнью растения? Мы видим, что различие заключается, во-первых, в нашей способности к самопередвижению в пространстве, что, очевидно, не имеет никакого отношения к сущности витального, а во-вторых, — в нашей сознательной чувственной способности, которая, насколько нам известно, несвойственна растениям. Наши нервные реакции главным образом, но не всегда сопровождаются сознательной ментальной реакцией; они имеют определенную значимость для нашего разума наравне с нервной системой и физической телесностью, возбуждаемой нервными импульсами. В растении как будто наблюдаются проявления нервных ощущений, включая и те, что на человеческом уровне мы именуем удовольствием и болью, сном и бодрствованием, оживленностью, утомляемостью и усталостью, при этом растение испытывает состояние внутреннего нервного возбуждения или торможения, но всякие признаки фактического присутствия сознательного ментального ощущения отсутствуют. Но ощущение остается ощущением, будь оно сознательным ментальным или витальным; ощущение есть форма проявления сознания. Когда лист растения реагирует на прикосновение к нему, то, очевидно, это и есть выражение

нервной реакции на контакт с внешним объектом. Если лист растения сморщивается от этого контакта, то тем самым он выражает свое неудовольствие внешним соприкосновением. Другими словами, растение реагирует ощущением на подсознательном уровне. Аналогию такой подсознательной реакции можно найти и у человека. Человек способен вывести такие подсознательные ощущения на поверхностный уровень спустя значительное время после того, как они имели место в действительности и были зафиксированы на уровне нервной системы. Наш опыт свидетельствует также о том, что у человека значительно больше ощущений фиксируется не на сознательном, а на подсознательном уровне. Тот факт, что растение не располагает поверхностным, бодрствующим разумом, который мог бы фиксировать подсознательные ощущения, не меняет сути явления, которое остается без изменения, ибо и в том и в другом случае в первую очередь все определяется подсознательным разумом. Очень возможно, что существует рудиментарная жизнь на уровне подсознательных ментальных ощущений разума при отсутствии соответствующего нервного возбуждения физического тела, что не вносит существенной разницы с точки зрения витальности, так же как отсутствие способности к передвижению растения не говорит об отсутствии в нем витальности.

Что происходит, когда на уровне физического тела сознательное переходит в подсознание и наоборот? Реальное различие заключается в поглощении определенной части сознательной энергии, в ее более или менее сосредоточенной концентрации. В отдельных состояниях концентрации то, что мы называем ментальностью, то есть Праджняна, или внешне-оценивающее, объективное сознание, практически перестает действовать сознательно, тем не менее работа физического тела и нервной системы продолжается в нормальном ритме. Все переходит на подсознательный уровень, и лишь какая-то одна цепочка разума сохраняет деятельную активность. Когда я пишу, физическое действие, выполняемое мной, в значительной степени, а иногда и полностью совершается на подсознательном уровне. Тело производит, как мы говорим, сознательно какие-то нервные движения. Разум при этом сосредоточен только на том, что следует изложить на бумаге. Все человеческое существо может перейти на подсознательный уровень привычных, отработанных движений, при этом работа разума будет продолжаться, как это нередко случается во сне. Человек может также подняться на сверхсознательный уровень, а в теле при этом сохранит-

ся деятельность подсознательного разума, что наблюдается в состоянии *samadhi*, или йогического трансa. Становится очевидным, что различие в чувственном ощущении растения и человека сводится к тому, что в растении сознательная Сила, проявляющая себя во вселенной, не стяхнула с себя полностью сон Материи, не очнулась от оцепенения, стоящего глухой стеной между действующей Силой и ее источником в сверхсознательном знании. В результате Сила совершает на подсознательной стадии то, что должно происходить сознательно, как это проявляется на человеческом уровне, хотя и не совсем в совершенной форме. В растении Сила делает то же самое, что и в человеке, но другим способом и в других категориях сознания.

Теперь можно себе представить, что в каждом атоме заключено что-то такое, что превращается в человеке в волю и желание. Мы вправе говорить о притяжении и отталкивании, которые отличаются лишь в феноменальном отношении, но по своей сути есть то же самое, что человеческое «нравится и не нравится», выраженное на несознательном, или подсознательном, уровне. Наличие воли и желания очевидно повсюду в Природе, и, хотя это еще недостаточно установлено, они связаны и являются выражением подсознательного или же, если угодно, несознательного, но в то же время и воля, и желание имеют не меньшее отношение к чувствам и интеллекту, которые отличаются такой же искаженностью. Все это присутствует в каждом атоме Материи, а потому неизбежно присуще всему, что состоит из этих атомов. А в атомах они присутствуют потому, что наличествуют в Силе, создающей атомы. Эта Сила является изначально Чит-Тапас, или Чит-Шакти Веданты, сознательной силой сознательного бытия, которое проявляется в виде нервной энергии на уровне подсознательных ощущений растения, в виде чувства-желания и желания-воли в примитивном животном, в виде самосознательного чувства и силы в высокоорганизованном животном и в виде ментальной воли и знания в человеке. Жизнь есть лестница универсальной Энергии, где происходит переход от несознания к сознанию. Жизнь — промежуточная сила этой Энергии, скрытая в Материи, раскрывающая себя в подсознательном существе и, наконец, в полноте своих динамических возможностей — в Разуме.

Помимо всех других соображений, это заключение напрашивается само собой как логический вывод, даже если мы примем во внимание только поверхностный процесс эволюционного развития. То, что

Жизнь присутствует в растении, есть самоочевидный факт, хотя она и организована иначе, чем на животном уровне. Тем не менее, она представляет собой все ту же силу, отмеченную рождением, ростом, развитием и смертью, размножением путем распространения семени, разложением, болезнью, насилием, получением питания от внешней среды, зависимостью от света и тепла, плодородием и бесплодием, даже состояниями сна и бодрствования, высокой энергии и депрессии жизненного динамизма, переходом от детства к зрелости и старости. Более того, растение содержит в себе все существо силы жизни и является поэтому естественной пищей для животных и основой животного существования. Если допустить, что растение обладает нервной системой и способно реагировать на внешние раздражители, что оно имеет зачатки подсознательного или чисто витального чувства, то это еще больше сближает растение с животным миром. Но все же очевидно, что растение остается промежуточным звеном в эволюции жизни между животным существованием и «неодушевленной» Материей. Это представляет собой именно то, чего и следовало ожидать от Жизни, если она есть сила, развивающаяся из Материи и получающая кульминацию на стадии Разума. Если это так, то мы вынуждены предположить, что Жизнь уже присутствует в скрытой, потенциальной форме на уровне самой Материи, материального подсознания, или несознания. Ибо откуда еще она могла возникнуть? Эволюция Жизни в материи предполагает ее предыдущую инволюцию в материю, если только не допустить, что Жизнь попала в Природу по мановению волшебной палочки. А коль скоро это так, то Жизнь должна либо возникнуть из ничего, либо быть результатом какой-то материальной деятельности, ничего общего с жизнью не имеющей. Можно также предположить, что Жизнь нисходит из высших сфер нематериального и сверхфизического бытия. Первые два предположения можно отбросить как безосновательные. Третье предположение возможно и вполне допустимо. С оккультной точки зрения правдоподобным является то, что воздействие определенного высшего плана бытия Жизни, расположенного над материальной вселенной, способствовало возникновению жизни здесь, на земле. Но это не исключает возникновения жизни из Материи как первичного и необходимого процесса, поскольку существование надматериального мира Жизни, или плана бытия Жизни, не ведет само собой к появлению Жизни в материи, если только мир Жизни не существует в виде формирующей ступени, на которую последовательно

нисходит Бытие в сферу Несознания, что приводит к его инволюции в Материи с последующей эволюцией и развитием. Не столь важно, можно ли обнаружить в материальных вещах признаки этой скрытой жизни, неорганизованной или рудиментарной, поскольку Жизнь пребывает там исключительно в «спящем» состоянии. Материальная Энергия, создающая и разрушающая формы¹, есть все та же Сила в другом своем проявлении, подобно Жизненной Энергии, выражающей себя в рождении, развитии и смерти; точно так же, как на уровне Интеллекта, в сомнамбулическом подсознательном состоянии это все та же Сила, выступающая затем на другом уровне в виде Разума. Характер этой силы показывает, что она содержит в себе еще не проявленные возможности Разума и Жизни.

Жизнь таким образом раскрывается как одно и то же явление, выраженное одинаково повсюду — от атома до человека. Атом содержит в себе жизнь на подсознательном уровне, которая проявляется в животном мире как сознание. Растение представляет собой в этом отношении некий промежуточный этап в эволюции жизни. Жизнь является поистине универсальным проявлением Сознания-Силы, действующей на уровне подсознания в Материи, созидательной, поддерживающей и разрушающей тела или формы и стремящейся к пробуждению в этих формах сознательных ощущений с помощью игры нервных сил, то есть потоков взаимообмена энергией. В действии Сознания-Силы можно выделить три этапа. Первый из них соответствует вибрации на уровне «спящей» Материи, остающейся целиком в подсознательном состоянии и кажущейся поэтому неодушевленной. На промежуточном этапе Сознание-Сила становится способной к ответной реакции, которая хотя и оформляется на подсознательном уровне, но уже приближается к тому, что мы называем сознанием. Высший этап сводится

¹ Рождение, развитие и смерть в своем внешнем виде представляют собой тот же процесс образования и разрушения форм, хотя внутренние реалии этого процесса и его значение не исчерпываются только внешними явлениями. Даже оккультный процесс одушевления тела психическим существом относится к разряду внешних явлений, поскольку душа притягивает к себе и группирует вокруг себя во время своего воплощения элементы ментальной, витальной и физической оболочек вместе с их содержанием и наполнением. Во время земной жизни эти оболочки претерпевают определенное развитие, а после смерти тела они разлагаются, при этом душа втягивает в себя свои внутренние силы, пока со следующим ее воплощением весь процесс не возобновляется вновь.

к развитию жизни в сознательной, разумной форме, выраженной в ментально воспринимаемом ощущении, которое становится основой чувственного разума и интеллекта. Оценивая промежуточный этап, мы приходим к мысли, что Жизнь — это что-то отличное от Материи и Разума, но на самом деле Жизнь всегда одна и та же на всех уровнях и этапах и представляет собой среднее звено между Материей и Разумом, вбирающее в себя первое и предворяющее второе. Жизнь — это проявление и действие Сознания-Силы, которая не есть лишь просто формация субстанции или работа разума над субстанцией и формой. Жизнь — это, скорее, энергетическое насыщение сознательного существа, которое есть источник и поддержка формации субстанции и в то же время промежуточный источник и поддержка сознательного ментального понимания. Жизнь, как промежуточный этап энергетического насыщения сознательного существа, дает выход творческой силе бытия в форме чувственного проявления и реакции, которая находилась на подсознательном или несознательном уровне, будучи поглощенной своей собственной субстанцией. Она поддерживает и позволяет проявляться в действии внешне-оценочному сознанию бытия, именуемому разумом, придавая ему определенный динамизм, что позволяет разуму воздействовать не только на свои собственные формы, но также и на формы жизни и материи. Жизнь, как промежуточное звено, связывает и поддерживает разум и материю. Эту функцию связующего звена Жизнь осуществляет с помощью непрекращающихся пульсирующих потоков своей нервной энергии, которая доносит до Разума силу формы в виде ощущения, а затем — от Разума несет ту же преобразующую силу к Материи. Когда мы говорим о Жизни, мы имеем в виду именно эту нервную энергию. В индийской философии эта жизненная сила именуется Праной. Но нервная энергия есть лишь одна из форм Жизни, которую та принимает на уровне животного существования. Та же самая энергия Праны присутствует во всех формах вплоть до атома, поскольку повсюду существо действия Сознания-Силы остается неизменным. Сила поддерживает и изменяет субстанциональное существование своих собственных форм, подготавливая и развертывая их эволюцию. Этим исчерпывается все значение вездешней Жизни, проявленной в материальной вселенной.

Смерть, желание и неспособность

В начале было Голодом объято все, что называлось Смертью. Причиной Разум был тому, желавший обладать сокрытым «я».

Брихадараньяка Упанишада¹

То Сила, смертными открытая людьми, способная поддерживать бесчисленные вещи; она имеет вкус всех яств и созидает дом для существа.

Ригведа²

В ПРЕДЫДУЩЕЙ главе мы рассмотрели жизнь с точки зрения материального существования, видимой стороны явлений и действия витального принципа в Материи. При этом мы опирались на тот материал, который предоставляет в наше распоряжение земная эволюция. Но совершенно очевидно, что, как бы ни функционировала и как бы внешне себя ни выражала жизнь, в любых условиях ее основной принцип будет оставаться без изменений. Жизнь есть универсальная Сила, имеющая своей целью созидание, насыщение энергиями, поддержание и изменение, вплоть до распада и реконструкции, субстанциональных форм путем взаимобмена скрытых сознательных энергий, как главного действенного принципа. В нашем материальном мире Разум присущ Жизни на подсознательном уровне, так же как Супраментал присутствует на подсознательном уровне в Разуме. Инстинкт Жизни вместе с подсознательным Разумом присутствует в Материи. Поэтому Материя есть основа и видимое начало всего сущего. Говоря языком Упанишад, Притхиви, принцип земли, — это наш фундамент. Материальная вселенная начинается с заряженного энергией атома, наделенного на инстинктивном уровне желанием, волей и интеллектом. Из этой видимой Материи проявляется Жизнь, рождающая из своих недр заключенный в них Разум. В Разуме, в свою очередь, скрыт Супраментал. Но мы можем представить себе строение мира и по-другому, когда Разум не просто присутствовал бы в Материи

¹ I.2.1. ² V.7.6.

в инволюционно свернутом состоянии, а выступал бы как сознательное орудие, использующее свою внутреннюю энергию для создания субстанциональных форм. В этом случае он не будет изначальной под-сознательной основой всего сущего. При такой картине мира наша жизнь выглядела бы совсем иначе, хотя промежуточным звеном в работе этой энергии была бы всегда Жизнь, которая оставалась бы без изменения, даже если весь процесс эволюции радикальным образом отличался бы от существующего.

Но здесь сразу же выясняется, что, подобно тому, как Разум есть лишь конечная форма проявления Супраментала, так же и Жизнь представляет собой конечное проявление Сознания-Силы, для которой детерминирующей формой и творческим, созидающим агентом служит Идея-Реальность. Сознание, которое есть Сила, составляет природу Существа, а это сознательное Существо, проявленное в виде Знания-Воли, является Идеей-Реальностью или Супраменталом. Супраментальная Знание-Воля есть Сознание-Сила, призванная созидать формы единого бытия в рамках упорядоченной гармонии, которую мы называем вселенной. Таким образом, Разум и Жизнь есть также Сознание-Сила, та же самая Знание-Сила и Знание-Воля, но призванные к поддержанию отдельных индивидуальных форм в их взаимодействии и противостоянии, в ходе которых душа каждой отдельной формы развивает свой собственный разум и жизнь, хотя на самом деле они никогда не являются самостоятельными формами, а представляют собой игру единой Души, Разума и Жизни, проявленных в различных формах единой реальности. Другими словами, аналогично тому, как Разум есть конечное проявление индивидуальности всепроникающего и всеобъемлющего Супраментала, который с помощью этого процесса самовыражения индивидуализирует свое сознание в каждой отдельной форме согласно ее статусу, так же и Жизнь есть конечное проявление Супраментала, поддерживающее и насыщающее энергиями, созидающее и обновляющее отдельные формы, действующее в них как основа всей активности воплощенной души. Жизнь есть энергия Божественного, постоянно воспроизводящая себя в бесчисленных формах, как динамо, и не только играющая на истощение отдельных форм, но и вливающая силы в бесконечно многообразные вселенские формы.

В этом отношении Жизнь является одной из промежуточных форм сознания, соответствующей деятельности Разума и Материи. Можно

сказать, что в определенном смысле Жизнь — это энергетический аспект Разума в его творческом проявлении, связанном не с миром идей, а, скорее, с перемещением силы и с формами субстанции. Но здесь надо сразу же оговориться и добавить, что Разум не есть нечто обособленное, так как за ним стоит Супраментал, который использует его как свое конечное орудие. Точно так же и Жизнь не является чем-то обособленным, так как за ней, за всеми ее движениями стоит Сознание-Сила, которая одна только и существует и действует в проявленных вещах. Жизнь — это конечное выражение Сознания-Силы, находящееся между Разумом и Телом. Все, что мы говорим о Жизни, должно подпадать под определение, обусловленное этой зависимостью. На самом деле мы не понимаем ни Жизни, ни ее природы, ни ее процессов, пока не начинаем осознавать стоящую за ней Сознание-Силу, по отношению к которой Жизнь есть лишь внешний инструмент. Только тогда мы, как индивидуальные души и орудия Божественного, сможем воспринимать и претворять в жизнь волю Бога в Жизни. Только тогда наши собственные Жизнь и Разум ступят на прямой путь истины, постоянно исправляющий искажения и извращения Неведения. Подобно тому как Разум должен сознательно соединиться с Супраменталом, от которого он отпал в результате действия Авидьи, так же и Жизнь должна познать действующую в ней Сознание-Силу и преследуемые ею цели. Разум же в нас целиком поглощен процессом ментального осмысления жизни и материи, а жизнь — процессом физического существования, оставаясь в бессознательном состоянии и в осуществлении целей Сознания-Силы действуя слепо, а не так, как должно и как будет при достижении окончательной свободы и самореализации — просветленно, во всей полноте знания, силы и блаженства.

В действительности, наша Жизнь, подвластная омраченному, страдающему раздробленностью Разуму, сама подвержена омраченности и разобщенности, а потому — и смерти, ограничениям, слабости, страданию, поражена неведением и в укладе, и в ходе своем, чему причиной и источником служит все то же состояние Разума. Как мы уже видели, изначальной причиной всей этой искаженности было самоограничение индивидуальной души, рассматривающей себя по причине неведения как обособленную сущность и взирающей на все космические действия лишь под углом своего собственного индивидуального сознания, знания, воли, силы, радости и ограниченного

бытия, вместо того чтобы считать себя одной из сознательных форм Единого, охватывающего все сознание, все знание, всю волю, всю радость и все бытие. Универсальная жизнь в человеке, подчиняясь этому движению души, подвластной разуму, попадает в зависимость от индивидуального действия. Она существует и действует как обособленная жизнь с ограниченными возможностями, подверженная внешним ударам и потрясениям космической жизни, которые она не способна свободно объять своим бытием. Находясь под влиянием постоянного взаимообмена космических энергий и представляя собой обедненное, ограниченное индивидуальное существование, первоначально Жизнь лишь беспомощно претерпевает тяжелые испытания, подчиняясь грандиозной игре Силы, реагируя лишь механическим образом на все ее воздействия. Но по мере развития сознания, когда свет его собственного существа начинает пробиваться сквозь инертный мрак инволюционного оцепенения, индивидуальное бытие становится способным смутно осознать скрытую в нем силу, стремясь сначала на нервном, а затем и на ментальном уровне использовать эту игру и получить радость от нее. Это пробуждение к действующей внутри Силе есть пробуждение к осознанию «я». Ибо Жизнь есть Сила, Сила есть Энергия, Энергия есть Воля и, наконец, Воля есть проявление Верховного Сознания. Жизнь в человеке все больше и больше в своей глубине осознает, что она тоже есть Воля-Сила Сатчитананды, владыки вселенной, и начинает на индивидуальном уровне стремиться к тому, чтобы стать господином и хозяином своего собственного мира. Вся индивидуальная жизнь наполняется неким порывом, который можно охарактеризовать как стремление реализовать свою собственную силу, познать собственный мир и стать его хозяином. Этот порыв и есть отличительная черта возрастающей самоманифестации Божественного в космическом бытии.

Но, хотя Жизнь и есть Сила, а развитие индивидуальной жизни означает развитие индивидуальной Силы, один лишь факт ее бытия в виде раздробленной индивидуальной жизни и силы препятствует ее господству над своим собственным миром. Это означало бы стать хозяином Всеобщей Силы, что невозможно из-за раздробленного индивидуального сознания с ограниченной и лишенной цельности силой. Такое доступно только Всеобщей Воле, индивидуально же бытию это доступно, лишь когда оно восстановит свое единство со Всеобщей Волей, а значит, и со Всеобщей Силой. В противном случае индиви-

дуальная жизнь в индивидуальной форме всегда обречена на подчинение трем ограничениям: Смерти, Желанию и Неспособности.

Смерть навязывается индивидуальной жизни условиями ее собственного бытия, а также ее отношениями со Всеобщей Силой, проявленной во вселенной. Дело в том, что индивидуальная жизнь есть конкретная игра энергий, призванная формировать, поддерживать и, наконец, разлагать, когда придет время, одну из бесконечного числа оболочек, которые — каждая на своем месте и в свое время — служат общей вселенской игре. Жизненная энергия в теле должна использовать воздействие внешних энергий вселенной. Она должна впитывать их в себя и питаться ими, сама, в свою очередь, становясь для них пищей. Согласно Упанишатам, вся Материя есть пища. Формула материального мира заключается в том, что «вкушающий сам становится пищей». Жизнь в ее теперешней телесной организации постоянно подвергается опасности со стороны внешних воздействий и сил, при этом ее поглощающая способность оказывается недостаточной или неправильно сформированной или же равновесие между поглощающей способностью и потребностью в пище оказывается нарушенным, она становится неспособной защитить себя, превращаясь в пищу для других, и, не будучи в состоянии самостоятельно восстановиться, гибнет. Для своего обновления жизнь вынуждена проходить через смерть.

Говоря языком Упанишад, жизненная сила есть пища для тела и тело, в свою очередь, становится пищей для жизненной силы. Другими словами, жизненная энергия в человеке одновременно поставляет материал для строения, поддержания и обновления формы и постоянно использует и расходует саму субстанциональную форму, созидая и поддерживая таким образом существование в мире. Если равновесие между этими двумя процессами оказывается несовершенным или каким-то образом нарушается, то наступает болезнь и распад, выливающиеся в процесс окончательного разложения. При этом борьба за сознательное господство над жизнью и даже просто развитие разума осложняют поддержание и сохранение жизни. Ибо возрастают требования жизненной силы к форме, которые нарушают изначальное состояние равновесия в системе «приход-потребность», и, прежде чем будет установлено новое равновесие сил, в организме происходят различные функциональные нарушения и расстройства, разрушающие его общую гармонию и сокращающие продолжительность жизни. Помимо этого

попытка контролировать и управлять своим собственным миром всегда вызывает соответствующую реакцию в окружающей среде, наполненной множеством сил, стремящихся к самореализации и поэтому сопротивляющихся всякому контролю над ними. Это также нарушает равновесие в окружающей среде, что приводит к еще более ожесточенной борьбе. Каким бы сильным ни был жизненный импульс к установлению всеобщего контроля, он не выдерживает постоянного внешнего сопротивления и наступает время, когда он подавляется и рассеивается, если только жизненная сила не является беспредельной или ей не удастся создать новую гармонию в своем окружении.

Но помимо всех этих потребностей существует один изначальный императив природы и цели воплощенной жизни, который выражается в стремлении конечного к бесконечному опыту, а поскольку это конечное, то есть внешняя форма, в силу самой своей организации ограничивает возможности опыта, то бесконечное в опыте достижимо лишь путем устранения существующей формы и поиском новой. Душа, однажды ограничившая себя в пространственно-временном отношении, вынуждена снова обретать свою бесконечность с помощью последовательного наложения одного момента времени на другой, получая при этом опыт во Времени, именуемый прошлым. В этом временном измерении душа перемещается через ряд последовательных областей, последовательных опытов, или жизней, последовательно накопленных знаний, способностей, радостей, удерживаемых в подсознательной или сверхсознательной памяти в качестве прошлых приобретений во Времени. Этому процессу обязательно сопутствует изменение формы, а для души, воплощенной в материальном индивидуальном теле, изменение формы означает разложение, распад физического тела, согласно закону единой Жизни в материальной вселенной, закону сохранения и разрушения материи, согласно принципу постоянного взаимодействия с окружением и борьбы воплощенной жизни за свое существование во враждебном мире. Это и есть закон Смерти.

Таким образом, обнаруживается необходимость, оправданность Смерти, это не отрицание Жизни, а составное звено жизненного процесса. Смерть необходима, поскольку вечное изменение формы есть единственное бессмертие, уготованное конечной живой субстанции, а вечное изменение опыта — единственная бесконечность, достижимая для воплощенного в теле разума. Изменение формы не может сохраняться лишь как постоянное возобновление одного и того же

физического прототипа, именуемого нашей телесной жизнью, на протяжении от рождения до смерти. Ибо если форма остается без изменения, а получающий определенный опыт разум претерпевает влияние новых условий во времени и пространстве, то невозможно достичь требуемого разнообразия опыта, диктуемого природой существования во Времени и Пространстве. Для нашего смертного разума это необходимое и желанное изменение выглядит страшным и отталкивающим благодаря связанному с ним принудительному и неизбежному процессу Смерти и разложению, пожирающему одну жизнь другой, из-за сопровождающей этот процесс боли и зависимости от того, что есть по своей сути не-«Я». Жало смерти — в том, что человек ощущает себя созданием пожираемым, разрушаемым, насильно изгоняемым из этого мира. И это чувство не преодолевается полностью даже верой в личное бессмертие.

Этот процесс есть необходимая составляющая того взаимопожирания, которое является изначальным законом Жизни на уровне Материи. Жизнь, сказано в Упанишадах, есть голод Смерти, *āsanāyāmṛtyuḥ*, с помощью которого был создан материальный мир. Ведь Жизнь здесь, в этом мире, разворачивается на основе материальной субстанции, которая, в свою очередь, представляет собой бесконечно раздробленное Бытие, извечно стремящееся к своему воссоединению. Как состояние своеобразного динамического равновесия между этими двумя процессами бесконечного дробления и бесконечного соединения утверждается материальное существование вселенной. Усилия отдельного индивидуума, этого живого атома, направленные на свое собственное процветание и преуспевание, составляют суть Желания. Физическое, витальное, моральное, ментальное развитие, достигаемое расширением опыта, обладания, поглощения, ассимиляции, в пределе стремящимся к всеобъемлющей полноте, есть неизбежный, фундаментальный и неуничтожимый импульс однажды разделенного и индивидуализированного и, тем не менее, всегда осознающего в скрытых глубинах свою всеобъемлющую бесконечность Существования. Стремление целиком воплотить это скрытое сознание есть движущая сила космического Божественного, желание воплощенного Духа в каждом отдельном существе. При этом вполне закономерно и неизбежно, что прежде всего это стремление ищет своей реализации на уровне жизни за счет всякого рода роста, развития и экспансии. В физическом мире это достигается питанием, добываемым из окружающей среды, поглощением себе

подобных или того, что им принадлежит. Необходимость такого процесса является универсальным оправданием Смерти-Голода во всех его проявлениях. Вместе с тем, то, что пожирает, должно быть и само в свою очередь пожираемо, ибо жизнью на уровне физического мира управляет закон взаимообмена, воздействия и ответной реакции, ограниченной способности, а потому и, в конечном счете, истощения и разложения.

На уровне сознательного разума то, что было лишь витальным голодом подсознательной жизни, трансформируется в высшие формы. То, что было голодом в сфере витального, становится Желанием для ментализированной жизни, напряжением Воли для наделенной мыслью или интеллектуальной жизни. Подобная роль желания будет сохраняться до тех пор, пока индивидуум не достигнет достаточной степени развития и не станет хозяином своего собственного существа, не достигнет единства с Бесконечным, владыкой этой вселенной. Желание есть рычаг, с помощью которого божественный принцип Жизни самоутверждается во вселенной. Попытка подавить этот принцип в пользу инерции является отрицанием божественного принципа Жизни и проявлением Воли к небытию, а это есть уже неведение. Оставить индивидуальность можно лишь при одном условии — если перейти от нее к бесконечности. Сообразно и желание переходит только тогда, когда превращается в желание бесконечного и удовлетворяется через высшую реализацию всеобъемлющего блаженства Бесконечного. При этом желание должно возвыситься от стадии голода в царстве взаимопожирания до уровня взаимной самоотдачи, радостной жертвы взаимообмена. Личность отдает себя другим, а те, в свою очередь, делают то же самое по отношению к этой личности. Низшее отдает себя высшему, а высшее — низшему, достигая взаимной реализации друг в друге. Человек отдает себя Божественному, а Божественное отдает себя человеку. Всеобщее в человеке отдает себя всеобщему во вселенной, получая взамен реализацию универсальности в качестве божественной компенсации. Таким образом, закон Голода должен постепенно уступить место закону Любви, закон Разделения — закону Единства, закон Смерти — закону Бессмертия. В этом — и необходимость, и оправдание, а далее — кульминация и самореализация Желания, проявляющегося во вселенной.

Подобно тому как маска Смерти, принимаемая Жизнью, есть следствие устремленности конечного к бессмертию, так же и Желание есть

интенция Силы Существа, индивидуализированного на уровне Жизни, в своем саморазвертывании во Времени и Пространстве, то есть в рамках конечного мира, последовательно утвердить присущее ему бесконечное Блаженство, Ананду Сатчитананды. Маска Желания, которой облечена эта интенция, является непосредственным результатом третьего феномена Жизни, ее закона неспособности. Жизнь есть бесконечная Сила, действующая в условиях конечного мира. В своей видимой индивидуализированной деятельности в конечных пределах ее всемогущество должно неизбежно принять форму ограниченной способности и частичного бессилия, хотя за каждым действием человека, каким бы бесполезным и беспомощным оно ни было, должно скрываться сверхсознательное и подсознательное присутствие всеисилия бесконечно могущественной Энергии. В противном случае вообще ни малейшего движения в космосе произойти не может. Каждое отдельное действие и движение выступает слагаемым общей суммы универсального действия согласно воле всемогущего всеведения, источник которого — Супраментал, присутствующий во всем сущем. Но индивидуализированная жизненная сила предстает перед своим собственным сознанием в ограниченном виде, исполненном неспособности, ибо она должна противостоять не только множеству других окружающих ее индивидуализированных сил, но также подвергается отрицанию со стороны самой бесконечной Жизни, не согласуясь непосредственным образом с ее общей волей и направлением действия. Поэтому ограниченная сила, феномен неспособности, есть третья из характеристик индивидуализированной и разобщенной Жизни. С другой стороны, импульс саморасширения и стремления к всеохватывающему обладанию сохраняется; и этот импульс вовсе не предназначен и не рассчитан ни на какие самоограничения своей силы и неспособность. В результате разницы между импульсом и способностью к обладанию возникает желание. Иначе, если бы сила всегда могла добиваться обладания объектом и достигать своей цели, желание никогда бы не возникло, а вместо него была бы лишь спокойная и лишняя желания Воля самообладания, подобная Божественной Воле.

Если бы индивидуализированная сила была бы энергией разума, свободного от неведения, то не возникло бы подобного ограничения и не было бы необходимости в желании. Если бы разум, не отделенный от Супраментала, разум божественного знания, осознавал каждое намерение, масштабность и последствия каждого своего действия, то не

стремился бы ни к чему и не боролся, а лишь прилагал бы необходимую силу, обеспечивающую обладание нужным объектом. Он не был бы подвержен желанию или ограничению, даже устремляясь за пределы настоящего и предпринимая действия, не влекущие за собой непосредственного результата. Ибо неудачи также принадлежат Божественному и являются актами его всеведущего всеисилия, знающего и определяющего нужное время и обстоятельства, непосредственные и конечные результаты всех космических свершений. Разум знания, находясь в единстве с божественным Супраменталом, был бы причастен этому всеведению и всеопределяющей силе. Но, как мы уже видели, индивидуализированная жизненная сила здесь является энергией индивидуализированного и невежественного Разума, отпавшего от знания Супраментала. Как следствие, Разуму в его отношениях с Жизнью с неизбежной необходимостью присуща неспособность, ибо практическое всемогущество невежественной силы, пусть даже в ограниченных пределах, представляется невысказанным, поскольку и в ограниченной сфере такая сила будет противопоставлять себя божественному всеведущему всеисилию, нарушая установленный порядок вещей, что представляется совершенно невозможным. Таким образом, первый закон Жизни сводится к тому, что ограниченные силы наращивают в борьбе свои способности под влиянием побуждающего импульса инстинктивного или сознательного желания. Так же как и желание, борьба должна подвергнуться испытанию на прочность и претерпеть сознательное противостояние дружественных сил, в ходе которого победитель и побежденный, или, лучше сказать, высшие и низшие силы, равно оказываются в выигрыше. Это в свою очередь должно стать, в конечном счете, радостным взрывом божественного взаимообмена, мощными объятиями Любви, заменяющими собой судорожные захваты и приемы борьбы. Тем не менее, борьба есть необходимое и благотворное начало. Смерть, Желание и Борьба представляют собой триаду множественно-разобщенного существования, тройственную маску божественного принципа Жизни на ее первой ступени космического самоутверждения.

Восхождение Жизни

Путь Слова пусть ведет наш Разум к божествам и к Водам¹... О Пламя, ты возносишься к богам и к океану в Небесах; богов связуешь ты собой и воды, что пребывают в свете выше солнца и те, что в низших сферах бытия².

Господь Блаженства подчиняет себе третье состояние бытия; поддержку всего, правление всем осуществляет он в согласии с Душой вселенской; подобно ястребу, ладью он поднимает в небо; искатель Света, проявляет он четвертый статус бытия, оставшись верным океану этих вод³.

И трижды Вишну поднимал из хаоса и праха свою стопу; он сделал три шага, Непобедимый Страж; из-за пределов бытия поддерживает он сущие законы. Взирая на его творенье, пойми, откуда те законы он низвел. То — высший след его, что виден зрящим как в небесах разверзшееся око; то озаренный, пробужденный возжигает; воистину то — Вишну высший след из-за пределов бытия⁴...

Ригведа

ПОДОБНО тому как лишенный цельности смертный Разум, будучи источником ограничений, невежества и двойственности, является всего лишь искаженной формой Супраментала, самоозаренного божественного Сознания, отрицающего самого себя в своем первом видимом проявлении, обозначающем начало существования нашего космоса, так же и Жизнь, проявляясь в нашей материальной вселенной в качестве энергии отдельного Разума, подсознательной, погруженной в Материю и плененной ею, — Жизнь, будучи в этом состоянии причиной смерти, голода и неспособности, является всего лишь слабой тенью той божественной сверхсознательной Силы, что находит свое наивысшее выражение в бессмертии, себе довлеющем блаженстве и всемогуществе. Это соотношение определяет природу великих космических процессов, частью которых являемся и мы; оно определяет также и начальные, промежуточные и конечные условия нашей эволюции. К изначальным условиям Жизни относятся раздробленность

¹ X.30.1. ² III.22.3. ³ IX.96.18, 19. ⁴ I.22.17-21.

и обособленность, подсознательная воля, проявленная не как собственно воля, а как неосознанное побуждение физической энергии, а также бессильная инертная зависимость от механических сил, управляющих взаимным обменом между формой и ее окружением. Отсутствие сознания и слепая, но мощная деятельность Энергии суть характеристики материальной вселенной, которые определяют восприятие обычного естествоиспытателя, ученого-физика и их представление о ней; и именно такое видение картины мира, в дальнейшем развитое, полагается, в конце концов, в основу всего бытия; в этом находят свое выражение сознание Материи и завершенная форма материального существования. Но вслед за этим наступает очередной этап динамического равновесия, возникает ряд новых условий, возрастающих по своему значению по мере того, как Жизнь высвобождается из своей формы и начинает развиваться в направлении сознательного Разума; ибо к промежуточным условиям Жизни относятся: смерть и взаимное уничтожение, голод и осознанное желание, чувство ограниченности пространства и возможностей, а также борьба за размножение, расширение, завоевание и обладание. Эти три условия являются основополагающими для данного эволюционного этапа, который впервые был ясно представлен и вписан в общую сумму человеческого знания теорией Дарвина. Ведь феномен смерти подразумевает борьбу за существование, так как смерть — это всего лишь отрицательный термин, посредством которого Жизнь скрывается от себя самой и подталкивает свое собственное позитивное бытие к поиску бессмертия. Феномены голода и желания инволюционно содержат в себе борьбу за достижение состояния удовлетворенности и защищенности, поскольку желание это всего лишь стимул, при помощи которого Жизнь побуждает свое собственное позитивное бытие подняться из состояния отрицания, обусловленного неудовлетворенностью голода, к обладанию полным блаженством существования. Феномен ограниченности возможностей инволюционно содержит в себе борьбу за расширение жизненного пространства, господство и обладание, за обладание собственной личностью и покорение внешней среды, поскольку ограничение и недостаточность являются всего лишь отрицанием, с помощью которого Жизнь подталкивает свое собственное позитивное бытие к поиску совершенства, которое оно от века потенциально содержит в себе. Борьба за жизнь подразумевает не только борьбу за выживание; это также борьба за обладание и совершенство, поскольку выживание можно обеспечить только господством над

средой обитания, в большей или меньшей степени адаптируясь к ней: либо приспособливая ее к себе, принимая ее такой, как она есть, и живя в согласии с нею, либо покоряя и изменяя ее; и также справедливо утверждение о том, что, только достигая все большего совершенства, можно обеспечить продолжительность бытия и длительное выживание. Именно эту истину стремились выразить дарвинисты, формулируя принцип выживания наиболее приспособленных видов и особей.

Но поскольку научный ум стремился распространить и на Жизнь механический принцип, свойственный нашему существованию и скрытому механическому сознанию в Материи, не замечая при этом вступления в игру нового принципа, сам смысл существования которого есть подчинение себе механического начала, то следствием использования дарвинистской формулы было чрезмерное преувеличение принципа агрессии в Жизни, витального эгоизма индивидуума, инстинкта самосохранения и агрессивного самоутверждения за счет других. Ибо эти два состояния Жизни содержат в себе зачатки нового принципа и нового состояния, получающих все большее развитие соразмерно тому, как эволюционирующий из материи с использованием средств витальной сферы Разум обретает свой собственный закон бытия. И все существующее должно претерпевать еще большие изменения по мере того, как Жизнь эволюционирует по направлению к Разуму, а Разум, в свою очередь, — к Супраменталу и Духу. Именно потому, что борьбе за выживание и стремлению к неизменному постоянству противостоит закон смерти, индивидуальная жизнь находит себе применение (и к таковому понуждается) в том, чтобы обеспечивать постоянство скорее для всего вида в целом, чем в своих собственных интересах. Но обеспечить подобного рода постоянство она может лишь в сотрудничестве с другими индивидуальными жизнями. Принцип сотрудничества и взаимопомощи, потребность в общении с другими, желание иметь жену, детей, друзей и помощников, объединение в сообщества — то есть стремление к взаимообогащению через союз с чем-либо иным, отличным от себя, — все это те семена, из которых произрастает принцип любви. Вполне обоснованно можно допустить, что первоначально любовь к людям могла быть в значительной степени и по преимуществу лишь неким «распространением» эгоизма на более широкий круг объектов; такой она еще продолжает оставаться и на высоких этапах эволюции. Однако по мере своего развития и самоутверждения разум начинает осознавать в результате жизненного опыта, опыта любви

и взаимопомощи, что отдельная личность является лишь частицей, зависимым звеном намного более масштабного целого — универсального бытия. Это осознание, а к нему человек, как ментальное существо, приходит неизбежно, предопределяет судьбу личности. С этого момента Разум способен раскрываться истине, для него запредельной. Этот решающий момент с неизбежностью обуславливает эволюцию разума, пусть даже медленную, с отклонениями и трудностями, к высшему, к Духу, к Супраменталу, к Сверхчеловечеству.

Поэтому Жизни, в силу ее собственной природы, суждено обладать и неким третьим состоянием, третьим способом самовыражения. Исследуя это восходящее развитие жизни, мы увидим, что свойства и характеристики нынешнего, последнего этапа ее эволюции, который мы называем ее третьим состоянием, должны неизбежно по видимости выступать противоречием, по существу же — содействовать наиболее полной реализации и преобразению двух первых состояний. Жизнь начинается с крайне раздробленной множественности, с полярных противоположностей, с жестко заданных материальных форм; образцом той предельной раздробленности может служить атом — основа любой материальной формы. Атом стоит особняком от всех других материальных форм, хотя и является их составной частью, поскольку отрицает своим существованием смерть и распад при обычных силовых воздействиях на него; его можно рассматривать как символ эго в физическом мире, утверждающего свое обособленное бытие в противовес принципу всеобщего единства Природы. Но принцип единства в Природе не менее силен, чем принцип разделения и раздробленности. Единство является главенствующим принципом, а разделение — состояние, ему подчиненное. Поэтому каждая обособленная форма так или иначе подчиняется принципу единства — либо в силу добровольного согласия, либо вследствие механической необходимости, зависимости, принуждения. Поэтому, если Природа в своих собственных целях, чтобы обеспечить прочную основу для осуществления всевозможных комбинаций, чтобы иметь исходный стабильный элемент, «кирпичик», для создания всего многообразия форм, с одной стороны, и допускает сопротивление атома процессу слияния с окружающей средой посредством разложения, то, с другой, она понуждает его подчиниться тому же процессу слияния, но в ином его виде — посредством агрегации. Атом, сам являясь первичным, исходным, агрегатным образованием, есть в то же время основа для создания сложных агрегатных систем.

Когда Жизнь обретает свое второе состояние, которое мы называем витальностью, доминирующим становится обратное явление; одно из следствий состоит в том, что физическая основа витального эго вынуждена смириться со своим распадом. Ее составные части разрушаются, так что создается возможность использовать элементы одной жизни в качестве формообразующих компонентов для других жизней. Всеобщий уровень распространения этого закона в Природе не получил еще должного признания и подобное положение дел сохранится до тех пор, пока у нас не будет такой научной дисциплины, которая займется исследованием ментальной жизни и духовного бытия столь же эффективно, как это делает современная наука в области физической жизни и материи. Тем не менее, мы зачастую сталкиваемся с примерами того, как не только элементы нашего физического тела, но и составляющие более тонкого витального тела, наша жизненная энергия, энергия желаний, устремлений, страстей во время нашей жизни и после смерти могут проникать в пространство жизни-бытия других людей. Древнее оккультное знание учит нас тому, что наряду с физическим мы обладаем и витальным телом, которое после смерти также разлагается на части, служащие, в свою очередь, строительным материалом для других витальных тел. Во время нашей жизни наша жизненная энергия находится в процессе постоянного обмена с энергиями других существ. Аналогичный закон распространяется и на взаимоотношения отдельной ментальной человеческой жизни с ментальной жизнью других мыслящих существ. Происходит постоянное растворение, рассеяние и перегруппировка ментальных составляющих в результате столкновений и воздействий одного разума на другой. Взаимообмен, смешение и взаимопроникновение одного ментального существа в другое является неотъемлемой характеристикой жизненного процесса, законом существования жизни.

Жизни, таким образом, присущи два принципа: необходимость или воля обособленного эго к сохранению собственной уникальной, от всех отличной своеобычности, своей самотождественности и налагаемое на эго со стороны Природы понуждение к соединению с другими. На физическом уровне больший акцент делается на первом принципе, что вызвано необходимостью создания отдельных стабильных форм, ибо самая первая и самая трудная задача Природы сводится к созданию обособленных форм и к обеспечению устойчивости их индивидуальных качеств в общем непрерывном потоке Энергии и в единстве с бесконечным. Поэтому на атомарном уровне индивидуальная форма

сохраняется как основа, обеспечивающая в своей связи с другими такими же формами более или менее продолжительное существование сложных форм, которые служат исходной базой для витальной и ментальной индивидуальности. Но как скоро в этом отношении достигнута устойчивость, достаточная для надежного проведения последующих действий, Природа пускает в ход обратный процесс: индивидуальная форма становится подверженной гибели, и жизнь сложных организмов использует отдельные элементы, продукты разложения этой формы как строительный материал для своего развития. Эта стадия однако не является и не может быть окончательной. Окончательный этап наступает вместе с гармонизацией двух принципов, когда индивид приобретает способность сохранять сознание своей индивидуальности, соединяясь одновременно с другими и не нарушая при этом равновесия и непрерывности существования.

Условия решения этой проблемы предполагают проявление Разума во всей его полноте. Ибо одна витальность без сознательного разума не в состоянии достичь подлинного равновесия и способна лишь на временный неустойчивый баланс, завершающийся смертью тела, распадом личности и рассеиванием во вселенной составляющих ее элементов. Природа и характер физической Жизни исключает саму идею индивидуальной формы, обладающей неотъемлемой силой выживания и самосохранения, продолжительного индивидуального существования, подобно тому как это свойственно отдельным атомам, входящим в состав всякой отдельной формы. Лишь ментальное существо при поддержке психического, где обретает (или только начинает обретать) самовыражение скрытая душа, может надеяться на сохранение, поскольку обладает связующей силой, способной удержать вместе прошлое и будущее в их непрерывной преемственности, которая нарушается в нашей физической памяти вместе с разрушением физической формы. Распад и гибель физической формы совсем не обязательно должны вызывать те же процессы и для ментального существа, так что последнее — при высшем его развитии — оказывается способным устранить разрыв в физической памяти, образующийся между смертью и последующим рождением нового тела. Даже при настоящем положении вещей, при данном несовершенном состоянии воплощенного в теле разума ментальное существо в целом способно осознавать прошлое и будущее, выходящее за временные пределы жизни существующего тела. Ментальное существо осознает прошлое отдельной личности,

отдельных жизней, породивших его собственное существование, которое, в свою очередь, есть дальнейшее их развитие и своего рода модифицированная репродукция. Оно осознает и будущее цепи отдельных жизней, в созидании которых оно само принимает участие как строительный материал. Оно осознает также прошлое и будущее некой коллективной жизни как некую ткань, одной из нитей которой является его собственное непрерывное существование. Все эти явления, известные науке, даже очевидные для нее, и описываемые ею в понятиях механизма наследственности, становятся столь же очевидными, причем независимо от ментального существа, и для души, достигшей должного развития, и воспринимаются ею в представлениях непрерывного личностного бытия. Таким образом, ментальное существо, выражающее сознание души, представляет собой фокус, в котором сходятся перманентность индивидуальности и та среда коллективной жизни, где становятся возможными их единство и гармоничное сочетание.

Расширяющееся сообщество, коллектив-объединение, где любовь является поначалу скрыто действующим принципом, а затем открыто выступает наивысшим, ведущим началом, есть образец и движитель этих новых отношений, а следовательно, направляющая сила развития третьего статуса жизни. Сознательное сохранение индивидуальности наряду с сознательным признанием необходимости и желанием взаимообмена, самоотдачи и соединения с другими индивидуальностями — таковы неперемные условия для того, чтобы любовь стала по-настоящему действенной; она перестает быть таковой, уступая место каким угодно иным силам, если хотя бы какое-либо из этих условий не соблюдается. Полнота любви, достигаемая полным самопожертвованием, доходящим порой даже до иллюзии самоуничтожения, — это идея, это побуждение, конечно, ментального существа, но все это предвосхищает развитие, выходящее за пределы третьего статуса Жизни. Третий статус представляет собой состояние, в котором мы постепенно поднимаемся выше уровня борьбы за существование, борьбы, в результате которой побеждает сильнейший, пожирая себе подобных; ибо в этом состоянии выживание индивидуальности достигается взаимопомощью, а самосовершенствование — взаимным приспособлением, взаимообменом и объединением. Жизнь есть самоутверждение существа, даже предполагающее развитие и выживание эго. Но это существо нуждается в других подобных себе существах; эго стремится включить в свою жизнь и соединиться с другими подобными себе эго. Наиболее приспособленным для выживания

на уровне третьего статуса эволюции будет та индивидуальность, то их объединение, которые наиболее полно смогут воплотить в жизнь закон сплочения и солидарности, любви, взаимопомощи, доброты, привязанности, дружбы, единения, которые смогут привести к гармонии свое собственное выживание и принцип самоотдачи и взаимобмена, когда сообщество содействует развитию индивида и наоборот, когда индивид способствует развитию индивида, сообщество — сообщества.

Для этого уровня развития характерно преобладание Разума¹, который все больше и больше подчиняет своим законам материальное существование. Ведь разуму, как более тонкой субстанции, нет нужды поглощать-пожирать ради усвоения, обладания, роста и развития. Скорее наоборот, чем больше он отдает, тем больше он получает для своего роста. И чем больше он соединяется с другими, тем больше он расширяет границы своего собственного бытия, включая сюда других. Физическая жизнь истощает себя, когда самоотдача слишком велика, и разрушается в результате чрезмерного пожирания. И хотя Разум, в той же мере, в какой опирается на законы Материи, страдает от собственных этой сфере ограничений, с другой стороны, он в той же мере, в какой следует собственным законам, преодолевает эти ограничения, и, соразмерно тому, насколько он преуспел в преодолении ограничений, присущих материальному миру, для него становится одинаково приемлемым — получать или отдавать. Поскольку в своем восходящем движении разум приходит к принципу сознательного единства в многообразии, который представляет собой божественный закон бытия, когда осуществлено проявление Сатчитананды.

Второй атрибут изначального состояния жизни есть подсознательная воля, которая на уровне второго ее статуса выражает себя как голод и сознательное желание, что является первым проявлением сознательного разума. Перерастание в третий статус жизни осуществлением принципа общения и ассоциации, возрастания любви не отменяет закона желания, но скорее трансформирует и реализует желание. Любовь по своей природе есть желание отдать себя и взамен получить то же от

¹ Здесь имеется в виду разум, непосредственно действующий в жизни, в витальном существе, через сердце. Любовь есть принцип (хотя и не абсолютный, но относительный) жизни, но не разума. Она может выступать как постоянный принцип лишь под опекой разума. Любовь на уровне физического тела и витальности есть по большей части проявление голода, лишенное постоянства.

других; это своего рода коммерция между одним и другим существом. Физическая жизнь не стремится к самоотдаче, она жаждет лишь получать. Правда, избежать самоотдачи она не может и вынуждена следовать этому принципу, ибо только получающая и ничего не отдающая жизнь — если она вообще возможна в этом или в ином мире — обречена на истощение и гибель. Физическая жизнь совершает акт самоотдачи по принуждению, подчиняясь подсознательному импульсу Природы, который сама она не разделяет осознанно. Даже при вмешательстве любви самоотдача первоначально происходит большей частью механически, на уровне подсознательной воли атома. Любовь начинается с подчинения закону голода и наслаждения скорее обладанием, нежели самоотдачей, которая расценивается, главным образом, как необходимая плата за получение желаемого. Но на этом уровне любовь не проявляет своей истинной природы. Подлинный закон любви проявляется в установлении равноправных отношений, в которых радость самоотдачи равна радости обладания, а далее становится и еще сильнее. Но это происходит тогда, когда любовь под натиском пламени психического превосходит саму себя, чтобы достичь полноты совершенного единства, а для того принять, осознать и усвоить все, казавшееся не своим «я», как свое, но только как еще более дорогое, чем свое личное. В своих витальных истоках закон любви есть порыв к самореализации в других существах и при их непосредственном участии, к самообогащению через взаимообмен, к равноправному взаимному обладанию, поскольку неумение отдать себя другим означает ущербность обладания со своей стороны — неспособность полностью овладеть собой.

Инертная неспособность атомарного существования к самообладанию, подчинение материальной индивидуальности внешнему объекту или фактору принадлежат к первому статусу жизни. Осознание ограничений и борьба за обладание с целью господства над «я» и «не-я» относятся ко второму статусу. Здесь восхождение к третьему статусу влечет за собой трансформацию изначальных условий до определенной гармонии и завершенности, хотя на этом уровне они воспроизводятся таким образом, что по видимости вступают в противоречие со своим исходным состоянием. Здесь стремление к единению и любовь вызывают признание того, что «не-я» есть просто некое «большее я», в результате чего происходит сознательное подчинение его закону и его потребности, отвечающей растущему импульсу коллективной, общей жизни к поглощению индивидуальности. Но, с другой стороны, индивид вновь

получает возможность располагать жизнью других, как своей собственной, и всем, что эта жизнь может индивиду предоставить; таким образом, удовлетворяется противоположный импульс — потребность индивида в обладании. Это отношение взаимности между индивидуальностью и окружающим миром не может быть в полной мере определено, твердо и надежно осуществлено, если подобные отношения не будут установлены как между индивидами, так и между сообществами. Все многотрудные усилия человека, имеющие целью достичь согласия между, во-первых, потребностью самоутверждения и свободы — когда он является полновластным хозяином всего, что с ним связано, во-вторых — единением и всеобщей любовью, дружбой и братством — когда человек отдает себя другим и, наконец, в-третьих — осуществлением идеалов о гармоничном равновесии всего и во всем, справедливости, равенства — когда человек оказывается способным примирить противоположные тенденции, являются в действительности с неизбежностью предопределенной попыткой разрешить исконную проблему Природы, подлинную проблему самой Жизни — преодолеть конфликт двух противоположностей, что обнаруживается уже у самых истоков Жизни в Материи. Это достигается с помощью высшего принципа Разума, который один способен проложить путь к искомой гармонии, даже если она и может быть найдена лишь той Силой, что пока для нас недоступна.

Если наши исходные положения верны, то конечная цель достижения, только если Разум, превосходя себя, проникает в сферы для Разума запредельные, поскольку Разум есть лишь низшее проявление и орудие Того, Изначального, инструмент, предназначенный и используемый Им для нисхождения на уровень формы и индивидуальности и для обратного процесса — восхождения к реальности, которая использует форму и индивида для своего воплощения и воссоздания образа. Поэтому совершенное решение проблемы Жизни вряд ли можно обрести лишь на путях взаимообъединений, взаимообмена и искренней, всепонимающей любви, действуя только по законам ума и сердца. Оно должно прийти в результате восхождения к четвертому статусу жизни, где единство многообразия, единство многих и множества дается Духом, поэтому не раздробленность, расчлененность, разобщенность физического существа человека, не страстные желания и требования витального, не ограниченные ущербной гармонией построения разума и не все это вместе взятое должно составлять сознательную основу всех проявлений жизни, но единство и свобода Духа.

ГЛАВА XXII

Проблема жизни

Это есть то, что называется универсальной Жизнью.

Тайттирия Упанишада¹

Господь в сердце всех существ пребывает,
Как на круге гончарном вращая их Майей своею.

Гита²

Тот, кто познал Истину, Знание и Бесконечность как
Брахмана, подобно всеведущему Брахману наслаждается
всеми объектами желаний.

Тайттирия Упанишада³

ЖИЗНЬ, как мы уже выяснили, есть проявление при определенных космических обстоятельствах Сознания-Силы, которая по своей природе бесконечна, абсолютна, ничем не связана и неотделима от своего собственного единства и блаженства, Сознания-Силы Сатчитананды. Главной чертой этого космического процесса, обуславливающей его отличия по видимости от чистоты бесконечного Бытия и от самодовлеющей неделимой Энергии, является свойство Разума, омраченного неведением, подвергать любое воспринимаемое и исследуемое явление дроблению, разъединению на обособленные части. В результате этой операции, совершаемой в отношении неделимой Силы, возникает видимость двойственности, противоположности, кажущегося отрицания природы Сатчитананды, видимость, принимаемая разумом за вполне устойчивую реальность, но для божественного космического Сознания, скрытого за покровами разума, это не более чем определенный феномен, искаженное представление многогранной Реальности. Именно поэтому наш мир выглядит как столкновение противоположных истин, по праву стремящихся к своей самореализации, что создает множество неразрешенных проблем и неразгаданных тайн, которые ждут своих неизбежных разрешений и разгадок, ибо за всем этим смешением скрывается Истина

¹ П.3. ² XVIII.61. ³ П.1.

и единство, требующие решения всех проблем, с тем чтобы на этой основе смогло осуществиться их открытое проявление.

Решение нам придется искать с помощью разума, но не одного только разума. Необходимо найти решение в самой Жизни, исходя из деятельности и сознания бытия. Сознание в виде Силы создало этот мир со всеми его проблемами. Это же Сознание, как Сила, должно разрешить созданные им проблемы и привести проявленный мир к неизбежной реализации его скрытой сущности и Истины эволюции. Жизнь последовательно принимает на себя тройкое обличье. Первое из них — материальное, когда скрытое сознание выражено в поверхностной деятельности и внешних формах силы. При этом само сознание теряется из виду за действием и формой. Второе — витальное, когда сознание наполовину проявляется как сила жизни и процесс роста и развития, деятельности и распада формы. На этом уровне сознание лишь частично освобождается из своего первоначального заточения в материи в виде таких вибраций силы, как витальное желание, витальное притяжение и отторжение. Третье — ментальное, когда освобожденное от оков материи сознание воспринимает факт жизни на уровне разумного, осмысленного ментального образа и идеи. И эта новая идея, в свою очередь, стремится встать в один ряд с другими фактами жизни, изменяя и преобразуя внутреннее и внешнее бытие человеческой личности. На уровне разума сознание хотя и освобождается от сковывающих уз действия и формы собственной силы, но еще не является их полновластным хозяином и господином, ибо предстает лишь как индивидуальное сознание, которому доступна только часть всей собственной деятельности.

В этом целый узел всех человеческих проблем. Человек является ментальным существом. Его ментальное сознание, действующее как ментальная сила, способно некоторым образом охватить универсальную силу и жизнь, составной частью которой он сам является. Но, не обладая полным знанием об универсальном характере этой силы и жизни и даже о собственном существе, он не может обладать и действительной, подлинной властью ни по отношению к жизни в целом, ни по отношению к собственной жизни. Человек стремится к познанию Материи, чтобы получить такую власть над своим материальным окружением, познать Жизнь, чтобы овладеть своим витальным существованием, познать Разум, чтобы подчинить себе огромную и скрытую от него сферу ментальности, в которой он не только представляет

собой искру самосознания, подобно животным, но все более и более становится разрастающимся пламенем знания. Таким образом, человек стремится познать самого себя, чтобы стать хозяином самого себя, познать окружающий его мир, чтобы подчинить его своей воле. Таково требование Существования, Сознания, которым он причастен, понуждение Силы — его жизни, такова скрыто действующая воля Сатчитананды, являющего себя в индивидуальном аспекте — как человеческая личность — в этом мире, где Он, самовыражаясь, лишь по видимости отрицает Самого Себя.

Проблема, к разрешению которой всегда должен стремиться человек и к чему его побуждает сама природа его собственного существования и скрытое в нем Божество, заключается в поиске условий, удовлетворяющих задаче реализации его внутреннего импульса. До тех пор пока эта проблема не будет решена, человечество не успокоится. Человек должен либо реализовать в себе Божественное, либо стать эволюционной ступенью, из которой разовьется новое, значительно более превосходящее его существо, способное выполнить эту задачу. Или человек станет богочеловеком, или произведет на свет Сверхчеловека.

Как следует из общей логики положения вещей, ментальное сознание человека, целиком вышедшее из темного лона Материи и потому не полностью озаренное, в его сегодняшнем состоянии есть лишь промежуточное звено эволюционной лестницы, которая не может закончиться на своем настоящем уровне, она продолжится далее благодаря тому что само звено — человек — получит нужное развитие, либо если у него не останется необходимого — на линии эволюции возникнет новое звено, помимо человеческого вида. Ментальное сознание в человеке должно превзойти себя и выйти за пределы своих собственных возможностей. Ментальная идея, стремящаяся превратиться в непреложный факт жизни, должна развиваться, пока не обретет всю полноту Истины бытия, избавившись от ложных покровов и постепенно реализовав два условия — предварительно обрета свет сознания и его радостную силу. Ибо посредством этой силы и света происходит самопроявление Бытия, так как бытие по своей природе есть Сознание и Сила. Но третьим условием осуществления двух предыдущих является достижение Блаженства самосущего бытия. Для эволюционирующей жизни, подобной человеческой, эта неизбежная кульминация должна непременно означать обретение своего «я», скрытого в природе его рождения, а вместе с тем и полное проявление всех возможностей

в процессе деятельности Сознания-Силы, из которой возникла эта жизнь. Так, потенциальные возможности нашего человеческого существования в целом есть Сатчитананда, реализующая Себя на уровне определенной гармонии и единства индивидуальной жизни и жизни универсальной. При этом человечество самовыражается как общее сознание, общее движение силы и общее блаженство, как трансцендентное Нечто, проецирующее себя в эти формы.

Степень развития жизни определяется фундаментальным соотношением силы и сознания, поскольку Сознанию всегда соответствует определенная Сила. Где Сознание бесконечно, едино и, будучи трансцендентно по отношению к своим действиям и формам, в то же время собою их объемлет и просвещает, упорядочивая их и доводя должное до исполнения (а именно таково сознание Сатчитананды), там и Сила бесконечна и беспредельна в своих возможностях и едина в своих действиях, трансцендентна в отношении энергии и самопознания. Где Сознание умалило себя до ступени материальной Природы, допускает «самозабвение» сравнительно со своими высшими состояниями, где оно увлекаемо потоком своей собственной Силы и покорно следует ее направлению, как если бы не осознавая того (хотя даже по самой природе их извечных отношений сознание определяет тот самый поток силы, то самое ее направление, которому само же и подчиняется), там Сила выступает как чудовищное проявление Инертности и Бессознательного, не знающее, что оно в себе скрывает, достигающее своих целей чисто механически, по видимости будто бы благодаря неизбежной случайности или удачному стечению обстоятельств, хотя в действительности Сила эта постоянно и непреложно подчиняется закону Справедливости и Истины, согласно воле высшего Сознания-Существа, присутствующего в ее движении. Где Сознание допускает в себе раздробленность (как это происходит в сфере Разума), ограничивая себя распределением по отдельным центрам, установив для каждого состояние, в котором ничего не известно о происходящем в других (для каждого центра, таким образом, характерно осознание объектов и сил в их видимой обособленности, разобщенности, взаимном противостоянии, но не в реальном единстве), там и свойства Силы соответствуют такому состоянию сознания: она подобна нашей жизни, тому, что внутри нас и что нас окружает, — это столкновения и многочисленные перипетии в отношениях индивидов, стремящихся к самоутверждению и не обладающих при этом знанием своих отношений

с окружающим миром; здесь присутствует постоянный конфликт и многотрудное взаимоприспособление разобщенных и противоположных сил, их неустанное противоборство. В ментальном же пространстве присутствуют смешение, то же столкновение и противоборство, шаткие сочетания различных, противоположных или в чем-то не сходящихся друг с другом идей, которые не в состоянии дать знание ни об их взаимной необходимости, ни об их роли как отдельных элементов Единства, для самовыражения которой они служат и в которой, в конечном итоге, находят разрешение взаимных противоречий. Но там, где Сознание обладает и многообразием, и единством и где единство управляет многообразием, осознавая одновременно Закон, Истину, Справедливость как индивидуальные, так и всеобщие, гармонизируя их в одно целое, где сознание по своей природе в целом есть Единый, осознающий себя как Множественность, и *vice versa*¹, там и Сила будет находить выражение на уровне Жизни, сознательно подчиняющейся закону Единства, в то же время реализуя каждый элемент многообразия в соответствии с определенным для него законом и функциями. Это будет жизнь, в которой все индивидуальности существуют сразу и в себе самих, и в других, как сознательное Существо во множестве душ, как единая сила Сознания во множестве разумных центров, как радость Силы, действующей в многообразии жизней, как реальность Блаженства, во всей полноте и совершенстве достигшего своего осуществления во множестве человеческих сердец и тел.

Первое из этих четырех состояний, служащее источником последующих нисходящих отношений между Сознанием и Силой, есть их принадлежность Сатчитананде, на уровне которой они едины. Сила является там сознанием бытия, всегда остающейся таковой в своих действиях, а Сознание точно так же выступает как озаренная Сила бытия, извечно осознающая себя и свое Блаженство и никогда не перестающая быть этой силой совершенного света и самообладания. Второе состояние относится к сфере материальной Природы, на уровне которой Сатчитананда отрицает саму Себя, ибо здесь с внешней точки зрения наблюдается полное отделение Силы от Сознания — поразительное чудо непреложного всевластия Несознания, хотя в действительности это одна лишь видимость, ошибочно принимаемая современным знанием за подлинный лик космического Божества. Третье состояние есть

¹ Наоборот (*лат.*).

состояние бытия на уровне Разума и Жизни, возникающих из предыдущей ступени «отрицания», испытывающих постоянные затруднения под воздействием среды своего происхождения, борющихся (причем, хотя их поражение и подчинение этой среде уже исключено, однако отсутствует и отчетливое или инстинктивное знание полного и окончательного разрешения этого положения) против всего огромного множества этих затруднений и препятствий — неизбежных спутников такого сложного явления, как возникновение и первоначальное развитие человека, существа еще незрелого по своим теперешним возможностям в сравнении с окружающим его всемогущим Бессознательным материальной вселенной, из которого он появился на свет. Четвертое состояние исчерпывается бытием Супраментала, представляющего собой полностью реализованное существование, способное, в конечном счете, разрешить всю сложную проблему, вызванную частичным положительным утверждением, возникшим из недр полного отрицания. Решение проблемы должно произойти единственно возможным путем: полным утверждением, эволюционным развитием скрытых возможностей Разума и Жизни, таящихся под маской великого отрицания. Это есть реальная жизнь реального Человека, к которой стремится еще несовершенно развитый современный человек, направляемый совершенным знанием, недоступным для него, поскольку оно обретается в так называемом Бессознательном в нем, для его же сознания открывающимся в неясных проблесках озарений, частичном опыте, в предчувствиях идеала, в откровениях и вдохновениях поэта и пророка, провидца и трансценденталиста, мистика и мыслителя — в великих умах и душах человечества.

На основе данных, которыми мы располагаем, можно заключить, что проблемы и трудности, возникающие в результате несовершенного соотношения Сознания и Силы в человеке при настоящем состоянии его разума и жизни, сводятся главным образом к трем категориям. Во-первых, человек осознает лишь незначительную часть своего собственного существа: поверхностный разум, поверхностную жизнь и поверхностное физическое существо. Это все, о чем он имеет какое-то представление, и то далеко не полное. За пределами поверхностных разума, жизни и тела находится сфера подсознательного и сублиминального ментального существа, подсознательных и сублиминальных витальных импульсов и подсознательного телесного существа. Вся эта обширная сфера его бытия совершенно неведома человеку и не

контролируется им, но сама, в свою очередь, управляет человеком и его поступками. Поскольку бытие, сознание и сила представляют собой одно целое, мы можем иметь какую-то реальную власть лишь над той частью своего существа и бытия, которую в состоянии осознать и осмыслить. Все остальное находится под контролем сублиминального, недоступного для нашего поверхностного разума и жизни. И тем не менее, наше поверхностное существо и подсознательное составляют вместе взятые одно целое, они не обособлены друг от друга. При этом более сильная и крупная составляющая, естественно, подчиняет себе и своему влиянию более мелкую и слабую. Поэтому даже в своем сознательном поведении человек управляется сферой подсознательного и сублиминального; даже тогда, когда мы считаем себя полновластными хозяевами своего существования, мы остаемся лишь орудиями того, что определяется нами как Бессознательное в человеке.

Именно это имели в виду мудрецы древности, когда говорили, что человек, воображающий себя субъектом действия, обладающим свободной волей, на самом деле является инструментом в руках Природы. Поэтому даже мудрец вынужден подчиняться своей Природе. Но поскольку Природа есть творческая сила сознания скрытого в нас Существа, замаскированного Его собственным инверсным проявлением, по всей видимости, выступающим Его отрицанием, то это инверсное движение Его сознания мудрецы назвали Майей, или силой Иллюзии Господа. Утверждалось, что Господь, пребывающий в сердце всех существ, вращает на своем колесе Майи все сущее в этом мире. Если так, то становится очевидным, что только человек, развивший свой разум до единства своего самосознания с Господом, способен стать хозяином собственного существа. Но так как это невозможно осуществить на уровне подсознательного или бессознательного, то остается погрузиться в глубины своего собственного существа, туда, где пребывает Господь, в ту сферу, которая остается для нас сверхсознательной. Это будет восхождением к Супраменталу, где и достигается искомое единение с Господом. Ибо высшая, божественная Майя содержит сознательное знание, с его законом и истиной, знание о том, что действует в подсознательном с помощью низшей Майи в условиях Отрицания, стремящегося к Утверждению. Эта низшая Природа осуществляет то, что известно и predeterminedено в высшей Природе. Сила Иллюзии божественного знания в этом мире, создающая внешние формы и обличья, управляется Силой-Истиной того же знания, которому известны истина,

скрытая за внешним обликом вещей и событий, и Утверждение, составляющее цель их направляемой деятельности. Несовершенный, обращенный к внешнему Человек обретет в себе на уровне Супраментала Человека совершенного, достигшего полностью самосознающего бытия вследствие полного соединения с Самосушим, который является всеведущим господином Его собственной космической эволюции.

Вторая трудность заключается в том, что человек в своем разуме, жизни и теле обособлен от вселенной, и поэтому, не умея познать хотя бы себя, он тем более не в состоянии обладать знанием о себе подобных. Он составляет себе очень огрубленное, приблизительное ментальное представление о других людях, пользуясь наблюдениями, умозаключениями, мысленными построениями, основываясь на определенной, хотя и далекой от совершенства близости и симпатии к ним. Но все это не есть знание, которое может быть достигнуто лишь путем сознательного самоотождествления с объектом познания. Только такое знание является истинным — бытие, осознающее самого себя. Мы знаем себя лишь настолько, насколько осознаем себя сознательным образом; все остальное в нашем существе сокрыто от нас. Точно так же мы можем реально познать то, с чем отождествляем себя в своем сознании, но лишь в той мере, в какой произойдет это отождествление. Если средства познания являются косвенными и несовершенными, то полученное знание будет косвенным и несовершенным. Такое знание позволяет нам достичь — хотя и очень поверхностно, но, с нашей ментальной точки зрения, с достаточной степенью совершенства — осуществления определенных ограниченных практических целей, удовлетворения некоторых потребностей, прийти к каким-то соглашениям и своеобразной, хотя и ненадежной гармонии в наших отношениях с объектом познания. Но только сознательное единство с объектом познания позволит установить совершенные отношения с ним. Поэтому мы должны прийти к сознательному единству со своими собратьями, которое не исчерпывается простой симпатией, вызванной любовью, или пониманием на ментальном уровне, что всегда будет отражать знание об их поверхностном бытии, несовершенное само по себе и неизбежно подверженное отрицанию и опровержению со стороны непознаваемого и бесконтрольного подсознательного или сублиминального как в нас самих, так и в окружающих. И это сознательное единство может быть достигнуто только проникновением в область, где мы едины с ними, в сферу универсального. Полнота универсаль-

ного существует сознательно только в Супраментале, в том, что для нас пока выступает как сверхсознательное; ибо здесь для нашего обычного существа универсальное по преимуществу подсознательно, так что универсальное недоступно для нашего обладания при настоящем развитии человеческого разума, жизни и тела. Низшая природа сознания во всех своих проявлениях угнетена человеческим эго и связана тройственными узами с человеческой индивидуальностью, страдающей внутренней раздробленностью, разнородностью. Один только Супраментал обеспечивает единство в многообразии.

Третья трудность заключается в разделении силы и сознания на уровне эволюционного существования. Во-первых, существует разделенность, вызванная самой эволюцией в трех ее последовательно раскрывающихся сферах, в Материи, Жизни и Разуме со свойственными каждому из них особыми законами бытия и действия. Жизнь пребывает в состоянии войны с телом, пытаясь принудить его к удовлетворению витальных желаний, импульсов, нужд и побуждений посредством ограниченных способностей физического тела, хотя для того, чтобы ответить такому многообразию требований, понадобились бы, скорее, способности тела бессмертного и божественного. Порабощенное и эксплуатируемое таким образом тело обрекается на страдания, неустанно и безмолвно протестуя против требований, налагаемых на него Жизнью. Разум находится в состоянии брани и с телом, и с Жизнью. Иногда он выступает на стороне Жизни против тела, иногда же, ограничивая витальные импульсы, пытается защитить телесную форму от посягательств витальности, ее страстей и губительных энергий. Разум также стремится к обладанию Жизнью и использованию ее энергий в своих собственных целях ради получения ментальной радости, удовлетворения умственных, эстетических и эмоциональных устремлений на уровне человеческого бытия. Жизнь также оказывается порабощенной и подвергается злоупотреблениям со стороны полупросвещенного вышестоящего тирана-разума. Эта война, которую ведут между собой составляющие части нашего человеческого существа, не может быть прекращена с помощью разума, ибо он сталкивается с проблемой, для него неразрешимой: как удовлетворить устремлениям бессмертного существа в смертном теле и жизни? Самое большее, что доступно разуму, это оставаться в длинной цепи компромиссов, выдвигая их один за другим по мере надобности, или же поставить точку в деле, приняв либо материалистическое решение (и полностью подчинившись

ему) о непреодолимой смертности своего внешнего существа, либо решение аскетическое, религиозное — осудить земную жизнь как полную безысходность и, отрекшись от нее, уйти в блаженные и счастливые сферы бытия. Истинное же преодоление стоящей перед разумом проблемы — найти запредельный по отношению к Разуму принцип, закон которого — Бессмертие, и на этом основании преодолеть смертность, свойственную нашему теперешнему существованию.

Но есть еще и фундаментальная внутренняя разъединенность между силой Природы и сознательным существом, которая является изначальной причиной этой ограниченности и неспособности Разума. Можно говорить не только о взаимной разъединенности, обособленности ментального, витального и физического существ, но и о внутренней раздвоенности каждого из них в отдельности. Тело уступает по своим способностям инстинктивной душе или сознательному существу, физическому Пуруше; витальная сила уступает по своим способностям импульсивной душе, витальному сознательному существу или витальному Пуруше; ментальная энергия по своим способностям несравнима с интеллектуальной и эмоциональной душой, ментальным Пурушей. Это именно так, поскольку душа представляет собой внутреннее сознание, устремленное к полной самореализации, и поэтому всегда превосходит индивидуальные одномоментные образования. А Сила, действующая в этих поверхностных образованиях, оставаясь при этом в некотором равновесном состоянии, всегда направляется душой к состояниям аномальным по отношению к этому равновесному, к выходу в трансцендентное по отношению к себе самой. При таком непрерывном воздействии ответная реакция Силы затруднена, еще большие затруднения испытывает она, когда от нее требуется совершить определенный эволюционный шаг от низшей способности к высшей. Пытаясь удовлетворить эти требования триипостасной души, Сила вынуждена рассеиваться, что приводит к образованию множества противоречащих друг другу инстинктов, импульсов, эмоций, идей, в результате одни из них удовлетворяются, другие же игнорируются и часто происходит возврат к прежнему достижению, и новые попытки уладить противоречия, отдать должное всем элементам множества и так — до бесконечности, но при этом ни малейшего продвижения хотя бы к какому-то принципу единства не происходит. На уровне разума сознание-сила, призванная гармонизировать и объединять, не только ограничена в своем знании и воле, но и сами они, знание

и воля, находятся в неравных положениях, а часто — и в прямом противоречии друг с другом. Принцип единства принадлежит Супраменталу, только на уровне Супраментала достижимо единство всех противоположностей, единство многообразия и совершенная гармония равноправных знания и воли. Только там Сознание и Сила находятся в божественном равновесии.

Человек по мере своего развития в самосознательное и действительно мыслящее существо начинает остро осознавать все скрытые в его натуре противоречия и стремится к гармоничному сочетанию в своем существе всех составляющих: разума, жизни и тела, знания, воли и эмоциональной жизни. Иногда он оставляет это стремление, достигнув практического компромисса, что позволяет прийти к относительному внутреннему состоянию покоя и мира. Но компромисс — это не более чем остановка в пути, поскольку Божественное, скрытое внутри нас, не удовлетворится, в конечном счете, ничем, кроме совершенной гармонии, сочетающей в себе полное развитие наших многогранных возможностей и способностей. Любые промежуточные решения будут лишь бегством от проблемы, но не ее решением, или же решением временным, дающим некоторое отдохновение душе в ее постоянном самообогащении и восхождении. Совершенная гармония означает совершенство разума, витального и физического бытия. Но как в том, что есть само несовершенство, отыскать принцип совершенства и силы его осуществить? Разум, определяющими свойствами которого являются ограниченность и раздробленность, не поможет нам в этом, равно как и жизнь и тело, которые предоставляют лишь энергию иместилище нашему ущербному разуму. Принцип и сила совершенства скрыты в подсознательном за покровом низшей Майи и дают знать о себе глухими предчувствиями, обнаруживающимися в проблесках образов нереализованного идеала. На сверхсознательном уровне принцип и сила совершенства пребывают в извечно реализованном состоянии, но нас от них отделяет пелена нашего неведения. Поэтому именно в высших, а не в низших сферах или на уровне нашего настоящего состояния нам следует искать всепримиряющую силу и знание.

Человек по мере своего развития начинает остро осознавать весь тот разлад и невежество, что царствуют в его отношениях с внешним миром, и, все более и более чувствуя несносность такого положения вещей, пытается найти основополагающий принцип и достичь здесь гармонии, единства, мира, покоя и радости. Но все это может низойти

на человека только из высших сфер. Жизнь человека в духовном и практическом смысле может прийти к единству с окружающим миром и способствовать раскрытию личности своего универсального «я» только в результате развития разума, свободного от невежества и непонимания и способного получать настолько же точное знание о разуме других существ, какое он имеет о самом себе, развития воли, ощущающей свое единство с волей других людей и умеющей достигать (в случае необходимости) такого единства; развития эмоционального сердца, вмещающего в себя, как если бы это были его собственные, чувства и эмоции других; развития жизненной силы, способной чувствовать посторонние энергии и воспринимать их как свои собственные, стремясь сделать их таковыми; развития физического тела, которое ради самозащиты не отгораживало бы человека, как пленника, глухой стеной от окружающего мира. Все эти изменения человеческой природы должны подчиняться закону Света и Истины, способных преодолеть все ошибки и заблуждения, грех и ложь, присущие человеческому разуму, воле, чувствам и жизненной энергии. Подсознательное и сверхсознательное живут этой всеобщей жизнью, человек же может приобщиться к ней, лишь поднявшись на высший уровень бытия. Не Божество, таящееся в «океане бессознательного, где мрак окутан мраком»¹, но Божество, пребывающее в океане вечного света², в эфире нашего высшего бытия, — вот цель изначального стремления человека, уже вознесшего его к нынешнему состоянию.

Если человечество не уйдет в сторону от великого и высшего пути, оставив победное шествие по нему новым созданиям вселенской Матери, неутомимо трудящейся над своими творениями, то оно должно следовать именно этим восходящим путем, лежащим через любовь, озаренный разум и витальное устремление к самоотдаче, путем, ведущим через исполнение этих ступеней в запредельное по отношению к ним — к супраментальному единству. Человечество должно обрести свое спасение и найти окончательное благо, положив в основу человеческой жизни супраментальную реализацию сознательного соединения с Единым. Именно это мы считаем четвертым статусом Жизни в ее восхождении к Божеству.

¹ Ригведа, X.129.3.

² Воды царства света, что выше солнца, и воды, что обретаются внизу. — Ригведа, III.22.3.

ГЛАВА XXIII

Двойственная природа души

Пуруша, внутреннее «Я», — величиной не более перста.

*Катха Упанишада*¹

*Шветашватара Упанишада*²

Тот, кто знает свой Дух, как вкушающий мед бытия, как владыку всего, что прошло и грядет, не отвращается и не бежит от действительности, какой бы она ни была.

*Катха Упанишада*³

Кто зрит Единого во всем, тот заблуждения не знает и печали.

*Иша Упанишада*⁴

Познавший блаженство Предвечного не ведает страха.

*Тайттирия Упанишада*⁵

ПЕРВЫЙ статус Жизни характеризуется немой бессознательной силой, побуждающим волевым импульсом на материальном, или атомарном, уровне, который не является самостоятельным и не способен управлять собой, но полностью подчинен универсальному движению, возникая в нем как темная неоформленная зачаточная индивидуальность. Средоточие второго статуса Жизни — желание, жаждущее обладания, не способного достичь его из-за ограничений. Источник третьего статуса — Любовь, устремленная одновременно и к обладанию, и к самоотдаче. Четвертый статус воспринимается и опознается по свойству, которое показывает его совершенство и сущность которого составляет наличие чистой и ярко выраженной изначальной воли, озаренной реализации промежуточного желания, высокого сознательного взаимообмена Любви, осуществляемого соединением душ в одно божественное целое самоотдачи и обладания, что являет собой преддверие супраментального бытия. Подвергнув внимательному рассмотрению эти градации, мы поймем, что

¹ II.1.12-13; II.3.17. ² III.13. ³ II.1.5. ⁴ Стих 7. ⁵ II.9.

все они суть формы и последовательные этапы поисков человеческой душой индивидуального и универсального блаженства. Восхождение Жизни, по сути, есть восхождение божественного Блаженства от немой погруженности в Материю через борьбу противоположностей, различных крайностей к своему полному раскрытию в Духе.

Наш мир таков, каков он есть, и не может быть иным, ибо он есть скрытая форма проявления Сатчитананды. Поэтому Его сила всегда должна обретать себя и добиваться своей самореализации в божественном и вездесущем Блаженстве. Коль скоро Жизнь является энергией Его сознательной силы, то тайна всех ее проявлений должна заключаться в скрытом блаженстве, пребывающем во всем сущем, являющемся одновременно причиной, двигателем и целью всей жизнедеятельности. И если в результате эгоистической разделенности это блаженство остается нереализованным и предстает в качестве своей противоположности, подобно тому как бытие скрывает себя под маской смерти, если сознание выступает под личиной бессознательности, а сила является в облике бессилия, то живое существо не может быть удовлетворено, не может обрести отдохновения от непрестанного движения и не в состоянии довести его до конца, кроме как достигнув вселенского блаженства, которое есть одновременно и всеохватывающее наслаждение своим собственным бытием, и всеобъемлющее, всепросвещающее, всеподдерживающее наслаждение Сатчитананды как в трансцендентном, так и в имманентном аспекте. Поэтому стремление к блаженству — это основополагающий импульс и смысл Жизни, а достижение блаженства — ее главная цель.

Но где же кроется в человеке этот принцип Блаженства? В какой части нашего существа он проявляет себя и достигает завершенности в космическом процессе, подобно тому как Сознание-Сила использует Жизнь в качестве средства своего проявления во вселенной, а Супраментал использует Разум для тех же целей? Мы уже выявили четырехсложный творческий принцип божественного Существа — Бытие, Сознание, Блаженство и Супраментал. Супраментал, как мы показали, есть вездесущая, хотя и скрытая, сила на уровне материального космоса. Супраментал коренится в завуалированном виде за внешним обликом вещей, проявляя себя оккультным образом с помощью своего орудия, Разума. Божественная Сознание-Сила присутствует повсюду в материальном космосе, но в скрытом состоянии, проявляясь и действуя потаенно под видимой личиной вещей и явлений главным образом

с помощью своего орудия — Жизни. И хотя мы еще не рассмотрели отдельно принцип Материи, тем не менее мы уже можем сказать, что единое божественное бытие повсюду скрыто присутствует в материальном космосе за внешним обликом вещей и явлений, проявляясь с помощью своего орудия — Субстанции, или Материи, как формы Бытия. Точно так же принцип божественного Блаженства в космосе должен быть вездесущим, скрыто присутствуя за внешней видимостью вещей и явлений и обнаруживая себя в нас через подчиненный ему принцип, с помощью которого возможна открытая его реализация в деятельности вселенной.

Речь идет о том, что мы иногда называем специальным термином «душа», или, другими словами, о психическом принципе, который не является ни жизнью, ни разумом, ни тем более телом, но при этом объемлет и вмещает в себя суть и того, и другого, и третьего, включая присущее им блаженство, чистоту и совершенство бытия, способность реагировать и воспринимать свет, любовь, радость и красоту. Человек, фактически, обладает двойственной природой души, или психического принципа. Точно так же можно сказать, что любой другой космический принцип в человеке имеет двойственный характер. К примеру, можно говорить о том, что мы располагаем двумя видами разума, один из которых есть поверхностный разум, принадлежащий нашему эволюционирующему эго и возникающий по ходу нашего формирования в мире Материи, а другой — подсознательный, не связанный фактической ментальной деятельностью с ее ограничениями, представляющий собой нечто огромное, мощное и просветленное, истинное ментальное существо, скрытое за поверхностным ментальным образованием, принимаемым нами за свое истинное «я». Аналогично этому мы обладаем двумя жизнями, внешней, теленной и преходящей на уровне физического тела, уходящей эволюционными корнями в Материю с соответствующими ограничениями, и подсознательной силой жизни, которая не укладывается в узкие рамки физического рождения и смерти и представляет собой витальное существо, не вмещающееся в ту поверхностную форму, которую мы по невежеству именуем своим реальным существованием. Эта двойственность наблюдается даже на уровне нашей материальной телесной формы. Наше видимое тело вмещает в себе тонкое материальное существо, субстанция которого является составной частью не только физической, но также и витальной и ментальной оболочек, выступая как реальная субстанция, поддерживающая нашу

физическую форму, ошибочно принимаемую нами за вместилище человеческого духа. Психическое существо также обладает двойной природой, с одной стороны, это поверхностная душа желаний, проявленная в виде витальных импульсов, эмоций, эстетических склонностей и ментальных предпочтений, устремленности к власти, знанию и счастью, с другой — сублиминальное психическое существо, несущее в себе чистую силу света, любви, радости, содержащее в себе рафинированную сущность бытия, что и представляет собой нашу истинную душу, скрытую за внешними формами психического существования, часто именуемого человеческой психикой. И когда некий отблеск этого огромного и чистого психического существа отражается на поверхности человеческой жизни, мы говорим, что у человека есть душа. Если же такие отблески отсутствуют, мы говорим, что у человека нет души.

Внешние формы человеческого существа принадлежат нашему мелкому эгоистическому существованию. Сублиминальные формы нашего существа суть проявления истинной индивидуальности человека. Поэтому скрытая часть человеческого существа является той составляющей его природы, которая наиболее близка к универсальным проявлениям на человеческом уровне. Наш сублиминальный разум открыт для универсального знания космического Разума, наша сублиминальная жизнь соприкасается с универсальной силой космической Жизни, а тонкое физическое существо — с универсальной силой космической Материи. Поверхностный человеческий разум, жизнь и тело словно толстые стены отделяют нас от универсального всеобщего. Природа вынуждена с огромным трудом преодолевать эти препятствия, что ей удастся сделать лишь весьма несовершенным образом с помощью довольно грубых физических средств. Точно так же наша сублиминально скрытая душа способна воспринимать универсальное, космическое блаженство, от которого поверхностная душа отгорожена стеной эгоизма, через которую божественное космическое Блаженство способно проникать лишь в искаженной форме под маской своей полной противоположности.

Из сказанного следует, что поверхностная душа желаний лишена подлинной жизни души и способна лишь к искаженному восприятию окружающих ее вещей и явлений. Все зло в этом мире заключено в том, что человек не в состоянии обрести свою истинную душу, а причина этого зла коренится, в свою очередь, в его неспособности соединиться с истинной душой окружающего его мира. Он стремится к постижению сути бытия, силы, сознания, блаженства, но вместо этого получает

целый ворох противоречивых ощущений и впечатлений. Если бы он мог найти суть всего сущего, то сумел бы даже в этом ворохе ощущений и впечатлений обрести и универсальное бытие, и силу, и сознание, и блаженство. Противоречия мира феноменов примиряются на уровне единства и гармонии Истины, с которой мы соприкасаемся во всех наших контактах с окружающим миром. В то же самое время человек обрел бы свою истинную душу и с ее помощью свое «я», поскольку истинная душа есть посланник его «я», а человеческое «я» и всемирное «я» едины. Но все это остается недоступным для человека из-за эгоистического невежества его разума, сердца и чувства, отвечающих на внешние влияния не всеохватывающим отношением, обнимающим весь мир, а мелочными своекорыстными действиями, основанными на страстных побуждениях и реакциях раздражения, вызываемых простейшими соображениями типа: нравится — не нравится, приятно — неприятно. Именно душа желаний в результате своего искаженного восприятия жизни становится причиной тройкой извращенной интерпретации *rasa*, блаженства, скрытого в вещах и явлениях, так что чистая радость бытия трансформируется в тройственное ощущение удовольствия, боли и безразличия.

Рассматривая Блаженство Бытия в его отношениях с проявленным миром, мы уже видели, что наши представления об удовольствии, боли и безразличии носят относительный характер и определяются полностью субъективными факторами воспринимающего человеческого сознания. Так, удовольствие способно легко и быстро превращаться в боль и наоборот, поскольку и то, и другое обладает единой скрытой реальностью и поэтому и боль, и удовольствие представляют собой одно и то же явление, по-разному отраженное на уровне наших чувств и эмоций. Безразличие же есть либо результат рассеянного внимания поверхностной души желаний по отношению к *rasa* вещей и явлений или ее неспособности адекватно воспринимать и реагировать на *rasa*, либо следствие волевого подавления естественной человеческой реакции, приобретающее видимость нейтрального отношения к происходящему. Во всех этих случаях мы имеем дело с отрицающей неготовностью, или с положительным нежеланием, или с неспособностью какого-либо выражения на уровне поверхностного существа того, что проявляется активным образом на сублиминальном уровне.

Подобно тому, как мы знаем из наблюдений и психологических опытов, что сублиминальный разум воспринимает и усваивает то,

мимо чего проходит разум поверхностный, точно так же мы должны установить, что сублиминально сушая душа откликается на *rasa* (суть опытного восприятия вещей и явлений такого рода), который игнорирует как нечто ей отвратительное или же нейтрально-безразличное поверхностная душа желаний. Самопознание невозможно, пока мы не выйдем за пределы нашего внешнего существования, которое является продуктом избирательного поверхностного опыта, бледным образом, поспешным, неуклюжим, обрывочным выражением лишь малой части нашего, в действительности, огромного достояния. Мы должны преодолеть свое поверхностное бытие и познать, в каком отношении к нему находится сфера подсознательного и сверхсознательного, разумеется, предварительно освоив эти сферы. Ибо человеческая жизнь зиждется на этих трех «китах», обретая в них свою полноту. Сверхсознание представляет собой одно целое с душой мира и неподвластно влиянию феноменального многообразия, обладая истиной всего сущего и блаженством всех вещей и явлений. Так называемое подсознание¹ (в действительности, имеется в виду сублиминальное как более высокая сфера внутреннего существа, чем собственно подсознательное в нашем понимании), напротив, является лишь средством приобретения опыта. Оно не представляет собой единого целого с душой мира, но лишь открывается ей в своем опыте миропознания. Душа осознает *rasa* вещей и явлений и испытывает независимо ни от чего блаженство от контакта с ними как данность сублиминального плана. Она также осознает все ценности и качества поверхностной души желаний и сама, в свою очередь, испытывает на своем поверхностном уровне переживания боли и радости и безразличие, наслаждаясь и тем, и другим, и третьим в равной степени. Другими словами, наша реальная душа, испытывая радость от любого жизненного опыта, черпает из него силу, наслаждение и знание, превращая их в материал для своего роста и развития. Именно эта подлинная душа заставляет наш разум желаний терпеть боль и искать в ней наслаждение, отвергать удовольствие,

¹ Подсознательное в настоящем смысле этого слова представляет собой область на шкале сознания, расположенную ниже обычного физического уровня, более узкую, чем последняя, и соприкасающуюся со сферой Бессознательного; сфера сублиминального намного превосходит пределы нашего поверхностного бытия. Как первая, так и вторая относятся к внутренней области человеческого существа, недоступной для поверхностных его частей, поэтому в обычном представлении они никак не различаются, что отражается и в языке.

менять свою систему ценностей на противоположную и относиться ко всему с равным беспристрастием или с равной радостью, порождаемой многообразием бытия. Все это происходит потому, что наша подлинная душа понуждается вселенским процессом к развитию, используя опыт любого свойства. В противном случае, если бы мы жили целиком и полностью за счет поверхностной души желаний, наше развитие ничем не отличалось бы от существования растительного или минерального мира, чья скрытая душа — из-за отсутствия всякой осознанности в поверхностном плане жизни — не обладает необходимыми средствами для высвобождения жизни из оков жесткой необходимости соответствующей среды обитания. Душа желаний, предоставленная самой себе, никогда бы не вышла из этого порочного круга.

Согласно убеждению древних философов, удовольствие и боль неотделимы друг от друга, точно так же как интеллектуальная истина и ложь, беспомощность и сила, рождение и смерть. Поэтому единственное преодоление их возможно на пути обретения полного безразличия по отношению к внешним раздражителям нашего мира. Но более тонкое психологическое знание учит нас тому, что этот подход, основанный на поверхностных фактах жизни, не исчерпывает всей полноты стоящей перед нами проблемы. Для ее решения необходимо, чтобы из своей сублиминальности душа вышла в поверхностные слои существа, тогда порождаемые эгоизмом отношения «боль — удовольствие» будут замещены неизменным, всеобъемлющим блаженством как в личностном, так и в безличном его аспектах. Любитель Природы имеет сходные ощущения, наслаждаясь проявленным миром во всей его полноте, не отвращаясь ни от чего и ничего не страшась, отыскивая проявления красоты в том, что обычно принято считать низменным и безобразным, отталкивающим и ужасным. Художник и поэт достигают этого, пытаясь найти *rasa* универсальной формы через эстетические переживания, физические контуры или ментальный образ красоты, через скрытый внутренний смысл и силу, подобную той, от которой обычный человек отворачивается, но которая, с другой стороны, может и привлекать его, если доставляет удовольствие. Тот, кто стремится к знанию и к божественной любви, созерцая объект своей любви повсюду, человек духовного склада, интеллектуал, обладающий обостренным восприятием, эстет, проделывает это по-своему, пытаясь обрести Знание, Красоту, Радость и Божество. Реализация божественного принципа становится чрезвычайно трудной, а для многих

и вовсе непосильной и непривлекательной задачей, если речь идет о слишком сильном и мелочном эго, о чувственных радостях и страданиях, о физическом удовольствии и боли, перед лицом которых наша душа желаний обнаруживает свою слабость и страх. Тогда человеческое эго в своем невежестве отвращается от принципа безличности, хотя в то же время успешно применяет его в Науке и Искусстве и даже на уровне несовершенной духовной жизни, ибо там безличный подход нисколько не затрагивает самых ценных для эго поверхностных желаний, закрепившихся на уровне внешнего разума и жизни. Даже в своих высших и свободных проявлениях человек довольствуется лишь ограниченной степенью беспристрастности и безличной универсальности, соответствующей определенному виду деятельности и уровню сознания, что не нарушает эгоистической основы нашей практической жизни. Что же касается низменных и низших проявлений, то принцип универсальной безличности способен обозначиться здесь только тогда, когда весь фундамент нашей жизни будет перестроен, что остается совершенно невозможным для души желаний.

Скрытая в нас истинная душа — как мы говорим, «сублиминальная», хотя этот термин (обычно понимаемый как синоним подсознательного) и уводит нас от подлинного смысла, поскольку истинная душа не находится ниже уровня бодрствующего разума, а скорее, горит подобно пламени в храме внутреннего сердца, скрываемаемая плотной завесой невежественного разума, жизни и тела, являясь, таким образом, не «сублиминальной» в смысле «подсознательной», а потаенной, — это завуалированное психическое существо представляет собой неистощимый огонь Божества, неугасимый несмотря на побеждающий плотный мрак бессознательности, окутывающий все наше внешнее, поверхностное существо. Это и есть пламя Божественного, обитающего в Неведении; оно растет и развивается, пока не обратит его в Знание. Оно есть скрытый Свидетель и Властелин, Наставник и Даймон Сократа, внутренний свет или внутренний голос мистика. Психическое существо, будучи нетленным, переходит из одного рождения в другое, оставаясь неугасимой искрой Божественного. Не являясь нерожденным Духом, или Атманом, поскольку Дух, даже возвышаясь над индивидуальным существованием, всегда осознает его универсальность и трансцендентность, психическое есть его представитель, индивидуальная душа, *caitya puruṣa*, поддерживающая разум, жизнь и тело и остающаяся за пределами ментального, витального и тонкого физического

существ. По отношению к ним психическое занимает позицию стороннего наблюдателя, обогащая и накапливая свой опыт по мере их развития. Эти разные существа, заключенные в одной человеческой натуре, не обнаруживают своей подлинной сути, прикрываясь лишь преходящей поверхностной оболочкой личности, которую мы и принимаем за свое «я». Точно так же и скрытая в нас психическая Личность формирует психическую индивидуальность, которая от одной жизни к другой изменяется, растет и развивается. Психическое существо — не что иное, как странник, раз за разом путешествующий между рождением и смертью, а наши природные составляющие есть лишь его разнообразные и меняющиеся одеяния. Психическое существо может поначалу осуществлять лишь частичное и косвенное воздействие на человеческую природу посредством разума, жизни и тела, которые являются средствами его самовыражения и должны быть в должной мере развиты в ходе эволюции, ибо до сих пор на протяжении долгого времени они сдерживали своими ограничениями самовыражение психического. Предназначенное вести человека через Неведение к Божественному Сознанию, психическое усваивает, ассимилирует и впитывает в себя все существо полученного человеком в Неведении опыта, что является ядром и основой развития и роста души в природе. Весь остальной материал, составляющий человеческий жизненный опыт, психическое обращает в наполнитель, содействующий будущему росту и развитию инструментария нашего существа, который психическое использует до тех пор, пока он не превратится в исполненное света орудие Божественного. Скрытая в нас психическая сущность есть истинное изначальное Сознание, намного более глубокое, чем, например, искусственно выработанное и полное условностей сознание материалиста, ибо оно всегда обращено к Истине, Справедливости и Красоте, к Любви и Гармонии, ко всему тому, что в нас есть Божественного, и продолжает настойчиво увлекать нас ко всему этому, пока оно не станет главной потребностью нашей природы. Святой, мудрец и провидец становятся таковыми благодаря раскрытию в них психического существа. По достижении психическим полной силы, оно направляет все человеческое существо к познанию Духа и Божественного, к высшей Истине, высшему Добру, Красоте, Любви и Блаженству, к божественным высотам и беспредельности, приобщая нас к духовной отзывчивости, универсальности и единству. И напротив, там, где психическое остается неразвитым и слабым, все тончайшие проявления человеческой природы

остаются плохо выраженными или вовсе отсутствуют, даже если разум, сердце и витальные эмоции, физическое тело отличаются большими способностями, силой и выносливостью. В этом случае главенствующее место принадлежит поверхностной псевдопсихической сущности, душе желаний, которую мы принимаем за истинное психическое существо, а ее идеалы, желания и устремления за подлинное богатство духовного опыта¹. Если скрытая психическая Личность сможет подняться на поверхность человеческого существа и, заменив собой душу желаний, обрести полное управление всей человеческой природой, разумом, жизнью и телом, то они станут не чем иным, как отображением истины и красоты, и, в конечном счете, человек получит возможность обратить всю свою природу к достижению подлинной цели человеческой жизни, ее высшего состояния, к восхождению в духовные сферы бытия.

Тогда можно предположить, что выдвигание психического существа на первый план человеческой природы и подчинение ему всех наших действий и проявлений приводит к реализации человеческого природного естества, открывая для него доступ в царство Духа. Можно также не без основания сказать, что нет никакой нужды для вмешательства высшего принципа Сознания-Истины, или Супраментала, чтобы помочь нам достичь божественного состояния, или божественного совершенства. Однако, хотя психическая трансформация и является необходимым условием полной трансформации нашего бытия, она все же недостаточна для крупномасштабной духовной трансформации. Прежде всего, следует отметить, что, будучи индивидуальной душой в Природе, психическое может раскрываться по отношению к скрытым божественным сферам нашего существа, воспринимая их свет, силу и опыт и отражая их. Но нужна еще одна трансформация, еще одно духовное преобразование, действующее сверху и позволяющее нам добиться обладания

¹ Слово «психическое» в обычной разговорной речи употребляется чаще всего применительно к душе желаний. В более широком смысле оно употребляется для обозначения различных психических и необычных явлений сверхъестественного характера, связанных на самом деле с внутренним ментальным, внутренним витальным и тонким физическим существами, принадлежащими сублиминальному плану, непосредственного отношения к собственно психическому не имеющих. Сюда относят даже явления материализации и дематериализации, хотя вполне очевидно, что они никак не связаны с действиями души и не могут объяснить ни ее свойств, ни существования, являясь скорее следствием проявления оккультных физических энергий, действующих на уровне грубоматериальных предметов, сначала сводя их формы до тонкого состояния, а затем придавая им видимое физическое обличье.

своим «я» во всей его универсальности и трансцендентности. Само по себе психическое на какой-то стадии может достичь состояния удовлетворенности на определенном уровне истины, добра и красоты; на следующей стадии оно способно превратиться в пассивное отображение мирового духа, стать отражением универсального бытия, сознания, силы, блаженства, которые, впрочем, оно никогда не сможет контролировать. Психическое, хотя и будучи связанным с космическим сознанием в области знания и даже чувственного восприятия, может оставаться совершенно отрешенным от действия в проявленном мире; или же, соединившись с неподвижным «я», запредельным космосу, и растворившись в своем Первоисточнике, психическое способно отрешиться от воли и силы, необходимых для выполнения ее земной миссии, чтобы направить человеческую природу к божественной реализации. Психическое существо является посланником Духа, Божественного в Природе и может отвращаться от Природы, устремляясь к безмолвному Божественному через безмолвие Духа и высшую духовную неподвижность. И опять же, будучи извечной частицей Божественного¹, психическое, согласно закону Бесконечного, неотделимо от Божественного Целого; психическое и на самом деле есть это Целое, за исключением внешнего обличья, обособленного поверхностного опыта самовосприятия. Психическое существо, как сказано в Упанишадах, размером не больше человеческого пальца, однако оно способно духовным образом расширяться до таких размеров, что становится в состоянии, используя разум и сердце, объять собою весь мир. Или же оно может осознать своего извечного Спутника и предпочесть Его присутствие всему остальному, образуя нерушимый союз извечного любовника со своим Возлюбленным — опыт, не имеющий себе равных по силе и красоте из всех духовных опытов. Все это лежит в сфере досягаемости наших духовных поисков, хотя и не является для нас пределом, поскольку относится к области достижений нашего духовного разума.

Разум даже на высших уровнях своего проявления, выходящих за пределы нашего человеческого менталитета, все-таки действует согласно своей природе, то есть посредством анализа, расчленения объекта своей деятельности. Любой аспект Извечного он воспринимает как всецелую истину Вечного Существа, доводя ее до абсолютного значения. Разум выстраивает целый ряд противоположностей, таких

¹ Гита, XV.7.

как безмолвное Божественное и божественная Динамичность, неподвижный Брахман, не обладающий никакими качествами, и активный Брахман, наделенный определенными качествами и свойствами, Божественная Личность и чистое безличное Бытие. Разум способен затем отрешиться от одной из противоположностей, сосредоточившись целиком и полностью на другой, как на абсолютном проявлении Истины. Он может рассматривать Личность как всю полноту Реальности или Безличный аспект, как единственно истинный. Разум может считать Любовь единственным средством выражения вечной Любви; он способен видеть в проявленных существах выражение индивидуальной силы безличного Бытия или рассматривать безличное бытие как состояние единого Существа, Бесконечной Личности. Его духовные достижения всегда остаются в пределах этих границ, заданных божественным промыслом. Но за гранью возможностей духовного Разума лежит высший опыт Супраментального Сознания-Истины. На уровне Супраментала, высшей и интегральной реализации Извечного Существа, снимается противостояние противоположностей. Достижение Супраментального уровня сознания и есть наша цель, обеспечивающая человеческое восхождение к супраментальному Сознанию-Истине и ее нисхождение в нашу природу. На этом уровне духовного преобразования психическая трансформация получает свое завершение, сменяясь и дополняясь супраментальной трансформацией, придающей ей новый качественный уровень.

Одна лишь супраментальная энергия сознания способна привести к гармонии противоположности проявленного бытия, которые кажутся нам таковыми в силу Неведения, безмолвный дух и динамическую природу воплощенного мира. На уровне Неведения Природа превращает в центр средоточия своих психологических действий не скрытое духовное «я», но его заменитель, эгоцентрический принцип, который становится связующим звеном всех наших опытов и отношений в противоречивом и двойственном окружающем мире. Наше эго подобно крепостным стенам, защищающим нас от всего космического и бесконечного. Однако духовная трансформация предполагает выход за пределы этих крепостных стен и исчезновение эго, что ведет к растворению индивидуальности в безбрежном океане безличности, который, на первый взгляд, не дает никакой основы для упорядоченного динамического действия. Обычным результатом является разделенность человеческого существа на внутреннюю, духовную, и внешнюю, природную, состав-

ляющие. В первой из них наблюдается духовная реализация, утвержденная во внутренней свободе, тогда как внешняя, природная, часть продолжает свое развитие под воздействием механического импульса накопленных в прошлом энергий. Но даже при полном растворении человеческого эго наша внешняя природа может сама по себе стать ареной проявления хаоса и беспорядка, хотя внутреннее существо и будет в то же время озарено светом Духа. В этом случае будет сохраняться внешняя пассивность и инертность, зависящая от окружающих обстоятельств и сил¹, даже если внутреннее сознание пребывает в озаренном состоянии. Самопознание², строгость и сдержанность³ чистого Духа⁴, присущие внутренней природе, не обязательно находят свое отражение в природе внешней. Динамизм внешней природы может быть также следствием поверхностного эгоцентрического действия, не получающего одобрения со стороны внутреннего существа; или же это может быть результатом ментального динамизма, не способного вместить внутреннюю духовную реализацию. Ибо нет никакого равновесия между действием разума и статусом духа. Даже если, в лучшем случае, имеется в наличии направляющий интуитивный внутренний Свет, характер его проявления в действии будет непременно отмечен несовершенством разума, жизни и тела. Другими словами, возникает образ Властителя, окруженного немощными поданными, или Знания, выраженного в терминах Неведения. И только нисхождение Супраментала в единстве со Знанием-Истиной и Истиной-Волей может привести к гармонии Духа внешнюю и внутреннюю человеческую природу. Одному лишь Супраменталу под силу обратить Неведение в Знание.

В реализации нашего психического существа, так же как и в самореализации разума и жизни, существует их постоянная связь с божественным источником, с соответствующей истиной в Высшей Реальности. И сила Супраментала, объединяющая высшее и низшее полушария Единого Бытия, придает этому процессу реализации интегральную целостность. В Супраментале скрыт объединяющий Свет и Сила, открывающие путь к высшей Ананде. Психическое существо под действием Света и Силы может соединиться со своим источником, с изначальным Блаженством бытия, преодолевая двойственность боли и радости, освобождая от страха и ограничений разума, жизни и тела и обращая жизненные противоречия в Божественную Ананду.

¹ *jaḍavat* ² *bālavat* ³ *unmattavat* ⁴ *piṣācavat*

Материя

Он понял, что Материя есть Брахман.

Тайттирия Упанишада¹

ТЕПЕРЬ мы имеем разумное обоснование того, что Жизнь не является необъяснимым призрачным сновидением или немыслимым и печально-неизбежным злом, но представляет собой мощную и энергичную пульсацию божественного Всеобщего Бытия. Мы в состоянии различить ее основополагающие принципы и угадать ее высшие возможности божественного самовыражения. Но есть еще один принцип, принадлежащий к разряду самых низших, который мы еще не рассмотрели достаточно подробно, и это принцип Материи, на котором зиждется Жизнь, как на прочном фундаменте, и из которого она развивается и произрастает, подобно ветвистому дереву из ничтожно-малого семени. Человеческий разум, жизнь и тело находятся в зависимости от физического принципа, и, хотя Жизнь проистекает из Сознания, укорененного в Разуме, расширяясь и постигая свою собственную истину на уровне супраментального бытия, она как будто обусловлена физической оболочкой материального тела. Важность и необходимость физического тела очевидна. Человек смог подняться и возвыситься над животным миром, потому что был в состоянии развиваться или был наделен человеческим телом и разумом, что, в свою очередь, обеспечило его способность к озаренному ментальному восхождению. Точно так же развитие физического телесного инструментария, способного решать более высокие задачи, позволит человеку подняться выше его сегодняшнего уровня и достичь реализации совершенного божественного существа не только на уровне мысли и внутреннего состояния, но и на уровне воплощенной жизни. Если этого не произойдет, то это приведет к отсрочке реализации высших возможностей Жизни, что, в свою очередь, будет означать, что человек сможет достичь Сатчитананды лишь перешагнув через свое бытие и уничтожив его, отбросив разум, жизнь и тело и возвратившись

¹ III.2.

к состоянию чистой Бесконечности; или же из этого будет следовать, что человек не является божественным орудием и имеет определенные пределы, обусловленные его биологическим видом, на смену которому должен со временем прийти вид более совершенный по своим возможностям.

Может действительно показаться, что тело с самого начала представляет собой главное препятствие на пути развития души. Поэтому рьяный поборник духовности избирает его обычно объектом своего особого презрения. Его собственное тело становится для него невыносимым бременем, заставляющим его искать спасения в аскетическом образе жизни. Пытаясь избавиться от тела, он приходит даже к отрицанию реальности материальной вселенной. Религии по большей части предавали Материю проклятиям и рассматривали отказ от физической жизни как показатель религиозного рвения и признак духовности того или иного подвижника. Более древние религиозные традиции, отличавшиеся большей глубиной и терпимостью к своим последователям, не обремененные недугом лихорадочной поспешности Железного Века, не делали такого различия между Духом и Материей. Они признавали землю Матерью, а небо — Отцом, выказывая им свою любовь и почтение. Но для современного человека, на каких бы позициях он ни находился, духовных или материалистических, древние мистерии полны столь глубоких загадок и тайн, что мы склонны подходить к решению проблемы бытия, как к гордиеву узлу, разрубая его одним ударом и получая четкий и ясный ответ в виде двух возможных вариантов выхода из создавшейся ситуации: бегства в вечное блаженство или в вечное небытие.

Истоки проблемы восходят даже не к осознанию наших духовных возможностей, они прослеживаются от момента возникновения самой жизни и ее борьбы за самоутверждение с силами инерции и несознания, распада и разложения на атомарном уровне, которые на материальном плане представляют собой гордиев узел великого Отрицания. Жизнь находится в состоянии постоянной войны с Материей, и кажется, что исход битвы каждый раз готов привести к очевидному поражению Жизни, к тому, что на материальном уровне называется смертью. Это противоречие усугубляется еще больше с появлением Разума, ибо Разум имеет свои собственные счеты как с Жизнью, так и с Материей, постоянно преодолевая их ограничения и свою собственную зависимость от их инерции, страстей и страданий. В конечном

счете это сражение склоняется к победе Разума, которая дается ему дорогой ценой и не всегда бывает полной и бесповоротной. В результате Разум подавляет или уничтожает витальные побуждения и страсти и нарушает равновесие физических сил тела, делая это в интересах более высокой ментальной активности и нравственных принципов. В этой борьбе проявляется нетерпение Жизни и отвращение по отношению к телу; обе эти тенденции являются составной частью устремленности к чистому ментальному и нравственному бытию. Когда человек пробуждается к запредельным сферам Разума, это внутреннее противоречие еще больше углубляется. Разум, Тело и Жизнь удостоены презрения, как тленная плоть и дьявольское наваждение. Разум также считается источником всех бед. Человек объявляет войну между духом и его инструментарием, стремясь к победе духовного Обитателя и восхождению на его бесконечные высоты за счет отрицания разума, жизни и тела. Проявленный мир представляет собой хаос, который мы должны преодолевать путем доведения его противоречий до их логического конца и полного исчезновения.

Но все эти победы и поражения есть лишь бегство от проблемы, а не ее решение. Жизнь ни в коей мере не страдает от Материи, но идет на компромисс, используя смерть для продолжения жизни. Разум не одерживает победу ни над Жизнью, ни над Материей; он только добивается несовершенного уровня развития некоторых своих возможностей за счет других, скованных и не проявленных в сфере жизни и тела. Индивидуальная душа оказалась неспособной одержать победу над низшей триадой, она смогла лишь отбросить ее претензии и требования и уклониться от работы, возложенной на нее воплощенным во вселенной духом. Проблема остается, ибо продолжается труд Божественного во вселенной; правда, отсутствует сколько-нибудь удовлетворительное решение проблемы или победа Божественного. Поскольку, согласно нашему убеждению, Сатчитананда есть начало, середина и конец всего сущего, а борьба и противоречия не могут длиться вечно и оставаться фундаментальными принципами Ее бытия, предполагая одним только фактом своего существования неизбежность окончательного их преодоления, то нам следует искать решение проблемы в реальной победе Жизни над Материей путем свободного и безукоризненного использования Жизнью нашего тела, в реальной победе Разума над Жизнью и Материей путем свободного и полного использования жизненной энергии и формы Разума и в реальной победе

Духа над низшей триадой путем свободного и совершенного использования духом разума, жизни и тела как своего инструментария. Для того чтобы убедиться, что эти завоевания, в принципе, возможны, мы должны уяснить для себя, что составляет реальность Материи, подобно тому, как в поисках фундаментального знания мы устанавливали реальность Разума, Духа и Жизни.

В определенном смысле можно сказать, что Материя нереальна и что она вовсе не существует. Другими словами, наше настоящее знание о Материи, представление о ней и опыт ее восприятия не отражает ее истины, а является лишь феноменальным фактом конкретного отношения между нашими чувствами и окружающим миром. Открытие науки, согласно которому Материя сводится к формам проявления Энергии, содержит в себе универсальную и основополагающую истину. А когда философская мысль пришла к тому, что Материя существует как субстанциальное выражение сознания, при том, что Дух, или чистое сознательное Существо, есть единственная реальность, то она открыла еще более глубокую и полную истину. Но тогда все же остается вопрос, почему Энергия должна принимать форму Материи, а не функционировать в виде силовых потоков. Или почему то, что действительно является Духом, должно принимать явление Материи, не ограничиваясь только другими состояниями духа. Считается, что подобные вопросы есть результат работы Разума; но поскольку Мысль не обладает непосредственной творческой способностью и не в состоянии воспринимать материальную форму вещей, то все это относится на счет Чувства. Чувственный разум создает формы, которые он как будто способен воспринимать, а мыслящий разум оперирует с формами, созданными чувственным разумом. Очевидно, что индивидуальный воплощенный разум не является творцом Материи. Земной мир не может быть результатом работы человеческого разума, который, в свою очередь, представляет собой продукт земного бытия. Если мы скажем, что окружающий нас мир существует лишь в нашей голове, мы только запутаем дело и ничего не объясним. Ведь материальный мир существовал и прежде появления на земле человека и он будет продолжать свое существование, даже если человек исчезнет с лица земли или если наш индивидуальный разум растворится в Бесконечности. Из этого следует, что существует универсальный Разум, подсознательный для нас или сверхсознательный в духе, который и создал для себя это место обитания. А так как создатель существовал и прежде своего

творения и превосходит его сейчас, то это предполагает наличие сверхсознательного Разума, создающего¹ в себе самом с помощью своего вселенского чувственного инструментария отношения одной формы с другой, что и составляет определенный ритм вселенной. Но это также не приводит нас к полному решению проблемы, указывая лишь на то, что Материя есть произведение сознания, и не объясняя, каким образом Сознание создает Материю, как основу космоса.

Нам станет это понятнее, если мы проследим все эти вещи в их истоках. Бытие есть действие Сознания-Силы, представляющее активность силы в формах его собственного бытия. Сила есть лишь действие единого Сознания-Существа, и результат этого действия не может быть ничем, кроме как формами этого Сознания-Существа. Тогда Субстанция, или Материя, будет лишь формой Духа. Обличье, которое принимает эта форма Духа для наших органов чувств, обусловлено разделяющим действием Разума, из чего мы смогли последовательно вывести все явление вселенной. Теперь мы знаем, что Жизнь является действием Сознания-Силы, ведущим к образованию материальных форм. Жизнь, проявленная в этих формах и предстающая поначалу как несознательная сила, развивается и привносит на уровень манифестации сознание в виде Разума, который предстает реальным непреходящим духом силы, присутствующим даже в непроявленном состоянии. Мы также знаем, что Разум есть низшая сила изначального сознания Знания, или Супраментала, та сила, по отношению к которой Жизнь является инструментальной энергией. Нисходя через Супраментал, Сознание, или Чит, выражает себя в виде Разума, а Сила Сознания, или Тапас, — в виде Жизни. Разум, изолированный от своей высшей реальности, Супраментала, придает Жизни видимость двойственного характера и, присутствуя в своей собственной Жизненной Силе, становится подсознательным в Жизни, придавая материальным проявлениям внешнюю видимость несознательной силы. Поэтому несознание,

¹ Разум в том виде, как мы его знаем, является лишь относительным и инструментальным творцом; он обладает неограниченной способностью к созданию самых разнообразных комбинаций, но все творческие мотивы навешаются ему сверху. Все творческие формы имеют свою основу в сфере Бесконечного, выше Разума, Жизни и Материи и лишь воспроизводятся здесь или, лучше сказать, искажаются. Корни лежат наверху, а ветви — внизу, сказано в Ригведе. Сверхсознательный Разум, о котором мы говорим, лучше было бы назвать Сверхразумом; он расположен в сфере, непосредственно граничащей с супраментальным сознанием.

инерция, атомарное разложение Материи должны иметь своим источником разделяющее, двойственное действие Разума, породившее нашу вселенную. Подобно тому, как Разум есть лишь конечное проявление Супраментала в его нисходящем созидательном движении, а Жизнь есть проявление Сознания-Силы на уровне Неведения, вызванное нисхождением Разума, точно так же и Материя, как нам известно, есть возникающая в результате конечная форма сознания-бытия. Материя есть субстанция единого Сознания-Бытия, феноменально разделенного в самом себе действием универсального Разума¹. Это разделение и двойственность, повторяющиеся на уровне индивидуального разума, ни в коей мере не противоречат и не преуменьшают единство Духа, или единство Энергии, или реальное единство Материи.

Но откуда берется это феноменальное и практическое разделение неделимого Бытия? Оно происходит в результате того, что Разум вынужден доводить до крайности принцип многообразия, что можно осуществить только путем разделения. Для этого он должен, создавая многообразные формы Жизни, придать универсальному принципу Бытия видимость материальной субстанции. Другими словами, ему нужно придать видимость такой субстанции, которая для Разума будет выглядеть как устойчивый, стабильный объект или предмет среди проявленного многообразия и не будет представлять перед чистым сознанием как нечто, обладающее извечным чистым бытием и реальностью. Соприкосновение Разума с воспринимаемыми им объектами создает то, что мы называем чувством, но в данном случае это должно быть внешнее чувство, уверенное в реальности того, с чем оно соприкасается. Тогда неизбежно за нисхождением Сатчитананды через Супраментал в разум и жизнь следует нисхождение чистой субстанции в материальную субстанцию. Это является необходимым результатом воли к созданию многообразия бытия, первым методом приобретения низшего опыта бытия. Если мы обратимся к духовной основе вещей, то увидим, что субстанция в своей полной чистоте превращается в чистое сознательное бытие, самосущее и самосознающее себя через отождествление, но не воспринимающее еще себя своим сознанием как объект. Супраментал сохраняет это самосознание как суть самосущего знания

¹ Слово «Разум» используется здесь в самом широком смысле, включая действие силы Сверхразума, ближайшей к супраментальной Истине-Сознанию, которая является первым источником Неведения.

и свет самосущего творения, но для этого творческого акта представляет для себя Бытие как единый субъект-объект, который является в то же время для его собственного активного сознания множественным. Бытие, как объект, присутствует там в высшем знании, способном воспринимать его и как объект познания, и субъективно как самого себя, но в то же время может проецировать его как объект знания в пределах своего сознания, другими словами, из центра видения, в котором Существо сосредоточивает себя как Познающий, Свидетель, или Пуруша. Мы видим, что из этого оценивающего сознания возникает движение Разума, движение, за счет которого индивидуальный познающий воспринимает форму своего собственного универсального существа как нечто отстраненное от самого себя. Но в божественном Разуме одновременно возникает и другое движение, являющее собой оборотную сторону той же медали, акт воссоединения существа, ликвидирующий это феноменальное разделение и препятствующий его превращению в реальность для познающего. Этот акт сознательного воссоединения есть то, что представлено в неведении на уровне разделяющего Разума чисто внешне как контакт в сознании между разделенными существами и отдельными объектами, а в человеке этот контакт в разделенном сознании представлен, в первую очередь, принципом чувства. На этом фундаменте чувства, на этом контакте, подверженном разделению, основывается действие мыслящего разума, подготавливающего себя к возвращению к высшему принципу единства, в котором разделение подчинено единству. Тогда субстанция, как нам известно, материальная субстанция, является формой, в которой Разум, действующий с помощью чувств, соприкасается с Сознательным Существом, по отношению к которому он является проявлением знания.

Однако Разум по своей природе стремится к познанию и чувствованию субстанции сознательного существа, но не в его единстве и целостности, а в разделенности. Разум видит эту субстанцию в мельчайших подробностях, которые он соединяет вместе и создает из них единую целостную картину; на уровне этой целостной картины пребывает космический Разум. Таким образом, будучи орудием Идеи-Реальности, обреченным трансформировать все свои впечатления в энергию жизни, космический Разум превращает все воспринимаемое им, все многообразие универсального бытия в проявления универсальной Жизни. Он превращает их в Материю, в формы атомарного бытия, пронизанного инстинктом жизни и управляемого разумом и волей,

приводящими эти формы в действие. В то же время атомарное бытие должно, согласно присущему ему закону, стремиться к соединению и к агрегации. Каждая из таких форм-агрегатов, несущая в себе скрытую жизнь, разум и волю, содержит подобие индивидуального существования. Каждый индивидуальный объект, или индивидуальная жизнь, поддерживается в скрытой или явной форме силой эго с присущей ей волей к становлению и самосознательным ментальным эго, в котором воля становится сознательной и активной.

Таким образом причиной атомарного бытия является не вечный и изначальный закон Материи, а природа действия космического Разума. Материя есть продукт творения, для создания которого в качестве первоосновы требовалось разделение Бесконечного на предельно малые составляющие части. Эфир есть неуловимая, почти духовная основа Материи, но как явление, согласно нашему сегодняшнему знанию, он не считается материально воспринимаемым. Разбив видимую проявленную форму на составляющие ее мельчайшие частицы, атомы, мы, согласно природе Разума и Жизни, придем к изначальному атомарному бытию, возможно, и неустойчивому, но постоянно воссоздающему себя на феноменальном уровне в потоке силы и не лишенному определенного внутреннего содержания. Распространение субстанции в пространстве любыми другими способами, отличными от атомарного, относится к разряду чистого бытия, чистой субстанции. Они имеют отношение к знанию Супраментала и к принципу его динамизма, отличным от творческой концепции разделяющего Разума, хотя Разум и способен осознавать их. Будучи основой Материи, они не являются тем, что мы называем Материей. Разум, Жизнь и Материя могут составлять единое целое с этим чистым бытием и сознательным его распространением, но не проявлять это единство в своем динамическом действии и формообразовании.

Итак, мы приходим к той истине, согласно которой Материя есть самораспространение во вселенной существа, как субстанции, или объекта сознания, проявленное в действии Разума и Жизни в виде атомарного разделения. Но эта Материя, подобно Разуму и Жизни, все же является Брахманом в его самосушном творческом акте. Материя есть форма проявления силы сознания Существа, форма, определенная Разумом и реализованная Жизнью. Она включает в себе, как свою собственную реальность, сознание, сокрытое от нее самой, вовлеченное и поглощенное результатами своего собственного формообразования

и самозабвения. И какой бы грубой и бесчувственной она нам ни казалась, Материя тем не менее представляет собой для скрытого в ней сознания блаженство бытия, которое является объектом чувственного восприятия для устремленного к ней опыта, стремящегося увидеть в ней потаенное божество. Существо, проявленное как субстанция, сила Существа, облеченная в форму, блаженство, как объект сознания, — все это и есть Сатчитананда. Материя и есть Сатчитананда, воплощенная для Ее собственного ментального опыта в виде формальной базы объективного знания, действия и блаженства бытия.

Гордиев узел материи

Ни силой, ни разъятьем, противостояньем крайностей я Истины сияющего Господа не достигаю... Кто охраняет неприкосновенность лжи? Кто стережет мир нереального?

И не было тогда и бытия с небытием, и мира среднего, и не было Эфира, и запредельности. Чем все покрыто было? Где пребывало все? И в чьих владеньях? Что представлял собою тот плотный и глубокий океан? Ни смерти, ни бессмертия, ни знания, ни дня, ни ночи не существовало. Лишь Тот Единый жил, не знающий дыханья, своим законом самосушим бытия. И больше ничего. Сначала Мрак скрывался мраком и представлял собою несознания океан. Когда вселенское скрывалось бытие за маской двойственности и многообразья, тогда в величии энергии своей явился Тот Единый. Он был сначала как желание внутри, рождающее изначальный разум. Провидцы Истины прозрели волей в сердце и мыслью, что бытие рождается в небытии. Их виденье охватывало лишь горизонтальный план, а что же было ниже, и выше было что? Там были те, кто семена разбрасывали дланью, и было там Величье. Закон там самосуший был внизу и Воля — наверху.

*Ригведа*¹

ЕСЛИ вывод, к которому мы пришли, верен — а другого вывода и не могло быть, учитывая наши исходные данные, — резкое разделение между Духом и Материей, создаваемое практическим опытом и привычными для нас подходами разума, не обладают более какой бы то ни было фундаментальной реальностью. Проявленный мир есть дифференцированное единство многообразия, а не постоянное стремление к достижению компромисса между извечными противоречиями или бесконечная борьба непримиримых противоположностей. Неотъемлемое единство, рождающее бесконечное

¹ V.12.2, 4; X.129.1-5.

разнообразии, суть основа и начало мира. Постоянное примирение под видимой личиной разделения и борьбы, сочетающей в себе все возможные крайности и служащей целям скрытых Сознания и Воли, которые всегда пребывают в единстве, контролируя все свои сложные проявления и действия, суть подлинный характер проявленного мира. Отсюда следует, что логическим завершением мира является реализация Сознания и Воли и их гармоничное сочетание. Субстанция есть форма, оборотными сторонами которой выступают Материя и Дух. И Дух и Материя едины. Дух есть душа и реальность того, что мы воспринимаем как Материю, которая, в свою очередь, есть форма и тело того, что осознается нами как Дух.

Конечно, на практическом уровне между ними пролегает бездонная пропасть, лежащая в основе многообразия проявленного мира. Субстанция, как мы сказали, есть сознательное бытие, воспринимаемое органами чувств как объект, что дает возможность космического развития независимо от формы чувственных отношений. Но отношения между органами чувств и субстанцией не исчерпываются какой-то одной формой проявления, одним фундаментальным принципом; их существует множество и располагаются они по восходящей шкале. Мы способны воспринимать и другую субстанцию, в которой чистый разум действует как в своей естественной среде и которая сама по себе отличается большей гибкостью и пластичностью, чем любая материальная Среда, воспринимаемая органами чувств. Мы можем говорить о субстанции разума, ибо способны к восприятию более тонкой Среды, порождающей формы и действия. Можно также упомянуть и субстанцию чистой динамической жизненной энергии, отличной от тончайших форм материальной субстанции и ее физически воспринимаемых силовых потоков. Дух есть чистая субстанция бытия, воспринимаемая не физическим, витальным или ментальным чувством, а светом чистого духовного знания, в котором субъект и объект едины; другими словами, Тот, кто вне времени и пространства, воспринимает самого себя в чисто духовной самопротяженности как основу и исходный материал всего сущего. За пределами этого фундаментального принципа исчезает всякая сознательная дифференциация субъекта и объекта в их абсолютном тождестве, и тогда мы уже не можем больше говорить о Субстанции.

Итак, существует лишь чисто концептуальное — в духовном, а не ментальном отношении — различие между Духом и Материей,

ведущее к практическому различию, которое и порождает многообразие проявленных форм, нисходящих от Духа к Разуму и Материи и восходящих затем от Материи к Разуму и Духу. При этом реальное единство никуда не исчезает, и когда мы достигаем правильного интегрального видения мира, то понимаем, что это единство никогда и ничем не нарушалось, пусть даже и на уровне самых грубых материальных проявлений. Брахман есть не только причина и основа вселенной, но также и ее единственный строительный материал. Материя есть тоже Брахман и она ничем от Него не отличается. Если Материю действительно можно было бы отделить от Духа, то это единство нарушилось бы. Материя же, как мы видим, есть конечная форма и объективный аспект божественного Бытия, в котором извечно присутствует Бог. Подобно тому, как инертная и грубая, на первый взгляд, Материя присутствует повсюду, являясь составной частью динамической силы Жизни, которая, в свою очередь, трансформируется в невежественные проявления Разума, подконтрольные Супраменталу, точно так же Материя, Жизнь, Разум и Супраментал есть не что иное, как формы проявления Брахмана, Извечного, Духа, Сатчитананды, не только пронизывающего их всех, но и являющегося ими, хотя они по отдельности и не составляют Его абсолютного бытия.

Но все же между ними существует определенное концептуальное и практическое различие, на уровне которого Материя, не будучи реально изолированной от Духа, на самом деле выглядит столь отличной от Духа и противоречащей ему во всех своих законах проявления, столь явно отрицающей все его духовное бытие, что невольно напрашивается вывод о полной, полярной противоположности того и другого; хотя подобный вывод и не содержит в себе никакого решения проблемы. Однако Материя, несомненно, есть в определенном смысле гордиев узел, что создает конкретные проблемы. Благодаря Материи Жизнь носит ограниченный и ущербный характер, будучи подверженной страданию и смерти. Материя делает Разум более чем наполовину слепым, подрезая ему крылья и связывая по рукам и ногам. Именно поэтому всякий, кто устремляется на поиски духовности, с полным правом может отвергнуть нечистоту Материи, животную приземленность Жизни и скованную трезвость и узость Разума, порвав со всем этим и погрузившись в тишину бездействия неподвижной свободы Духа. Но это не единственная возможная точка зрения на проблему; и мы не можем принимать ее за окончательную и всеобъемлющую мудрость.

Освободившись от импульсов страсти и мятежного духа, нужно попытаться увидеть, что представляет собой божественный порядок вселенной. Что же касается Материи, отрицающей Дух, следует попробовать разрубить этот гордиев узел, силой преодолев это противоречие. Сначала следует очертить круг проблем, возможно, максимально широкий, а затем приступить к поиску путей их разрешения.

Первое фундаментальное противоречие Материи по отношению к Духу заключается в том, что Материя представляет собой кульминацию принципа Неведения. На материальном уровне Сознание впадает в беспамятное состояние самозабвения, будучи поглощенным своими действиями и проявлениями, подобно тому как человек, глубоко увлеченный каким-либо делом, забывает не только, кто он и что он, но и вовсе теряет ощущение своего бытия, всецело превращаясь в выполняемую им работу и энергию, направленную на достижение стоящей перед ним цели. Самоозаренный и самосознающий Дух, воспринимающий себя за всеми формами проявлений, как будто исчезает и становится нереальным; возможно, Он где-то и присутствует, но только не на уровне бессознательной материальной Силы, вечно созидающей и разрушающей и не отдающей себе отчета в том, что и почему она творит или разрушает: отсутствие разума и сердца не способствует пониманию или ощущению. И если это не есть реальная истина хотя бы материальной вселенной, если за всем этим ложным обликом скрывается какой-то Разум и Воля или даже что-то большее, то такое мрачное подобие, которое являет собой материальная вселенная, напоминает истину, предстающую перед сознанием и словно бы возникающую из его собственного мрака. Но если это не истина, а ложь, то в таком случае это ложь самая что ни есть эффективная, ибо она определяет наше феноменальное существование и пронизывает все наши устремления и усилия.

Чудовищной и ужасной метаморфозой материальной вселенной можно считать то, что из этой неразумной субстанции возникает разум, робко и беспомощно устремляясь к свету. Эта робость и беспомощность становятся менее очевидны, когда индивидуальные разумные существа объединяют свои усилия на уровне Неведения, которое является универсальным законом. На уровне этого бессердечного Несознательного в рамках его жестких законов появляются на свет живые человеческие сердца, горящие устремленностью и изнывающие под гнетом слепой, бесчувственной жестокости неумолимого рока,

диктующей им свои собственные условия. К чему же сводится эта неразгаданная загадка? Дело в том, что это именно Сознание, как будто утратившее всякие ориентиры на пути к медленному самоосознанию, болезненному самопробуждению, принимает форму Жизни, последовательно проходящей стадии потенциального чувствования, смутного, а затем более полного и, наконец, полного чувствования, и устремляющейся к божественному, свободному, бесконечному и бессмертному сознанию. Но весь этот процесс подчинен закону, противостоящему основополагающим принципам Материи, или Неведения. Субстанция грубой, разделенной Материи на каждом шагу налагает на этот закон свои собственные ограничения неведения.

Второе главное противоречие Материи по отношению к Духу заключается в том, что она представляет собой крайнее проявление зависимости от механического Закона и противостоит всему, что стремится к освобождению, невероятной силой Инерции. Не то чтобы Материя сама по себе была инертной; она скорее являет собой бесконечное движение, невообразимую силу, безграничное действие, проявление которого вызывает у нас постоянное восхищение. Но в то время, как Дух свободен и волен сам распоряжаться своими формами выражения и проявления, не будучи связан ими, сам формирует закон своего бытия, Материя находится в жесткой зависимости от навязанного ей строгого механического Закона, который остается ей непонятен, действуя при этом несознательно, подобно машине или автомату, не знающему, кто и зачем его создал. Когда же Жизнь, наконец, пробуждается и становится доминирующей силой над физической формой и материальной энергией, подчиняя материю своей воле и интересам, когда пробуждается Разум и стремится осознать самого себя и свое место и роль, подчинить все сущее своему знанию, более свободному закону и действию, то материальная Природа как будто поддается высшему по отношению к ней воздействию и даже пытается содействовать своему собственному преобразованию, правда лишь после определенного сопротивления, неохотно и не выходя за конкретные пределы. Если эти допустимые пределы нарушены, Материя начинает отчаянно сопротивляться, демонстрируя при этом тупую инерцию и отрицание Жизни и Разума, убеждая их в том, что дальнейшее их продвижение невозможно и не принесет никаких положительных результатов. Жизнь стремится к расширению сферы своего действия и преуспевает в этом; но, устремляясь на завоевание безграничной широты и бессмертия,

сталкивается с непреодолимой железной силой Материи, отступая при этом на позиции ограниченности и смерти. Разум пытается помочь Жизни и претворить в действие свой импульс к всеобъемлющему знанию, выйти на уровень света, достичь истины и самому стать истиной, водворить закон любви и радости и самому превратиться в любовь и радость. При этом всегда наблюдаются отклонения и ошибки на уровне материальных жизненных инстинктов, отрицание и искажение материального чувства и физических инструментов. Всякая ошибка следует своей логике развития, мрак всегда является неотъемлемым попутчиком и неизбежным фоном для сияющего света; всякая истина, лишь только удается ее достичь, перестает быть истиной, вновь побуждая человека к поискам совершенства. Остается любовь и радость, но они не могут соответственно удовлетворить и оправдать себя, как бы влача за собой по пятам пудовые цепи или постоянно отбрасывая тень в виде своей противоположности: злобы, ненависти, безразличия, пресыщенности, печали и страдания. Инерция, с помощью которой Материя реагирует на требования Разума и Жизни, препятствует завоеванию ими сферы Неведения и овладению грубой Силой, которая есть не что иное, как энергия Неведения.

Если мы зададимся вопросом, почему все обстоит именно таким образом, то увидим, что инерция Материи коренится в ее третьем противоречии по отношению к Духу. Это третье фундаментальное противоречие заключается в том, что Материя представляет собой кульминацию принципа разделения и противостояния. Будучи в действительности неделимой, Материя в своей основе и в многообразных проявлениях выступает как неизменно делимая субстанция, ибо ей известны лишь два способа объединения: механическое соединение, сложение разрозненных компонентов и ассимиляция, предполагающая поглощение и разрушение одного элемента другим. Оба эти способа объединения есть не что иное, как признание извечного разделения и двойственности, поскольку даже первый способ скорее можно назвать ассоциативным, нежели объединяющим, да и сводится он, в конечном счете, к постоянно существующей возможности, а стало быть, и к необходимости разъединения и распада. Оба вышеописанных способа имеют в своей основе смерть; один использует ее как средство, другой — как необходимое условие жизни. Оба они предполагают в качестве условия вселенского существования нескончаемое противостояние разобщенных, отделенных друг от друга элементов, каждый из

которых стремится к самосохранению и к неизменности существующих связей, к разрушению всего враждебного и пожиранию всего чуждого, но в то же время и к сопротивлению по отношению ко всякого рода принуждению, разрушению и ассимиляции. Проявляясь на уровне Материи, витальный принцип сталкивается с этой основополагающей базой только в плане самовыражения и вынужден подчиняться ее требованиям. Витальному принципу приходится признать закон смерти, желания и ограничения, равно как и постоянную борьбу за выживание, обладание и господство над другими. А когда в Материи проявляется ментальный принцип, то он вынужден мириться в своей материальной среде с тем же самым принципом ограничения, с постоянными безрезультатными поисками, с теми же неизменными соединениями и разъединениями отдельных компонентов и плодов своего труда и усилий, которые превращают приобретенное человеком знание в нечто промежуточное и незавершенное, отягченное сомнениями и отрицаниями; а все человеческие старания предстают словно бы обреченными на бесконечное вращение в замкнутой цепи действий и противодействий, созидания и разрушения, ограниченных циклами зарождения, краткого пребывания и длительного разложения без всяких перспектив надежного и устойчивого прогресса.

Инерция, неведение и двойственная природа Материи самым неизбежным и неперменным образом навязывают витальному и ментальному бытию закон боли и страдания, беспокойства и неудовлетворенности существующим положением, неведения, разделенности и инерции. Неведение не могло бы само по себе причинить ни боли, ни неудовлетворенности, если бы ментальное сознание было полностью невежественным, замкнутым, неосознающим своего собственного неведения или тот бесконечный океан сознания и знания, в окружении которого оно существует. Но именно все это осознается возникающим на уровне Материи сознанием. Во-первых: неведение окружающего мира, которое необходимо подчинить своей воле, чтобы добиться в этой жизни счастья. Во-вторых: тщетность и ограниченность здешнего знания, скоротечность и ненадежность власти и счастья, которые может обеспечить это знание, и, наконец, осознание бесконечного сознания и истинного бытия, на уровне которых только и возможно подлинное и победоносное счастье. Барьер инерции не смог бы содействовать созданию настроения беспокойства и неудовлетворенности, если бы витальная восприимчивость, возникающая на

уровне Материи, также отличалась бы абсолютной инертностью, если бы она удовлетворялась своим собственным полусознательным и ограниченным существованием, лишенным осознания бесконечной силы и бессмертного бытия, в пределах которого она существует одновременно и как его составная часть, и как самостоятельная субстанция, или же если бы инерция Материи была полностью лишена того, что заставляет ее пытаться стать соучастницей этой бесконечности и бессмертия. Но это как раз то, к ощущению чего с самого начала побуждается жизнь: ненадежность и необходимость постоянной борьбы за самосохранение. В конечном счете это приводит жизнь к осознанию ограниченности своего собственного существования и подталкивает ее к ощущению скрытого импульса, направленного на приобщение к бесконечному и вечному.

Когда жизнь в человеке становится полностью самосознательной, эта неизбежная борьба, усилие и устремленность достигают своей наивысшей точки, а болезненное чувство противоречия и разлада с окружающим миром становится слишком острым, чтобы его можно было переносить спокойно. Человек способен долгое время успокаивать себя, находя удовлетворение в своих собственных ограничениях или доводя борьбу с окружающим материальным миром до значительной победы над ним, обеспечивая ментальный и физический триумф своего все более совершенствующегося знания над несознательными установлениями природы, своей узконаправленной сознательной воли над чудовищными инертными силами. Но здесь он также сталкивается с ограничениями, с ущербностью результатов, которые он мог бы достигнуть и к которым стремится. Конечное не может постоянно удовлетворяться чем бы то ни было в присутствии сознания чего-то более великого или бесконечного, лежащего в запредельной сфере. Но даже если конечное было бы способно испытывать чувство удовлетворенности, то внешне конечный человек, ощущающий себя на самом деле внутренне бесконечным, никогда не мог бы испытать чувство удовлетворения, не примирив внутри себя конечное с запредельным бесконечным, не добившись обладания бесконечным в той или иной степени или форме. Человек представляет собой именно такую бесконечность, скрытую под обликом конечности, и не может не стремиться к Бесконечному. Он является первым сыном земли, смутно осознающим внутри себя Бога, свое собственное бессмертие или его необходимость, а также знание, как побуждающую силу, и крестное

распятие, которое остается таковым, пока он не сможет превратить его в источник бесконечного света, радости и силы.

Это постепенное развитие, проявление манифестации божественного Сознания и Силы, Знания и Воли, затерянных в неведении и инерции Материи, могло бы стать началом расцвета и перехода к бесконечной радости и наслаждению, если бы не принцип жесткого разделения, уходящий своими корнями в Материю. Замкнутость человека на своем собственном, личном сознании, обособленном и ограниченном разуме, жизни и теле препятствует проявлению закона нашего естественного развития. Тело попадает в зависимость от закона притяжения и отталкивания, наступления и защиты, вражды и боли. В каждом воплощенном существе ограниченное сознание-сила ощущает себя подверженным насильственному воздействию со стороны других таких же ограниченных сознаний и универсальных сил, и там, где оно чувствует, что не может гармоническим образом реагировать на внешние воздействия, испытывает дискомфорт и боль, вынуждено реагировать на внешние импульсы агрессией или защитой, будучи в постоянном состоянии переживания нежелательных и превосходящих его силы воздействий. На уровне эмоционального и чувственного разума закон разделения привносит те же самые реакции печали и радости, любви и ненависти, угнетения и депрессии, выраженные в виде желания и отвращения, целенаправленных усилий и бессилия, достижений и разочарований, постоянной борьбы, неприятностей и неудобств. Разум в целом подвержен такой же двойственности истины, смешанной с заблуждением, света — с мраком, силы — с бессилием, радости — с болью, отвращением и неудовлетворенностью достигнутым. Разум подвержен своим собственным зловключениям, помимо тех, что свойственны жизни и телу, осознавая при этом тройственную недостаточность нашего естества. Все это означает отрицание Ананды и отвержение триединого принципа Сатчитананды и поэтому, если такое отрицание окажется непреодолимым, тщетность существования, ибо существование, являясь игрой сознания и силы, должно стремиться к этому проявлению не только в своих собственных интересах, но и ради получения удовлетворения от процесса игры. Если же игра не приносит удовлетворения, от нее следует отказаться как от пустой затеи, непоправимой ошибки, горячечного бреда духа.

Это составляет основу пессимистической теории мира, которая может вселять оптимизм лишь в отношении потусторонних миров

и состояний сознания. Что же касается земной жизни и судьбы ментальных существ в материальной вселенной, то она глубоко пессимистична. Согласно этой теории, принцип разделения представляет собой основу материального существования, а самоограничение, неведение и эгоизм есть неотъемлемое свойство воплощенного разума. Всякие поиски радости соединения с духом на земле или попытки раскрытия божественного смысла существования есть суета сует и заблуждение. Только на уровне Духа и духовных небес возможно соединение бытия и сознания с божественным блаженством. Бесконечное может обрести себя во всей полноте, лишь признав ошибочными и ложными свои собственные попытки, направленные на самоотождествление с конечным. Появление ментального сознания в материальной вселенной также не в состоянии принести божественную реализацию. Ибо принцип разделения присущ скорее не Материи, но Разуму. Материя есть лишь иллюзия Разума, в которую он привносит свой собственный закон разделения и неведения. Поэтому на уровне этой иллюзии Разум способен увидеть лишь свое собственное отражение, ограниченное тремя свойствами своего разделенного бытия, но он не в состоянии обрести в иллюзии единство Духа или истину духовного бытия.

Неверно также и то, что принцип разделения Материи смог лишь породить разделенный Разум, который воплотился на уровне материального существования, поскольку оно не есть оригинальное явление, а представляет собой только форму, созданную разделяющей жизненной силой, формирующей двойственные ментальные концепции. Придавая бытию такие обличья неведения, как инерция и разделенная Материя, двойственный Разум собственными руками заковал себя в оковы и добился самоизоляции. И если действительно разделенный Разум является первым принципом творения, то он должен быть одновременно и последней вершиной творения, а ментальное существо, тщетно сиюшасее преодолеть Жизнь и Материю и постоянно им проигрывающее, должно быть последним и высшим словом космического существования. Но такой вывод вовсе не является неперменным, если допустить, что бессмертный и бесконечный Дух, скрытый в глубинах материи, действует с помощью творческой силы Супраментала, допуская разделенность Разума и преобладание низшего материального принципа, как изначальное условие эволюции Единого в Многообразии. Если, другими словами, за проявленными вселенскими формами

скрывается не просто ментальное существо, но бесконечное Существо, Знание и Воля, возникающее на уровне Материи сначала как Жизнь, а затем как Разум, оставаясь скрытым от нас в других своих проявлениях, то очевидно, что сознание на уровне Несознания должно иметь еще одну более всеобъемлющую форму. Появление супраментального духовного существа, способного подчинить ментальную, витальную и телесную жизнь не разделенному Разуму, но высшему закону, становится реальностью и естественным неизбежным завершением процесса космического развития.

Такое супраментальное существо, как мы видим, освободит разум от бремени его разделенного бытия и использует процесс индивидуализации разума как производное действие всеохватывающего Супраментала. Супраментальное существо освободит также и жизнь от двойственности существования и использует процесс индивидуализации жизни как производное действие единого Сознания-Силы, реализующего свое бытие в единстве многообразия. Не наблюдается также никаких причин, препятствующих освобождению телесного существования от власти над ним закона смерти, разделения и взаимопожирания и использующих процесс индивидуализации тела как производное условие божественного Сознания-Бытия, поставленного на службу Бесконечного в конечном. И если человек, как вселенское существо, предназначенное для осуществления трансформации ментальных категорий в супраментальные, выполнит стоящую перед ним задачу, разве можно исключать, что наряду с божественным разумом и жизнью он сможет обрести и божественное тело? Или же, если такая постановка вопроса окажется слишком шокирующей для нашего человеческого представления, можно сказать, что супраментальный человек достигнет божественного использования разума, жизни и тела, в результате чего нисхождение Духа в воплощенную форму будет оправдано одновременно и с человеческой, и с божественной точки зрения.

Единственным препятствием на пути осуществления нашего вселенского предназначения является наш современный взгляд на Материю и ее законы как на единственно возможные отношения между чувственным восприятием и субстанцией, между Божественным, как познающим, и Божественным, как объектом. Любые другие отношения на нашем уровне бытия мы считаем невозможными и ищем их на других планах сознания. В таком случае нам следует искать божественной реализации только на небесах, что и утверждают все религии,

оставив все попытки поисков царства Божия на земле как бесполезное заблуждение. На земле мы в состоянии обеспечить лишь внутреннюю подготовку, достичь освобождения внутреннего разума, жизни и души, отречься от непобедимого материального принципа и непретворенной земли, устремившись на поиски божественной субстанции в других мирах. Тем не менее мы вовсе не обязаны идти на поводу у этого безнадежного заключения. Совершенно очевидно существование других состояний Материи. Без сомнения, существует ряд восходящих планов божественной субстанции. Материальное существо способно преобразовать себя через принятие высшего закона бытия, присущего ему в скрытом и непроявленном состоянии.

Система восходящих уровней субстанции

Есть дух, что представляет сущность материальной оболочки, наполнен духом Жизни он; еще есть Разума дух потаенный, есть Истины и Знания еще сокрытый дух и внутренний есть дух Блаженства.

Тайттирия Упанишада¹

Как по ступеням лестницы, они взбираются по Индре. Вершину за вершиной покоряя, яснее видно, что еще осталось сделать. Сознание Того как цель несет с собою Индра.

Как ястреб, как воздушный змей, Он опускается на судно утлое, его с собою унося; в потоке Своего движения Лучи Он ясно обнажает, поскольку Он оружие с собой несет. Великий Царь, Он путь себе торит сквозь воды океана, четвертое являет состоянье. Как очищает смертный свое тело, как конь в бою к победе устремлен, Он неизбежно, властно проникает во все и вся.

Ригведа²

ЕСЛИ задуматься над тем, что же наиболее ярко характеризует «материальность» Материи, то мы, очевидно, придем к заключению, что это твердость, сопротивляемость и осязательная вещественность, воспринимаемая органами чувств. Субстанция представляется нам тем более материальной, чем больше она оказывает сопротивляемости и жесткости нашим органам чувств, что является предметным фактором для нашего сознания. И чем менее плотна субстанция и труднее уловима нашими органами чувств, тем менее она для нас материальна. Такое отношение к Материи нашего обычного сознания символизирует основную задачу, для выполнения которой была создана Материя. Субстанция переходит в материальное состояние, чтобы представить воспринимающему сознанию реально и вещественно осязаемые образы, которыми мог бы оперировать Разум

¹ 36.П.1-5 ² 37.1.10.1, 2; IX.96.19, 20.

и которые послужили бы относительно постоянными формами для проявлений Жизни. Поэтому, согласно древней ведической формуле, Земля, как разновидность одного из наиболее твердых состояний субстанции, являлась олицетворением материального принципа. Поэтому также осязание для нас является основным органом чувств. Все остальные физические чувства, вкус, обоняние, слух, зрение имеют в своей основе более тонкие и скорее косвенные контакты между объектом и воспринимающим субъектом. Точно так же, согласно классификации Санкхьи пяти изначальных состояний субстанции от эфира до земли, мы видим, что их основное отличие друг от друга заключается в степени тонкости вибраций. Так, эфир отличается наиболее тонкими вибрациями, а земля — наиболее грубыми. Поэтому Материя представляет собой самую последнюю известную нам стадию в спектре нисхождения чистой субстанции до основополагающего уровня космических отношений, где первое слово принадлежит не духу, но форме. Форма же в своем крайнем возможном развитии концентрации, сопротивляемости, устойчивости образа, взаимопроникновения есть кульминационная точка разъединенности и обособленности. Принцип завершенной разъединенности лежит в основе материальной вселенной.

И коль скоро существует восходящее поступенное развитие субстанции от Материи к Духу — а оно должно существовать, исходя из общей природы вещей, — то такое развитие должно быть отмечено постепенной нивелировкой и сокращением способностей, характерных для физического принципа, и соответствующим возрастанием противоположных свойств и способностей, что приведет нас к принципу чистого духовного саморасширения. Другими словами, это будет выражаться во все большем ослаблении власти форм, во все большем утончении и гибкости субстанции и силы, во все большем взаимопроникновении, взаимообмене и ассимиляции, в проявлении силы вибрации, трансмутации и унификации. Отходя от продолжительности существования формы, мы подходим к вечности, свойственной самой сущности; отходя от неизменной обособленности, разъединенности и сопротивления на уровне физической Материи, мы приближаемся к высшему божественному состоянию в бесконечности, единстве и нераздельности Духа. В этом заключается основополагающая антиномия между грубой субстанцией и субстанцией чистого духа. В Материи Чит, или Сознание-Сила, концентрируется все больше и больше,

чтобы противостоять другому натиску все той же Сознания-Силы; в субстанции Духа чистое сознание свободно придает себе определенный образ в самовосприятии, наделенный нераздельностью сущности и постоянным объединяющим взаимообменом, что является главным принципом даже самых несхожих между собой форм проявления его Силы. Между этими двумя полюсами существует возможность бесконечной градации. Эти соображения приобретают особую важность, когда мы рассматриваем возможные отношения между божественной жизнью и божественным разумом совершенной человеческой души, с одной стороны, и самым грубым и, по видимости, далеким от божественности телом, или физическим существом, в котором мы пребываем, — с другой. Наше физическое существо есть результат определенных заданных отношений между чувством и субстанцией, на основе которых возникла материальная вселенная. Но поскольку эти отношения не являются единственно возможными, то и нынешнее строение и свойства физического существа не суть единственно возможные. Жизнь и разум способны установить иные, более высокоразвитые, отношения с субстанцией и тем самым утвердить новые законы в области физического мира, а значит, расширить привычное функционирование физического существа, изменить самый состав его, придав значительно большую свободу деятельности человека в области чувственного восприятия, в сфере жизни и разума. Смерть, обособленность, взаимное противодействие, борьба за первенство, царствующие в мире воплощенных форм, — таковы закономерности и нашего физического существования; бедность чувственного восприятия, ограниченность — и притом весьма узкими рамками — сферы, продолжительности и силы жизнедеятельности, омраченность, ущербность движений мысли, непоследовательность и скованность умственной деятельности — вот бремя, налагаемое нынешними закономерностями функционирования физической части нашего существа (вследствие ее животной организации) на его более высокие проявления. Но вибрации такого свойства не единственные в космической Природе. Существуют иные, более высокие состояния и миры, и если их закономерностям в результате самосовершенствования человека, устраняющего недостатки нашей природы, можно будет подчинить то образование, то воспринимающее устройство, которое представляет собой наше существо, то тогда станут возможными уже на физическом уровне и деятельность божественного разума и чувственного восприятия, и жизнь

божественная в рамках человеческой природы, и даже эволюционный переход в земном мире к тому, что можно назвать божественным телом человека. Наступит срок, и осуществится преобразование человеческого тела; Мать Земля раскроет в нас свою божественную сущность.

Строение и состав физического космоса обнаруживает восходящую иерархию уровней Материи: от более плотных к менее плотным, от менее тонких к более тонким. Возникает вопрос — что же лежит за последним пределом, за верхней границей самого тонкого, супраэфирного плана материальной субстанции или среды самовыражения Силы? Отнюдь не некий Нуль, не пустота, ибо нет и не может быть ни абсолютной пустоты, ни реально существующего Ничто: просто все то, что мы так именуем, лежит за пределами досягаемости нашего чувственного восприятия, нашего разума, нашего самого тонкого сознания. Неверным будет и утверждение о том, будто эта запредельность есть царство Небытия, а эфирная субстанция Материи — некий вечный, все порождающий источник, ибо нам уже известно, что Материя или материальная Сила — это всего лишь конечный результат проявления чистой Субстанции и чистой Силы — той сферы, где исполненное света сознание в совершенстве осознает самого себя и владеет собой, в отличие от другой сферы — Материи, где сознание «теряет» самого себя в бессознательной дреме и косном движении. Но в таком случае, есть ли вообще что-нибудь между материальной и чистой субстанцией? Ибо скачкообразный переход от одного к другому невозможен, перенестись непосредственно из бессознательного в сферу абсолютного сознания невозможно. Должны быть — и они в самом деле есть — какие-то ступени между бессознательной субстанцией и обладающей полным самосознанием и самоопределяющейся в своей протяженности средой, точно так же, как между двумя началами — Материей и Духом.

Все, кому довелось проникнуть в эти неизмеримые глубины, единомысленно в этом согласны, подтверждая тот факт, что существует определенная иерархия градаций субстанции, располагающихся по степени ее утончения в ином по отношению к материальному миру измерении и уходящих далеко за его пределы. Не вдаваясь чересчур глубоко в вопросы, которые излишне усложнили бы наше рассмотрение, уведя далеко в область оккультных познаний, скажем только — придерживаясь принятой нами системы исходных основополагающих принципов, — что, если оценивать упомянутые градации с такой важной

точки зрения, как их иерархическая организация, то можно поставить им в соответствие восходящую последовательность уже известных нам планов, каковыми в порядке возрастания являются: Материя, Жизнь, Разум, Сверхразум и высший божественный троичный принцип — Сатчитананда. Иначе говоря, субстанцией по мере ее последовательного восхождения в качестве основы используется один за другим каждый из этих планов, так что она в каждом случае образует среду с определенными, характерными свойствами, для того чтобы наилучшим образом послужить самовыражением каждого из этих начал как доминирующего в космосе на данном уровне.

Так, здесь, в материальном мире, в основе всего лежит материальная субстанция с определенными, характерными для нее свойствами и закономерностями. Чувственное восприятие, Жизнь, Разум имеют здесь своим основанием то, что древние называли Силой Земли, в ней они берут свое начало, подчиняются ее законам, адаптируясь, осуществляют свою деятельность в соответствии с этим основополагающим принципом, включая ограничения, накладываемые ее возможностями; если же они стремятся к большему развитию — что предполагает преодоление этих ограничений, — то в этом развитии должно учитываться исходное состояние материальной субстанции, ее предназначение и эволюционные требования. Таким образом, чувственная деятельность осуществляется с помощью физических органов, жизненная деятельность — с помощью физической нервной системы и органов, связанных с витальным планом, умственная также опирается на телесную основу и использует материальные части существа, и данные, получаемые посредством этого канала, служат творческой ареной и рабочим материалом даже и для чистого мышления. По своей сущности природа разума, чувственного восприятия, жизни такова, что все эти ограничения отнюдь не являются неизбежной необходимостью. В самом деле, отнюдь не физические органы чувств порождают чувственное восприятие, они сами есть порождение существующей в космосе чувственности, ее орудия и неперенное условие ее деятельности в нашем мире; не нервная система и не органы витального плана порождают проявления жизни, они сами есть порождение космической жизненной Силы, ее орудия и неперенное условие ее деятельности в нашем мире; не мозг порождает мысль, он сам есть порождение космического Разума, его орудия и неперенное условие его деятельности в нашем мире. Отсюда следует, что необходимость в материальных

средствах не является абсолютной, она, скорее, телеологического свойства, так как предопределена божественной Волей, согласно которой в материальном мире между чувством и его объектом должны быть утверждены отношения физического характера, установлены материальные условия и закономерности для проявления Сознания-Силы, и с его помощью физический мир, в котором мы живем, должен быть устроен по образу бесконечно многоликого Сознательного Бытия, что и должно стать основным исходным и определяющим его, этого мира, свойством. Нельзя назвать это фундаментальным законом бытия, это определенный конструктивный принцип, отвечающий потребности Духа осуществить эволюцию в мире Материи.

Для следующего уровня иерархической организации субстанции основным исходным и определяющим свойством являются уже не вещественные формы и силы, но жизнь и сознательное желание. Таким образом, в основе мира, следующего в иерархии непосредственно за материальным, мы обнаруживаем уже не бессознательную или подсознательную волю, выражающую себя в виде материальной силы и энергии, но сознательную витальную Энергию космоса, силы витальных побуждений и желаний, обретающих здесь свое самовыражение. Все формы, сущности, проявления жизни, движения чувства, мысли, всякое развитие, все достижения и реализации в этом мире должны управляться и определяться этими основополагающими качествами, характеризующими сознательную Жизнь, по отношению к которой в ее собственном мире Материя и Разум должны находиться в подчиненном положении. Это для них отправная точка, фундамент, та среда, законы, силы и свойства которой служат для них как ограничителем, так и источником роста. Если Разум, например, стремится к развитию высших способностей, то необходимо учитывать исходное витальное начало — силу желаний, ее назначение и требования в ходе божественного проявления.

То же верно и для остальных планов иерархии. Для следующего за рассмотренным миром господствующим и определяющим фактором является Разум. Субстанция этого уровня должна быть достаточно тонка и пластична, чтобы быть способной к образованию форм под воздействием Разума, быть послушной средой для его активности, отвечать его требованиям к самовыражению и самореализации. Отношения между чувственной деятельностью и субстанцией также должны быть соответственно более тонкого и пластичного качества

и определяться уже не отношениями между физическим органом и физическим объектом, а отношениями между Разумом и более тонкой субстанцией, которая подвергается его воздействию. Жизнь в этом мире должна быть подчинена Разуму и притом в такой степени, что об этом мы с нашими слабыми умственными способностями и ограниченной, грубой и беспорядочной в своих проявлениях витальностью не в состоянии составить себе должного представления. На этом уровне Разум — господствующее начало, здесь по закону божественного проявления все решают именно его цели, преобладают его требования. Выше расположен мир Сверхразума (хотя, на самом деле, есть и некоторые промежуточные уровни в сфере его влияния), еще выше — царство уже не Разума, но чистого Блаженства, Силы, Бытия, и мы вступаем в те сферы вселенского существования, которые ведийским провидцам представлялись мирами просветленного божественного бытия, составлявшими основу того, что они называли Бессмертием; образно описанные в более поздних религиях Индии как Брахмалока и Голока, они считались высшим самовыражением Сущего, выступающего как Дух, в ком освобожденная и достигшая совершенства душа обладает беспредельностью и благостью вечного Божества.

Принцип, обуславливающий такую непрерывно восходящую иерархию опытных постижений и видения, выходящих далеко за рамки материального, состоит в том, что все космическое бытие есть некое сложное гармоничное целое, не ограничивающееся, с точки зрения сознания, пределами, соответствующими обычному человеческому мышлению и жизнедеятельности. Бытие, сознание, сила, субстанция образуют восходяще-нисходящую последовательность уровней — лестницу со множеством ступеней, на каждой последующей из которых бытие обладает большей многомерностью, сознание — большей широтой, глубиной и радостью, сила — большей интенсивностью, стремительностью и блаженством, а субстанция — большей тонкостью, пластичностью, подвижностью и текучестью для того, чтобы выразить то, что составляет ее первичную реальность. Ибо мир более тонкий — это в то же время и мир, наделенный большим могуществом и, если можно так выразиться, более близкой к истине конкретностью; в нем меньше ограничений, чем в мире более плотном, он более устойчив в своем существовании и, вместе с тем, ему присущи большие потенциальные возможности, пластичность, масштабность в собственном становлении. Каждое новое плато на крутых склонах горы бытия,

достигаемое расширением внутреннего опыта, возводит нас к более высокому уровню сознания и открывает для нас более разнообразные сферы существования.

Но что дает нам такая восходящая иерархия планов бытия в расширении возможностей нашего материального существования? Ничего — в том случае, если бы каждый отдельно взятый уровень сознания вместе с соответствующими ему сферой существования, градацией субстанции, модусом силы был бы совершенно обособлен как от предыдущего, так и последующего уровня. Но верно как раз обратное: проявление Духа — это, можно сказать, ткань сложного рисунка и в составлении узора, композиции, соответствующих одному из базовых принципов иерархии, непременно принимают участие и другие, все вместе являясь элементами одного духовного целого. Так, наш материальный мир есть продукт взаимодействия всех миров иерархии, физическая вселенная образовалась в результате нисхождения сознания всех видов — всех уровней иерархии, и в каждой частице того, что мы называем Материей, все эти виды сознания неявным образом присутствуют и действуют во всякий момент ее существования и жизнедеятельности. И поскольку Материя есть конечная ступень иерархии, если говорить о нисхождении, то ее мир есть также и начальная ступень в смысле восхождения; и если силы всех планов, миров, градаций, степеней иерархии инволюционно присутствуют в Материи, то, стало быть, для каждого из них возможно и эволюционное развитие из этой среды. Именно по этой причине ни газы, ни химические соединения, ни физические силы и движения, ни галактики, звезды и планеты не являются альфой и омегой материального бытия: оно дает эволюцию жизни, разума, а в конечном итоге — и притом неизбежно — Сверхразума и высших планов духовного бытия. Эволюция вызывается непрерывным давлением супраматериальных планов на материальный, что вынуждает этот последний высвобождать из своих недр их силы и стихии, которые в противном случае оставались бы в своего рода летаргическом состоянии из-за подчиненности жесткому устройству материальной организации. В действительности, даже и без этого давления летаргия не могла бы быть вечной, поскольку само присутствие этих видов сознания на материальном уровне предполагает изначальную цель этого присутствия, а именно указанное высвобождение всех видов сознания из погруженности в материальное и их последующую эволюцию, но, разумеется, тому, что по внутренней для низшего плана

неизбежности должно здесь произойти, во многом способствует соответствующее воздействие высших. Ныне проявления жизни, разума, Суперразума, духа носят слаборазвитый характер, пока они далеки от того, чтобы быть полноценным выражением этих высоких сил на материальном уровне, что обусловлено свойственной Материи сопротивляемостью и неподатливостью, однако ход эволюции отнюдь не заканчивается на этих ее начальных этапах. По мере того, как происходит развитие этих начал, инволюционно «свернутых» в материи, пробуждение в них осознанности своих потенциальных возможностей и стремления к их осуществлению, давление высших планов, пронизывающее все бытие благодаря тесной взаимосвязи между мирами и их взаимовлиянию, должно возрасти, должно становиться более настойчивым, мощным, эффективным. Соответствующие этим началам виды сознания не просто должны проявлять себя на низших уровнях в некоторой ограниченной форме, но должно происходить и непосредственное нисхождение их в материальное бытие с высших уровней со всей возможной полнотой содержания и сохранением специфичности сил, характерных для каждого уровня; материальное же существо твари должно открываться для все более и более широкой их деятельности в Материи, и все, что от нее требуется, — быть годным для этого сосудом, средой, орудием. Тело, жизнь и сознание человека потенциально способны дать все, что для этого необходимо.

Разумеется, если бы тело, жизнь, сознание были бы ограничены возможностями одного лишь нашего грубого тела — единственным, что доступно нашему чувственному восприятию и физическому разуму, — эволюционное поприще было бы сужено до крайности и человек едва ли мог бы питать надежды добиться чего-либо существенно более значительного, чем уже достигнутое. Но человеческое тело, как это было открыто еще в древние времена в оккультных исследованиях, не тождественно даже нашему физическому существу, субстанция всего существа не исчерпывается грубой плотью. Древнее знание Веданты говорит о пяти уровнях человеческого существа: материальном, витальном, ментальном, идеальном, духовном или блаженном и в восходящей последовательности этих сфер пребывания нашей души каждой соответствует своя градация субстанции или оболочка, по образному выражению древних. Более поздняя их психология пришла к выводу, что пять этих оболочек образуют материал для трех тел — грубого физического, тонкого и каузального, в каждом из которых обнаруживается

присутствие души — реальное и одновременное, хотя в нынешнее время сознание человека обычно поверхностно и в состоянии воспринимать лишь материальное вместилище души. Но мы можем достичь осознанности и в отношении других своих тел, что равносильно снятию своего рода завесы, их разделяющей, а следовательно, и завесы между своим физическим, психическим и идеальным «я»; подобное устранение непроницаемости между этими составляющими служит источником так называемых «психических» и «оккультных» явлений, изучение которых — пока еще очень неглубокими и неуклюжими методами — в настоящее время начинает расти, что, впрочем, не мешает попыткам широко использовать их на практике. Уже очень давно, еще в древней Индии, приверженцы Хатхайоги и Тантры довели свои исследования в области высшего развития жизни и тела человека до уровня научной дисциплины. В «плотном» теле были открыты шесть жизненных нервных центров, соответствующих шести центрам, связанным с витальными и ментальными способностями человека, в его тонком теле; были также найдены и усовершенствованы физические упражнения для работы в тонких областях, с помощью которых эти центры, закрытые у обычного человека, могут быть раскрыты, благодаря чему можно проникнуть в сферу высшей психической жизни, составляющей содержание нашего «тонкого» бытия, устранив при этом препятствия физического и витального планов, мешающие познанию своего идеального и духовного существа опытным путем. Одним из выдающихся по важности результатов, полученных в ходе практики Хатхайоги и проверенных в самых разных условиях, было установление контроля над физической жизненной силой, контроля, который позволяет освободиться в определенной степени от того, что свойственно обычному человеку, что твердо устоялось и стало считаться неотъемлемым и привычным, и выйти из-под власти так называемых законов природы, утверждаемых естественными науками в качестве непреложных для жизни тела.

Все эти понятия и сама терминология психофизического учения древних отражают одно важнейшее, основополагающее свойство, данность и закон нашего бытия, а именно: каким бы ни было динамически-равновесное сочетание присущих ему формы, сознания и энергии в ходе эволюции на материальном уровне, оно скрыто поддерживается иным, более масштабным и близким к истине бытием, являясь его внешним, чувственно воспринимаемым выражением. Субстанция

нашего существа простирается и за границы физического тела, последнее — лишь нижний земной опорный пласт, земная основа, отправная точка в материальном. Подобно тому, как за обычно осознаваемой нами в состоянии бодрствования сравнительно небольшой областью нашего мышления скрыто присутствуют обширные сферы сознания, которые выступают по отношению к нему в качестве подсознательного и сверхсознательного и к которым мы порой прикасаемся в состояниях аномальных, так и нашему плотному физическому существу скрыто соположены иные, более тонкие, градации субстанции — миры с законами более сложными и силами более могущественными, поддерживающими плотное тело; осваивая соответствующие им сферы сознания, можно подчинить наше плотно-материальное существование законам и силам этих миров, утвердив вместо огрубленности и ограниченности нашей нынешней физической жизни, с ее характерными мотивами и устоявшимися свойствами, иное качество бытия, бытия более чистого, высокого, сильного. Если это так, то тогда эволюционный переход к более достойному физическому существованию (уже не ограниченному обычным, животным характером рождения, жизни и смерти, тяжелым добыванием пищи, податливостью к хаотическим импульсам, уступчивостью своим мелким и ненасытным витальным желанием) перестанет казаться мечтой или химерой и обратится в реальную возможность, основа которой — рациональное философское заключение, согласующееся с приобретенными нами знаниями, опытом и с нашими предположениями о явной или скрытой истине нашего бытия.

Итак, с рациональной точки зрения, это неизбежно произойдет; в самом деле, слишком очевидным является существование непрерывной иерархии планов, о которой мы говорили, и их тесной связи друг с другом, чтобы допускать, будто один из них приговорен на полную изоляцию от всех прочих, в отличие от него располагающих способностью обрести полную свободу в Божественном. Восхождение человеческого сознания от уровня физического бытия к супраментальному должно открыть возможность и для соответствующего восхождения и по иерархии градаций субстанции — к идеальной или причинной телесности, присущей супраментальному бытию, а полное завоевание Суперразумом низших планов бытия, ведущее к их освобождению и переходу к божественным жизни и разуму, также должно сделать возможным и преодоление ограничений физического мира с помощью

сил и принципов строения супраментальной субстанции. Это означает, что в ходе эволюции мы не только достигнем свободы сознания, не знающей препятствий, когда разум и чувство уже более не будут заключены в стенах физического эго или ограничены скудными начатками знания, доставляемого физическими органами чувств, но обретем также и ту силу жизни, что будет все менее подвержена смертным узам, сделаем нашу жизнь в физическом отношении пригодной для божественного обитания — не в том смысле, что при этом мы останемся в пределах нашего теперешнего строения тела или будем даже вынуждены сузить его нынешние способности и возможности, но мы придем к этому преодолением физических законов организации и функционирования нашей телесной оболочки, а это приведет нас к победе над смертью, к земному бессмертию. Из недр божественного Блаженства, изначального Блаженства бытия Владыка Бессмертия наполнит вином этого Блаженства, мистическим Сомой, мехи живой мыслящей материи; благой и вечносущий, он низойдет во все пласты субстанции для всеобъемлющего преображения бытия и природы.

Семеричная гамма бытия

В неведении разума своего вопрошаю я о внутренних ступенях, положенных во мне Богами. Всеведущие Боги, взяв годовалого Младенца, его опеленали тканью семи нитей.

*Ригведа*¹

ИТАК, исследовав семь основных принципов бытия, составляющих, по мнению древних провидцев, фундамент, семиуровневое устройство и образ жизнедеятельности всей вселенной, мы увидели всю последовательность шагов эволюции и инволюции и пришли к началам искомого знания. Мы установили, что источник, содержимое, единственная и окончательная реальность всего, что есть в космосе, исчерпывается триединым принципом трансцендентного и бесконечного Сознания, Существования, Блаженства, который есть сама природа божественного бытия. Сознание имеет два аспекта: светоносность и действенность, иными словами, первому соответствует статус и энергия самоосознанности, второму — статус и энергия собственной силы. И тот и другой аспекты свойственны Бытию как в статическом, так и в динамическом состоянии; в самом деле, в своей творческой деятельности благодаря своему всемогущему самосознанию оно полностью осведомлено о всех своих потенциальных возможностях, а благодаря своей всеведущей силе оно способно к управлению и реализации любой из бесконечного множества этих возможностей. Средоточием этого творческого действенного начала Всеобщего Сущего служит четвертый, промежуточный, связующий принцип Сверхразума или Идеи-Истины, в котором Божественное знание, будучи единым с его самосушим бытием и самоосознанностью, и изначальная Воля, действуя в полном согласии с этим знанием (поскольку она по своей природе и сущности есть как раз самосознающее самосушее бытие, светоносно-динамически воплощающее себя в действии), безошибочно направляют ход вещей, определяя

¹ I.164.5.

их законы и формы в полном соответствии с самосущей Истиной и в гармонии со смыслом, обстоятельствами и условиями ее проявления во времени.

Творение обусловлено двойственным принципом единства-множественности, в рамках которого оно развивается и видоизменяется; по сути, творение есть идея, сила и форма, проявляющие себя множественством способов, но источником своим имеющие и выражающие изначальное неразрывное единство, ведь именно бесконечное тождество является основой и истинной первопричиной многообразия миров и только благодаря ему игра творения становится возможной. Поэтому в деятельности Супраментала сочетается два свойства сознания — субъективное и объективное; переходя от принципа изначального единства к множественности, он, с одной стороны, содержит и воспринимает все вещи в себе как Единое с мириадами его проявлений и форм, с другой же, осознает все вещи в себе по отдельности как объекты приложения своей воли и знания. И хотя для изначального самосознания Супраментала все вещи суть одно бытие, одно сознание, одна воля, одно блаженство и такой же целостностью и неразрывностью наделены всеобщее движение и изменение вещей, Он тем не менее в своей творческой деятельности свободно переходит от единства ко множественности и обратно, создавая такие упорядоченные связи между вещами и явлениями, что порождают видимость (которая ни в коем случае не является подлинной реальностью) множественности и обособленности, где намечены тонкие контуры, лишь подчеркивающие всеобщую неразрывность, условные демаркационные линии внутри неделимого целого. Супраментал — это божественный Гнозис, создающий, направляющий и поддерживающий миры, это тайная Мудрость, дающая начало и нашему Знанию, и нашему Неведению.

Нам уже известно, что Ум, Жизнь и Материя — три формы выражения более высоких принципов, которые на уровне вселенной вынуждены подчиняться закону Невежества, где Единый в своем внешнем проявлении, как кажется, перестает быть собой, играя в разобщенность и множественность. На самом деле, эти три принципа лишь производные божественной четверицы: Разум есть энергия, подчиненная Супраменталу и действующая в условиях разобщенности и обособленности, в своего рода забвении изначального единства, но способная вновь обрести его через озарение супраментальным светом; Жизнь также является производным от энергетической составляющей Сатчитананды,

она становится здесь Силой, которая придает форму сознательной энергии и осуществляет ее игру, опираясь на принцип разделения, созданного Разумом; Материя представляет собой субстанциональную форму бытия, которую принимает существование Сатчитананды в результате самоподчинения Всевышнего деятельности Его собственных сознания и силы в мире феноменов.

К этому необходимо прибавить четвертый принцип, который проявляет себя в соединении разума, жизни и тела и который мы называем душой. В отношении этого принципа можно говорить о двух аспектах: о душе-желании, как некоем поверхностном образовании, жаждущем обладания вещами и наслаждения, и об истинном психическом существе, полностью или почти полностью скрытом в глубинах существа душой-желанием и являющемся подлинным аккумулятором и хранителем духовного опыта. Мы уже знаем, что этот четвертый принцип, представленный в человеческом существе, есть результат проецирования и деятельности третьего божественного принципа — принципа бесконечного Блаженства, деятельности, разворачивающейся в пределах человеческого сознания и следующей законам эволюции души в этом мире. Как бытие Божественного по своей природе есть бесконечное сознание с присущей этому сознанию силой, так и Его бесконечное сознание по природе есть чистое и беспредельное Блаженство, а самоосознанность и всемогущество по отношению к себе же составляют самую суть Его в-себе-и-для-себя блаженства. Весь космос есть также игра этого блаженства, полностью разделяемого и самой Вселенной; но в индивидууме из-за ограничивающего влияния невежества и раздробленности оно остается доступным только сублиминальным и сверхсознательным частям существа, на поверхности же оно выражено лишь в малой степени, и человеку, чтобы найти, ощутить это блаженство и обладать им, необходимо развивать индивидуальное сознание, расширяя его до Вселенского и Трансцендентного уровней.

Теперь мы можем говорить уже не о семи, а о восьми принципах¹ существования, и тогда становится ясным, что наше бытие есть лишь своего рода отображение божественного бытия, в обратном порядке восхождения и нисхождения, а именно:

¹ Мудрецы Вед говорили о семи Лучах, но упоминали также и восемь, и девять, и десять, и двенадцать Лучей.

Бытие	Материя
Сознание-Сила	Жизнь
Блаженство	Психическое
Сверхразум	Разум

Таким образом, последовательность нисхождения Божественного следующая: от чистого бытия через игру Сознания-Силы-Блаженства к космическому бытию, при этом Супраментал выступает как связующее промежуточное созидательное начало. С другой стороны, существует и процесс восхождения сознания: из Материи через развитие жизни, души и разума к божественному бытию с использованием того же Супраментала и его светоносной силы в качестве конечного переходного звена. Соприкосновение верхней и нижней полусферы¹ происходит на грани сближения областей разума и Супраментала, отделенных друг от друга своего рода завесой. Устранив ее, можно достичь на земле, в человеческой среде жизни божественной — ибо это будет означать нисхождение света высшего существования в природу низшего и стремительное восхождение низшего существования к природе высшего; разум, открывшись всеохватывающему и всепроникающему воздействию Супраментала, сможет стать светоносным божественным инструментом; душа обретет свою изначальную божественную сущность, свое подлинное «Я» в Ананде, всем обладающей, несущей в себе совершенное блаженство; жизнь вновь возвратит себе утраченную божественную энергию в игре всемогущей Силы-Сознания, а Материя откроет путь к божественному освобождению как одна из форм божественного Бытия. И если у эволюции есть какая-то цель и человеку в ней, как ее венцу и лидеру, отведена главная роль, и если цель эта не индивидуальное бегство из череды бессмысленных космических циклов, если бесконечные потенциальные возможности человека, единственного создания, пребывающего меж двух полюсов Духа и Материи и обладающего силой объединить и соединить их в себе, имеют все же иное предназначение и завершение, нежели бесповоротное осознание иллюзорности жизни (вызванное чувством безнадежности и отвращения вследствие видимой бесплодности космических циклов — что, в конце концов, ведет к полному отвержению феноменального существования), то мощное светоносное преображение и проявление

¹ *Parārdha* и *Aparārdha*.

Божественности в человеческом существе и должно стать этой высочайшей целью и осуществлением величайшего замысла.

Однако прежде чем обратиться к тем психологическим и практическим условиям, которые позволят сделать это преобразование не только принципиально, но и действительно возможным, нам предстоит решить еще немало важных вопросов; мы должны не только определить основные принципы нисхождения Сатчитананды в космическое существование, что, впрочем, уже сделано, но и рассмотреть всю обширную картину и ход действий, которые несет с собой это нисхождение, природу и функционирование проявленной энергии Сознания-Силы, формирующей условия нашего нынешнего существования. А сейчас нам прежде всего следует обратить внимание на то, что семь или восемь рассмотренных принципов являются основой всего космического творения и всегда, проявленно или непроявленно, присутствуют в нас самих, в этом «годовалом Младенце», которым мы пока остаемся, поскольку, по меркам эволюционирующей Природы, нам еще далеко до зрелого возраста. Верховная Троица, Сатчитананда — источник и основа всего сущего и его игры, так что и весь космос должен стать воплощением и живым действием того, что является его подлинной реальностью. Вселенная не может быть просто некоей формой бытия, которая вдруг сама по себе возникла в абсолютной бескачественной пустоте, обрела черты и устойчивость в царстве ничто. Вселенная должна либо быть неким отображением бытия в лоне Бытия бесконечного, превосходящего какое бы то ни было отображение, либо сама быть тождественной Всеобщему Бытию. В действительности, когда мы достигаем единства своего «я» с космическим бытием, мы обретаем способность одновременно видеть, что верно и то и другое, что вселенная есть Всеобщее Бытие, отображающее себя бесконечной последовательностью многообразных ритмов в его собственном сознательном развертывании в Пространстве и Времени. Более того, нам становится ясно, что такое проявление космической деятельности, равно как и любое другое, невозможно без поддерживающей игры не знающей никаких ограничений Силы бесконечного Бытия, формирующей все объекты и регулирующей все движения вселенной; сама же Сила представляет собой результат деятельности бесконечного Сознания, так как она, по природе своей, есть космическая Воля, устанавливающая все взаимосвязи и взаимоотношения во вселенной и обладающая способностью определенным, собственно ей присущим, сознательным

образом воспринимать их, чего не могло бы быть, если бы за этой осознанностью космического масштаба не стояло всеобъемлющее Сознание, через нее определяющее, поддерживающее, стабилизирующее, отражающее взаимосвязи Бытия в том развивающемся образовании или, другими словами, в том процессе самостановления этого Бытия, саморазвития, который мы называем вселенной.

И наконец, поскольку это Сознание, будучи всемогущим и всеведущим, полновластно, с совершенной просветленностью владеет собой, что с необходимостью по природе своей есть и само Блаженство, так как ничем иным быть не может, то это означает, что беспредельное вселенское самонаслаждение должно быть причиной, сутью и целью космического существования. Как говорили древние провидцы: «Если бы не было этого всеохватывающего эфира Блаженства бытия, в котором и мы пребываем, если бы этим Блаженством не был наполнен и самый эфир нашего существования, то никто не смог бы ни жить, ни дышать». И даже если это блаженство сосредоточено преимущественно в подсознательном, а на поверхностном уровне, как может показаться, утрачивается, тем не менее оно не просто присутствует в самих основах нашего бытия, но все существование по сути является непрерывным поиском, стремлением найти блаженство и обладать им. И в той мере, в какой любое сотворенное существо в космосе открывает себя для себя — либо с ростом силы и воли, либо с обретением света и знания, либо осознавая безбрежность и неуничтожимость бытия, либо чувствуя любовь и радость, оно должно ощущать это тайное блаженство. Радость бытия, наслаждение самопознания и утверждения его в жизни, наслаждение от обладания волей, энергией или творческой силой, экстаз единения в любви и радости суть конечные цели, к которым стремится жизнь, потому что они — квинтэссенция самого существования, их дыхание ощущается и в его тайных глубинах, и в его заоблачных высотах. И повсюду, во всех проявлениях космического существования, бесконечное Бытие, Сознание и Блаженство всегда тайно пребывают в нем и поддерживают его.

Но, с другой стороны, эти божественные принципы могли бы вовсе не проецировать себя вовне либо сделать это не через космос, а через хаос — бесконечное нагромождение независимых друг от друга и неупорядоченных объектов, и так бы и вышло, не будь четвертого принципа — Супраментала или божественного Гнозиса, который первые три содержат в себе, развивают и используют в качестве

посредника. Никакая упорядоченная система не может быть устойчивой без поддерживающей ее силы — Воли и Знания, имеющих свой исток в бесконечном, силы, которая, используя свой доступ к бесконечному многообразию потенциальных возможностей, формирует необходимые связи, обеспечивает рост и развитие из семени вещей их плода, дает ход могучим ритмам Закона космоса, руководит и управляет мирами как их бессмертный и бесконечный Владыка и Провидец¹. Сила эта, в действительности, есть Он Сам — Сатчитананда, и создается им только то, что уже содержит в себе это самосущее бытие; по этой причине любой действующий закон космоса не есть что-то навязанное извне, но исходящее изнутри; все развитие — это саморазвитие, все причины и следствия не случайны, ведь главная причина всего — Истина вещей, а любое следствие определяется развитием и проявлением ее скрытых, потенциальных возможностей. По той же причине никакой Закон не абсолютен, абсолютна только бесконечность, и каждая вещь содержит внутри себя безграничные возможности, намного превосходящие ее нынешний облик и рамки функционирования, которые являются следствием самоограничения, установленного в соответствии с Идеей, разворачивающейся исходя из бесконечной внутренней свободы. Эта сила самоограничения обязательно присутствует в беспредельном Всеобщем. Бесконечное не было бы Бесконечным, если бы ему было недоступно явить себя и в многообразии конечного; Абсолют не был бы Абсолютом, не будь в каждом из его аспектов: знании, силе, воле и процессе творения — способности без всяких ограничений устанавливать любые пределы для самого себя. Таким образом, Супраментал, как Истина или Идея-Реальность, будучи бесконечным, присутствует во всех космических силах и формах существования, чтобы устанавливать взаимосвязи между ними, комбинировать их, поддерживать существующий порядок и определять главные линии развития вселенной. Говоря языком ведийских риши, бесконечное Бытие, Сознание и Блаженство — это три величайших символических имени Безымянного, а Супраментал является четвертым именем² и четвертой ступенью нисхождения

¹ Провидец, Мыслитель, Тот, кто повсюду являет себя как становление, Самосущий. — Иша Упанишада. 8.

² *Turiyam svid*, «некий Четвертый», также называемый *turiyam dhāma*, четвертый уровень или сфера существования.

Высшего, равно как и четвертой ступенью нашего восхождения к нему.

Но Разум, Жизнь и Материя, низшая триада, также необходимы для полноты всего космического существования, хотя и не обязательно в тех формах, состояниях и при тех способах действия, которые известны в нынешних земных условиях, в этой материальной вселенной: возможно, их деятельность будет иного рода — более тонкой, исполненной большего света, мощи. Ибо Разум по самой своей сущности есть такая сила Супраментала, которая способна вводить меру и пределы и сосредоточиваться в отдельных центрах с характерным для каждого из них восприятием космических процессов, их взаимосвязей и взаимодействий. Отсюда следует, что в том или ином из миров, планов сознания или при том или ином космическом порядке разум вовсе не обязательно должен быть сам ограничен, иначе говоря, существо, использующее его в качестве подручного и вполне освоенного инструмента, непременно окажется неспособным смотреть на вещи с различных точек зрения и под разными углами, или утвердиться в единственном истинном Центре всего сущего, или же, наконец оставив вообще всякий центр, раствориться в безбрежности вселенной. Однако неспособность удерживать сосредоточение в одном из определенных центров в целях, требуемых божественной деятельностью, — когда остается одна лишь вселенская саморастворенность или бесконечное множество центров без установленного вида конкретной деятельности и добровольно принятых ограничений у каждого, — приведет к тому, что построение какой бы то ни было космической системы окажется недостижимым; можно говорить в этом случае лишь о некоем Бытии или Существо, погрузившемся в себя и предающемся бесконечному самозерцанию, мечтаниям и размышлениям, подобно какой-нибудь творческой личности, поэту, который, прежде чем приступить к целенаправленной творческой работе, дает свободу своим думам и грезам, не особенно заботясь об их ясности и стройности. Такое положение вещей может иметь место на каких-то уровнях бесконечного бытия, но это еще совсем не то, что мы понимаем как космос. Однако в любом случае, о каком бы мироустройстве, о какой бы упорядоченной, устойчивой системе, пригодной для наших условий, ни шла речь, на начальном этапе творения она должна представлять собой модель, лишенную твердых разграничений и жестких фиксированных отношений, каковая как раз и была, по всей вероятности, создана Супраменталом,

перед тем как перейти к работе над структурой, развивающейся в рамках процессов с заданными мерами, с фиксированными связями и взаимодействиями. Как носитель всех этих мер и взаимодействий и необходим Разум, хотя для выполнения этой роли ему отнюдь не обязательно осознавать себя чем-либо иным, кроме как орудием, подчиненным Супраменталу, или устанавливать взаимодействия и взаимосвязи в окружающем мире, принимая за основу самообособленность эгоизма, по этой причине собою же плененного и связанного — что в ярко выраженном виде мы и наблюдаем в земной Природе.

Возникновение Разума влечет за собой детерминацию Жизни и материальной Формы: жизнь — это просто одно из устойчивых проявлений динамической энергии в виде взаимоналагающихся и взаимодействующих энергетических потоков, исходящих из множества фиксированных центров сознания — фиксированных не обязательно всего лишь во времени или пространстве, но в непрерывном сосуществовании оформляющихся душ или существ, принадлежащих Вечному, который поддерживает собой гармонию космоса. Жизнь в таком определении может сильно отличаться от той, что известна нам, или от того, что мы вообще понимаем под жизнью, но в основе всегда лежит один и тот же принцип, который для нас выражается в виде проявлений жизненной энергии, витальности; древние индийские мудрецы называли его Вайю или Праной, жизненным «веществом», субстанциональной энергией и волей космоса, способной принимать определенные формы и виды деятельности, выражая собой сознательный динамизм существ. Материя тоже может отличаться от того, что мы осознаем и ощущаем как материальную телесность, может быть более тонкой и пластичной, почти не связанной никакими ограничениями, и поэтому не подчиняться закону самообособленности, разобщенности и взаимного сопротивления, так что само тело или материальная форма может быть гибким инструментом, а не тюрьмой, хотя для некоторых космических взаимодействий всегда могут потребоваться своего рода «определенность» формы и «вещественность» субстанции, будь это ментальное или какое-либо иное тонкое и светоносное тело, намного более активно и чутко реагирующее на внешние влияния, чем самое что ни на есть свободное ментальное тело.

Таким образом, повсюду, где существует Космос, всегда присутствуют эти три принципа. Даже если поначалу проявлен только один и на первый взгляд он кажется единственным принципом всех вещей,

даже если то, что еще может обнаружить себя в мире, представляется лишь его формами и производными (которые, как кажется, вовсе не являются необходимыми составляющими космического существования), то все равно это всего лишь наружность, иллюзия, внешний облик изначальной истины бытия. Если в Космосе проявлен один принцип, то и остальные не только просто присутствуют или пребывают в пассивно-латентном состоянии, но активно, хотя, возможно, и скрыто, работают. Они определяют соотношение элементов и гармонию бытия в любом из существующих миров. В некоторых мирах в большей или меньшей степени могут проявляться все семь принципов, в некоторых же все принципы могут инволюционно содержаться в одном — он и становится исходным и основополагающим эволюционным принципом данного мира, причем развиться должны и все остальные, те, что потенциально уже заложены в нем. Эволюция семи составляющих бытия, открытое и окончательное утверждение его семеричного Имени есть непрменный вектор существования всех тех миров, где исходным является состояние инволюции всех семи в одной силе¹. По этой причине в самой природе материальной вселенной была заложена неизбежность развития жизни и разума из скрытых в явные и активные формы, но так же точно дело обстоит и с Супраменталом и с Духом — пребывая в скрытом состоянии, они неизбежно должны проявиться, и тогда Супраментал сможет сбросить скрывающую его вуаль и предстать во всей своей силе, а Дух послужит явлению во славе триединства Сатчитананды. Весь вопрос в том, станет ли земля местом этой манифестации, а человечество — инструментом и проводником всего процесса, будет ли он совершаться здесь, на земле, или в иных материальных мирах, в этом или каком-то ином цикле грандиозного потока Времени. Мудрецы древности полагали, что человек сможет осуществить эту возможность и рассматривали ее реализацию как божественное предопределение, современные же мыслители и понятия не имеют о такой возможности, а если бы и имели, то сразу же ее отвергли или, по крайней мере, усомнились бы в ней. Сверхчеловек представляется им в виде создания, обладающего во много раз возросшими витальными и ментальными способностями,

¹ Инволюционное состояние отнюдь не является обязательным для какого-либо конкретного мира, возможно состояние субординации или состояние «все в одном». Для подобного миропорядка эволюция не является необходимостью.

иного они просто не допускают, ибо из-за того, что до нынешнего времени наше существование и развитие было ограничено именно этими сферами, они не представляют себе никакой более высокой ступени. Но мир движется вперед, и для человека, существа с божьей искрой в груди, истинная мудрость состоит в том, чтобы поддерживать в себе устремленность к высшему, вместо того чтобы, отвергнув ее, жить надеждами, которые ограничиваются тесными пределами осуществления лишь очевидных возможностей, хотя, на самом деле, это всего только промежуточный этап нашей подготовки к дальнейшему росту. Согласно духовному порядку вещей, чем выше мы возводим взор свой, чем к большим высотам устремляемся, тем обширней и глубже Истина, что нисходит к нам, ибо она уже пребывает внутри нас, настойчиво требуя освобождения от окутывающих ее покровов проявленной Природы.

Супраментал, Разум и Майя Верховного Разума

Есть Неизменный, Истина сокрывшая Истину, там где Солнце распрягает своих коней. Там сходятся десять сот его лучей — это и есть Единый. Мне дано было узреть самое ослепительное обличье богов.

Ригведа¹

Лик Истины сокрыт под золотой вуалью, о Солнце, наш Пестун и Наставник, ради Закона Истины совлеки ее, чтобы мы могли прозреть. О Солнце, о единственный Провидец, направь вспять лучи свои, собери их вместе, чтобы мог я увидеть самую восхитительную из твоих форм, это Сознательное Существо, проникающее собою все, которое есть Я.

Иша Упанишада²

Истина, Правда, Беспредельность.

Атхарва Веда³

Он стал истиной и ложью. Он стал этой Истиной, и все, что здесь есть, это Он.

Тайттирия Упанишада⁴

ОДНО обстоятельство все еще остается не совсем понятным и его необходимо рассмотреть более подробно, а именно процесс падения в Неведение. Ведь пока мы не увидели в изначальной природе Разума, Жизни и Материи ничего такого, что неизбежно могло бы привести к удалению от Знания. Очевидно, что основой Неведения является раздробленность сознания, а точнее отъединенность индивидуального сознания от космического и трансцендентного (хотя на самом деле оно есть часть того и другого и, в сущности, неотделимо от них); таким образом, Разум отделен от супраментальной Истины (тогда как ему надлежит быть ее совершенным

¹ V.62.1. ² Стихи 15, 16. ³ XII.1.1. ⁴ II.6.

инструментом), Жизнь — от изначальной Силы (тогда как первая есть разновидность энергетической деятельности второй), Материя — от изначального Бытия (в действительности представляя собой одну из его субстанциональных форм). Но, однако же, необходимо показать, как могло возникнуть подобное разделение в Неделимом, в результате какого именно самоумаляющего и самоограничивающего акта Сознания-Силы, работающей во всеобщем Существовании: ведь, что бы ни происходило, все есть действие этой Силы, и только за счет подобного действия, ослабляющего и омрачающего ее же собственное могущество и свет, возможно появление такого действенного и влиятельного феномена, как Неведение. Впрочем эту проблему можно будет рассмотреть позже, более подробно, изучая двойственный феномен Знания-Неведения, который обращает наше сознание в смесь света и тьмы — сумерки между сияющим солнечным днем супраментальной Истины и непроглядной ночью материального Бессознательного. Сейчас следует остановиться на главной причине чрезмерной сосредоточенности лишь на одном аспекте и форме движения Сознательного Бытия, что приводит к разграничению и отделению этой части от всего остального сознания и бытия, влекущим за собой возникновение ограниченно-частичного знания, которое теперь становится характерной чертой этого аспекта и этой формы движения.

Вместе с тем, есть еще одна сторона данной проблемы, требующая немедленного рассмотрения: это возникновение пропасти, разделяющей наш сегодняшний Разум и супраментальную Истину-Сознание, по отношению к которой он, как мы уже знаем, должен выступать в качестве подчиненной силы. Пропасть настолько значительна, что если не существует промежуточных ступеней, связующих эти два уровня сознания, то переход от одного к другому может показаться в высшей степени маловероятным, если вообще возможным, как в нисходящем направлении, на пути инволюции Духа в Материю, так и, соответственно, в противоположном восходящем направлении, то есть на пути эволюционного развития скрытых в Материи планов сознания, последовательно по иерархии этих планов вновь приводящей к Духу. Ведь Разум в его теперешнем виде — это сила Неведения, ошупью и с большим напряжением ищущая Истину, но находящая лишь ее крупички, создающая из них ментальные конструкции и, чтобы выразить ее, использующая слова, мысли, образы и чувства, которые напоминают то яркие, то мутные фотоснимки или кинокадры какой-то далекой

Реальности, — вот все, на что способен Разум. Супраментал же, напротив, действительно и естественным образом обладает Истиной, и все от него исходящее — это не конструкции, не заменители, не символические образы, но прямое выражение этой Реальности. Конечно, наш развивающийся разум во многом ограничен из-за помрачающего влияния жизни и тела, с которыми он тесно связан, но Разум как изначальный принцип, низошедший сюда, это намного большая сила, нам пока во всей полноте недоступная и в своей собственной сфере, на своем уровне действующая без каких-либо ограничений; она способна создавать близкие к истине построения, более точные образы в передаче вдохновения, более тонкие и значимые формы воплощения Истины, в которых ее свет ясно виден и ощутим. Но эти возможности Разума, в сущности, не многим отличаются от обычных, так как подобная деятельность связана с погружением в область Неведения, когда утрачивается связь с Сознанием-Истиной. Поэтому где-то в чередующихся и нисходящих уровнях Бытия обязательно должна присутствовать некая связующая сила, промежуточный план сознания или даже нечто большее, обладающее изначальной творческой энергией и обеспечивающее инволюционный переход Разума из областей Знания в регионы Невежества, а значит, дающее возможность на обоснованный и последовательный обратный эволюционный переход. Таким образом, при инволюционном нисхождении вмешательство этого плана логически неизбежно, а при эволюционном восхождении — практически необходимо. В процессе эволюции можно наблюдать действительно радикальные переходы, например от недифференцированной Энергии к организованной Материи, от неодушевленной Материи к Жизни, от подсознательной или субментальной к наделенной ощущениями, восприятием и способностью к действию Жизни, от примитивной животной ментальности к понятийному, рациональному мышлению Разума, способного к постижению Жизни и управлению ею, к самонаблюдению, независимой деятельности и даже сознательно стремящегося к достижению уровней сознания, превосходящих его собственный. Но эти резкие эволюционные скачки, в том числе и самые значительные из них, были в той или иной степени подготовлены медленным и постепенным продвижением по осваиваемым промежуточным ступеням, и именно это сделало подобного рода переходы реально осуществимыми. Поэтому не может быть той непреодолимой пропасти, которая, как кажется на первый взгляд, разделяет

супраментальную Истину-Сознание и Разум, погруженный в Неведение.

В то же время очевидно, что если эти переходные ступени существуют, то они должны принадлежать области сверхсознательного по отношению к человеческому разуму, который в своем нормальном состоянии, как это может показаться, не имеет никакого доступа в эти более высокие сферы бытия. Сознание человека ограничено его разумом, а точнее, некоторым диапазоном деятельности: то, что ниже этого диапазона, будь оно даже ментальной природы, представляется нам чем-то подсознательным либо вовсе неотличимым от бессознательного; то, что выше, воспринимается как сверхсознательное, и человек склоняется к тому, чтобы рассматривать его как отсутствие вообще какого-либо сознания, как своего рода светозарное Бессознательное. Точно так же, как у нас существуют ограничения, например, в восприятии цветов и звуков: то, что выше или ниже определенного диапазона восприятия, для него невидимо и неслышимо или, по крайней мере, им неразлично; та же картина наблюдается и с ментальным сознанием человека — оно ограничено сверху и снизу относительно узкими пределами своих способностей и возможностей. Даже для полноценного общения с животными, своими младшими братьями по разуму, человек не имеет достаточных средств, так как, хотя они и обладают определенным типом ментального сознания, оно все же более низкого уровня, и человек склонен полагать, что животное не имеет ума или настоящего сознания, на том лишь основании, что оно не такое, как у него самого, что действует оно в более узких рамках и поэтому не совсем понятно ему. Человек может наблюдать и изучать со стороны субментальную деятельность существа, но непосредственное, в полном объеме, общение с этим сознанием, проникновение в его природу ему не по силам. Сверхсознательное для него тоже книга за семью печатями, в которой нет ничего, кроме пустых страниц. На первый взгляд кажется, что у человека нет никаких средств, чтобы войти в сообщение с более высокими уровнями сознания, и если это так, то он не сможет использовать их в качестве связующих переходных ступеней в своем восходящем развитии и его эволюция должна завершиться лишь исчерпывающим расширением ментального диапазона, выйти за пределы которого представляется невозможным; кажется, что, установив эти пределы, Природа указала границу, навеки обозначившую предел его усилий в восхождении к высшим сферам.

Но более тщательное рассмотрение показывает, что подобная картина, когда за человеком навсегда закрепляется, как окончательное, «нормальное» нынешнее состояние его сознания, обманчива и что, на самом деле, существуют направления, где человеческий разум соприкасается с запредельным для себя, стремясь к определенному рода самопреодолению; это и есть те пути сообщения, завуалированные или полузавуалированные переходы, ведущие в более высокие сферы самопроявляющегося Духа. Прежде всего, нам уже известно о той роли, которую играет Интуиция как одно из средств человеческого познания, а она, по самой своей природе, есть проявление на уровне разума, погруженного в Неведение, деятельности, присущей тем высоким сферам. Правда, в человеческом разуме работа Интуиции большей частью скрыта постоянным вмешательством обычной ментальной активности, редко наш ум озаряет чистая Интуиция: ведь то, что мы обычно понимаем под этим названием, является проблеском непосредственного знания, который сразу же захватывается умом и покрывается толстыми ментальными наслоениями до такой степени, что представляется почти неразличимым или же совсем крохотным ядром кристаллизации в массе ментального, интеллектуального «вещества». Может быть и так, что вспышка интуиции в момент самого своего появления быстро замещается или перехватывается имитирующим ее быстрым движением ума, схожим с внезапной догадкой, с мгновенным постижением сути проблемы, или очень быстрым скачкообразным мыслительным процессом, который сам возникает только благодаря импульсу интуитивной вспышки, но в то же время не дает ей проявиться, замещая или скрывая ее покровами верных или ошибочных умозаключений, в любом случае искажающих подлинность интуитивного движения. И тем не менее, уже одно то, что это вмешательство свыше существует, что за любой нашей нетривиальной, оригинальной мыслью или подлинным восприятием внутренней сути вещей находится скрытый или полускрытый, а иногда на мгновение проявляющийся во всей своей чистоте элемент интуиции, — уже одно это предоставляет достаточно возможностей для установления связи нашего разума с более высокими регионами, благодаря чему становится доступным переход и проникновение в эти горние духовные сферы. Преодоление ограничений ума приводит также и к стиранию границ эго, к универсальному и внеличному восприятию вещей. Такое отношение к окружающему миру — первый признак обретения космического «Я»;

универсализация, выход за пределы ограниченного видения мира, связанного с какой-либо одной точкой зрения, — главное свойство космического восприятия и обретения знания; таким образом, основное направление развития — это расширение, пусть даже медленное и постепенное, узких пределов нашего разума до космического масштаба, обретение свойств, присущих высшим ментальным планам, трансформация его в сверхсознательный космический Разум, чья деятельность, как предполагается, и есть та истинная, проистекающая из самой природы вещей ментальная активность, по отношению к которой наше мышление является производной составляющей значительно более низкого уровня. И все-таки неверно было бы утверждать, что нет никакого непосредственного влияния свыше, проникающего на уровень нашего ограниченного ума. Феномен гениальности, на самом деле, есть результат такого проникновения, в целом, конечно, неполного и неявного, так как свету высшего сознания приходится действовать в узких границах обычно какой-либо одной области человеческой деятельности, притом без какой-либо организованной и размеренной работы его главных энергий; как правило, процесс носит нерегулярный, прерывистый и даже эксцентрический характер, который можно назвать непредсказуемым, «анормальным» или же «паранормальным». К тому же этот свет, проникая в наш разум, ослабляется его субстанцией и приспособляется к его условиям, вырождаясь в динамический процесс, потерявший силу и отягощенный искажениями, это уже не истинный божественный свет, непосредственно исходящий от того, что можно назвать надментальным и в этом смысле запредельным для нас сознанием. Сюда же можно отнести феномены вдохновения, откровения, внутреннего видения, интуитивного постижения и различения — более светоносные, более эффективные, чем обычная деятельность ума, они объективно существуют и в их происхождении усомниться невозможно. И, наконец, нужно вспомнить о многочисленных и разнообразных духовных и мистических переживаниях, ибо в этой области перед нами раскрываются неограниченные возможности расширить свое сознание и выйти за его нынешние границы, если, конечно, под давлением своих обскурантистских наклонностей, тянущих нас отказаться от духовных исканий, или привязанности оставаться в оградах «нормальной» деятельности ума мы не затворим врата в иные сферы, отвернувшись от перспектив, открывающихся перед нами. В проводимом здесь исследовании мы не можем позволить себе

пренебрегать возможностями, которые появились в результате освоения человеком этих таинственных областей, и уже известным нам знанием о нашем «Я» и о сокровенной Реальности, что есть дар этих высших миров нашему разуму, знанием о более великом свете, дающем возможность этим горним сферам воздействовать на нас и являющемся их исконной силой и основой существования.

Существует два последовательных движения человеческого сознания, достаточно трудных, но все-таки в пределах наших возможностей, при помощи которых мы можем получить доступ в верхние регионы нашего сознательного существования. Первое — это движение внутрь собственного существа, позволяющее взломать перегородку, разделяющую наше внешнее и сублиминальное «я», и перестать жить только в поверхностном слое разума. Это может быть осуществлено постепенными, целенаправленными усилиями с соблюдением правильной дисциплины или в результате резкого перехода, иногда даже неожиданного силового прорыва через разлом этой перегородки (в этом случае человеческий ум, привыкший чувствовать себя нормально только в пределах отведенных ему границ, подвергается, конечно, серьезной опасности), но, так или иначе, с большим или меньшим риском это изменение может быть осуществлено. Проникнув в тайные области нашего «я», мы обнаруживаем там внутреннее существо, душу, внутренний разум, внутреннюю жизнь, тонкое физическое тело, возможности которых намного более велики, они пластичнее, могущественнее, обладают большим динамизмом и большими способностями к самому разнообразному познанию, чем наши поверхностные ум, жизнь или тело. В частности, они способны непосредственно взаимодействовать со вселенскими силами, движениями, космическими сущностями, они обладают возможностью ощущать их, открываться их влиянию, воздействовать на них и даже расширяться за пределы собственных границ, превосходя индивидуальный ум, индивидуальную жизнь и тело. В результате мы начинаем все больше и больше ощущать себя вселенским существом, уже не ограниченным тесными стенами нашего ментального, витального и физического существования. Подобное расширение может привести к полной идентификации с космическим Разумом, к объединению с потоком вселенской Жизни и даже к единству с вселенской Материей. Но и эта трансформация приобщит нас либо все же к ограниченной и неполной космической истине, либо к космическому Неведению.

Когда связь с внутренним существом осуществлена, становится возможным открытие или восхождение нашего внутреннего «я» в направлении уровней, намного превосходящих обычную человеческую ментальность, это и есть следующее движение сознания и наш второй возможный путь духовного развития. Реализация этой возможности, как правило, сначала ведет к обнаружению безграничного, статичного и безмолвного «Я», которое воспринимается как подлинная основа нашего существования, как фундамент всего строения, образуемого нашим существом. Эта реализация может привести и к состоянию Нирваны — исчезновению и растворению нашего существа как деятеля, нашего чувства «я» в некой неопределимой и невыразимой Реальности. Открыв безмолвное «Я», мы приходим к осознанию того, что оно представляет собой не только наше духовное существо, но и истинное «я» всех сущих; таким образом, оно выступает как истина, лежащая в основе всего космического бытия. Можно остаться в Нирване, полностью утратив индивидуальность, остановиться на статической реализации либо, рассматривая движение вселенной как поверхностную игру или иллюзию, внешнюю по отношению к безмолвному «Я», перейти в высшее состояние неподвижности и неизменности за пределами вселенной. Но перед нами открывается и другой путь, ведущий не к столь негативным оккультным переживаниям, — может происходить широкое, динамическое нисхождение света, знания, силы, блаженства и других паранормальных энергий в наше безмолвное «я», что позволяет нам восходить в высшие сферы Духа, где его состояние неподвижности служит основой, поддерживающей эти великие светоносные энергии. Очевидно, что как в том, так и в другом из рассмотренных случаев осуществляется восхождение от уровня, где разум погружен в Неведение, в запредельное для этого уровня состояние духовности; но в динамическом отношении более масштабная деятельность Сознания-Силы, производимая ею в нас, может либо выражаться как чистый духовный динамический процесс, не имеющий других характерных черт, либо проявляться в раскрытии для нас целой иерархии духовных областей разума, где он уже не лишен знания о Реальности; и хотя это еще не состояние супраментального уровня, оно есть уже производное супраментальной Истины-Сознания и несет в себе отблески света ее знания.

Используя именно вторую возможность, мы находим до того неведомое искомое: средства перехода к более высоким планам, первый

необходимый шаг к супраментальной трансформации, ибо на этом пути нашему восприятию становится доступна последовательность восходящих уровней сознания с нарастающей интенсивностью, необъятностью света и силы, шкала мощностей ментальных планов, которые можно рассматривать как ступени восхождения Разума или нисхождения в Разум Того, что над ним. Теперь мы уже знаем об устремляющихся в низшие сферы обширных потоках спонтанного знания, принимающих форму Мыслей, но коренным образом отличающихся от тех, что рождаются в ходе обычного мыслительного процесса, — то знание ничего не ищет, не опирается на ментальные конструкции, на утомительные умозаключения и кропотливые исследования: оно автоматически и спонтанно приходит из Высшего Разума, который обладает Истиной и не нуждается ни в каких дополнительных поисках, так как для него нет ничего скрытого, тайного. Мысль, им порождаемая, дает единое видение, намного превосходящее возможности обычного рассудка, так как включает в себя огромную массу знания; она утрачивает индивидуальный характер и приобретает космический масштаб. Выше уровня Мысли-Истины простираются, насколько мы можем различить, миры еще большей озаренности, более мощных энергий, интенсивности состояний и движущих сил, где преобладает непосредственное видение и обладание Истиной, по отношению к которым мысль есть лишь вторичный продукт. Рассматривая ведийский образ Солнца Истины, обнаруживающийся в подобных состояниях уже как реальность, мы можем сравнить деятельность Высшего Разума с ровным спокойным солнечным светом, энергия же более высокого Озаренного Разума напоминает сплошной поток мощных молний, порождаемых ослепительной солнечно-огненной субстанцией. Следующий уровень — мир еще большего могущества Силы-Истины, здесь царствует точное и непосредственное видение Истины, все исходящее отсюда целиком проникнуто Истиной, будь то мысль, чувство, восприятие, действие; все это в определенном смысле можно назвать Интуицией, поскольку лучшего термина для обозначения спонтанного, сверхинтеллектуального способа получения знания мы пока не имеем, хотя, на самом деле, интуиция, известная нам, это лишь одно из частных проявлений самосущего знания. Она берет начало на высшем уровне, здесь же придает нашему интуитивному мышлению присущие ей черты, неизменно выступая в качестве проводника великого Света Истины, которая нашему разуму непосредственно не доступна. Источник

Интуиции — сверхсознательный космический Разум, находящийся в непосредственной связи с супраментальной Истиной-Сознанием, он управляет работой нижележащих уровней сознания и всеми ментальными энергиями — но это не Разум, известный нам, а скорее, Верховный Разум, который обнимает словно распростертыми огромными крыльями некоей Сверхдуши-творца всю низшую полусферу Знания-Неведения и соединяет ее с высочайшей Истиной-Сознанием, в то же время от нашего взора заслоняя собой словно сияющей золотой маской лик Истины. Порождая мириады бесконечных возможностей, он тем самым может оказаться, с одной стороны, препятствием, а с другой — переходной стадией в наших поисках духовного закона человеческого бытия, его высочайшей цели и сокровенной Реальности. Таким образом, перед нами — искомое тайное звено, которого нам не доставало, та Сила, что одновременно связует и разделяет Верховное Знание и Космическое Неведение.

По своей природе и предназначению Верховный Разум есть представитель Супраментального Сознания во владениях Неведения. Еще его можно определить как своеобразный двойной защитный слой, фильтр-перекрытие, с одной своей стороны обладающее свойствами родственными Супраменталу, с другой — иными, несходными свойствами, что позволяет ему служить проводником, с помощью которого Супраментал может опосредованно оказывать влияние на Неведение, чья тьма не способна вынести или принять в себя прямое воздействие высочайшего Света. Именно благодаря излучению внешнего, коронарного слоя Верховного Разума становится возможным как проникновение предварительно ослабленного света в миры Неведения, так и выявление противоположности этого света — тени Бессознательного, поглощающего любой свет. Дело в том, что Супраментал, сообщая Верховному Разуму все свойства своей реальности, в то же время предоставляет ему возможность определять способ их выражения в соответствии с сознанием, которое в своей деятельности, с одной стороны, сохраняет видение Истины вещей, с другой — становится источником Неведения. Граница, разделяющая Супраментал и Верховный Разум, обеспечивает свободную передачу энергий между ними, так что нижестоящая Сила получает и знание и могущество вышестоящей, но при пересечении этой линии неизбежно автоматически происходят определенные изменения. Супраментал, как всеобъемлющее начало, обладает изначальной истиной вещей: и той истиной, которая

представляет их как всеединство, и той индивидуальной истиной каждой вещи, которая определяет надлежащее ей место и роль в бытии, при этом все индивидуальные сущности гармонично и неразрывно связаны друг с другом. В интегральности Супраментала они пребывают в неразрывном единстве, между ними поддерживается тесное взаимодействие, свободная и полная взаимопроницаемость сознаний, но в Верховном Разуме эта целостность исчезает. И все же его сознанию изначальная Истина вещей известна, он тоже объемлет собою все, он способен использовать индивидуальные образования, полностью сохраняя свою независимость от них. Но в этом случае, хотя Верховный Разум и осознает единство всех действующих образований и сил и может реализовать его в своем духовном знании, деятельность его уже непосредственно не определяется единством, она служит Верховному Разуму своего рода опорой для сохранения собственной внутренней устойчивости. Деятельность Энергии Верховного Разума состоит в неограниченной способности разделять и комбинировать аспекты и силы целостного и неделимого всеобъемлющего Единства. Каждому Аспекту или Силе предоставляется возможность действовать независимо и в качестве обособленного субъекта играть главную роль в отведенной ему деятельности, что позволяет каждому творить свой собственный мир. Пуруша и Пракрити, Сознательная Душа и исполнительная Сила Природы — в гармонии Супраментала это две стороны единой истины, бытие и динамизм одной и той же Реальности; равновесие между ними в тех условиях нерушимо, превосходство одного над другим исключено. Начиная с Верховного Разума между ними возникает разграничение, о котором философия Санкхьи говорит уже как об отчетливо выраженной разъединенности и обособленности, рассматривая их как две независимые сущности, причем Пракрити способна доминировать над Пурушей, ограничивая его силу и свободу и отводя ему лишь роль наблюдателя, которого она заставляет принимать свои формы и действия. Пуруша же, в свою очередь, способен вернуться к полностью обособленному, никак не связанному с Пракрити существованию, отвергнув ее изначальный, помрачающий его состояние материальный принцип и став свободным полновластным хозяином собственного бытия. То же происходит и с другими Аспектами или Силами единой Божественной Реальности, такими, например, как Единство и Множественность, Божественная Личность и Имперсональность и т. д.; все это аспекты и силы одной Реальности, но каждому

в рамках целого позволено действовать независимо, максимально реализуя возможности, предоставляемые обособленностью, что приводит к определенным последствиям в динамическом отношении. В то же самое время в Верховном Разуме обособленность еще имеет, имплицитно, своей основой единство; все возможные комбинации и взаимоотношения между отдельными Аспектами и Силами, взаимообмен и взаимодействие их энергий еще не подчиняются жестким правилам и могут быть реализованы в любой момент времени.

Если рассматривать эти Силы единой Реальности как отдельные Божества, то можно сказать, что Верховный Разум открывает путь к действию сонму Божеств, каждое из которых наделено властью создавать свой собственный мир, способный к взаимодействию, взаимопроникновению и взаимообмену с другими мирами. Веды дают различные определения природе Богов: с одной стороны, все они одна Сущность, которой мудрецы дают разные имена, с другой — каждому Богу поклоняются так, как будто именно он является этой Сущностью и всеми остальными Богами, содержа их в себе. И все-таки каждый есть отдельное Существо, действующее иногда совместно со своими братьями, иногда отдельно от них, а иногда даже, как кажется, наперекор другим Божествам в поле того же самого Бытия. В Супраментале все три состояния объединены гармоничной игрой единого Сущего, в Верховном же Разуме каждое из них может быть совершенно самостоятельным либо выступать в качестве основы независимой деятельности, может иметь свои особенности и принципы развития и при этом сочетаться с другими, образуя более сложное гармоничное целое. То же, что было сказано о Едином Бытии, верно и для его Сознания и Силы. Происходит дробление Единого Сознания на множество независимых форм сознания и аспектов знания, у каждой из которых свой путь реализации собственной истины. Всеобъемлюще целостная, многогранная Реальность-Идея рассыпает свои грани и каждая становится независимой Идеей-Силой, обладающей способностью к самореализации. Единое Сознание-Сила превращается в мириады сил, каждая из которых правомочна реализовать свой потенциал самостоятельно или, если необходимо, использовать другие силы, подчинив их своей власти и управляя ими в своих целях. Точно так же и с Блаженством Бытия — оно рассеивает себя во множестве различных форм наслаждения, которое в каждом случае может самостоятельно достигать полноты и высшей степени интенсивности. Таким образом, Верховный

Разум доставляет Единому Бытию-Сознанию-Блаженству сверхизобилие бесконечных возможностей, которые могут либо реализоваться в виде мириадов миров, либо же, представленные в одном мире, в результате игры несметных вариаций своих взаимодействий стать определяющим фактором его творения, развития, происходящих в нем процессов и их итогов.

Так как Сознание-Сила вечного Бытия обладает неограниченными возможностями творения, то природа созданного им мира будет зависеть от того, как это Сознание выразит себя в нем. Это верно и в отношении любого индивидуального существа — его мировосприятие, его представления об окружающем будут зависеть от формы проявления или выражения Сознания в этом существе. Мировосприятие ментального сознания человека фрагментарно, поскольку таковы особенности нашего рассудочно-чувственного восприятия мира: для постижения целого оно вначале делится на части, которые затем вновь собираются воедино, при этом создается некая конструкция, представляющая собой также фрагментарное, а потому и неадекватное исходному целому образование; из подобных конструкций строится здание — собственное обиталище какой-либо одной обобщенной концепции Истины, при этом все прочие остаются за дверью или, в лучшем случае, рассматриваются как временные визитеры. Сознание Верховного Разума глобально в своей когнитивной деятельности и может содержать в себе, объединять и примирять любые, по видимости даже противоположные, точки зрения. Рассудочному мышлению человека свойственно противопоставлять, например, Личное и Безличное: если в своем постижении окружающего он приходит к внеличному Бытию как основе мироздания, то личность и индивидуальность представляются ему фикцией, порождаемой Неведением, или какими-то временными вспомогательными созданиями; если же, напротив, для него первичной реальностью является Личность, тогда безличное рассматривается им либо как ментальная абстракция, либо как некое средство, материал, служащий процессу миропроявления. Для сознания Верховного Разума и то и другое есть различные Силы единого Бытия, которые могут стремиться к независимому самоутверждению, но способны также и объединяться при всем различии типов их деятельности, создавая как независимо, так и в союзе друг с другом целый спектр состояний бытия и сознания, каждое из которых может обладать вполне самостоятельным значением и в то же время быть

способным к взаимному сосуществованию и взаимодействию с остальными. Таким образом, возможно как чистое безличное, так и личное бытие: Безличное Божественное, Ниргуна Брахман, и Личное Божественное, Сагуна Брахман, для Верховного Разума равные и сосуществующие аспекты Вечного. Безличный аспект может проявиться, используя Личность как одно из возможных, имеющихся в его распоряжении средств своего выражения, но точно так же Личность может выступать как основополагающее начало, а Безличное — как одно из свойств ее природы: оба аспекта проявления постоянно сочетаются в бесконечном разнообразии сознательного Бытия. То, что человеческий рассудок воспринимает как непримиримые противоречия, в сознании Верховного Разума предстает как сосуществующие корреляты; то, что кажется рассудку противоположностями, для Верховного Разума — взаимодополняющие начала. Человеческий разум, исходя из своих наблюдений, может вывести заключение, будто все сущее порождается Материей или материальной Энергией, благодаря ей все существует и в нее возвращается; отсюда он приходит к утверждению о том, что Материя вечна, что она есть изначальная и окончательная реальность, Брахман. Иной взгляд на мироздание может привести наш рассудок к выводу о том, что источником всего бытия выступает Жизненная Энергия или Разум, все существует благодаря им и возвращается во Вселенскую Жизнь и Разум; следующее отсюда умозаключение таково: мир создан космической Жизненной Силой и космическим Разумом, Логосом. Имеет право на существование и третья точка зрения, в соответствии с которой все рождается, существует благодаря Идее-Реальности или Знанию-Воле Духа или Самому Духу и туда же возвращается; отсюда возникают идеалистические или спиритуалистические концепции вселенной. Наш разум может утвердиться на любой из этих трех точек зрения, но из-за присущей ему ограниченности все прочие им отвергаются. Для сознания же Верховного Разума любая точка зрения истинна по отношению к деятельности выдвигаемого ею основополагающего принципа; в самом деле, можно построить модели мироздания материального, витального, ментального, духовного свойства с преобладанием соответствующего принципа и в то же самое время все эти принципы могут сочетаться в пределах одного мира и выступать в роли его движущих сил-компонентов. Самовыражение Сознательной Силы, лежащей в основе нашего мира и проявляющей себя в нем как внешне Бессознательное, которое скрывает в себе верховное

Сознание-Существование и благодаря этому обладает всеми силами Бытия, заключенными в его бессознательных недрах, вполне допускает следующее устройство творения: в мире всеобщей Материи могут присутствовать и Жизнь, и Разум, и Верховный Разум, и Супраментал, и Дух; каждый из этих планов, в свою очередь, использует остальные как средства своего самовыражения — поэтому для духовного видения несомненно, что Материя есть прогрессирующая манифестация Духа. Описанное устройство творения для Верховного Разума является естественным и легко реализуемым. Благодаря своей творческой силе и способности приводить в исполнение все предначертанное, он осуществляет в действительности огромное множество потенциальных возможностей Существования, каждая из которых, утверждаясь как определенная самостоятельная реальность, способна одновременно объединяться со всеми остальными и при этом самыми различными способами. Ткать, подобно искусному кудеснику, многоцветный узорчатый ковер проявления единого целого в сложной вселенной — таково предназначение Верховного Разума.

В этом одновременном развитии множества Сил или Возможностей, выступающих независимо или в сочетаниях, нет или пока нет хаоса, конфликта, уклонения от Истины и Знания. Верховный Разум созидает истинное; ложь, иллюзия — не его отпрыски; то, что создается в любом элементе или процессе деятельности Верховного Разума, является подлинным выражением определенного Аспекта Энергии, Идеи, Силы, Блаженства, которому предоставлена возможность действовать самостоятельно, при этом истинными и реальными будут и возможные результаты этой самостоятельности. Ни одна истина бытия здесь не утверждает свою исключительность, равно как и не относит другие к менее значимым: каждый Бог знает всех остальных Богов и их роль в иерархии существования; каждая Идея приемлет иные идеи и признает их право на существование, каждая Сила находится в согласии с другими силами, их истиной, результатами деятельности; наслаждение полнотой бытия или опыта, испытываемое каким-либо индивидом, не отрицает и не умаляет, как нечто заслуживающее осуждения, блаженства иного существования или опыта. Верховный Разум — это одно из начал космической Истины, и безграничная и бесконечная всеобъемлющая универсальность составляет саму его сущность; его энергия поддерживает как всеобщий динамизм, так и принцип общности динамических образований: это своего рода Супраментал

низшего порядка, хотя его сфера — не категории абсолютного, а преимущественно то, что можно назвать динамическими потенциями или практическими истинами изначальной Реальности, а если Верховный Разум и обращается к принципам абсолютного, то только чтобы использовать их силу для создания прагматически значимых элементов; другим его отличием от Супраментала является его восприятие сущего: оно в большей степени носит глобальный, нежели интегральный характер, так как для Верховного Разума всеобщее есть либо сумма глобальных множеств, либо отдельные и независимые образования реальности, из которых оно составлено, объединяющиеся или сливающиеся друг с другом; и хотя изначальное единство вещей доступно сознанию Верховного Разума, выступает для него как их основа и сохраняется в процессе их проявления, но не так, как в Супраментале, — здесь единство вещей всегда и неизменно присутствует как их доминирующее содержимое, как постоянная и открытая созидательная основа целостной гармонии их природы и деятельности.

Чтобы хотя бы до некоторой степени осознать различие между глобальным Сознанием Верховного Разума и нашим фрагментарным, неспособным достичь удовлетворительного синтеза ментальным сознанием, вообще приблизиться к пониманию того, что это Сознание собой представляет, можно сравнить широту взгляда Верховного Разума на происходящее в нашей материальной вселенной с ментальным видением, свойственным человеку. Для Верховного Разума все религии, например, были бы истинны как ответвления одной вечной религии, все философские учения расценивались бы как вполне пригодные, каждая на своем месте, для описания мироустройства с различных точек зрения, все политические доктрины вместе с их практическим применением были бы вполне обоснованны как продукт деятельности определенной Силы-Идеи, которой дано право воплотиться и практически развивать свое воплощение в соответствии с игрой энергий Природы. Нашему фрагментарному сознанию, редко озаряемому проблесками универсального, кафоличного видения, представляется, будто оно имеет дело с совершенно несовместимыми крайностями: каждая из них претендует на истинность, квалифицируя все прочие как ошибки и заблуждения, каждая намерена опровергнуть или уничтожить мнимых противников, чтобы провозгласить себя единственной Истиной, имеющей право на существование, в лучшем же случае заявляет о собственном превосходстве, рассматривая иные

концепции как выражение истин более низкого порядка. Всякая концепция, притязаящая на исключительность по отношению к иным возможным, была бы немедленно отвергнута Сознанием Верховного Разума, так что и всем прочим также было бы предоставлено право на существование, как элементам, необходимым для полноты целого, всем было бы определено должное место, область реализации и развития. Все мнимые противоречия возникают из-за того, что наше сознание полностью погружено в раздробленность и обособленность Неведения, Истина для нас более не Бесконечность или космическая целостность, имеющая множество способов выражения, а жестко сформулированное утверждение, относящее другие утверждения к ложным только потому, что они, обосновавшись в иных границах сознания, отличаются от него. Когнитивные способности нашего ментального сознания могут быть расширены до масштабов, близких к тому, чтобы сделать это сознание всеобщим и всеобъемлющим, но осуществить это в жизни, на практике силами только самого этого сознания, по-видимому, невозможно. В ходе своей эволюции Разум, проявленный в индивидууме или коллективе, вырабатывает множество самых различных концепций и позиций, множество направлений, ответвлений человеческой деятельности, которые получают возможность реализоваться — иногда параллельно и независимо друг от друга, иногда во взаимных столкновениях, иногда лишь с определенным влиянием друг на друга; он может добиться гармонии в отдельных частных случаях, но не в состоянии установить и поддерживать гармонию подлинно всеобщего целого, полновластно им управляя. Космический Разум должен обладать неким подобием такой гармонии — пусть и основанной на своего рода согласованном совмещении противоположных элементов стройности и диссонанса — даже в среде эволюционирующего Неведения; его динамизм также основан на единстве, но и гармонию и единство во всей их полноте он хранит в своих глубинах, вероятно, в субстрате «Супраментал-Верховный Разум», но он не в состоянии передать их индивидуальному эволюционирующему Разуму — он не может, или пока не может, вывести на поверхность то, что сокрыто в его глубинах. Так что мир, построенный непосредственно самим Верховным Разумом, был бы миром гармонии, в отличие от нашего мира — в его нынешнем состоянии мира Неведения, где преобладают разлад и всякого рода противоборство.

Вместе с тем, Верховный Разум является и источником космической Майи — не Майи Неведения, а Майи Знания, хотя в то же время

это та самая Сила, которая сделала возможным и даже неизбежным возникновение Неведения. В самом деле, если, как об этом говорилось выше, каждый введенный в действие принцип должен самостоятельно развиваться и полностью реализовывать свой потенциал, то и принцип, отвечающий за раздробленность и обособленность, принцип фрагментации, также должен иметь возможность беспрепятственного развития и предельно возможной самореализации. Сознание, однажды подчинившись этому принципу, неизбежно испытывает деградацию, *facilis descensus*, до тех пор, пока, теряя свой изначальный свет и дробясь на миллионы мельчайших фрагментов, *tucchyena*¹, оно не перейдет в материальное Бессознательное — Океан Несознания Ригведы; и если силой собственной мощи Единому суждено возродиться из него, то первоначально он скрыт в недрах раздробленного обособленного существования и сознания; именно таковым является наше сознание, на уровне которого нам приходится соединять фрагменты бытия между собой, чтобы в конце концов прийти к целостности. Высказывание Гераклита о том, что война это отец всех вещей, до известной степени отражает истину этого трудного и медленного рождения, ибо каждая идея, каждая сила, каждое отдельное сознание, каждое живое существо именно из-за присущего ему невежества входит в конфликт с другими и стремится жить, расти и развиваться путем эгоистического самоутверждения, а не за счет гармоничного взаимодействия со своим окружением. Но и для этой среды основу составляет неведомое ей Единое, которое заставляет нас стремиться — пусть это и происходит достаточно медленно — к некоей форме гармонии, к взаимозависимости, к улаживанию разногласий, к нелегкому объединению. Но только развитием скрытых в нас сверхсознательных сил космической Истины и той Реальности, где все они слиты в одном целом, мы сможем воплотить искомую гармонию и единство в каждом элементе нашего существа, дав полное выражение всем его проявлениям и не ограничиваясь в стремлении прийти к этому состоянию лишь отдельными незавершенными подступами к нему, ущербностью того, что мы в себе создаем, бесконечными переделками лишь приблизительного подобия должного состояния. Высшие планы духовного Разума должны стать доступными нашему сознанию и бытию; даже то, что превосходит Духовный разум, должно проявиться в нас, если цель нашего

¹ Ригведа, X.129, 3.

рождения в космическом существовании — реализовать заложенные в нас божественные возможности.

Верховный Разум в своем нисхождении достигает границы, отделяющей космическую Истину от космического Неведения. Начиная с этой линии у Сознания-Силы появляется возможность, в большей мере фокусируясь на процессе обособления каждого независимого принципа, порождаемого Верховным Разумом, и скрыв или завуалировав единство всех этих принципов, посредством специальной самоконцентрации, отделить Разум от Верховного Разума, его источника. Подобного рода операция «отделения» уже имела место — это рассмотренное выше отделение Верховного Разума от его супраментального источника, но в этом случае между одним и другим сохраняется сознательная связь, так как разделяющая их граница прозрачна и свет источника беспрепятственно проникает к получателю, обеспечивая определенную их общность, но в данном случае пограничный слой не прозрачен и передача импульсов Верховного Разума к Разуму осуществляется опосредованно. Разум, отделившись, действует как если бы он был отдельным независимым началом, поэтому каждое ментальное существо, каждая основополагающая ментальная идея, сила, импульс утверждается в своей обособленности и самостоятельности; если и есть связь, взаимодействие, объединение с другими, то осуществляется все это не в духе всеобъемлющей универсальности, свойственной деятельности Верховного Разума, не на основе общего фундаментального единства, но как процесс механической сборки из независимых элементов кусочно-неоднородного целого. Этот процесс есть процесс перехода от космической Истины к космическому Неведению. Космический Разум на этом уровне, без сомнения, еще обладает сознанием единства, но не осознает своего начала и основания в Духе, он может постигать это чисто интеллектуально, но не в состоянии усвоить в полноценном опыте; он действует самостоятельно, словно не имея над собой никакой власти, послания свыше он воспринимает как «сырье» для производства своих формаций и не имеет при этом прямой связи с источником этого «сырья». Его элементы также действуют в неведении по отношению друг к другу и космическому целому, лишь в результате их соприкосновения и взаимодействия это неведение до некоторой степени преодолевается — основополагающее же восприятие единства и, как следствие, способности к взаимопознанию и взаимопроникновению в этом случае полностью отсутствуют. Все действия

Энергии этого Разума основаны на противоположном базисе — Неведении и раздробленности, и хотя эти действия являются результатом определенного знания, это знание неполно, так как этот Разум не обладает истинным и всеобъемлющим знанием себя и мира. То же положение вещей верно и в отношении Жизни и тонкой Материи, а через нее проявляется в грубоматериальной вселенной, которая возникла как результат окончательной деградации Сознания до уровня Бессознательного.

И все же Космический Разум — как и наш сублиминальный или внутренний Разум — обладает значительно большей способностью к установлению самых разнообразных взаимоотношений и взаимодействий, более широкими и гибкими возможностями в ментальной сфере и в сфере чувственного восприятия, чем разум человеческий; Космический Разум не весь охвачен Неведением; сознательная гармония, организация правильных отношений с многочисленными обратными связями вполне возможны: ум еще не стал игрушкой слепых жизненных сил и еще не окутан мраком косной Материи. Это мир Неведения, но не царство заблуждения и лжи, по крайней мере, падение на уровень заблуждения и лжи не грозит неизбежностью; Неведение в этом мире есть начало ограничивающее, но не искажающее до предельной крайности. Знание здесь неполно и представляет собой определенным образом организованное множество частичных истин, но это отнюдь не категорическое отрицание истины и знания, не их противоположность. Та же тенденция сочетания частичных истин, основанных на фрагментарном знании, имеет место и на уровне Жизни и тонкой Материи, так как специальная самоконцентрация Сознания-Силы, приводящая к их независимому функционированию, на этом этапе не полностью отделяет или скрывает Разум от Жизни или Разум и Жизнь от Материи. Полное разъединение происходит только на уровне Бессознательного, из темных недр которого возникает наш мир многоликого Неведения. Непосредственно предшествующие Бессознательному сознательные стадии инволюции, осуществленные Сознанием-Силой, привели к формированию планов бытия, где каждое создание имеет собственный центр, служащий ему опорой существования, исходя из этого полностью реализует свои возможности, где доминирующий принцип, будь то Разум, Жизнь или Материя, создает свои формации на собственном независимом основании; при этом все таким образом созидаемое является выражением истины того или иного

принципа, не иллюзией, не смесью истины и лжи, не переплетением знания и неведения. Но когда с помощью специально направленной самоконцентрации на аспекте Формы и Силы Сознание-Сила внешне отделяет Сознание от Формы и Силы или когда оно погружает Сознание в глубокий сон, облачая его в Формы и Силы, где оно рассеивает себя в своего рода «самозабвении», тогда Сознанию приходится медленно, с усилиями пробуждаться, приходя в себя путем многоэтапной эволюции, осуществляющейся в среде раздробленности и обособленности; поэтому ложь и ошибки становятся неизбежными. Все эти явления отнюдь не иллюзорны и не возникли вдруг из какого-то первичного Небытия; можно сказать, что они суть промежуточные, но неизбежные истины того мира, что появился из Бессознательного. Ибо в действительности Неведение — это своего рода знание, ищущее себя под маской изначального Бессознательного, оно что-то теряет, что-то находит, наличные результаты этого поиска неизбежны и даже естественны в условиях, в которых он ведется, поскольку возникают как должное следствие глубокого падения сознания; более того, в определенном смысле эти результаты — достояние и свидетельство движения по наилучшему пути к восстановлению после падения. Бытие, внешне ставшее Небытием, Сознание — Бессознательным, Блаженство бытия — огромной космической невосприимчивостью, таковы основные последствия падения; обратный процесс восстановления происходит трудным эмпирическим путем в условиях раздробленности и обособленности; Сознанию приходится проявлять себя в категориях двойственности: лжи и истины, знания и заблуждения, Бытию приходится транспонировать себя в жизнь и смерть, Блаженство существования выражает себя как боль и удовольствие — таков неизбежный процесс возвращения к собственной сути. Опыт реализации чистой Истины, Знания, Блаженства, бессмертного существования выступал бы противоречием действительному положению вещей на этом этапе. Такой опыт был бы возможен только в том случае, если бы в ходе эволюции все существа обладали необходимыми для этого качествами — внутренним безмолвием, покоем и особой расположенностью, которые позволяют быть восприимчивым к воздействию психического элемента в себе и к воздействию Супраментала, той основы источника, что неявным образом направляет все природные процессы; но здесь вступает в действие закон Верховного Разума, согласно которому каждая отдельная Сила должна реализовать все свои индивидуальные

возможности. Для мира, в котором изначальное Бессознательное и раздробленность сознания являются основополагающими, господствующими принципами, первоначальная реализация его естественных возможностей привела бы к возникновению и вечной власти Сил Тьмы, призванных поддерживать Неведение как собственную среду обитания; здесь невежественное стремление к познанию не приносило бы иных плодов, кроме ошибок и заблуждений; невежественное стремление жить — ничего, кроме зла и несправедливости; эгоистическое стремление к наслаждению — ничего, кроме преходящих и эфемерных радостей, а значит, боли и страданий. Таковы первые неизбежные результаты развития и нашего мира, но этим отнюдь не исчерпываются возможности нашего эволюционного существования. В самом деле, если Небытие есть сокровенное Бытие, Бессознательное есть скрытое Сознание, а за космической невосприимчивостью таится погруженная в сон Ананда, то, в конце концов, эти скрытые реалии должны стать явными; непроявленные до времени Верховный Разум и Супраментал также должны полностью воплотить себя в этом миропорядке, созданном тьмой Бесконечного и по видимости выступающим как их противоположность.

По двум причинам эта цель может быть достигнута легче, чем в случае их отсутствия. Во-первых, Верховный Разум, нисходя в материальное творение, порождает видоизмененные формы самого себя — прежде всего Интуицию, озаряющую вспышками истин-молний и отдельные участки, и обширные пространства нашего сознания. С помощью этих форм мы можем лучше познать скрытую истину вещей и, все более и более открываясь сначала во внутреннем, а затем, как следствие, и во внешнем поверхностном существе влиянию более высоких уровней сознания, поднимаясь в эти миры, мы сами можем стать существами, освоившими и план интуиции, и план Верховного Разума, то есть существами, преодолевшими ограниченность чувств и интеллекта, способными к более универсальному восприятию и прямой связи с глубочайшей истиной во всей ее полноте и чистоте. На самом деле, свет этих высоких планов уже не раз озарял нас, но в основном это только отдельные вспышки, с очевидной незавершенностью и скоротечностью; нам необходимо расширить свое сознание, развить себя так, чтобы уподобиться содержанию этих планов, и перестроить свое существо так, чтобы великая Истина смогла действовать через нас, а всеми потенциальными возможностями для этого мы уже обладаем.

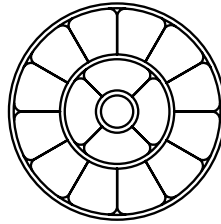
И во-вторых, Интуиция, Верховный Разум и даже Супраментал не только являются неотъемлемыми принципами нашего существования, инволюционно пребывающими в Бессознательном, из которого мы эволюционируем, и неизбежно должны проявить себя в эволюции, но они тайно присутствуют в деятельности космического Разума, Жизни и Материи и оккультным образом управляют ими, давая о себе знать вспышками интуиции. Конечно, их работа во многом скрыта, но даже в том случае, когда их вмешательство обнаруживается в поверхностном пласте бытия, она претерпевает изменения из-за влияния среды — материальной, витальной или ментальной, поэтому распознать источник этого вмешательства не легко. Первоначально Супраментал не может открыто проявить себя Созидательной Силой вселенной, ибо в этом случае не было бы места Неведению и Бессознательному в ней, или же необходимо постепенный эволюционный процесс заменился бы краткой и плотной чередой стремительных преобразований. И все же, за каждым действием материальной энергии можно увидеть знамение неизбежности, исходящее от Супраментала-Созидателя, а в многообразном развитии жизни и разума мы можем наблюдать пеструю игру возможностей, образуемых ими направлений, их сочетаний и пересечений — это дает знать о себе Верховный Разум. Подобно тому как Жизнь и Разум проявились в Материи, так и эти еще более мощные, великие силы сокровенно сущего Божества должны в свое время выйти из инволюционного состояния, тогда их высший Свет низойдет в нас.

А если так, то Божественная Жизнь в проявленном мире возможна не только как высшее достижение и искупление нашей нынешней жизни в Неведении; если положение вещей таково, как это представляется нам, то она есть неизбежный и естественный исход и завершение эволюционных усилий Природы.

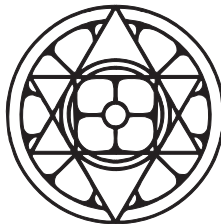
Символ Шри Ауробиндо

Треугольник, обращенный вершиной вниз, символизирует Сат-Чит-Ананду, обращенный вершиной вверх — отклик Матери в формах жизни, света и любви. Квадрат в центре на пересечении треугольников — символ совершенного Проявления. Цветок лотоса, расположенный в нем, — олицетворение Аватара Божественного; вода символизирует многообразие творения.

Символ Матери

Окружность в центре — Божественное Сознание. Четыре лепестка — четыре главные ипостаси Матери. Двенадцать лепестков представляют собой двенадцать ипостасей Матери, проявляющих себя в Ее работе.

Объединенный символ

Шри Ауробиндо

Собрание сочинений. Т. 14. ЖИЗНЬ БОЖЕСТВЕННАЯ — I.

Пер. с англ. — СПб: Издательство «Адити», 2005. — 336 с.

«Жизнь Божественная» — наиболее полное прозаическое изложение мировоззрения Шри Ауробиндо. Как пояснял сам автор: «В этой книге я попытался дать метафизическое обоснование Йоги и нового способа жизни на Земле». Шри Ауробиндо подробно рассматривает, каким образом эта жизнь может и должна быть утверждена на Земле благодаря процессу трансформации человеческой и земной природы. «Жизнь Божественная» состоит из двух книг, первая из которых посвящена исследованию соотношений между вездесущей Реальностью и вселенной, а вторая (в двух частях) — духовной эволюции человека. Предлагаемый том содержит перевод первой книги произведения.

Шри Ауробиндо. Собрание сочинений, т. 14.

ЖИЗНЬ БОЖЕСТВЕННАЯ — I.

Sri Aurobindo. The Collected Works. V. 14.
THE LIFE DIVINE — I

Перевод с англ.: *А. Климов*

Корректор: *Л. Попова*

Компьютерное макетирование: *А. Клементьев*

Издательство «АДИТИ»
196247, Санкт-Петербург, а/я 48
тел. (812) 974-88-97, e-mail: *agni@aditi.spb.ru*
web: *www.aditi.ru*

Сдано в набор 15.08.2005. Подписано в печать 03.10.2005.

Формат 70x100/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 21. Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12